

UNIwersYTET WARMIŃSKO-MAZURSKI W OLSZTYNIE
UNIVERSITY OF WARMIA AND MAZURY IN OLSZTYN

PRZEGLĄD

WSCHODNIOEUROPEJSKI

IX/2
2018

Wydawnictwo
Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego
w Olsztynie

Rada Programowa

Zbigniew Anculewicz (Olsztyn), Selim Chazbijewicz (Olsztyn/Astana), Milosav Čarkiĉ (Belgrad), Jim Dingley (London), Victor D  nninghaus (L  neburg), W  dzimierz Dubiczy  ski (Chark  w), Michael Fleischer (Wroc  w), Helmut Jachnow (Bochum), Zoja Jaroszewicz-Pieresa  wcew (Olsztyn),   riks J  kabsons (Ryga), A  a Kama  owa (Olsztyn), Andrzej de Lazari (  d  ), Piotr Majer (Olsztyn), Adam Maldzis (Mi  nsk), Arnold McMillin (London), Rimantas Miknys (Wilno), Iwona NDiaye (Olsztyn), Aleksander Nikulin (Moskwa), Alvydas Nik  zentajtis (Wilno), Marek Melnyk (Olsztyn), Predrag Piper (Belgrad), Irina Poczenskaja (Jekaterynburg), Zbigniew Puchajda (Olsztyn), Andrzej Sitarski (Pozna  ), Ales' Smaljan  uk (Grodno), Klaus Steinke (Erlangen), Henryk Stro  ski (Olsztyn), Andrzej Szmyt (Olsztyn), J  zef   liwi  ski (Olsztyn), Daniel Weiss (Z  rich), Alexander Zholkovsky (Los-Angeles), Bogus  aw   y  ko (Gda  nsk)

Adres redakcji

Uniwersytet Warmi  sko-Mazurski w Olsztynie
Centrum Bada   Europy Wschodniej
ul. Kurta Obizta 1, 10-725 Olsztyn
tel. ++48 602175802, fax ++48 89 5351486 (87)
e-mail: komunikacjam@uwm.edu.pl
<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Tytuł angielski: EAST EUROPEAN REVIEW

Kolegium Redakcyjne

Aleksander Kiklewicz (redaktor naczelny), Roman Jurkowski (sekretarz naukowy),
Norbert Kasperek, Helena Pocięchina, Dariusz Radziwiłłowicz, Marek Szczepaniak

Recenzenci

Prof. dr hab. Miomir Abović (Tivat)	Prof. dr hab. Natalia Korina (Nitra)
Prof. dr hab. Adam Bezwiński (Bydgoszcz)	Prof. dr hab. Mariusz Korzeniowski (Lublin)
Prof. Dr. Károly Bibok (Szeged)	Prof. dr hab. Tomasz Kośmider (Warszawa)
Prof. dr hab. Rustem Ciunczuk (Kazań)	Prof. dr hab. Michaił Kotin (Zielona Góra)
Prof. dr hab. Rafał Czachor (Polkowice)	Prof. dr hab. Ałła Kożynowa (Mińsk)
Prof. dr hab. Michaił Dymarskij (Sankt Petersburg)	Prof. dr hab. Walentyna G. Kulpina (Moskwa)
Prof. dr hab. Yordan Eftimov (Sofia)	Prof. dr hab. Oleg Leszczak (Kielce)
Prof. dr hab. Piotr Fast (Katowice)	Prof. dr hab. Marta Pančiková (Ostrava)
Prof. dr hab. Sergiusz Grinev-Griniewicz (Białystok)	Prof. dr hab. Tacciana Ramza (Mińsk)
Prof. dr hab. Henryk Jankowski (Poznań)	Prof. dr hab. Ludmiła Safronowa (Ałmaty)
Prof. dr hab. Wojciech Kajtoch (Kraków)	Prof. dr hab. Anatolij Zahnitko (Donieck/Winnica)
Prof. dr hab. Artur Kijas (Poznań)	Prof. dr hab. Władimir Zaika (Wielikij Nowgorod)
Prof. dr hab. Roman Kisiel (Olsztyn)	Prof. dr hab. Marzenna Zaorska (Olsztyn)
Prof. dr hab. Zbigniew Klimiuk (Warszawa)	Prof. dr hab. Arkadiusz Żukowski (Olsztyn)
Prof. dr hab. Eugeniusz Koko (Gdańsk)	

Redaktorzy językowi

Język polski – Katarzyna Zawilska
Język angielski – Katarzyna Kokot-Góra
Język białoruski – Aleksander Kiklewicz
Język niemiecki – Alina Kuzborska
Język rosyjski – Helena Pocięchina
Język ukraiński – Mirosława Czetyrba-Piszczako

Redakcja informuje, że wersją pierwotną czasopisma jest wydanie papierowe.

Czasopismo wdrożyło procedurę zabezpieczającą przed zjawiskiem ghostwriting:
<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Strona internetowa czasopisma

<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Zasady recenzowania

<http://www.uwm.edu.pl/cbew/p.wschodnioeuropejski.html>

Projekt okładki

Maria Fafińska

ISSN 2081-1128

Wydawnictwo UWM
ul. Jana Heweliusza 14, 10-718 Olsztyn
tel. ++48 89 523 36 61; fax ++48 89 523 34 38
www.uwm.edu.pl/wydawnictwo/
e-mail: wydawca@uwm.edu.pl

Nakład: 105 egz.; ark. wyd. 26,80; ark. druk. 22,75
Druk: Zakład Poligraficzny UWM w Olsztynie, zam. nr 582

SPIS TREŚCI

HISTORIA

JUSTYNA DOROSZCZYK (Warszawa)	
Opiecznina jako pierwsza rosyjska służba specjalna i jej znaczenie w systemie politycznym	11

Ekonomika

ZBIGNIEW KLIMIUK (Warszawa)	
Stosunki gospodarcze i handlowe ZSRR – Niemcy w latach 1918–1940 (część 2)	27

Spółeczeństwo, polityka, stosunki międzynarodowe

PETER KOBETS, KRISTINA KRASNOVA	
Cyberstalking: public danger, key factors and prevention	41
PAVEL ZHESTEROV (Moscow)	
From visible pasts to an invisible presence: new criminological reality after planetary cyber attack 12/05/17 Wannacry	55

EDUKACJA

DANNA SUMMERS, YELIZAVETA DAVLETKALIYEVA, BIBIGUL ALMURZAYEVA (Aktobe/Almaty)	
Psychological aspects of motivation and job satisfaction of faculty members: the case of one state University in Kazakhstan	71

Kultura, literatura, media

ARNOLD MCMILLIN (London)	
The Belarusian leadership, his country and squalor as depicted in the work of young Belarusian prose writers.....	83
MARTA NOIŃSKA (Gdańsk)	
Co roku to samo... Z historii orędzia noworocznego w Polsce, Niemczech i Rosji	95
Евгений Былина (Москва)	
Субъект в поисках события: поэзия Сергея Жадана как выражение нового политического мышления	105
МАРИЯ КАРПУН (Ростов-на-Дону)	
Образ мирового древа в традиционной культуре донского казачества	115
ТАТЬЯНА ТЕРНОВА (Воронеж)	
Жанровый ресурс басни в литературе русского футуризма	123
Юлия Матвеева (Екатеринбург)	
Тема гражданской войны в России в современной русской литературе: перспективы движения или завершение культурного цикла? (А. Макушинский, Л. Юзефович).....	131
Людмила Сафронова, Эльмира Жанысьбекова (Алматы)	
Мифологический реализм Анатолия Кима как конструкт схизиса.....	139
ALEKSANDER KIKLEWICZ (Olsztyn/Czelabińsk)	
Fascynacja jako kategoria komunikacji w internecie (na przykładzie rosyjskiego portalu rambler.ru)	153

JEZYK

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЯН (Ростов-на-Дону)	
Взаимодействие языковых миров в современной русской речи	171
Ирина Вепрева (Екатеринбург)	
Аксиологический потенциал прилагательного <i>уральский</i>	181

Елена Маринова (Нижний Новгород)	
Отсутствие словоизменения у нарицательных существительных на согласный: границы явления в современной русской речи.....	191
Алия Насырова (Караганда)	
Функционирование казахских лексических единиц в русской речи жителей Казахстана	201
Наталья Миронова (Москва)	
Гипертекстовые технологии как основа нативной рекламы	209
Гульнара Суюнова (Павлодар)	
Европейский и российский опыт лингвистической урбанистики как теоретическая база казахстанских исследований	219

NOMADYZM I NOMADOLOGIA

Актолкын Кулсариева, Мадина Султанова, Жанерке Шайгозова (Алматы)	
Шаманская вселенная кочевников центральной Азии: волки и волчицы	231
IZABELA LIS-WIELGOSZ (Poznań)	
Od ludu wybranego do narodu cierpiącego, wygnanego, tułaczego. Komplementarność motywów w literaturze staroserbkiej	241
Мария Томская (Москва)	
Вербализация культуры номадов в текстах якутской волшебной сказки	253
MARIA SIBIŃSKA (Gdańsk)	
Саамский театр из Каутокейно: тропами номад	263
Ольга Соколова (Москва)	
«Бродячие» рекламные лозунги в русской прозе 1920–1930-х годов	275
Алексей Шляков (Тюмень)	
К истории русского бродяжничества XVII–XIX веков.....	285
Марина Загидуллина (Челябинск)	
Медиаэстетика пустых форм: материальная основа культурного номадизма в эпоху панмедиатизации	293
Владимир Фещенко (Москва)	
Р. Якобсон как агент культурного трансфера между лингвистикой и литературным экспериментом	309
Кирилл Корчагин (Москва)	
Меланхолический номадизм Сергея Жадана и украинское национальное воображение	319
Елена Борщ (Екатеринбург)	
Французская книжная иллюстрация в русской кавер-версии конца XVIII века	329
GABRIELA NOWAK (Kraków)	
O rizomie i cechach rizomatycznych na przykładzie powieści Michała Szyszkina „Взятие Измаила”	337
Анна Фролова (Воронеж)	
Ремейк/ремикс: шекспировский код в произведениях братьев Пресняковых	347

RECENZJE

ALEKSANDER KIKLEWICZ (Olsztyn)	
Милосав Ж. Чаркић, <i>Појмовник риме (са примерима из српске поезије)</i> . Београд: Стил, 2018; 320 сс.....	355
SERGIEJ GRINEV-GRINIEWICZ (Białystok)	
Виктория Ляшук, <i>Теория славянских языков в диахронии и синхронии</i> . Banska Bystrica: Belianum, 2017; 130 сс.	361

TABLE OF CONTENTS

HISTORY

JUSTYNA DOROSZCZYK (Warsaw)	
Oprichnina as a first Russian security service and its meaning in political system	11

ECONOMICS

ZBIGNIEW KLIMIUK (Warsaw)	
Economic and trade relations between the USSR and Germany in the period of 1918–1940 (part 2)	27

SOCIETY, POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

PETER KOBETS, KRISTINA KRASNOVA (Moscow)	
Cyberstalking: public danger, key factors and prevention	41
PAVEL ZHESTEROV (Moscow)	
From visible pasts to an invisible presence: new criminological reality after planetary cyber attack 12/05/17 Wannacry	55

EDUCATION

DANNA SUMMERS, YELIZAVETA DAVLETKALIYEVA, BIBIGUL ALMURZAYEVA (Aktobe/Almaty)	
Psychological aspects of motivation and job satisfaction of faculty members: the case of one state University in Kazakhstan	71

CULTURE, LITERATURE, MEDIA

ARNOLD MCMILLIN (London)	
The Belarusian leadership, his country and squalor as depicted in the work of young Belarusian prose writers	83
MARTA NOIŃSKA (Gdańsk)	
Same thing every year... From the history of the New Year's address in Poland, Russia and Germany	95
EVGENY BYLINA (Moscow)	
Subject in a Search of Event: Serguey Zhadan's Poetry as an Expression of New Political Thought	105
MARIIA KARPUN (Rostov-on-Don)	
Representations of the World Tree in traditional culture of Don Cossacks	115
TATIANA TERNOVA (Voronezh)	
The genre resource of the fable in the literature of Russian futurism	123
IULIIA MATVEEVA (Yekaterinburg)	
The theme of civil war in Russia in modern Russian literature: prospects of movement or completion of the cultural cycle? (A. Makushinsky and L. Yuzefovich)	131
LUDMILA SAFRONOVA, ELMIRA ZHANYSBKOVA (Almaty)	
Mythological realism of Anatoly Kim as a construct of the schism	139
ALEKSANDER KIKLEWICZ (Olsztyn/Chelyabinsk)	
Fascination as a category of communication in Internet (on example of the Russian portal Rambler.ru)	153

LANGUAGE

ELENA GRIGORIAN (Rostov-on-Don)	
The Interaction of Linguistic Worlds in Contemporary Russian Speech	171

IRINA VEPREVA (Yekaterinburg)	
Axiological potential of adjective russ. <i>ural'skiy</i>	181
ELENA MARINOVA (Nizhny Novgorod)	
Absence of inflexion of common nouns ending in a consonant: the boundary of the phenomenon in the modern Russian speech	191
ALIYA NASSYROVA (Karaganda)	
Functioning Kazakh lexical units in the Russian speech of the residents of Kazakhstan	201
NATALIYA MIRONOVA (Moscow)	
Hypertext technologies as the basis of native advertising	209
GULNARA SUYUNOVA (Pavlodar)	
The European and Russian experience in the area of linguistic urban studies as a theoretical foundation for studies in Kazakhstan	219

NOMADISM AND NOMADOLOGY

AKTOLKYN KULSARIYEVA, MADINA SULTANOVA, ZHANERKE SHAIGOZOVA (Almaty)	
The shamanistic universe of Central Asian nomads: wolves and she-wolves	231
IZABELA LIS-WIELGOSZ (Poznań)	
From the Chosen People to the Nomadic, Exile, Martyred Nation Complementarity of Motifs in the Old Serbian Literature	241
MARIA TOMSKAYA (Moscow)	
Verbalization of Nomadic Culture in Yakut Fairytales.....	253
MARIA SIBIŃSKA (Gdańsk)	
The Sami Theatre from Kauotokeino: on the Trace of Nomads	263
OLGA SOKOLOVA (Moscow)	
“Wandering” Advertising Mottos in the Russian Prose of the 1920–30s	275
ALEKSEI SHLIAKOV (Tyumen)	
To the history of the Russian vagrancy XVII–XIX centuries.....	285
MARINA ZAGIDULLINA (Chelyabinsk)	
Mediaesthetics of blank forms: the material basis of cultural nomadism in the era of panmediatization.....	293
VLADIMIR FESHCHENKO (Moscow)	
R. Jakobson as Mediator of Cultural Transfer between Linguistics and Literary Experiments	309
KIRILL KORCHAGIN (Moscow)	
Serguey Zhadan’s Melancholic Nomadism and National Imagination in Ukraine	319
ELENA BORSHCH (Yekaterinburg)	
The French book illustration in the Russian cover-version at the end of XVIII century	329
GABRIELA NOWAK (Kraków)	
Rhizome and rhizomatic principles based on Mikhail Shishkin’s novel “ <i>The Taking of Izmail</i> ”	337
ANNA FROLOVA (Voronezh)	
Remake/remix: Shakespeare’s code in Brothers Presnyakov’s works	347

REVIEWS

ALEKSANDER KIKLEWICZ (Olsztyń)	
Милосав Ж. Чаркић, <i>Појмовник риме (са примерима из српске поезије)</i> . Београд: Стил, 2018; 320 сс.	355
SERGIEJ GRINEV-GRINIEWICZ (Białystok)	
Виктория Ляшук, <i>Теория славянских языков в диахронии и синхронии</i> . Banska Bystrica: Belianum, 2017; 130 сс.	361

HISTORIA

JUSTYNA DOROSZCZYK

Instytut Filozofii i Socjologii Polskiej Akademii Nauk

OPRICZNINA JAKO PIERWSZA ROSYJSKA SŁUŻBA SPECJALNA I JEJ ZNACZENIE W SYSTEMIE POLITYCZNYM

Oprichnina as a first Russian security service and its meaning in political system

SŁOWA KLUCZOWE: opricznina, służby specjalne, Rosja, Iwan IV Groźny, Federalna Służba Bezpieczeństwa, służby bezpieczeństwa państwowego

KEYWORDS: oprichnina, special forces, Russia, Ivan The Terrible, Federal Security Service, security services

ABSTRACT: Oprichnina is the first security service in Russia. The main aim of oprichnina was to protect the stability of the political system and the reign of tsars. The main thesis is based on the conviction that secret services since Ivan the Terrible are one of the most important factors in the Russian political system. The purpose of the article is to analyze the functioning and the role of oprichnina, its organization, its structure and its main tasks in the context of the tendency of centralization of the state. The aim is to demonstrate that the establishment of the oprichnina initiated the process of forming state security organs as the foundation of maintaining power and implementing the priorities of internal and external politics.

Służby specjalne stanowią istotny, integralny element rosyjskiej kultury politycznej. Historia rozwoju państwa rosyjskiego i ewolucja służb bezpieczeństwa państwowego są ze sobą związane. Od utworzenia przez cara Iwana IV Groźnego pierwszej prototypowej służby specjalnej – opriczniny służby bezpieczeństwa państwowego zajmowały i zajmują wysoką pozycję w rosyjskim systemie politycznym, społecznym i gospodarczym. Funkcjonowanie rosyjskich służb specjalnych jako fundamentu stabilizacji władzy jest wpisane w trajektorię rozwoju rosyjskiej państwowości oraz kultury sprawowania władzy. Wpisaną w logikę rosyjskiej władzy praktykę wzmacniania wpływów resortów siłowych, widoczną tendencję wzmacniania ich kompetencji, znaczenia i autorytetu w obliczu zagrożenia stabilności bezpieczeństwa państwa zapoczątkowało utworzenie pierwszej rosyjskiej służby specjalnej przez pierwszego cara Rosji Iwana IV Groźnego, która kompleksowo realizowała zadania związane z bezpieczeństwem wewnętrznym i zewnętrznym państwa. Służba opryczna funkcjonowała w określonym kontekście politycznym.

1. Geneza utworzenia służby opricznej

Opricznina to pierwsza rosyjska służba specjalna łącząca w sobie funkcję służby wywiadowczej i kontrwywiadowczej. Zgodnie ze współczesną definicją służby specjalne to struktury organizujące i realizujące działania wywiadowcze i kontrwywiadowcze (Zdrowski 2008, 123). Idea opriczniny jako służby stabilizującej władzę, realizującej zarówno priorytety polityki wewnętrznej, jak i zagranicznej zdeterminowała trajektorię rozwoju struktur rosyjskich służb specjalnych oraz ich podstawowych zadań i funkcji. Powołanie służby opricznej stanowiło efekt zmian politycznych zachodzących w państwie za panowania Iwana IV Groźnego. W XVI wieku w państwach europejskich formowały się fundamenty kapitalizmu, rozwijał się handel, a mieszczaństwo bogaciło się coraz szybciej. Był to również czas pierwszych rewolucji burżuazyjnych. Krajobraz polityczny i społeczny ówczesnej Rosji kształtował się pod wpływem odmiennych czynników. Znajdująca się przez długi czas pod panowaniem ordy tatarskiej Ruś rozpoczynała nadrabianie opóźnień gospodarczych i cywilizacyjnych. Przez 250 lat mongolskiego panowania w Rusi państwo moskiewskie walczyło o przetrwanie i znajdowało się w faktycznej izolacji. Wówczas w Europie zmniejszyła się zależność chłopstwa, ale w Rosji osobista zależność chrześcijan od feudałów dopiero zaczynała się formować. W odróżnieniu od państw europejskich, w których miasta cieszyły się niezależnością, w Rosji autonomia miast nie funkcjonowała. Wiodącym czynnikiem sprzyjającym centralizacji aparatu państwowego była próba abdykacji cara Iwana IV Groźnego. Na początku grudnia 1564 roku rodzina carska rozpoczęła przygotowywania do opuszczenia Moskwy. Opuściła ona stolicę, zabierając ze sobą cały skarb państwa, skarby cerkiewne, drogocenne ikony. Car wraz z rodziną i dworem udał się do Słobody Aleksandrowskiej, skąd poinformował Moskwę o porzuceniu władzy państwowej. Opuszczenie Moskwy stanowiło świadomy zabieg, którego celem było złamanie opozycji bojarskiej i minimalizacja znaczenia Dumy Bojarskiej. „Opriczny tysiąc” powołano z myślą o stworzeniu uprzywilejowanej osobistej gwardii carskiej. Służba w opriczninie stanowiła szansę awansu dla szlachty niższego urodzenia i skutkowałą zwiększonym przydziałem ziemi. Iwan IV Groźny był pierwszym rosyjskim władcą, który podjął się rozwiązania problemu związanego z organizacją bezpieczeństwa państwa. Rządy cara charakteryzuje dążenie do centralizacji i złamania oporu oraz wyeliminowania zarówno wszelkiej rzeczywistej, jak i domniemanej opozycji wobec kształtującej się autokracji. Jednym z istotnych motywów powołania służby opricznej w 1565 roku była niemożność ukarania bojarów popełniających przestępstwa. Iwan IV powrócił ze Słobody Aleksandrowskiej, gdy uzyskał pełnię uprawnień i pełną aprobatę dla despotycznych poczynań. Aby maksymalnie umocnić swoją pozycję, car wprowadził podział kraju na ziemszczynę i opriczninę oraz stworzył uprzywilejowany korpus „tysiąca” ludzi – wiernych carowi. Podstawowym

zadaniem oprucznych gwardzistów była ochrona czci, zdrowia i życia samego cara oraz bezkompromisowa likwidacja wrogów samodzierżawia. Symbolem tych zadań stało się godło służby oprucznej, w którym znajdowały się psia głowa i miotła. Nabór do służby oprucznej był wyjątkowo wymagający. Rekrut stawał przed komisją opruczną, w skład której wchodził A. D. Basmanow, A. I. Wiazemski i P. Zajcew. Komisja przesłuchiwała rekrutów i dokładnie sprawdzała rodowód kandydata, jego koneksje towarzyskie i rodzinne. W opruczne szeregi przyjmowano tylko tych, którzy nie utrzymywali relacji i kontaktów ze środowiskiem bojarskiej arystokracji. Car osobiście dobierał swoich gwardzistów. Oprucznicy składali przysięgę na wierność carowi. Obowiązywał ich zakaz kontaktów z przedstawicielami ziemszczyzny. Wizerunek oprucznika miał budzić grozę. Od zwykłych żołnierzy umundurowanie oprucznika różniło się znacznie. Cechą charakterystyczną wyglądu wojska oprucznego były czarne opończe narzucane na często bogate stroje. U siodła oprucznika przywiązywano emblematy służby – psią głowę i miotłę. Opricznina była zorganizowana na wzór zakonu. Jej główna siedziba znajdowała się w Słobodzie Aleksandrowskiej. Oprucznicy byli określani braćmi niezależnie od zajmowanego stanowiska. Pochodzenie społeczne osób wywodzących się z opruczyny jest przedmiotem historycznego sporu. W większości w szeregach opruczyny służyła szlachta prowincjonalna, która odgrywała marginalne znaczenie w życiu państwowym (Serczyk 1986, 83). Opricznina stanowiła służbę, która odgrywała istotną funkcję w ówczesnym systemie politycznym. Samo słowo „opricznina” wywodziło się od przyimka „oprócz”, który oznacza „oprócz”. Była to zarówno wyłączna część ziemi znajdująca się w posiadaniu rodziny carskiej, jak i prywatna carska gwardia o szerokich przywilejach (Karawaszkina/Jurganow 2003, 68). Jedną z przyczyn powołania służby oprucznej były niewątpliwie niepowodzenia w polityce zewnętrznej. Dobrym wyjściem wydawało się ustanowienie w kraju dyktatury i rozgromienie opozycji wobec cara przy wykorzystaniu terroru i przemocy. Według opinii rosyjskiego historyka opruczyny W. O. Kljuczewskiego instytucja ta zawsze uznawana była za dziwny twór zarówno w opinii tych, którzy cierpieli z powodu jej okrucieństw, jak i tych, którzy badają jej fenomen (Kljuczewskij 1902, 331). W istocie fenomen służby oprucznej jest fenomenem natury politycznej, który na wieki zdeterminował proces kształtowania się rosyjskich struktur odpowiedzialnych za bezpieczeństwo wewnętrzne i zewnętrzne państwa.

Car Iwan IV Groźny powołując pierwszy państwowy aparat represji odpowiedzialny za kontrolę i inwigilację społeczeństwa, jak również realizujący zadania wywiadowcze i kontrwywiadowcze, zapoczątkował tendencję wzmacniania autorytetu służb jako „tarczy i miecza” władzy, oczu i uszu państwa utożsamianego z carem jako pomazańcem bożym i najwyższą instancją rozstrzygającą. Służba opruczna pojawiła się na fali tendencji centralizacji państwa. Iwan IV dążył do maksymalnej koncentracji całego aparatu państwowego z dominującą wertykalną strukturą władzy. Długa tradycja służb w historii rosyjskiej państwowości pozwala

na stwierdzenie, iż stanowią one jeden z najważniejszych elementów rosyjskiego systemu politycznego. Opricznina jako pierwsza służba łącząca w sobie funkcje wywiadowcze i kontrwywiadowcze to również służba bezpieczeństwa wewnętrznego, działająca przeciwko obywatelom oraz opozycji wewnętrznej wobec władzy samodzielną.

Opricznina jako pierwsza, prototypiczna rosyjska służba specjalna stabilizująca władzę powstała w wyniku dążenia do obrony i konsolidacji samodzielnego systemu władzy i eliminowania wszelkiej opozycji wobec jednoosobowej władzy carskiej. Z tego względu kontynuację idei służby opricznej, jej najbardziej znaną emanację stanowi sowiecki Komitet Bezpieczeństwa Państwowego, w ramach którego istniał wydział odpowiedzialny za eliminację wywrotowych środowisk, opozycyjnych wobec władzy. Utworzenie opriczniny jako swego bastionu, fundamentu konsolidacji reżimu służyło maksymalnemu wzmocnieniu władzy przy wykorzystaniu potencjału struktur bezpieczeństwa państwowego.

Praktyka wzmacniania kompetencji i autorytetu służb specjalnych jest kontynuowana w Federacji Rosyjskiej. Jak podkreśla Mirosław Minkina, kultura państwa policyjnego i służb specjalnych jest głęboko zakorzeniona w rosyjskim systemie politycznym, mentalności zarówno władzy, jak i społeczeństwa (Minkina 2016, 11). Prezydentura Władimira Putina otworzyła drogę powrotu przedstawicielom struktur siłowych na wysokie pozycje w strukturach państwa, gospodarki i biznesu. Analogicznie jak w czasach funkcjonowania opriczniny służby bezpieczeństwa są wykorzystywane do realizacji strategii politycznych.

Rosyjskie służby specjalne to istotny fundament stabilizacji władzy i utrzymywania porządku oraz kontroli i monitorowaniu nastrojów społecznych. Iwan IV Groźny jako pierwszy rosyjski władca podjął wyzwanie tworzenia organów bezpieczeństwa państwowego. Powołanie pierwszej służby bezpieczeństwa państwowego stanowiło element kompleksowej reformy państwa moskiewskiego. Kompetencje opriczniny, jej status i szeroki zakres uprawnień są pochodną definicji bezpieczeństwa państwa jako wartości najwyższej oraz identyfikowania i ścigania wszelkich możliwych przejawów zdrady w najbliższych kręgach władzy.

Opricznina stała się symbolem Rosji jako państwa, w którym wysokie znaczenie mają służby bezpieczeństwa. Walka z opozycją wewnętrzną oraz wrogiem zewnętrznym stanowiła wiodące zadanie opricznych funkcjonariuszy. Liczący tysiąc członków korpus opriczników pełnił również funkcję osobistej ochrony cara, jednak jego wiodącym zadaniem było identyfikowanie i eliminowanie ośrodków zdrady państwowej (Kołpakidi/Sewer 2011, 24). Utworzenie i funkcjonowanie opriczniny jest integralnie związane z definiowaniem terroryzmu. Od początku istnienia państwa rosyjskiego terroryzm był definiowany jako działalność wymierzona przeciwko państwu i interesowi narodowemu. Służby bezpieczeństwa państwowego stanowiły instrument realizacji antyterrorystycznej polityki cara Iwana IV Groźnego. Fenomen opriczniny jest silnie osadzony w kontekście terroryzmu i polityki antyterrorystycznej

realizowanej przez władzę. Terroryzm zarówno w czasach Iwana IV Groźnego, jak i w całej historii rozwoju rosyjskiej państwowości był definiowany jako atak nie na jednostkę, lecz na państwo uosabiane przez cara. Na potrzeby artykułu służby specjalne są definiowane jako organy państwa realizujące funkcje wywiadowcze i kontrwywiadowcze. Opricznina jest analizowana jako pierwsza, prototypiczna rosyjska służba specjalna stojąca na straży stabilności władzy i bezpieczeństwa państwowego. Celem artykułu jest analiza funkcjonowania i roli opriczniny, jej organizacji, struktury oraz głównych zadań w kontekście tendencji centralizacji aparatu państwowego oraz wykazanie, iż powołanie opriczniny zainicjowało proces formowania organów bezpieczeństwa państwowego jako fundamentu utrzymania określonej władzy i realizacji priorytetów polityki wewnętrznej i zewnętrznej.

Jednym z czynników uzasadniających utworzenie służby opricznej była nadekspozycja czynnika bezpieczeństwa państwa, który również współcześnie stanowi przesłankę do rozszerzania kompetencji służb specjalnych i konsolidowania wpływów resortów siłowych w systemie organów państwowych. Główną tezą jest przekonanie, iż powołanie opriczniny dało początek tendencji wzmacniania autorytetu służb specjalnych w rosyjskim systemie polityczno-społecznym. Idea opriczniny jako pierwszej, załączkowej służby specjalnej zdeterminowała etos funkcjonowania współczesnych rosyjskich służb specjalnych jako „tarczy i miecza” systemu politycznego. Od czasów Iwana IV Groźnego służby specjalne stanowią filar stabilizacji reżimu politycznego. Problemem badawczym jest rola i znaczenie opriczniny jako służby bezpieczeństwa państwowego stojącej na straży nienaruszalności systemu władzy, jak również narzędzia realizacji polityki wewnętrznej i zagranicznej w kontekście dążeń centralizacyjnych cara Iwana.

Wiek XV i XVI to okres kształtowania się w Rosji samodzięrzawia. Rosyjskie samodzięrzawie ewoluowało. Jednym z ważniejszych etapów jest okres panowania pierwszego cara Rosji Iwana IV Groźnego. Cechą charakterystyczną okresu jego panowania była centralizacja aparatu państwowego. Samodzięrzawie zostało wtedy zinstytucjonalizowane i określone jako koncepcja nieograniczonej władzy cara (Wołodkow 2009, 58).

Kwestia bezpieczeństwa państwa jako bytu nadrzędnego wobec jednostki ma w Rosji długą historię. Rosyjskie służby bezpieczeństwa państwowego liczą niemal 500 lat. Państwo od zawsze stanowiło nadrzędne dobro, którego interes powinien być traktowany z należytą powagą i realizowany priorytetowo z wykorzystaniem wszelkich możliwych środków, w tym również potencjału służb specjalnych. Historia kształtowania się rosyjskiego systemu bezpieczeństwa państwowego z dominującą rolą służb specjalnych zajmuje osobne miejsce w historii ewolucji rosyjskiej państwowości i stosunków międzynarodowych (Antonowa/Proswirowa 2010, 14). Bez uwzględnienia miejsca i roli służb specjalnych, jaką pełniły na przestrzeni wieków kształtowania się struktur władzy rosyjskiej i rosyjskiej kultury politycznej, ich działań i zakresu kompetencji, nie jest możliwe uchwycenie mechanizmu

funkcjonowania władzy w Rosji. Opricznina była służbą bezpośrednio podporządkowaną carowi. Osobiste, subiektywne postrzeganie zdrady państwowej zdeterminowało powołanie struktury bezpieczeństwa, która miała stanowić narzędzie realizacji polityki centralizacyjnej i antyszpiegowskiej oraz funkcjonować jako służba zabezpieczająca system władzy. Wróg – niezależnie czy wewnętrzny, czy zewnętrzny – stanowił najwyższą legitymację funkcjonowania opriczniny.

2. Znaczenie służby opricznej w rosyjskiej tradycji bezpieczeństwa państwowego

Autorytet służb specjalnych w Rosji wynika pośrednio z reprodukowanej na przestrzeni wieków tradycji władzy samodzierżawnej oraz specyficznego, nabożnego podejścia do władcy jako boskiego pomazańca, który dysponuje nieograniczoną władzą i zarezerwowanymi wyłącznie dla niego pełnomocnictwami. Pierwsze wzmianki o istnieniu struktur wywiadowczych i kontrwywiadowczych są datowane na okres Starej Rusi – początku dynastii Rurykowiczów. Z całą pewnością nie istniały wówczas jakiegokolwiek ujednolicone struktury, które zajmowały się działalnością wywiadowczą czy kontrwywiadowczą. Nie istnieli również profesjonaliści funkcjonariusze wywiadu czy kontrwywiadu (Kołpakidi/Serwer 2010, 10). W Starej Rusi działania tego typu miały charakter jednorazowych akcji określonych osób i wynikały zarówno z polecenie kniazia, jak i z indywidualnej inicjatywy. Akcje nie były systematyczne, gdyż nie funkcjonowały oficjalne struktury służb. Wraz z zakończeniem formowania państwa i konsolidacji władzy centralnej pojawiła się potrzeba sformowania odpowiedniej struktury zabezpieczającej państwo, a w szczególności bezpieczeństwo osobiste cara-samodzierżawcy.

Utworzenie opriczniny jako głównej służby odpowiedzialnej za zagwarantowanie kompleksowego bezpieczeństwa państwowego ustanowiło fundament rozwoju przyszłych rosyjskich służb specjalnych identyfikowanych jako zaplecze konsolidacji reżimu politycznego oraz organ wykonawczy priorytetów polityki wewnętrznej i zagranicznej. W czasach Iwana Groźnego zadaniem służby opricznej było zabezpieczenie nienaruszalnego charakteru władzy cara, która świadczyła o unikatowym kulturowo-politycznym charakterze. Samodzierżawna tradycja władzy była schedą odziedziczoną po Cesarstwie Bizantyjskim. Opricznina jako służba bezpieczeństwa państwowego stała się narzędziem walki z chaosem wywołanym samowolnymi rządami bojarскими. Opricznina jako pierwsza służba specjalna była narzędziem zabezpieczania integralności struktur państwa przed zagrażającymi władzy państwowej tendencjami dezintegrującymi oraz działaniami dywersyjno-terrorystycznymi (Wołodkow 2009, 60). Jeśli uwzględni się funkcjonowanie możliwej opozycji wobec centralizacji aparatu państwowego, rządy bojarские zagrażały

integralności państwa rosyjskiego, jak również idei samowładztwa oraz cara jako namiestnika boskiego i symbolu dziedzictwa Bizancjum w państwie moskiewskim. Utworzenie opriczniny jako lojalnej armii carskiej, gwardii strzegącej bezpieczeństwa państwa oraz pierwszej służby, która realizowała zadania wywiadowcze i kontrwywiadowcze, stanowiło odpowiedź pierwszego cara Iwana IV Groźnego na wyzwania epoki, w której powszechną praktyką były skrytobójstwa władców. Zagrożenie destabilizacją w skali wewnątrzpaństwowej uzasadniało konieczność utworzenia efektywnej służby specjalnej stojącej na straży bezpieczeństwa państwa (również w skali zewnętrznej).

Od czasów opriczniny Iwana Groźnego tradycja służb specjalnych jako lojalnego zaplecza gwarantującego zabezpieczenie integralności i nienaruszalności systemu politycznego ewoluowała na przestrzeni wieków. Niemniej jednak to carska opricznina ustanowiła etos lojalnej wobec władzy państwowej specsłużby, która jest strukturą polityczną. Działalność służby opricznej cara realizującej zadania związane ze stabilizacją wertykalnej, samodzierżawnej władzy zdeterminowała rosyjską definicję zadań służb specjalnych. W tradycji rosyjskiej struktury bezpieczeństwa państwowego od zawsze pozostawały w dyspozycji państwa, a ich głównym zadaniem stała się ochrona podstaw reżimu politycznego przed potencjalną destabilizacją, zagrożeniem zewnętrznym lub wewnętrznym. Opricznina była służbą, której istnienie władza uzasadniała ideologicznie. Opricznicy stanowili gwardię stojącą na straży świętości Rosji, moralnie nieskazitelną kastę realizującą zadania związane z wieloaspektowym bezpieczeństwem państwa. Jako najbardziej lojalni obrońcy rosyjskiego samodzierżawia realizowali politykę carską i stali na straży niezawisłości władzy.

Okres funkcjonowania carskiej służby opricznej to nie tylko kamień milowy w historii rosyjskich służb specjalnych, które na przestrzeni wieków w większym lub mniejszym zakresie funkcjonowały jako struktury zabezpieczające władzę polityczną i „rosyjski” charakter władzy. Służby bezpieczeństwa państwowego stanowiły sprawny aparat represji w walce z dysydentami i przeciwnikami określonej logiki sprawowania władzy. Nie jest możliwe uchwycenie istoty panowania Iwana IV Groźnego bez zrozumienia fenomenu opriczniny – pierwszej, rosyjskiej policji politycznej, pierwowzoru współczesnych rosyjskich służb specjalnych.

3. Opricznina jako narzędzie walki z opozycją

Opricznina jako pierwsza służba specjalna odpowiedzialna za wywiad i kontrwywiad, neutralizację oraz likwidację przeciwników władzy jest odzwierciedleniem burzliwego charakteru rzeczywistości społeczno-politycznej sprzed panowania Iwana IV Groźnego. Głównym ideologiem, którego wykładania uzasadniała

konieczność istnienia skutecznej służby chroniącej bezpieczeństwo państwa, był Iwan Pereswietow – postać mityczna, pionier rosyjskiej myśli polityczno-społecznej oraz najbardziej zdeklarowany obrońca samodzierżawnej tradycji władzy. Według I. Pereswietowa silna władza centralna, wertykalny model władzy jest integralnym elementem kultury politycznej Rosji oraz czynnikiem stanowiącym o jej samoistnieniu. I. Pereswietow przedstawiał samodzierżawie jako bazę odziedziczonej po okresie bizantyjskim kultury politycznej Rosji (Zimin 1958, 14). Wertykalizm, funkcjonowanie scentralizowanego aparatu państwowego wymagało istnienia służby stojącej na straży bezpieczeństwa państwa. Utrzymanie wertykalnego modelu władzy gwarantowało utworzenie silnych struktur bezpieczeństwa państwowego – pretorian carskich, obrońców rosyjskiego samodzierżawia. Jedną z podstaw funkcjonowania opriczniny było pojęcie zdrady państwowej.

Opricznina to również państwowa polityka, której implementacja miała na celu wzmocnienie sił zbrojnych stojących na straży samoistnej i niepodzielnej władzy cara (Zimin/Choroszkiewicz, 1982). Służba opriczna stanowiła narzędzie unifikacji i centralizacji aparatu władzy w Rosji. Utworzenie służby odpowiedzialnej za bezpieczeństwo państwa było przejawem uniezależniania się cara Iwana IV Groźnego od dominujących wpływów kręgów bojarskich. Służba ta stanowiła również element strategii porządkowania spraw wewnętrznych Rosji. Działalność opriczniny, jej funkcje, zadania, idea oraz pełnomocnictwa odcisnęły piętno na rozwoju społeczno-kulturowym Rosji. Ideę carskiej opriczniny odziedziczyły w pełni sowieckie służby specjalne, jak również współczesna – utworzona po 1991 roku – Federalna Służba Bezpieczeństwa. Autorytetowi i interwencyjnizmowi cara była podporządkowana zarówno sfera materialna, jak i duchowa życia obywateli. Służba opriczna stanowiła załączek systemu inwigilacji i represji wobec obywateli podejrzewanych o działalność antypaństwową.

W perspektywie ścigania oraz tropienia ognisk zdrady oraz eliminowania wewnętrznej opozycji wobec władzy carskiej opricznina zajmowała się realizacją polityki represji i bezkompromisowej walki z przeciwnikami samodzierżawia, co w późniejszych stuleciach stało się integralnym elementem praktyki rosyjskich specsłużb, w tym również KGB i utworzonym w 1967 roku V Zarządzie Głównym KGB ds. ścigania dysydentów i walki z dywersją ideologiczną „imperialistycznych wrogów” ZSRR (Mleczin 2013, 29). Głównym zadaniem V Zarządu KGB była walka z dywersją ideologiczną realizowaną przez imperialistycznych wrogów.

O ciągłości tradycji służb specjalnych w systemie politycznym świadczy odrodzenie dyskursu bezpieczeństwa państwa w Federacji Rosyjskiej. Dominującym elementem dyskursu współczesnej władzy rosyjskiej jest czynnik bezpieczeństwa państwowego oraz koncepcja odrębnej drogi Rosji, którą aktywnie wspierają służby bezpieczeństwa państwowego (Winter 2017, 5).

Specyfika rosyjskiej tradycji władzy, akceptacja wertykalizmu i centralizacji wynika z lęku przed społecznym chaosem i rozpadem. Powołanie służby opricznej

i przypisanie jej zadań kontroli społecznych nastrojów było ukierunkowane przez dążenie do zapewnienia stabilizacji państwa. Jako takie zakładało rezygnację z zapewnienia obywatelom swobód i wolności politycznych w imię zaprowadzenia lub utrzymania porządku wewnętrznego oraz systemowej integralności. Okres funkcjonowania służby opricznej Iwana IV Groźnego obrazuje, jak silny jest mit bezpieczeństwa i stabilizacji politycznej w Rosji. Charyzmatyczna legitymizacja władzy w tym kraju umiejscawia władzę ponad oficjalnie obowiązującym katalogiem norm prawnych czy moralnych (Broda 2015, 45). W przypadku opriczniny istotny był elitarny charakter służby, która funkcjonowała ponad prawem i kierowała się zasadą, iż cel uświęca środki, a państwo jest wartością nadrzędną.

4. Służba opriczna jako nowa elita państwa

Opricznina została powołana nie tylko w celu ochrony tradycji samodzierżawnej, lecz także zachowania równowagi sił przez ograniczenie wpływów i porządków bojarskich, których Iwan IV Groźny podejrzewał o spiskowanie przeciwko władzy carskiej. Nowymi poddanymi sojusznikami cara – dotychczas marginalizowanymi w funkcjonowaniu państwa – były osoby wywodzące się z niższych warstw społecznych, dla których polityka carska zorientowana na neutralizację wpływów bojarów stanowiła realną szansę na awans społeczny. Niemniej jednak pochodzenie społeczne opriczników – funkcjonariuszy pierwszej rosyjskiej specsłużby – budzi kontrowersje i jest przedmiotem historycznego sporu. Funkcjonariusze opriczniny, jej regularnych oddziałów rekrutowali się z niższych warstw szlacheckich. W wojsku opricznym służyli również najemnicy – obcokrajowcy. Niemiec Heinrich Staden służył w służbie opricznej przez sześć lat. W państwie Iwana IV Groźnego spędził łącznie dwanaście lat (Staden 1925, 56). Cechą procedur rekrutacyjnych do służby opricznej była staranna selekcja i szczegółowa procedura sprawdzająca kandydatów. Szczególnie rygorystycznie przestrzegano procedur naboru do oddziałów zajmujących się bezpośrednim zabezpieczeniem osoby cara oraz jego rodziny. W czasach Iwana Groźnego rosyjskie państwo było machiną organizującą i wspierającą struktury bezpieczeństwa państwowego. Rosyjską klasę polityczną identyfikowano ze środowiskiem siłowym, toteż nie zaskakuje wysoka pozycja opriczniny i zaufanie cara do tej lojalnej służby bezpieczeństwa państwowego (Pawłow/Perrie 2003, 123).

Wzmocnienie władzy centralnej wymagało reform i transformacji istniejących już struktur, a przede wszystkim utworzenia służb realizujących funkcje i wolę władzy oraz gwarantujących stabilizację. Od czasów Iwana IV ściganie politycznych przeciwników, identyfikowanie i eliminacja ośrodków zdrady państwowej jest nierozłącznie związana z kształtowaniem się struktur bezpieczeństwa państwowego

(Izmoznik/Krom/Pawlow 2002, 27). Istotą pierwszej rosyjskiej służby specjalnej była nie tylko wierna służba carowi. Działalność opriczniny różniła się znacząco od polityki przedstawicieli bojarskich w otoczeniu cara. Opricznina jako nowa klasa społeczna – lojalni żandarmi podporządkowani carskim rozkazom – zajmowała się neutralizacją działania przeciwników państwa, elementów wywrotowych (Zimin 1964, 29).

5. Idea opriczniny jako fundamentu władzy Iwana IV Groźnego

Walka z przejawami zdrady państwowej zdeterminowała charakter opriczniny jako służby o uprawnieniach dochodzeniowo-śledczych, których celem była identyfikacja i likwidacja wszelkich przejawów antycentralistycznych tendencji w środowiskach zarówno bojarskich, jak i książęcych. Pierwsze ofiary opriczniny wywodziły się z kręgów dworskich, które były oskarżane o niesubordynację, gnuśność i spiskowanie przeciwko carowi (Skrynnikow 1969, 273). Skład osobowy służby opricznej był uzależniony od decyzji cara. Car osobiście mianował do służby opriczników. Utworzenie opriczniny zredukowało znacznie kompetencje Dumy Bojarskiej, lecz przede wszystkim stanowiło podstawę rozwoju absolutyzmu w Rosji. Opricznina była narzędziem konsolidacji rosyjskiego autokratyzmu oraz zapoczątkowała tendencję powoływanie się władz rosyjskich na autorytet służb specjalnych.

Sugestywnymi emblematami nowej służby cara były przytwierdzone do siodła każdego z opriczników głowa psa oraz miotła. Symbolika określała główne zadania carskiej gwardii stojącej na straży nienaruszalności reżimu samodzierżawnego. Psia głowa symbolizowała wierność, jak również gotowość do „kłasnania” wrogów państwa oraz neutralizacji wszelkiej działalności wywrotowej, zaś miotła oznaczała skuteczne pozbywanie się oponentów władzy centralnej z państwa moskiewskiego. Psią głowę można również interpretować jako symbol wierności oraz posłusznej, oddanej, bezwarunkowej służby.

Reżyserowane akcje przeciwko bojarom, działania dezinformacyjne miały na celu osłabienie opozycji wobec władzy carskiej, a tym samym zapewnienie ciągłości i integralności samodzierżawia przy wykorzystaniu politycznego potencjału opriczniny. Utworzenie lojalnej służby opricznej doprowadziło do instytucjonalizacji represji wobec dywersantów-wywrotowców. Od momentu utworzenia opricznina stanowiła elitarną gwardię pretoriańską cara, służbę specjalną aprobującą logikę nieodzownej autokracji. W strukturach opriczniny – analogicznie jak w KGB czy jego bezpośredniej sukcesorki Federalnej Służby Bezpieczeństwa – obowiązywała specyficzna kultura korporacyjna oraz hierarchia. Opricznicy stali się nową elitą państwa moskiewskiego cieszącą się przywilejami oraz uzurpującą sobie prawo do szczególnego miejsca w społeczeństwie. W opinii społeczeństwa opricznicy byli

utożsamiani ze „sługami ciemności”. Głównym kryterium przyjęcia w szeregi elitarnej specsłużby carskiej stojącej na straży nienaruszalności reżimu oraz prowadzącej aktywność antywywrotową było udowodnienie czystości rodowodu. Pochodzenie rodzinne kandydata i koneksje uznawano za kompromitujące, jeżeli udowodniono istnienie więzi i kontaktów z kręgami arystokracji. Surowe przestrzeganie wymogu rodowodowej czystości określiło opriczninę jako nowy dwór, nową klasę społeczną, a także główny urząd podporządkowany wyłącznym dyrektywom cara.

Eliminacja najbardziej niebezpiecznych liderów kręgów opozycyjnych wobec logiki samodzierżawia, spiskowców zagrażających stabilności systemu to główne, lecz nie jedyne, zadanie pierwszej rosyjskiej służby specjalnej, której tradycja i etos legły u podstaw rozwoju rosyjskich specsłużb, takich jak Ochrana, KGB czy współczesna FSB. Opricznina jako służba specjalna – filar reżimowej stabilności – to jeden z głównych symboli bezkompromisowej logiki eliminacji przeciwników politycznych, dywersantów oraz – rzeczywistych lub domniemyanych – pretendentów do tronu carskiego. Tworząc lojalną służbę opriczną, car uniezależnił się od wpływów bojarskich i jednocześnie umocnił autorytarny charakter władzy. Szeroki zakres kompetencji specsłużby chroniącej integralność obowiązującego reżimu pozwala zrozumieć trajektorię zmian w rosyjskim myśleniu politycznym, którego stałym elementem jest wykorzystanie przez władzę służb bezpieczeństwa państwowego w strategiach realizacji celów polityki zarówno wewnętrznej, jak i zagranicznej.

Funkcjonowanie opricznych „wściekłych psów” stojących na straży stabilizacji władzy oraz zwalczających tendencje dywersyjne wobec państwa dominuje w rosyjskim myśleniu o państwie, władzy i jej funkcjach oraz strukturach bezpieczeństwa państwowego jako istotnym filarze zabezpieczenia podstaw reżimu, a także ochrony rosyjskiej specyfiki przed działaniami wrogów zewnętrznych – czy to zachodnich mocarstw imperialistycznych i sterowanych z zewnątrz rosyjskich dysydentów, czy to wrogiego Zachodu, którego służby specjalne konspirują na rzecz marginalizacji znaczenia Rosji. Opricznina jako pierwsza specsłużba bezpośrednio podporządkowana władzy carskiej jest określana jako zakon zbrodniarzy, swoista elita realizująca politykę cara w warunkach bezprawia i okrucieństwa, których powszechność wyzwała w niektórych opricznikach skłonności psychopatyczne (Serczyk 1986, 82).

Opricznicy byli określani mianem „carskich ludzi”, zakonu cara. Opricznina jako specsłużba o charakterystycznej kulturze wewnętrznej sprawowała nie tylko funkcje polityczne, lecz także zapewniała fizyczne bezpieczeństwo osobie cara oraz carskiej rodzinie. Jedyną ideą, którą wyznawali opricznicy, była ochrona i likwidacja wrogów władzy samodzierżawnej Iwana IV Groźnego. Była to ideologia zakładająca państwo jako najwyższą wartość.

Znaczenie opriczniny jako służby podporządkowanej carowi jest różnie interpretowane. Według niektórych historyków opricznina przyczyniła się do upadku państwa rosyjskiego. Inni uważają, iż stanowiła środek mobilizacji wszystkich sił

państwa w obliczu walki o Inflanty, zagrożenia najazdem chana krymskiego oraz konieczności likwidacji gniazd antypaństwowych spiskowców w Nowogrodzie i Pskowie (Skrynnikow 1992, 75).

Struktura wewnętrzna opriczniny była wzorowana na strukturach cerkiewnych. Pod względem wewnętrznym przypominała zakon. Braciom opricznym przewodził car – ihumen, a jego ochrona stanowiła jedną z ważniejszych funkcji opriczniny. Współcześnie za ochronę osobistą prezydenta Federacji Rosyjskiej odpowiada Służba Bezpieczeństwa Prezydenta oraz Federalna Służba Ochrony, która dziedziczy funkcje opriczniny w zakresie zabezpieczania osoby władcy.

Jeśli uwzględnimy rozwój techniki i wiedzy w Europie, ekscesy opriczniny nie stanowiły rażącego wyjątku, odstępstwa od praktyk w państwach europejskich. W Europie nieustanny rozwój techniki oraz wiedzy determinował proces powstawania nowych metod wymuszania zeznań podczas śledztw. Publiczne egzekucje były rozrywkowymi widowiskami, a nawet niejednokrotnie wydarzeniami biletowanymi. Wraz z upływem czasu opricznicy przekształcili się w kastę nieuznającą żadnych praw ani zasad moralnych i chociaż w 1572 roku car formalnie zniósł istnienie opriczniny, to nie zrezygnował z stosowania metod jej działania w realizacji priorytetów politycznych. O ciągłości fenomenu politycznego opriczniny świadczy utworzenie komunistycznej „czerezwyczajki” – WCzKa oraz wszystkich jej późniejszych postaci aż po współczesną Federalną Służbę Bezpieczeństwa.

Ideał opriczniny od 450 lat zdaje się przenikać życie polityczne i kulturę sprawowania władzy w Rosji. To właśnie idea bezwzględnie lojalnej opriczniny – pierwszej rosyjskiej służby specjalnej zainspirowała powstanie WCzeKa, NKWD czy nawet Stasi. Idea opriczniny jako służby gwarantującej stabilność reżimu politycznego ewoluowała na przestrzeni wieków. Na każdym etapie istnienia państwa rosyjskiego funkcjonowała struktura bezpieczeństwa państwowego zabezpieczające integralność władzy. Car Iwan IV Groźny to pierwszy rosyjski władca, który zainicjował tworzenie takich struktur.

Opricznina była swoistym państwem w państwie – powołana przez rosyjskiego monarchę oraz dla ochrony ciągłości samodzielną władzy. Pomimo iż była wzorowana na organizacji zakonnej, służyła przede wszystkim interesom państwa (de Madariaga 2008, 180). Zorganizowanie opriczniny na wzór zakonu miało za zadanie stworzyć aurę elitarności i oddania sprawom państwa (Wolodichin 2015).

Styl życia opriczników regulowała Karta Zakonu ułożona przez samego cara Iwana IV Groźnego. Życie wewnątrz Słobody Aleksandrowskiej – głównej siedziby służby opricznej – regulowały surowe zasady życia klasztornego. Umundurowanie opriczników również nawiązywało do zakonnego życia. Opricznicy nosili czarne, skromne mnisie szaty. Istnieją również dowody, iż opricznicy – podobnie jak bracia zakonni – składali śluby ubóstwa, posłuszeństwa i abstynencji. Iwan IV pełnił funkcję opata stojącego na czele służby – był swego rodzaju mistrzem zakonu (Zimin 1960, 437). Car był jedynym zwierzchnikiem braci opricznych. Ponieważ

ideologią opriczniny było „oczyszczenie rosyjskiej rzeczywistości”, a w wymiarze religijnym oddzielanie dobrego pierwiastka prawosławia od „plew heretyckiego filozofowania oraz wszelkich uchybień w moralności”, opricznina nawiązywała do zasad funkcjonowania średniowiecznych zakonów (Zimin/Choroszkiewicz 1982, 97). Jako jedna z większych reform Iwana Groźnego, której celem była maksymalna kontrola społeczeństwa, monitorowanie zachowań zagrażających władzy państwowej oraz eliminacja przeciwników samodzierżawia, stała się rosyjskim odpowiednikiem istniejącym w ówczesnej Europie zakonów rycerskich. Opricznina to pierwsza służba, której nie kontrolowano w sposób zinstytucjonalizowany.

Funkcjonariusze opriczniny podlegali bezpośrednio władzy cara i jego łącznemu nadzorowi. Brak skutecznego mechanizmu kontroli powoduje, że służby specjalne – w tym również carska opricznina – stają się narzędziem realizacji państwowego terroru. Rosja z okresu panowania Iwana IV Groźnego może być uznana za państwo terrorystyczne (Lepiagin 2011, 29). Na uwagę zasługuje również fakt, iż w szeregach opriczniny – pierwszej służby łączącej w sobie zadania wywiadowcze i kontrwywiadowcze – służyli także cudzoziemcy, najemnicy wywodzący się z różnych stanów. Zagranicznym opricznikiem był Heinrich Staden znany z wątpliwej sławy podczas wyprawy na Nowogród – jednej z najbardziej krwawych operacji służby opricznej.

Opricznina była swoistym państwem w państwie. Mimo iż została powołana przez rosyjskiego monarchę dla ochrony ciągłości samodzierżawnej władzy, w rzeczywistości stanowiła odrębną strukturę funkcjonującą ponad prawem, którą wykorzystywano do ochrony interesu państwa.

We współczesnej Federacji Rosyjskiej służby specjalne, a w szczególności FSB w dalszym ciągu odgrywają istotną rolę. Przedstawiciele służb bezpieczeństwa zajmują wysokie stanowiska zarówno w aparacie władzy, jak i w strukturach biznesu. W okresie prezydentury Władimira Putina – kadrowego funkcjonariusza specsłużb – służby bezpieczeństwa państwowego zyskują coraz większe pełnomocnictwa i możliwości kształtowania rosyjskiej polityki wewnętrznej i zagranicznej. W retoryce władz, które eksponuje element bezpieczeństwa państwa, odradza się autorytet służby odpowiedzialnej za bezpieczeństwo polityczne państwa.

Prezydentura Władimira Putina otworzyła drogę powrotu funkcjonariuszy specsłużb na wysokie stanowiska w strukturach państwa, biznesu oraz mediów. Rozszerzenie kompetencji służb bezpieczeństwa państwowego, ich autorytetu i znaczenia w okresie prezydentury Władimira Putina wpisuje się w tendencje odradzania autorytetu organów bezpieczeństwa państwowego jako środowiska zabezpieczającego nienaruszalność reżimu politycznego. Postępująca eskalacja czynnika bezpieczeństwa i znaczenia specsłużb świadczy o reprodukcji idei opriczniny w dziejach Rosji. Zarządzanie przez strach, nadzór nad społeczeństwem, konsolidacja reżimu przy wykorzystaniu potencjału nietykalnych służb jest powszechną praktyką stosowaną przez reżim putinowski w celu neutralizacji potencjalnych środowisk opozycyjnych.

We współczesnej Federacji Rosyjskiej coraz częściej powraca kwestia konieczności wzmocnienia potencjału struktur bezpieczeństwa państwowego w celu walki z tzw. piątą kolumną i korupcją. Jeśli się uwzględni perspektywę wyborów prezydenckich w 2018 roku, autorytet i kompetencje służb będą stanowiły główny element rozgrywki politycznej, której celem jest konserwacja dotychczasowego modelu władzy. Ciągłość tradycji służb specjalnych jako zaplecza stabilizacji reżimu politycznego, specyficznej kasty realizującej priorytety ochrony interesów państwa jest wykorzystywana i wzmacniana przez nadekspozycję czynnika bezpieczeństwa państwa jako bytu nadrzędnego w oficjalnej retoryce władz Kremla.

Bibliografia

- ANTONOWA, L. W./PROSWIROWA, T. A. [Антонова, Л. В./Просвиrowa, Т.А.] (2010), Тайная история спецслужб России. Ростов-на-Дону.
- BRODA, M. (2015), Jurija Afanasjew a zmagania z Rosją. Łódź.
- DE MADRAGA, I. (2006), Ivan The Terrible. First Tsar of Russia. London.
- IZMOZNIK, W./KROM, M./PAWLOW, A. [Изmozник, В./Кром, М./Павлов, А.] (red.) (2002), Антология Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX век. Санкт-Петербург.
- KARAWASZKIN, A. W./JURGANOW, A. L. [Каравашкин, А. В./Юрганов, А. Л.] (2003), Опричина и страшный суд. W: Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. Москва.
- KŁUCZEWSKI, W. O. [Ключевский, В. О.] (1902), Боярская дума Древней Руси Москва.
- KOLPAKIDI, A./SEWER, A. [Колпакиди, А./Север, А.] (2011), Спецслужбы Российской Империи. Уникальная энциклопедия. Яуза.
- LAZARI, A. (1995), Mentalność rosyjska. Słownik. Łódź.
- LEPIAGIN, D. [Лепягин, Д.] (2011), Путь России. Новая опричина, или почему не нужно «валить из Рашки». Санкт-Петербург.
- MINKINA, M. (2016), FSB. Gwardia Kremla. Warszawa.
- MŁECZIN, L. M. [Млечин, Л. М.] (2013), КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. Москва.
- PAWLOW, A./PERRIE, M. (2003), Ivan the Terrible. London.
- SERCZYK, W. A. (1986), Iwan IV Groźny. Wrocław.
- SKRYNNIKOW, R. G. [Скрынников, Р. Г.] (1969), Опричный террор. Ленинград.
- SKRYNNIKOW, R. G. [Скрынников, Р. Г.] (1992), Царство террора. Санкт-Петербург.
- STADEN, H. [Стаден, Х.] (1925), Записки немца-опричника. Ленинград.
- TROFIMOW, O. [Трофимов, О.] (2017), Востребована ли в современных условиях опричина? W: <http://rusprav.tv/vostrebovana-li-v-sovremennyx-usloviyax-oprichnina-79773> [доступ 28.08.2017].
- WINTER, D. [Винтер, Д.] (2017), Опричина. От Ивана Грозного до Путина. Москва.
- WOŁODKOW, O. P. [Володьков, О. П.] (2009), К вопросу о характере и сущности опричины. W: Вестник Омского Университета. 1, 58–62.
- ZDRODOWSKI, B. (red.) (2008), Słownik terminów z zakresu bezpieczeństwa narodowego. Warszawa.
- ZIMIN, A. [Зимин, А.] (1958), И. С. Пересветов и его современники. Москва.
- ZIMIN, A. [Зимин, А.] (1960), Реформы Ивана Грозного (очерки социально-экономической и политической истории России XVI в.). Москва.
- ZIMIN, A. [Зимин, А.] (1964), Опричина Ивана Грозного. Москва.
- ZIMIN, A./CHOROSZKIEWICZ, A. L. [Зимин, А./Чорошкевич, А. Л.] (1982), Россия времени Ивана Грозного. Москва.

EKONOMIKA

ZBIGNIEW KLIMIUK

Instytut Pracy i Spraw Socjalnych w Warszawie

STOSUNKI GOSPODARCZE I HANDLOWE ZSRR – NIEMCY W LATACH 1918–1940 (CZĘŚĆ 2)

Economic and trade relations between the USSR and Germany in the period of 1918–1940 (part 2)

SŁOWA KLUCZOWE: Związek Radziecki, Niemcy, handel zagraniczny, stosunki handlowe, układ handlowy, obroty handlowe, eksport, import, przedstawicielstwo handlowe, cła i kontyngenty

KEYWORDS: Soviet Union, Germany, foreign trade, trade relations, trade agreement, trade turnover, export, import, trade representation, custom tariffs and quotas

ABSTRACT: The author analyzes in his paper the economic and trade relations between Germany and the Soviet Union in the period of 1918–1944. During this period trade relations with Germany constituted a continuation of relations between Tsarist Russia and Germany before World War I. The German-Soviet Economic Agreement of October 12, 1925, formed special conditions for the mutual trade relations between the two countries. In addition to the normal exchange of goods, German exports to the Soviet Union were based, from the very beginning, on a system negotiated by the Soviet Trade Mission in Berlin under which the Soviet Union was granted loans for financing additional orders from Germany. Trade with the Soviet Union, promoted by the first credit-based operations, led to a dynamic exchange of goods, which reached its highest point in 1931. In the early 1930s, however, Soviet imports decreased as the regime asserted power and its weakened adherence to the disarmament requirements of the Treaty of Versailles decreased Germany's reliance on Soviet imports. In addition, the Nazi Party's rise to power increased tensions between Germany and the Soviet Union. In the mid-1930s, the Soviet Union made repeated efforts at reestablishing closer contacts with Germany. The Soviets chiefly sought to repay, with raw materials the debts which arose from earlier trade exchange, while Germany sought to rearm, therefore both countries signed a credit agreement in 1935. That agreement placed at the disposal of the Soviet Union until June 30, 1937 the loans amounting to 200 million Reichsmarks which were to be repaid in the period 1940–1943. The Soviet Union used 183 million Reichsmarks from this credit. The preceding credit operations were, in principle, liquidated. Economic reconciliation was hampered by political tensions after the Anschluss in the mid-1938 and Hitler's increasing hesitance to deal with the Soviet Union. However, a new period in the development of Soviet-German economic relations began after the Ribbentrop–Molotov Agreement, which was concluded in August of 1939.

1. Handel zagraniczny ZSRR – Niemcy w latach wielkiego kryzysu

W 1929 roku wybuchł wielki kryzys gospodarczy, który objął także Niemcy, gdzie spowodował bardzo duży spadek produkcji przemysłowej i obrotów handlu zagranicznego. O ile obroty handlu zagranicznego Niemiec w 1929 roku wynosiły 27 mld RM, o tyle w 1932 (kiedy kryzys osiągnął apogeum) kształtowały się tylko na poziomie 10,4 mld RM. Oznaczało to, iż w okresie 4 lat spadły one aż 2,6-krotnie, osiągając w 1932 roku zaledwie 38,5% poziomu obrotów z 1929. W tym czasie ZSRR przystąpił do realizacji pierwszego planu 5-letniego i w końcowej fazie tego okresu, tj. w 1933 roku, w znacznym stopniu podniósł poziom swojej produkcji (J. S. 1930). W warunkach szybkiego wzrostu gospodarczego dużą rolę w jego przyspieszeniu odgrywał handel zagraniczny, który zaopatrywał przemysł w niezbędne maszyny i urządzenia, stwarzając podstawy do uruchomienia i rozszerzenia produkcji w kraju. Szczególną rolę w obrotach handlu zagranicznego ZSRR odgrywały w tym okresie Niemcy. Również i one w dużym stopniu były zainteresowane rozwojem stosunków handlowych z ZSRR, który mógł stać się bardzo ważnym rynkiem zbytu dla niemieckiego przemysłu (Strumthahl 1937). Niemcy przy ogromnym spadku zbytu na tradycyjnych rynkach zachodnich, produkując przede wszystkim dla zagranicznego odbiorcy, zainteresowane były rozwojem jak najlepszych stosunków z ZSRR. Nie wydaje się więc zaskakujące, że wielkość obrotów między ZSRR i Niemcami w tym okresie gwałtownie wzrosła (zob. tabela 1).

Tabela 1. Obroty handlu zagranicznego ZSRR – Niemcy w latach 1929–1932 (w mln rubli)

Lata	Obroty	Eksport	Import	Saldo
1929	1428,2	749,8	678,4	+ 71,4
1930	1591,2	717,0	874,2	– 157,2
1931	1882,0	450,8	1431,2	– 980,4
1932	1492,5	350,3	1142,1	– 791,8

Źródło: Wnieszniaja 1960, tab. VII i VIII

O zwyczajnie ogólnych obrotów decydował olbrzymi wzrost importu radzieckiego z Niemiec, który rekompensował spadek radzieckiego eksportu do Niemiec. Wielkość obrotów w 1931 roku, kiedy to osiągnęły one maksimum, była o 22% wyższa niż w latach 1927–1929, przy czym import z Niemiec w tym okresie wzrósł aż o 65,2%. Do znacznego rozszerzenia radzieckiego importu z Niemiec przyczyniła się umowa o kredytach, których Niemcy udzieliły ZSRR na warunkach o wiele korzystniejszych niż kredyt w 1926 roku. Do podpisania nowej umowy doszło 14 kwietnia 1931 roku. Została ona poprzedzona rokowaniami w Moskwie, które prowadzone były od lutego. O znaczeniu tych rozmów dla Niemiec, w szczególności dla ich przemysłu bez zwracania uwagi na przesłanki polityczne, które w okresie wcześniejszym hamowały wzrost obrotów między obydwojema krajami, świadczył

fakt udziału w rokowaniach prowadzonych z przedstawicielami Najwyższej Rady Gospodarczej ZSRR przedstawicieli największych firm przemysłowych, takich jak Zakłady Kruppa, Siemens, AEG itd.

Na mocy układu 14 kwietnia 1931 roku Najwyższa Rada Gospodarcza ZSRR przyjęła na siebie obowiązek rozlokowania między firmy niemieckie w okresie od 15 kwietnia do 31 sierpnia 1931 zamówień na ogólną sumę 300 mln RM, tj. powyżej poziomu transakcji handlowych dokonywanych do tej pory. O ile na podstawie 300 mln kredytu z 1926 roku w ciągu 12 miesięcy zostały rozlokowane zamówienia na ogólną kwotę 315,6 mln RM, o tyle na podstawie porozumienia z 14 kwietnia 1931 w ciągu 3,5 miesiąca rozlokowano zamówienia na ogólną sumę 345,1 mln RM (Torgowyje otnoszenija SSSR 1938, 138). Do udzielenia kredytów w 1926 roku zostało utworzone konsorcjum bankowe, w skład którego weszło 27 banków niemieckich, natomiast w 1931 roku dyskontowaniem weksli otrzymywanych od ZSRR zajął się bezpośrednio Bank Rzeszy. ZSRR wykorzystywał te kredyty przede wszystkim do finansowania zakupu maszyn, metali żelaznych oraz wyrobów z nich. W związku z tym w znacznym stopniu wzrosła wielkość zakupionych maszyn w ujęciu wartościowym. O ile w 1927–1928 roku import maszyn z Niemiec wynosił 461 mln rubli, to w 1930 już 571,8 mln, w 1931 osiągnął poziom 825,4 mln, a w 1932 doszedł do 772,7 mln rubli. Z przytoczonych danych wynika, że w 1931 roku import maszyn i urządzeń był prawie 2-krotnie wyższy niż w okresie 1927–1928.

Dla Niemiec ZSRR stał się największym odbiorcą maszyn i urządzeń wywożonych z kraju, a jego udział w niemieckim eksporcie maszyn wynosił w 1931 roku 28%, a w 1932 aż 43%. Znaczny wzrost eksportu maszyn i wyrobów żelaznych z Niemiec do ZSRR spowodował przesunięcie się ZSRR z 10. miejsca zajmowanego w 1928 roku na 4. w 1931 oraz na 2. po Holandii w 1932 wśród niemieckich importerów. Udział ZSRR w ogólnym eksporcie Niemiec wynosił w 1931 roku 7,9%, a w 1932 – 10,9% (udział Holandii w 1932 wynosił 11,0%) (Kuczyński/Witkowski 1947, 67). Olbrzymiemu wzrostowi eksportu z Niemiec do ZSRR nie towarzyszył wzrost importu i mimo znacznego importu z ZSRR udział tego kraju w niemieckim imporcie pozostawał niewielki i wynosił w 1931 roku zaledwie 4,5%, a w 1932 – 5,8%, co dawało ZSRR 3. miejsce w niemieckim imporcie po USA (12,7%) i Holandii (5,9%). Jak podkreślono wcześniej, nie nadążał on za eksportem do ZSRR. Dlatego też ZSRR pod koniec 1931 roku podjął starania mające na celu zwiększenie eksportu do Niemiec – największego partnera handlowego (Statistisches Buch 1935). Wzrost protekcyjizmu w Niemczech w 1931 roku wyrażający się we wprowadzeniu ograniczeń dewizowych, jeszcze bardziej utrudniał zbyt towarów radzieckich na niemieckim rynku. Tymczasem pasywne saldo obrotów ZSRR z Niemcami osiągnęło tylko w 1932 roku zawrotną sumę 1,2 mld rubli (kurs bieżący). W związku z tym rząd radziecki zażądał poprawy warunków dla radzieckiego eksportu do Niemiec. Rozmowy dotyczące tego problemu zostały rozpoczęte 12 listopada 1931 roku i doprowadziły do podpisania protokołu gospodarczego 22 grudnia 1931,

potwierdzonego wymianą not z 6–7 maja 1932. Istotne w tym porozumieniu było to, że cały obrót handlowy między obydwooma krajami miał się dokonywać w markach niemieckich. Tak więc radzieckie organizacje handlowe otrzymywały przy eksporcie do Niemiec zapłatę w markach, również w markach ZSRR zobowiązany był uiszczać należność za towary sprowadzane z Niemiec. Poza tym porozumienie z 22 grudnia przewidywało obniżenie taryf celnych oraz całkowite zwolnienie z ceł dla pewnej grupy towarów, które odgrywały dużą rolę w radzieckim eksporcie do Niemiec (m.in. produkty ropy naftowej). Ratyfikacji porozumienia z 22 grudnia towarzyszyło zawarcie nowego porozumienia o ogólnych warunkach dostaw (15 czerwca 1932). Regulowało ono liczne szczegółowe problemy zawarcia i wykonania umów w dostawach. Najważniejszą jego część stanowiło porozumienie o terminie udzielonych kredytów oraz o ich oprocentowaniu (Grabska 1964). W porozumieniu nie była przewidziana ogólna suma dostaw, jak miało to miejsce we wcześniejszych porozumieniach o kredytach z 1926 oraz z 1931 roku.

Porozumienie z 22 grudnia o rozrachunkach w markach niemieckich i ulgach dla eksportu ZSRR do Niemiec, a także nowe porozumienie kredytowe były przesłankami dla rozlokowania nowych zamówień w niemieckim przemyśle (Torgowyje otnoszenija SSSR 1938, 140). W następstwie tego niemiecki eksport do ZSRR również w 1932 roku utrzymywał się na wysokim poziomie. Udział Niemiec w imporcie ZSRR wzrósł z 23,7% w 1930 roku do 37,2% w 1931 oraz 46,5% w 1932. Jeszcze większą rolę niż w globalnym imporcie odgrywały Niemcy na rynku artykułów przemysłowych, a zwłaszcza maszyn i urządzeń. W 1932 roku Niemcy dostarczyły ZSRR aż 56,4% wszystkich maszyn, jakie ZSRR sprowadził z zagranicy, w tym import urządzeń elektrycznych i energetycznych wynosił 48% całego radzieckiego importu tej grupy produktów. Niemcy w całym omawianym okresie znajdowały się na 1. miejscu w radzieckim imporcie (Smirnov 1960).

W radzieckim eksporcie udział Niemiec był o wiele niższy i wynosił w 1930 roku – 19,8%, w 1931 – 15,9% oraz w 1932 – 17,5%. W latach 1929–1933 w radzieckim eksporcie Niemcy znajdowały się stale na 2. miejscu za Wielką Brytanią, ustępując jej jednak bardzo wyraźnie (w 1932 udział Wielkiej Brytanii w radzieckim eksporcie osiągnął poziom 32,9%).

Jak już wcześniej wspomniano, w radzieckim imporcie z Niemiec dominowały wyroby gotowe, zwłaszcza maszyny. Strukturę towarową importu radzieckiego z Niemiec w latach 1928–1933 przedstawia tabela 2.

Z danych zawartych w tabeli 2 wyraźnie wynika, jak dużą rolę w omawianym czasie w imporcie z Niemiec odgrywały maszyny i urządzenia, których udział w ogólnym imporcie wahał się od 53,9% w 1929 roku do 67,5% w 1932. Warty odnotowania jest także fakt stale spadającego udziału wyrobów chemicznych, które w 1929 roku stanowiły jeszcze 12,8% globalnego radzieckiego importu z Niemiec, a w 1932 ich udział wynosił tylko 1,1%. Rzeczą charakterystyczną i znaną była natomiast wzrost importu z Niemiec surowców mineralnych, a zwłaszcza

Tabela 2. Struktura towarowa importu ZSRR z Niemiec w latach 1929–1933 (w %)

Grupy towarowe	1929	1930	1931	1932
I. Maszyny i urządzenia	53,9	65,4	57,8	67,5
II. Artykuły konsumpcyjne pochodzenia przemysłowego	1,0	0,5	0,1	–
III. Artykuły chemiczne	12,8	6,2	2,5	1,3
IV. Surowce mineralne, paliwa, metale	17,4	19,1	34,7	29,7
V. Surowce pochodzenia roślinnego i zwierzęcego	12,8	4,2	1,4	0,4
VI. Materiały budowlane	0,6	1,4	1,9	0,8
VII. Środki żywności	0,0	2,2	0,8	0,2
VIII. Żywe zwierzęta	1,5	1,0	0,8	0,0
Razem	100,0	100,0	100,0	100,0

Źródło: obliczenia własne na podstawie Wnieszniaja 1960, tab. VIII

metali żelaznych. W 1931 roku udział tej grupy, tj. surowców mineralnych, w całym imporcie wynosił 34,7%, spadł natomiast prawie do 0 w ostatnich latach kryzysu udział surowców pochodzenia roślinnego i zwierzęcego. Do najważniejszych wyrobów importu radzieckiego z Niemiec należały w tym okresie: sprzęt dla kopalń i hut, którego udział w globalnym imporcie z Niemiec w 1931 roku wynosił 25,0%, oraz urządzenia elektryczne i energetyczne (12,8% całego radzieckiego importu z Niemiec). W eksporcie ZSRR do Niemiec przy stale spadających obrotach została utrzymana przewaga surowców, zwłaszcza pochodzenia roślinnego i zwierzęcego. Strukturę towarową eksportu w tym okresie prezentuje tabela 3.

Tabela 3. Struktura towarowa eksportu ZSRR do Niemiec w latach 1929–1932 (w %)

Grupy towarowe	1929	1930	1931	1932
I. Maszyny i urządzenia	0,0	0,0	0,5	2,3
II. Artykuły konsumpcyjne pochodzenia przemysłowego	3,4	4,1	3,4	5,5
III. Artykuły chemiczne	1,2	3,0	3,2	2,7
IV. Surowce mineralne, paliwa, metale	12,8	12,5	11,4	19,7
V. Surowce pochodzenia roślinnego i zwierzęcego	55,6	50,8	47,0	46,2
VI. Materiały budowlane	0,0	0,0	0,3	0,3
VII. Środki żywności	27,3	29,6	33,2	23,3
Razem	100,0	100,0	100,0	100,0

Źródło: obliczenia własne na podstawie Wnieszniaja 1960, tab. VII

Udział surowców pochodzenia roślinnego i zwierzęcego wahał się w przedziale od 55,6% w 1929 roku do 46,2% w 1932. Wyraźnie widać również powolny wzrost eksportu maszyn i urządzeń do Niemiec. W 1932 roku ZSRR wyeksportował do Niemiec maszyny i urządzenia na ogólną sumę 7,2 mln rubli, co stanowiło 2,3% ogólnego eksportu radzieckiego do tego kraju. Podany wynik należy uważać za duże osiągnięcie młodego przemysłu radzieckiego, który już w tym okresie zaczynał konkurować (co prawda w niewielkim zakresie) z wyrobami niemieckimi na ich rynku wewnętrznym (Dobb 1948). Do najważniejszych artykułów radzieckiego eksportu do Niemiec w latach 1929–1932 należały futra, a ich udział w ogólnym

eksportcie do Niemiec wynosił: w 1929 roku – 24,0%, w 1930 – 18,0%, w 1931 – 18,9%, a w 1932 – 18,1%. Ważne miejsce w eksporcie w 1930 roku zajmowała pszenica (10,5%), spadło natomiast znaczenie eksportu jaj i masła. Ich udział w globalnym eksporcie do Niemiec w 1932 roku wynosił odpowiednio 1,4% i 7,0%. Również w niewielkim stopniu spadło znaczenie ropy naftowej, jej udział w eksporcie do Niemiec w 1932 roku kształtował się na poziomie 8,4%.

2. Stosunki handlowe ZSRR – Niemcy w latach 1933–1940

Z chwilą dojścia do władzy Hitlera nastawienie Niemiec do ZSRR znacznie się zmieniło. Wroga polityczna postawa Niemiec wobec ZSRR jeszcze bardziej zwiększyła trudności zbytu radzieckich towarów na rynku niemieckim. W rezultacie system kontyngentowania, stworzenie monopolistycznych organizacji importowych i szeregu innych przedsięwzięć polityki handlowej Niemiec doprowadziło do zlikwidowania klauzuli największego uprzywilejowania we wzajemnych obrotach (Torgowyje odnoszenija SSSR 1938, 141). Nic więc dziwnego, że eksport ZSRR do Niemiec zaczął szybko się obniżać. Tylko wznowienie porozumienia o rozrachunku w markach, dające niemieckiemu importerowi możliwość sfinansowania radzieckich dostaw w walucie niemieckiej, w pewnym stopniu sprzyjało radzieckiemu eksportowi do Niemiec, nie naruszając kontyngentu dewizowego postawionego do dyspozycji niemieckim przedsiębiorstwom. Jednak czynnik ten był zbyt słaby, ażeby zapobiec szybkiemu spadkowi eksportu ZSRR do Niemiec. Jedną z trudności, jaką napotkał ZSRR w obrotach z Niemcami, była konieczność spłaty olbrzymich kredytów z lat 1931–1932, kiedy to pasywne saldo bilansu handlowego z Niemcami wynosiło aż 2,5 mln rubli (wg kursu bieżącego), a ujemne saldo bilansu płatniczego było jeszcze większe. Urzeczywistnienie dużych płatności w krótkim okresie wymagało rozszerzenia eksportu, jednak rząd niemiecki nie robił prawie nic, aby ułatwić spłatę kredytów. Co prawda w 1933 roku zgodził się przyjąć dostawy w wysokości 140 mln RM na poczet spłaty kredytu, a w protokole z 20 marca 1934 stwierdził, że radziecki eksport powinien być doprowadzony do poziomu 200 mln RM, jednak protokół ten pozostał tylko czystą teorią i nie wprowadzono go w życie. Eksport radziecki do Niemiec napotkał na liczne przeszkody stawiane mu przez rząd niemiecki (Ginzburg 1937, 126). Takie stanowisko Niemiec pociągnęło za sobą zmniejszenie zakupów radzieckich w Niemczech. W 1933 roku import radziecki z Niemiec wynosił jeszcze 516 mln rubli, natomiast w 1934 spadł do 101 mln. Tak szybki spadek importu radzieckiego skłonił Niemcy do podjęcia w końcu 1934 roku rokowań z „torgpredstwem” ZSSR w Niemczech dotyczących warunków w dalszych stosunkach handlowych między obydwoma krajami. Rozmowy te zakończyły się 20 marca 1935 roku zawarciem nowego porozumienia między

radzieckim „torgpredstwem” a Rosyjskim Komitetem Gospodarki Niemieckiej o warunkach dostaw (Kuczyński/Witkowski 1947, 108). W nowych warunkach dostaw przewidziane zostały formalności przy składaniu zamówień, omawiane były wszelkie problemy związane z terminami dostaw, kontrolą jakości towarów oraz obowiązkami związanymi z usunięciem braków. Do tego porozumienia dołączono porozumienie o postępowaniu arbitrażowym.

Wkrótce po zawarciu porozumienia o warunkach dostaw zostało zawarte nowe porozumienie między „torgpredstwem” a rządem niemieckim (9 maja 1935). Porozumienie to przewidywało 5-letni kredyt na sumę 200 mln RM przeznaczony na zakup towarów niemieckich. Kredyt ten został udzielony przez Niemieckie Towarzystwo Dyskontowe, a stopa procentowa o 2,9% przewyższała oficjalną stopę Banku Rzeszy. Na podstawie poprzednich kredytów przedstawicielstwo handlowe ZSRR wystawiało weksle za dostarczane towary. W nowym porozumieniu z 9 maja przewidziano, że zamówienia na podstawie tego kredytu będą rozlokowane w przypadku cen do przyjęcia i spłacane gotówką na rachunek kredytowy (W. G. D. 1936). Porozumienie oprócz warunków kredytowych zawierało także postanowienia o sposobie wygasania bieżących obowiązków płatniczych i o wzajemnym obrocie towarowym.

W latach 1936 i 1937 w wyniku realizacji postanowień porozumienia z 9 maja 1935 roku nastąpił minimalny wzrost importu radzieckiego z Niemiec w porównaniu z latami 1934–1935 i osiągnął w 1936 roku wartość 245,4 mln rubli. W 1937 – mimo znacznego spadku w porównaniu z rokiem poprzednim – wielkość importu z Niemiec wynosiła 120,3 mln rubli i była większa niż w latach 1934–1935 (Glass 1936). Jednocześnie wystąpiły olbrzymie trudności ze zbytem radzieckich towarów na rynku niemieckim. Wiązało się to z faktem, iż radzieccy importerzy, aby sprowadzić z zagranicy jakikolwiek towar, musieli otrzymać pozwolenie przywozu. W związku z tym rząd radziecki podjął decyzję o zmniejszeniu eksportu do krajów, gdzie występowały trudności z otrzymaniem efektywnej waluty, popierając jednocześnie eksport swoich towarów do krajów, których waluta była swobodnie wymieniana na rynku światowym. W rezultacie eksport do Niemiec szybko się zmniejszał. W 1934 roku wynosił on 343 mln rubli, a w 1937 tylko 80,7 mln. W latach 1938–1939 tendencje spadkowe obrotów nasiliły się w wyniku wrogiej polityki rządu niemieckiego wobec ZSRR oraz wykorzystaniu stosunków handlowych do prowadzenia wzajemnej działalności szpiegowskiej. Import z Niemiec zmalał z poziomu 120,3 mln rubli w 1937 roku do 43,2 mln rubli w 1939, zaś eksport z 60,7 mln rubli w 1937 roku do 46,5 mln rubli w 1939. Ten olbrzymi spadek obrotów połączony ze spadkiem znaczenia Niemiec w radzieckim handlu zagranicznym został zahamowany dopiero pod koniec 1939 roku, co było rezultatem zbliżenia (sojuszu) polityczno-militarnego Niemiec i ZSRR (efekt układu Ribbentrop-Mołotow) (Torgowije odnoszenija SSSR 1938, 143). Na podstawie układu politycznego doszło do podpisania umowy handlowej i kredytowej. Nastąpiło to 19 sierpnia

1939 roku. Ważnym uzupełnieniem umowy było porozumienie gospodarcze z 11 lutego 1940 roku, które przewidywało wzrost importu z ZSRR surowców przemysłowych i artykułów spożywczych oraz jednocześnie wzrost importu wyrobów gotowych z Niemiec. Zawarte porozumienie miało niewątpliwie duże znaczenie dla ZSRR i sprzyjało rozszerzeniu jego handlu zagranicznego (Pokrovskij 1947). Wzrost obrotów z Niemcami zrekompensował gospodarce radzieckiej straty, jakie poniosła ona w obrotach z Wielką Brytanią i Francją związane z anulowaniem radzieckich zamówień na tych rynkach w związku z niemożliwością otrzymania pewnej zapłaty.

Rezultatem zawarcia porozumienia z 11 lutego był znaczny wzrost wzajemnych obrotów i zdecydowane wysunięcie się Niemiec na 1. miejsce w obrotach handlu zagranicznego ZSRR. Import radziecki z Niemiec osiągnął w 1940 roku wartość 316,3 mln rubli, zaś eksport aż 555,9 mln. Zmiany zachodzące w wielkości obrotów handlowych między Niemcami i ZSRR w latach 1933–1940 przedstawia tabela 4.

Tabela 4. Obroty handlu zagranicznego ZSRR – Niemcy w latach 1933–1940 (w mln rubli)

Lata	Obroty	Eksport	Import	Saldo
1933	818,7	298,8	519,9	- 221,1
1934	443,2	343,0	100,2	+ 242,8
1935	305,8	230,2	75,6	+ 154,6
1936	338,2	92,8	245,4	- 152,6
1937	232,0	80,7	151,3	- 70,6
1938	115,4	64,7	50,7	+ 14,0
1939	88,8	46,5	42,3	+ 4,2
1940	872,2	555,9	316,3	+ 239,6

Źródło: Wnieszniaja 1960, tab. VII i VIII

Zmiany zachodzące w obrotach bardziej widoczne były w liczbach względnych niż absolutnych. W tabeli 5 za 100 przyjęto poziom obrotów z 1931 roku, kiedy osiągnęły one maksymalne rozmiary, zaś wielkość obrotów, eksportu i importu w latach 1933–1940 odniesiono do okresu bazowego.

Tabela 5. Dynamika handlu zagranicznego ZSRR – Niemcy w latach 1933–1940 (1931=100)

Lata	Obroty	Eksport	Import
1931	100,0	100,0	100,0
1933	43,5	66,2	36,3
1934	22,5	76,0	7,0
1935	16,2	51,0	5,3
1936	18,0	20,6	17,1
1937	12,3	17,9	10,6
1938	6,1	14,4	3,5
1939	5,3	10,3	3,0
1940	45,3	123,3	22,1

Źródło: obliczenia własne na podstawie danych zawartych w tabelach

W związku z olbrzymim spadkiem obrotów, co wynika z danych zawartych w tabelach, Niemcy utraciły przodującą pozycję w obrotach handlu zagranicznego ZSRR. Miejsce i procentowy udział Niemiec w radzieckim imporcie i eksporcie w okresie 1933–1940 obrazuje tabela 6.

Tabela 6. Procentowy udział i miejsce Niemiec w obrotach handlu zagranicznego ZSRR w latach 1933–1940

Lata	Eksport		Import	
	Miejsce	Udział	Miejsce	Udział
1933	1	17,3	1	42,9
1934	1	23,5	2	11,4
1935	2	18,0	3	9,0
1936	3	8,6	1	22,8
1937	3	6,1	3	14,9
1938	3	6,3	4	4,9
1939	3	10,9	3	5,8
1940	1	52,1	2	29,0

Źródło: obliczenia własne na podstawie Wnieszniaja 1960

ZSRR tak jak w poprzednich latach, z wyjątkiem dwóch lat wielkiego kryzysu 1931–1932, nie odgrywał większej roli w obrotach Niemiec, a jego udział w eksporcie tego kraju wahał się w przedziale od 2,7% w 1936 roku do 0,6% w 1939, zaś w imporcie Niemiec od 5,2% w 1935 roku do 0,6% w 1939 i zajmował dalsze miejsce, ustępując bardzo wyraźnie mocarstwom zachodnim – Holandii, Wielkiej Brytanii, USA, Włochom oraz Szwecji. Jedynie w 1940 roku ZSRR wysunął się na 3. miejsce w niemieckim imporcie po Włoszech i Holandii z udziałem 7,8% i na 4. miejsce w eksporcie z udziałem 4,4% w niemieckim eksporcie. Struktura obrotów w latach 1933–1940 była podobna do struktury w okresach poprzednich (zob. tabela 7).

Tabela 7. Struktura towarowa importu ZSRR z Niemiec w latach 1932–1940 (w %)

Grupy towarowe	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
I. Maszyny i urządzenia	64,1	63,1	60,9	82,7	80,1	61,8	82,0	49,5
II. Artykuły konsumpcyjne pochodzenia przemysłowego	0,3	0,1	4,0	0,2	0,1	1,4	0,0	0,3
III. Artykuły chemiczne	1,2	9,7	9,9	4,5	3,5	11,8	3,5	3,3
IV. Surowce mineralne, paliwa, metale	34,0	25,4	22,6	11,3	15,5	24,6	14,4	46,5
V. Surowce pochodzenia roślinnego i zwierzęcego	0,4	1,5	2,4	1,3	0,7	0,3	0,5	0,4
VI. Materiały budowlane								
VII. Środki żywności	–	–	–	–	–	0,1	–	–
VIII. Żywe zwierzęta	0,0	0,1	0,1	0,0	–	–	–	–
	0,0	0,0	0,1	0,2	0,1	–	–	0,0
Razem	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Źródło: obliczenia własne na podstawie Wnieszniaja 1960, tab. VIII

Dominujące znaczenie w imporcie z Niemiec miały wyroby gotowe. Ich udział w globalnym imporcie osiągnął maksimum w 1936 roku, kiedy wynosił aż 82,7%. Najniższy udział odnotowano w 1940 roku – 49,5%. Niski udział maszyn i urządzeń w 1940 wynikał ze znacznego rozszerzenia importu surowców mineralnych, szczególnie rudy żelaza (23,6% ogólnego importu z Niemiec w 1940) oraz węgla kamiennego (20,2%). W grupie maszyn najważniejszą rolę odgrywały obrabiarki do metali, a największy udział w imporcie z Niemiec osiągnęły one w 1936 roku – 22,2%.

W radzieckim eksporcie do Niemiec w latach 1933–1940, podobnie jak w ostatnich latach wielkiego kryzysu, decydujące znaczenie miały surowce pochodzenia zarówno roślinnego, jak i zwierzęcego (Struktura handlu zagranicznego 1938). Spadł natomiast eksport artykułów spożywczych i został odbudowany dopiero w 1940 roku. Najważniejszymi artykułami wyeksportowanymi z ZSRR do Niemiec w latach 1933–1934 były futra (13,0% w 1934) oraz ropa naftowa i jej pochodne (8,9% w 1934). W latach 1935–1939 do najważniejszych artykułów eksportowych do Niemiec należały ropa naftowa i jej pochodne oraz tarcica drzewna (w 1938 – 36,2% eksportu ogółem). W 1940 roku, kiedy struktura eksportu radzieckiego do Niemiec uległa dużym przeobrażeniom, najważniejszymi artykułami wywożonymi były: jęczmień (24,5%), ropa naftowa (18,5%) i ponownie futra (17,8%). Strukturę towarową radzieckiego eksportu do Niemiec przedstawia tabela 8.

Tabela 8. Struktura towarowa eksportu radzieckiego do Niemiec w latach 1933–1940

Grupy towarowe	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
I. Maszyny i urządzenia	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	–
II. Artykuły konsumpcyjne pochodzenia przemysłowego	4,2	1,1	0,6	1,7	1,8	2,5	2,3	0,1
III. Artykuły chemiczne	3,4	2,6	2,1	3,3	3,8	3,1	1,4	2,2
IV. Surowce mineralne, paliwa, metale	17,4	13,0	19,0	23,4	23,8	11,1	7,8	22,6
V. Surowce pochodzenia roślinnego i zwierzęcego	60,0	58,6	65,3	71,5	69,5	82,1	72,8	42,0
VI. Materiały budowlane	0,4	0,2	0,1	0,0	–	–	–	–
VII. Artykuły spożywcze	13,5	24,2	11,9	0,1	1,0	1,2	15,7	35,1
Razem	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Źródło: obliczenia własne na podstawie Wnieszniaja 1960, tab. VII i VIII

3. Podsumowanie

W latach 1918–1940 Niemcy były największym partnerem handlowym ZSRR, o czym świadczył ich udział w ogólnych obrotach tego kraju. W tamtym czasie ogólne obroty handlowe ZSRR (eksport oraz import) wynosiły 68 814 mln rubli (kurs z 1950 roku), z czego na Niemcy przypadało 15 644 mln rubli, co stanowiło 22,7%. Dla porównania na znajdującą się na 2. miejscu Wielką Brytanię przypadała kwota 12 237 mln rubli, a udział w ogólnych obrotach wynosił 17,8%. Szczególną

rolę odgrywały Niemcy w radzieckim imporcie. W całym okresie 1918–1940 przywieziono z Niemiec towary na łączną sumę 9067 mln rubli, co stanowiło 26,0% ogólnego radzieckiego importu. Wśród produktów importowanych z Niemiec najważniejszą pozycję zajmowały maszyny i urządzenia. Ich import w omawianym czasie wynosił aż 4832 mln rubli, co równało się 53,3% całego radzieckiego importu z Niemiec i 41,4% całego importu tej grupy, tj. maszyn i urządzeń. Szczególną rolę odgrywał import maszyn i urządzeń z Niemiec w pierwszych latach odbudowy i uprzemysłowienia kraju, przyczyniając się do szybkiego wzrostu potencjału gospodarczego ZSRR, a przede wszystkim do rozwoju radzieckiego przemysłu ciężkiego (Eichhorn, 1930, 80–92).

W eksporcie Niemcy znajdowały się na 2. miejscu, ustępując Wielkiej Brytanii, której udział w radzieckim eksporcie wynosił 24,9%, podczas gdy udział Niemiec w całym okresie 1918–1940 kształtował się na poziomie 19,4%. Niemcy były dużym odbiorcą radzieckich środków żywności (ponad 44,0% całego eksportu radzieckiego tej grupy w omawianym czasie) oraz surowców pochodzenia roślinnego i zwierzęcego (13,8% eksportu tej grupy i 45,1% całego radzieckiego eksportu do Niemiec). W gospodarce niemieckiej obroty handlowe z ZSRR nie odgrywały tak dużej roli i jedynie w okresie wielkiego kryzysu, a szczególnie w latach 1931–1932 oraz w okresie 1939–1940, ZSRR był ważnym partnerem handlowym Niemiec (Kuczyński/Witkowski 1947). Różne znaczenie obrotów wynikało z miejsca, jakie zajmował handel zagraniczny w gospodarce obu krajów. W gospodarce niemieckiej odgrywał on istotną rolę (ok. 25% całej produkcji było realizowane na rynkach zagranicznych), natomiast dla gospodarki ZSRR handel zagraniczny miał znikome znaczenie. Malowało ono wraz z szybkim podnoszeniem własnego potencjału gospodarczego, co należy uznać za swego rodzaju paradoks. Udział handlu zagranicznego w tworzeniu dochodu narodowego wynosił w ZSRR tylko ok. 5%.

Bibliografia

- 50 let (1967), 50 let sowietskoj trgovli. Moskwa.
ANDERS, R. (1928), *Der Handelsverkehr der UdSSR mit Deutschland*. Berlin.
BARSZCZEWSKI, W. (1930), Dumping sowiecki. W: *Przegląd Gospodarczy*. 21, 890–894.
BETTELHEIM, CH. (1950), *L'Economie sovietique*. Paris.
BOBROWSKI, C. (1928), Problem industrializacji w ZSRR. W: *Przemysł i Handel*. 51, 2106–2110.
CIEPIELEWSKI, J./KOSTROWICKA, I./LANDAU, Z./TOMASZEWSKI, J. (1970), *Historia gospodarcza świata XIX i XX wieku*. Warszawa.
DOBB, M. (1948), *Soviet economic development*. London.
FABIERKIEWICZ, W. (1926), *Rosja współczesna*. Warszawa.
GINZBURG, A. (1937), *Wnieszniaja trgovla SSSR*. Moskwa.
GLASS, S. (1928), Kierunki handlu zagranicznego Niemiec (1925–1927). W: *Przegląd Gospodarczy*. 8, 373–377.
GLASS, S. (1928A), Dziesięciolecie sowieckiego monopolu handlu zagranicznego. W: *Przegląd Gospodarczy*. 11, 539–542.
GLASS, S. (1936), Sprawa parytetu waluty sowieckiej. W: *Przegląd Gospodarczy*. 2, 54–57.

- GLASS, S. (1937), Nowa konstytucja i ustrój gospodarczy ZSRR. W: *Przegląd Gospodarczy*. 2, 44–47.
- GLASS, S. (1938), XX-lecie sowieckiego monopolu handlu zagranicznego. W: *Przegląd Gospodarczy*. 14, 568–571.
- Gospodarka (1950), Gospodarka narodowa ZSRR (cz. I). Warszawa.
- GRABSKA, W. (1964), Ekspansja Niemiec na Wschód. Wrocław.
- HICHHORN, L. (1930), Die Handelsbeziehungen Deutschlands zur Sowjetrussland. Rostock.
- J. S. (1930), Rosja dzisiejsza jako importer. W: *Polska Gospodarcza*. 10, 452–453.
- JURKIEWICZ, J. (1966), Niektóre problemy stosunków polsko-radzieckich w okresie międzywojennym 1918–1939. W: *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich*. Studia i materiały. Warszawa, 18–38.
- KLEER, J. (1967), ZSRR – pół wieku przemian gospodarczych. Warszawa.
- Koncesje (1924), Koncesje w Rosji Radzieckiej. W: *Przegląd Gospodarczy*. 13, 593–594.
- KOROLENKO, A. S. (1954; 1959), Torgowyje dogowory i sogłaszenija SSSR z inostrannymi gosudarstwami. Moskwa.
- KOWAN, I. (1967), Prawowoje soderżanije dekreta o nacjonalizacji wnieszniej torgowli. W: *Wnieszniaja Torgowla*. 4, 13–14.
- KUCZYŃSKI, J./WITKOWSKI, G. (1947), Die deutsch-russischen Handelsbeziehungen in den letzten 150 Jahren. Berlin.
- LINIECKIJ, E. (1925), Ekonomika i planirowanije sowietskoj torgowli. Moskwa.
- MAINZ, K. (1930), Die Auswirkungen des Aussenhandelsmonopols auf die deutsch-sowjetrussischen Wirtschaftsbeziehungen. Berlin.
- MISZUSTIN, D. (1938), Wnieszniaja torgowla i industrializacija SSSR. Moskwa.
- OTMAR BERSON, J. (1933), Nowa Rosja. Na przełomie dwóch piątelek. Warszawa.
- PATOLICZEW, N. (1968), Piatdziesiat let sowietskoj wnieszniej torgowli. W: *Wnieszniaja Torgowla*. 4, 4–14.
- POKROVSKIJ, M. (1947), Wnieszniaja torgowla i wnieszniaja torgowaja politika Rossii. Moskwa.
- RINGMAN, A. (1928), Rozwój eksportu rosyjskiego. W: *Przemysł i Handel*. 5, 195–198.
- ROSIENKO, I. A. (1965), Sowietso-germanskije odnoszenija 1921–1922. Leningrad.
- RUBINSZTEJN, N. (1953), Wnieszniaja politika sowietskogo gosudarstwa 1921–1925. Moskwa.
- SCHWARZ, A. (1958), Russia's Soviet Economy. Englewood Cliffs.
- SHOTWELL, J. T. (1945), Poland and Russia 1919–1945. New York.
- SKRZYWAN, S. (1925) Bilans handlowy Rosji Sowieckiej. W: *Przegląd Gospodarczy*. 7, 371–374.
- SKRZYWAN, S. (1925A), Zagadnienia handlu zagranicznego w Rosji. W: *Przegląd Gospodarczy*. 24, 1451–1453.
- SMIRNOV, A. M. (1960), Mieżdunarodnyje waliutnyje i kreditnyje odnoszenija SSSR. Moskwa.
- Soviet (1953), Soviet Economic Growth. Evanston (Ill.).
- Stan (1928), Stan traktatów handlowych Niemiec. W: *Przegląd Gospodarczy*. 2, 49–50.
- Statistisches Buch (1914), Statistisches Buch fuer das Deutsche Reich Berlin.
- Statistisches Buch (1927), Statistisches Buch fuer das Deutsche Reich 1924–1926. Berlin.
- Statistisches Buch (1935), Statistisches Buch fuer das Deutsche Reich 1934–1935. Berlin.
- STRUMILIN, S. (1962), Problemy socjalizmu i komunizmu w ZSRR. Warszawa.
- STRUMTAHL, A. (1937), Die große Krise. Zürich.
- STUDNICKI, W. (1928), Z powodu pertraktacji handlowych niemiecko-sowieckich. W: *Przegląd Gospodarczy*. 17, 654–659.
- SZELIGA, Z. (1967), Gospodarka ZSRR na tle gospodarki świata. Warszawa.
- SZYSZKIN, W. A. (1969), Sowietsoje gosudarstwo i strany Zapada w 1917–1925 gg. Leningrad.
- TIMOFIEJEW, W. (1967), Istoriczeskoj opyt gosudarstwiennoj monopoli wnieszniej torgowli SSSR. W: *Wnieszniaja torgowla*. 7, 24–30.
- Torgowyje odnoszenija (1938), Torgowyje odnoszenija SSSR s kapitalistycznymi stranami. Moskwa.

- USZAKOW, W. B. (1958), *Wnieszniaja politika Germanii w pieriod Weimarskiej Respubliki*. Moskwa.
- WINOGRADOW, W. M. (1957), *Wnieszniaja torgowla SSSR s kapitalisticeskimi stranami*. Moskwa.
- Wnieszniaja (1960), *Wnieszniaja torgowla SSSR za 1918–1940*. Moskwa.
- Wywóz (1930), *Wywóz zbożowy ZSRR*. W: *Przegląd Gospodarczy*. 5, 224–225.
- Z. (1929), *Sowiecka taryfa celna*. W: *Przemysł i Handel*. 25, 1110–1114.
- ZOŁOTARJEW, W. I. (1967), *Osnownyje etapy razwitija wnieszniej torgowli SSSR 1917–1967*. W: *Woprosy Istorii*. 8, 30–48.

**SPOŁECZEŃSTWO, POLITYKA,
STOSUNKI MIĘDZYNARODOWE**

PETER KOBETS, KRISTINA KRASNOVA

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation

CYBERSTALKING: PUBLIC DANGER, KEY FACTORS AND PREVENTION

KEYWORDS: organised crime; cybercrime; cyberstalking; cyberbullying; crime prevention; witness protection

ABSTRACT: Cyberstalking has become a new form of crime and deviant behaviour. The authors research the problem of cyberstalking and intimidation via the Internet in details. These concepts are used interchangeably because all forms of stalking are threatening or have the purpose of distressing the victim (victim stress exhaustion). The authors tried to draw attention and show the interconnectcion between the social danger of cyberstalking and the violation of private life boundaries. The consequences of such interference can cause the significant harm to man interests, material harm; threaten the physical and mental health of a person. The authors in this article draw attention to the activities of people who use the Internet to threaten (intimidate) others. The phenomenon of cyberstalking constitutes one of the main aims of the analysis because it includes a rather large area of behavior performance (starting with the expression of threats to the theft of personal data). The main question of this research is simple: what makes an intelligent and law-abiding person in the offline world (outside the Internet), take part in anti-social or criminal activities online? The basic reason is the fact that the combination of technological and social factors encourages people to participate in crime or antisocial acts, such as incitement to violence against other people. The originality of the study is that the authors analyzed the public danger of cyberstalking and the consequences of privacy infringement by the negative impact on a person through the Internet. Authors highlight trends and developments, and give recommendations on how cyberstalking prevention matters can be improved.

1. Introduction

Socially interactive technology (e.g., mobile phone text messaging, social network sites like Facebook and Twitter, etc.) has permanently changed our communication landscape, allowing users to interact electronically with one another in a way that was once inconceivable – being physically absent yet instantaneously accessible and connected (Marganski 2017). Cybercrime, software piracy, illegal downloading, hacking, and cyber bullying among others have all become part of our daily lives (Udriš 2016).

Since the advent of the Internet two main forms of stalking have been distinguished: traditional stalking and cyberstalking. According to Miller (2012) traditional stalking is a subcategory of generally defined as an intentional pattern of repeated

intrusive and intimidating behaviors toward a specific person that causes the target to feel harassed, threatened, and fearful, or that a reasonable person would regard as being so. What characterizes stalking is the repetitive or systematic nature of the behavior, aimed at a specific person, which is unwanted by the targeted person (Mullen et al. 2001; Van der Aa 2010). The behaviour can be perceived by the victim as annoying, threatening, fear-inducing or disturbing (Van der Aa 2017).

Among researchers there is a broad consensus about the characteristics of traditional stalking: persistent harassment in which one person repeatedly imposes on another unwanted communications and/or contacts (Mullen et al. 2001), stalking is about hunters getting into position to attack and kill their prey (Mathieson 2005).

Fortunately, cyberstalking usually has less deadly ends, but there is no doubting the stress and pain victims suffer from such harassment (Mathieson 2005). For cyberstalking, there is no universally accepted definition, but the majority of definitions are based on the assumption that traditional stalking and cyberstalking are essentially the same: cyberstalking is stalking where online technology is used. Cyberstalking, which is the combination of “cyber” + “stalking”, is the prosecution, using various means of communication, the Internet, mobile devices, etc. As part of the definition, the stalking behavior is a form of deviant behavior thus it must be distinguished from offline stalking (out of the Internet).

The terms “cyberstalking” and “intimidation via Internet” must be used interchangeably because all forms of stalking include a threat or an aim to distress victim (victim stress exhaustion). It seems appropriate to link these values to terms such as “stalking” (secret harassment, tracking) and “intimidation” (harassment).

Recently, the crimes of stalking and cyberstalking have received empirical attention; however, few studies have examined the reporting behaviors of victims of these crimes (Reyns/Englebrecht 2010). Researching the issue of cyberstalking the authors define it as anti-social behaviours, potentially with extreme consequences including indirect or direct physical injury, emotional distress and/or financial loss (al-Khateeb/Epiphaniou/Alhaboby et al. 2017). Digital stalking offences frequently termed as acts of cyberstalking (Horsman/Conniss 2015). Such harassments may include the following actions: offensive e-mails sending, personal data theft, equipment or data damage. Cyberstalking means the pursuit of someone by the Internet and other electronic means. Cyberstalking usually involves information collection about a victim by online search service, public attracting and desecrating a person through forums, blogs and social networks.

Cyberstalking may lead to the fact that a cyber-offender – the person who harasses – will pose a real threat to the safety and well-being of victims. In particular, this term can refer to attempts to contact children and teenagers via the Internet for the purpose of personal meeting and further sexual exploitation by adults. This form of cyberbullying is extremely dangerous and can have the most serious

consequences, therefore it is necessary to take all measures to immediately stop it as soon as it was detected. "Cyberbullying" refers to the use of force or influence, directly or indirectly, in oral, written or physical form, or by demonstrating or any other way of images, symbols or anything else usage for intimidation, threats, harassment or embarrassment by the Internet or any other technologies, for example, mobile phones (10 forms of cyberbullying).

Juvenile stalking may signify youth at risk for multiple forms of violence perpetrated against multiple types of victims, not just the object of their infatuation (Smith-Darden/Reidy/Kernsmith 2016). The media has publicized multiple sexting incidents which have resulted in cyberbullying and suicide (Dean 2012). There is also the problem of juvenile suicides committed either directly or indirectly as a result of threats or other forms of incitement to suicide through the Internet. The antisocial activity of organized «groups of death», the participants of which distribute content that contains information about methods of committing suicides and calls for deliberate withdrawal from life, through social networks carries a serious risk of victimization of minors.

In May, 2016 public attention in Russia was riveted on V Kontakte death groups encouraging suicide (reaching the daily audience of 90 mln to exceed the coverage of the First TV channel). A few hundred public pages were constantly renewed (from dozens to millions of subscribers) to spread around the content of largely depressive or aggressive nature, which is close to encouragement of suicide. These activities mostly target young people, especially teenagers. Such situation necessitated the involvement of society and the state in monitoring the behavior of the child in cyberspace (Groups of Death).

Even though cyberbulicide occurs quite rarely in Russia, it still merits proposed and informed prevention and response efforts. According to Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare (Rosпотребнадзор), during the period from November 1, 2012 to February 1, 2016 its experts have carried out expertizes of 8378 references to websites in the Internet. Experts investigated the maintenance of websites and have found that 8219 links (98,1%) contained prohibited content about ways of committing suicide and (or) appeals to their commission. There was no forbidden content in 159 websites (1,9%) (Official site).

Despite the fact that stalking and cyberstalking outwardly have common features, these terms are not synonymous, so they must be treated properly. Experts earlier noticed that behavioral pathway of stalker referred to the path along which an individual might have progress in moving from communicating with a target to close physical proximity to the target (Meloy 2011). The undertaken study shows that some examples of the main differences between stalking and cyberstalking include the following: the reasons for cyberstalking can be very different unlike offline spanking.

2. Methodology

The methodology of this research consists of general research methods of cognition and special legal methods: formal-legal; analysis; synthesis; logical method; method of legal modelling, and forecasting. The authors rely on general scientific system and axiological approaches to the study of social processes that generate the need to prevent cyberstalking. The methodology of the study includes a review of scientific literature and open information sources, an analytical approach to solving the problem of cybercrime prevention.

3. Reasons of cyberstalking

The corporate stalking assumes that a person, group or organization harasses another person, group or organization. Sometimes reasons for offline stalking can be political or material gain, or competition. For example, disagreements between various competing companies may be associated with the use of illegal methods, hacking computers and providing information to the media.

In general, stalkers always enter into some sort of relationship with their victims. There was not a single case when a stalker has not seen a victim, at least in picture, on TV or in person of the stalking recorded cases.

Cyberstalkers are not limited to small district and can chase victims in other countries with equal ease as if victim lives next door (Bocij 2004). Advanced access and availability of information and communication technology allows the cyberstalker to provoke a third party whom he has never had any relationship, to pursue or threaten another person (Bocij/McFarlane 2004).

It is worth to mention that recently many technologies that are used by cyberstalkers were impossible to employ. For example, the identity theft assumes a simulation of another person for a reason to purchase something fraudulently. However, such actions were impossible in the beginning of new millennium in Russia because only few online shops were using such technology.

The Internet stalking of the eyewitnesses to the crime and their families cause concerns (Krasnova 2015; Losovitskaya/Krasnova/Dyachenko 2010; Kobets/Krasnova 2009). Especially it applies to the witnesses of organizational crimes' cases on the penal actions (Krasnova/Agapov 2014). According to the best practices the cybersafety of people included in Witness Protection Program becomes the topical issue (Kobets/Krasnova 2009; Ivlieva/Krasnova/Nikolaeva 2015). The secrecy of the witness and his family new names and new place of living, working and studying is one of the main questions that is under concern in Russian and the EU countries (Krasnova 2014a; 2014b; 2015a; 2015b; 2016; Kobets/Krasnova 2015).

The stalking and cyberstalking case study gives the exhaustive idea that stalkers have some psychiatric issues. It is commonsensical, since most of the sources belong to the field of psychology and usually describe only the most unusual cases (Kobets 2005). Nevertheless, it is important to understand that not everyone who is engaged in cyberstalking needs psychiatric help. There is enough evidence supporting the point of view that cyberstalking is only a tool for achieving some goal. Cyberstalking is sometimes used to obtain any financial gain or to overcome competition. Some organized groups attack the opponents using the cyberstalking techniques. The study results allow assuming that the organized hate groups use the Internet to spread disinformation of racial superiority and instigate the violence against people and property.

4. Technological factors of cyberstalking

The next point that we need to review is the technology factors (Kobets 2007b, 18–21). It is assumed that technological factors encourage people to take part in deviant acts, as they allow them to participate there fearless of criminal or administrative sanctions. Technology provides both a tool for a person to act, and the necessary defense from an arrest or another punishment. This discussion starts with the explanation that the technology has become more accessible and easier to use. Moreover, nowadays any ordinary person can hide his identity, actions and destroy any evidence of illegal activity with the help of technical tools.

Although the advanced technologies allow you to extract all the best of technology, nevertheless, the upgrading of software design has the important role in this process. Such upgrade makes the cyberstalkers goal of staying anonymous while committing a crime or deviant acts even easier to achieve. For example, to send an anonymous message by e-mail, he needs some technical knowledge. Users should be able to create relatively complex scripts with instructions that describe how to handle the message. Even if the user can create a script, the whole process of sending messages (especially with attachments) is slow and very unreliable. The incredible Internet expansion caused the appearance of emails re-senders over the Internet. Such possibilities make the sending of anonymous email as easy as filling out a blank on the display. Besides nowadays there are many e-mail pacts that allow to receive the anonymous emails for free (Kobets 2007a, 180–186).

The availability of powerful low-cost software with an encryptor also helps some individuals to remain anonymous and hide their online activities. The same as in the case of anonymous e-mail the software with the encryptor is difficult to use and also it is difficult to get it very often. Implementation of various free encryption packages gives many computer users access to the most powerful of the

available algorithms. There are many investigations of pornography cases where pedophiles used such technologies to hide their activities in many.

Additional protection has appeared for individuals that are involved in deviant acts or criminal offenses as a form of various devices designed to obliterate all traces of their activities on the Internet. For example, there are software packages that erase the details of any website that a user visits, the files that he downloaded, the documents viewed, etc. Files are erased in a way that they cannot be restored by any methods used in judicial practice.

5. Social factors of cyberstalking

Now the social factors are about to be viewed. To consider some social factors that promote motivation for a person and lead him to perform some antisocial or penal online offences (Kobets 2014). Many researchers suggest that Internet anonymity creates a disinhibiting effect that leads to deviant behavior. Face-to-face communication is limited by social norms that control interpersonal interaction, immediate negative reinforcement and the apparent consequences of unacceptable behavior such as public sanctions. On the opposite side, the Internet allows users to communicate in relative autonomy and physical security and keep the distance. Frequently individuals even do not know each other personally and do not realize the negative consequences of such behavior such as risky or potentially damage. It leads to the forms of anger or harassment or to the personal use of socially doubtful material on the Internet, such as pornography (Kobets 2016b, 596–602).

It is logical to assume that the de-individualization process can affect the disinhibiting behavior that is natural to many Internet users. De-individualization is defined as a state when the individual's self-consciousness is narrowed due to the group affiliation. A person can take part in a criminal act if personal identity is suppressed by the group affiliation. Under such circumstances, a person is sensitive to contextual signals and can participate in behavior that would not take place outside the group. In the utmost conditions the individual's self-awareness under the influence of de-individualization can lead him to the "herd" behavior (Kobets 2009).

It is reasonable to suggest that various technological features of information and communication technologies encourage psychological and social processes resulting in not exactly normative influence on individuals and groups. In its turn, this leads to more extreme or polarized decisions taken by these individuals. This process includes factors such as the lack of social influence and contextual signals in information and communication technologies, de-individualization, emphasis on the communication context, and not on the social context.

On the other hand it is worth to hear the critics of the statement that many Internet users are de-individualized. It is possible that the alternative explanation of the hostile or aggressive behavior of some Internet users is much more appropriate: the most of the de-individualization effect can be explained without resorting to de-individualization. Anonymity that can appear in the absence of a focus on oneself as a person usually leads to the activation of public identification, rather than personal identification. It may cause the regulation of conduct based on the norms that are connected with a significant social group (Kobets 2015).

There are only few facts known about social and psychological reason for stalking by proxy that is conducted using new technologies. One of the possible explanations is how an individual perceives the power of a group. The group influence and its messages can make him join the group and make him submissive to the proposals and desires of the group. At the same time, the individual clearly expresses the necessity to impose personal responsibility for actions on a third party. At the same time, there is no influence that can incite resistance or outrage (usually by people that are not related to the group).

One can doubt that all these factors can influence on cyberstalking. Firstly speaking about psychological intimacy there are several ways when an individual involved in stalking by proxy in the interests of ultra-right groups can keep the distance with a victim. For example, it has already been said that the emotional connection can be achieved through the protection of anonymity. Secondly, an individual can avoid personal responsibility by pitting it on an extremist group. For example, a person can state that members of the network service forced him to do cyberstalking and it effectively allows him to avoid the guilt of harm caused to others. Finally, a person who often visits extremist network services or chat rooms is practically unable to hear more reasonable and independent points of view than extremist ones. In many cases, such individuals may extensively elude such opportunities, as they lead to cognitive dissonance (Kobets 2016a, 4–9).

6. Understanding cyber-personality

It is considered that the person dismisses thoughts and ideas in artefacts – texts, monuments, work of art (Arkhipov 2011). The media sphere comprises diverse phenomena, such as real and electronic mass media, the Internet, social networking web-sites, forums, etc. that mediate the information transfer between individuals (Baeva 2017). As Fedorova notices,

in mass communication – printed media, television, the Internet – the demand of information shown to the user is provided, and it is guaranteed by the presence of an established contact with the addressee (Fedorova 2016, 108).

Regarding the problem of person's perception and its cyberspace life, it can be assumed that individuals can create numerous cyber-personalities based on strategic goals. We can assume that the personality is not a static characteristic, but rather it is materialized during the based on the contextual features and roles accepted by the participants who are in this context. With that in mind it is reasonable to assume that Internet user can create several cyber-personalities for different aims. For example, a person working at home can create bottom-line and rational cyber-personality for business conversations and more relaxed and amicable for family and friends' communications. It is also possible to create the racist cyber-personality for a racist chat room.

This concept seems attractive enough: it can be used to explain the phenomenon of involving a person in on-line deviant behavior and refusing to take part in such acts offline. The creation of the cyber-personality of a cyberstalker allows a person to establish a huge emotional distance between himself and his on-line actions. P. Bocij says that with a little psychological knowledge a con man can start to manipulate us in different ways (Bocij, 2006). Any deviant act committed online can be criminated to a cyber-personality only that releases a person offline from any responsibility for damage or harm caused to others. Let's note that if some people create an "aggressor" cyber-personality, one can also create a "victim" cyber-personality that becomes more vulnerable or attractive targets.

The difficulties in maintaining the Internet Law enforcement can encourage some individuals for deviant acts or crimes. Without a fear of arrest or prosecution, a person who has never used child pornography offline can download pictures and movies from websites without any hesitation. Similarly, a person who has never been a stalker outside of cyberspace may want to become a cyberstalker. Such acts can take place simply because there is no one who would prevent them (Kobets 2017b, 47–49).

7. Conclusion

It is well known to criminologists that all actions usually have three present elements such as a possible criminal, a suitable target (goal) and the absence of someone who is able to deter from committing a crime (Kobets 2005b, 61–67). There are also three important elements such as characteristics of a crime: requisites (for example, tools), camouflage (to help the offender to go unnoticed) and the audience that the offender wants to affect or frighten. Not much effort should be taken to discover all these elements as for the wrongful acts committed by cyberstalkers. In fact, many of them were above-mentioned but in other terms. For example, requisites (in the form of computer equipment, software and services) and camouflage (in the form of anonymous e-mail, encryption and other methods) were discussed.

The notion of one who is able to deter from crime is of great importance in this context. It is not necessary a policeman who keeps from committing a crime or prevents a crime, but it can be any person. Moreover, its absence makes possible to commit a crime. To show how the issue can be applied to areas such as cyberstalking, you can use an example of chat rooms where the active communication of Internet users takes place. The majority of parents prefer their children to use moderated chatrooms. Due to the fact that the moderator presence helps to protect children from negative effects in various ways. For example, moderator can frighten pedophiles or counter the bullying (psychological terror).

In the conclusion we would like to note that there are much more factors that can explain why some individuals are involved in the Internet illegal actions. The authors acknowledge the public danger of cybercrime and the necessity to find the best ways to prevent it.

Future studies should exchange expertise, such as, but not limited to, best practice, statistical data, technical information or cybercrime trends between Central and Eastern Europe and Russia. Experts can continue explore the social conditioning of criminal law prohibitions in cyberspace and observe the necessary conditions for criminalizing dangerous behavior in cyberspace.

References

- AL-KHATEEB, H. M./EPIPHANIOU, G./ALHABOBY, Z. A. et al. (2017), Cyberstalking: investigating formal intervention and the role of corporate social responsibility. In: *Telematics and Informatics*. 34 (4), 339–349, available at <https://doi.org/10.1016/j.tele.2016.08.016> [Access 20.06.2018].
- ARKHIPOV, I. K. (2011), About the “transfer of information” in the literal and metonymic sense. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. II, 453–464. (In Russ.).
- BAEVA, L. (2017), Values of mediasphere and E-Culture. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/1, 173–184.
- BOCIJ, P. (2004), *Cyberstalking: harassment in the Internet age and how to protect your family*. Westport, CT (US).
- BOCIJ, P. (2006), *The dark side of the Internet: protecting yourself and your family from online criminals*. Westport, CT (US).
- BOCIJ, P./MCFARLANE, L. (2004), Cyberstalking: a discussion of legislation and the perpetrators. In: *Justice of the Peace*. 168 (21), 393–396.
- DEAN, M. (2012, October 18), The Story of Amanda Todd. *The New Yorker*. In: <http://newyorker.com> [Access 20.06.2018].
- FEDOROVA, L. L. (2016), Discourse of mass demonstrations. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VII/1, 101–119 (In Russ.).
- Groups of Death: Threat to Russia’s National Security. In: <http://kavkazgeoclub.ru/content/groups-death-threat-russias-national-security> [Access 20.06.2018].
- HORSMAN, G./CONNISS, L. R. (2015), An investigation of anonymous and spoof SMS resources used for the purposes of cyberstalking. In: *Digital Investigation*. 13, 80–93: <https://doi.org/10.1016/j.diin.2015.04.001>.
- IVLIEVA, N. V./KRASNOVA, K. A./NIKOLAEVA, E. S. (2015), Problems arising from the abolition of the security measures applied to protected persons. In: *Scientific portal of the Ministry of Interior of the Russian Federation*. 3 (31), 57–62. (In Russ.).

- KOBETS, P. N. (2005a), Consideration of relevant legal aspects of the use of methods of applied psychology in the investigative practices of law enforcement bodies of the Russian Federation in the classroom with law students. In: Volkov, E. V. (Ed.), *Psychological and pedagogical support of the educational process in higher education and ways to improve it*, 103–108. Moscow. (In Russ.).
- KOBETS, P. N. (2005b), The signs of a crime and their value for qualification of a crime against life under Russian law. In: Gladkih, V. I. (Ed.), *Scientific-research work of students and its role in improving the quality of the educational process*, 61–71. Moscow. (In Russ.).
- KOBETS, P. N. (2007a), Experience and problems of warning of transnational organized crime in the sphere of high technologies. In: Nomokonov, V. A. (Ed.), *Russia and Asia-Pacific region: problems of safety, migration and crime*, 180–186. Vladivostok. (In Russ.).
- KOBETS, P. N. (2007b), The main factors which contribute committing crimes of an extremist nature on the part of religious totalitarian sects operating in Russia. In: *The Russian investigator*. 22, 18–21. (In Russ.).
- KOBETS, P. N. (2009), The use of psychological methods of arrangement of memory of victims, witnesses and suspects in investigative practices of law enforcement bodies of the Russian Federation and foreign countries. In: *Legal psychology*. 6, 10–14. (In Russ.).
- KOBETS, P. N. (2014), The factors determining crime in emergencies. In: Tseplyaeva, G. I. (Ed.), *Actual problems of criminal law and criminology, criminal process and criminology, criminal executive law, teaching criminology*, 62–68. Petrozavodsk. (In Russ.).
- KOBETS, P. N. (2015), About the concept the identity of the offender, as one of the important problems of criminological science. In: Ashmarina, S. I. (Ed.), *Fundamental and applied studies in the modern world*. 4, 90–92. Sankt-Petersburg: Information and publishing educational and scientific center “Strategy for the future”. (In Russ.).
- KOBETS, P. N. (2016a), About modern information technologies used by extremist groups, and the need to counter cybercrime. In: *Bulletin of development of science and education*. 6, 4–9. (In Russ.).
- KOBETS, P. N. (2016b), Analysis of the nature of terrorism and its determining factors in terms of the middle of the second decade of the XXI century. In: *Police activity*, doi: 10.7256/2222-1964.2016.6.21353 (In Russ.).
- KOBETS, P. N. (2017a), The threats of cyberstalking – the most important problem studied in the framework of improving aspects of information security of regions in the conditions of globalization of information space. In: *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 1 (76), 27–35. (In Russ.).
- KOBETS, P. N. (2017b), The use information resources by law enforcement authorities for counteraction to human trafficking. In: *Matrix of scientific knowledge*. 2, 47–49. (In Russ.).
- KOBETS, P. N./KRASNOVA, K. A. (2009a), About an indemnification problem to the victim at a stage of preliminary investigation. In: *Criminal procedure*. 4, 30–33. (In Russ.).
- KOBETS, P. N./KRASNOVA, K. A. (2009b), Problems of compensation of harm to the victim at the preliminary investigation stage. In: *Lawyer’s practice*. 6, 76–94. (In Russ.).
- KOBETS, P. N./KRASNOVA, K. A. (2015), The experience of organizing witness protection programmes in the European Union. In: *Jurisprudence*. 1, 86–91. (In Russ.).
- KRASNOVA, K. A. (2014a), Institutional framework of witness protection in the European Union. In: *International criminal law and the international justice*. 1, 20–23. (In Russ.).
- KRASNOVA, K. A. (2014b), International legal warranties of safety of the victims and witnesses in the European Union. In: *International legal courier*. 6, 11–15. (In Russ.).
- KRASNOVA, K. A. (2015a), Legal and organizational bases crime prevention against participants of criminal legal proceedings by law-enforcement bodies. In: *The Russian investigator*. 22, 38–41. (In Russ.).
- KRASNOVA, K. A. (2015b), Witness protection in the member states of the EU. In: *International law*. 4, 66–86. (In Russ.).
- KRASNOVA, K. A. (2016), The legal framework of witness protection programmes in the European Union. In: *Lawyer’s practice*. 1, 39–44. (In Russ.).

- KRASNOVA, K. A./AGAPOV, P. V. (2014), Psychological influence and its value in operational search activities for organized crime cases. In: *Legal psychology*. 2, 19–23. (In Russ.).
- LOZOVITSKAYA, G. P./KRASNOVA, K. A./DYACHENKO, N. N. (2010), Ensuring use of state protection's measures of victims, witnesses and other participants of criminal legal proceedings. In: *Gaps in the Russian legislation*. 4, 192–194. (In Russ.).
- MARGANSKI, A. (2017), Sexting in Poland and the United States: A Comparative study of personal and social situational factors. In: *International journal of cyber criminology*. 11 (2), 183–201.
- MATHIESON, S. A. (2005), Cyberstalking in the urban jungle. In: *Infosecurity today*. 2 (2), 34–36.
- MELOY, J. R. (2011), Approaching and attacking public figures: a contemporary analysis of communications and behaviour. In: <http://drreidmelo.com/wp-content/uploads/2015/12/reidchapter.pdf> [Access 20.06.2018].
- MILLER, L. (2012), Stalking: Patterns, motives, and intervention strategies. In: *Aggression and Violent Behavior*. 17 (6), 495–506. In: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2012.07.001> [Access 20.06.2018].
- MULLEN, P. E./PATHÉ, M./PURCELL, R. (2001), Stalking: New constructions of human behaviour. In: *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. 35, 9–16.
- Official site of the Federal service for supervision of consumer rights protection and well-being of the population: http://rospotrebnadzor.ru/region/rss/rss.php?ELEMENT_ID=5804/ [Access 20.06.2018].
- REYNS, B. W./ENGLEBRECHT, C. M. (2010), The stalking victim's decision to contact the police: A test of Gottfredson and Gottfredson's theory of criminal justice decision making. In: *Journal of Criminal Justice*. 38 (5), 998–1005. In: <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2010.07.001> [Access 20.06.2018].
- SITDIKOVA, L. B./SHILOVSKAYA, A. L./VOLKOVA M. A./LENKOVSKAYA, R. R./STEPANOVA, N. A. (2015), Legal regulation and copyright protection in Internet in Russia and abroad. In: *Mediterranean journal of social sciences*. 6 (6), 163–169.
- SMITH-DARDEN, J. P./REIDY, D. E./KERNSMITH, P. D. (2016), Adolescent stalking and risk of violence. In: *Journal of Adolescence*. 52, 191–200. In: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2016.08.005> [Access 20.06.2018].
- UDRIS, R. (2016), Cyber Deviance among adolescents and the role of family, school, and neighborhood: a cross-national study. In: *International Journal of Cyber Criminology*. 10 (2), 127–146.
- VAN DER AA, S. (2017), New Trends in the Criminalization of Stalking in the EU Member States. In: *European Journal on Criminal Policy and Research*. 1–19. In: <https://doi.org/10.1007/s10610-017-9359-9> [Access 20.06.2018].
- VAN DER AA, S. (2010), Stalking in the Netherlands. Nature and prevalence of the problem and the effectiveness of anti-stalking measures. diss. Antwerpen.
- 10 forms of cyberbullying. In: <http://stop-ugroza.ru/life/10-form-kiberbullinga-ot-kids-kaspersky-ru> [Access 20.06.2018].

PAVEL ZHESTEROV
Russian State Social University

FROM VISIBLE PASTS TO AN INVISIBLE PRESENCE: NEW CRIMINOLOGICAL REALITY AFTER PLANETARY CYBER ATTACK 12/05/17 WANNACRY

KEYWORDS: criminal repression, crime prevention, augmented reality, organised crime, cyber crime

ABSTRACT: The fourth industrial revolution is transforming crime and fight against it, causing fundamental consequences for research in the field of criminal law. Under the conditions of the second decade of the 21st century, the terms ‘Internet’, ‘information and telecommunications network’, ‘electronic network’, ‘communications facility’, ‘mobile communications’ are no longer an IT specialist dictionary, in the meantime they affect the doctrine of criminal repression and integrate into a scientific turnover of specialists in the field of criminal law and criminology. Transformation of crime has caused serious gaps, both in the theory of criminal law and in criminal procedural and criminal executive law inextricably bound with it. The emergence and exponential development of the Internet, electronic communications, control and tracking systems and many other technical achievements create for researchers three types of problems that need to be discussed and resolved. First, the problem of national sovereignty in criminal matters (the operation of criminal law in space) and jurisdiction, which are in contradiction in the boundless cyberspace. Secondly, the prognostic problem, which urges not only to forecast the influence of modern technologies on substantive criminal law, criminal procedure, execution of criminal punishment, but also to anticipate the general impact of technology on Russian society and the way of life of its members. Thirdly, the problem of expenses resulting from the introduction of high-tech crime prevention measures, the cost of which is constantly growing. The interdependence of these problems should form the basis of criminal law research in the era of augmented reality under the conditions of exponential growth of cyber threats directed at citizens, businesses and governments.

The true mystery of the world is the visible, not the invisible.
Oscar Wilde

1. Introduction

Among the institutional problems of modern criminology, a special position is taken by the prevention of cyber crime (Lesnikov 2014). Cyber crime in its various manifestations and the enormous scale that it has acquired in recent years in Russia and the world is a phenomenon from which citizens, society and the state itself

are not provided with reliable protection. Massive cyber attacks, which occurred on May 12 last year, as a result of which a virus-extortionist spread to computers in 150 countries, only confirm the growing scale and diversity of cyber threats (Meduza 2017). Cyber crime is a real national security threat (Kobets 2016).

To confirm the foresaid, the main argument is the perception of such danger by the population. Public – opinion polls of the All-Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) concerning the greatest fears in cyberspace record first of all the fears of theft of money from bank cards and electronic bills, as well as personal information (surname, name, passport data, etc.) – according to 65% of respondents, respectively. About a third of Russians (31%) has already faced with illegal activities related to cellular communications and Internet services. At the same time, nowadays only 36% of Russian respondents (44% among men, 45% – among 18–24-year-olds, 39% among permanent Internet users) have the feeling of safety from illegal actions connected with cellular communication and Internet services, while 58 % of them rather feel their vulnerability (64% among women, 65% among 45–59-year-olds) (Press Release 2017). According to Europol, 85% of Internet users feel the risk of becoming a victim of cyber crime (Europol 2017).

This vision of the danger of cyber crime by the population reflects the low effectiveness of the work of law enforcement agencies (primarily due to the lack of funding for this “fighting line” and, in general, the low “digital” qualification of the majority of police officers) and the legislator’s unwillingness to establish distinct limits of criminal repression in the sphere under consideration.

The actual task of the legislator and enforcer is the deeper insight into the essence of modern cyber crime, its nature in order to develop algorithms for effective counteraction. Cyber crime causes huge direct material damage to individuals, legal entities and the state, as well as indirectly affects the stability of the banking sector, damaging social and political relations, the scale of which cannot even be assessed. Let us illustrate the last statement. The highest-level leaders of our country justify the need to limit the cash turnover to control payments and expensive purchases made for cash, in order to create conditions of hardship for corrupt officials (Girko/Lesnikov 2014). At the same time, the implementation of this initiative of high priority is hampered by cyber crime and, moreover, in the most unexpected way. As experts note, 80% of Russians are against restrictions on cash settlements. Consumers are slow to refuse to use cash (Shilovskaya et al. 2016). In addition to the above, the reluctance of the Russian population to give up cash is explained not only by the power of habit, but more by fear of new technologies and the allied risks, including cyber crime (Vedomosti 2017).

Threats in the field of cyber security can no longer be ignored (Kobets 2017). In his speech at the IV International Arctic Forum “The Arctic: Territory of Dialogue” on March 30, 2017, the President of the Russian Federation emphasized:

“Network access systems, digitalization of public and private life require reliable protection of interests of both citizens and the state as a whole” (Kremlin 2017).

Thus, cyber crime undermines the security of the country and its population. With the globalization of economic ties, cyber crime has assumed global, international proportions, has become a threat to international law and order in general. In other words, if it is complicated by an international element (criminal, crime scene, and victim) it will acquire a transnational character. Further steps are needed to develop recommendations for creating a more reliable legislative basis for anti-cybercrime measures. In this regard, it is very important to improve legislation at the national and international levels.

2. Methodology

The author employs qualitative methods, including systemic and structural analysis with the goal of identifying the influence of modern technologies on substantive criminal law, criminal procedure, execution of criminal punishment, paying special attention to the problem of expenses resulting from cyber crime prevention. The author also employed a historical analysis of laws and norms relating to cyber crime. The researcher also uses the comparative law method to define the main trends concerning national sovereignty in criminal matters in the boundless cyberspace. Logical methodology, such as deduction and generalization, was used for the theoretical interpretation of empirical facts in an effort to work out new provisions for legislative development in the challenging area of criminal repression in cyberspace.

3. National sovereignty and crimes in cyberspace

A classical study in the field of criminal law often solves problems in a one-dimensional way: the criminal law is initially seen as a given, which is limited by the space-time framework and assumes the presence of a real or seeming threat to the economic and social interests of society. In order to establish a boundary between cans and cannots in a society, the criminal law imposes a certain absolute requirement on a person to observe a certain moral minimum of behavior in each individual society (Fedorova 2016). In other words, the criminal law acts as a means of social control. The legislator has the right to decide only to a certain extent what behavior will be considered criminal (Burlakov/Pryakhina 2014, 10). As N. P. Meleshko notes with concern, “there is always a threat that the justice and

sanctions system may become an instrument for transforming the rule of law into a mechanism of suppression for political, social and other purposes” (Meleshko 2014, 130).

The problem is particularly acute for the limits of social control over members of society when it comes to controlling the circulation of information in cyberspace (Volkova et.al. 2015). The Internet space is based both on the products of information technology and on social services, which are the field of a specific human behavior (Voiskunsky 2016). Services are built on network technologies and promote communication, entertainment (including games and listening to music), learning, work, shopping (Voiskunsky 2016). However, not all the people use Internet to communicate, work, get education and purchase goods and services. As a result of the cooperation of law enforcement agencies and network providers, many “digital” criminals are increasingly being identified: hackers, personal account attackers, organizers and participants of cyber attacks, etc. (Thomas 2002). At the same time, not all offenders are identified, since for many of them there was no criminal law norm due to the imperfection of the criminal legislation.

The latter circumstance has become particularly topical in connection with the growing danger of terrorism. As early as in the mid-1930s A. Traynin wrote that the concept of terrorism “spread out into a whole system of crimes, essentially a small international criminal code, which provides for very heterogeneous offences: against life, bodily integrity, health and property holdings, etc.” (Traynin 1935). By the turn of the XX and XXI centuries, terrorism has ceased to be the only problem requiring international unification. According to G. K. Mishin, a similar evolution occurred with the notion of corruption, which spread out in the “small criminal code” (Mishin 2004). For our part, emphasizing the accuracy of the comments of the above-mentioned authors with regard to terrorism and corruption, we can state that in modern international law the genesis of the concept of “cyber crime” and its interpretation in the national criminal laws of various countries, including Russia, takes its rise. And here we should draw a parallel with the treatment of the phenomena of “terrorism” and “corruption” in connection with the protection of society from offences in the field of computer systems.

One has to agree with the foreign (English) experts that criminology must develop a digital specialism which investigates the multifaceted role performed by digital technologies as intersectional and transformative mediums in the crime and justice field (Smith/Moses/ Chan 2017).

This tendency urges governments of different countries to continue to raise issues on the conceptualization and categorization of cyber crime. Cyber crime is increasingly seen by experts as part of transnational organized crime. For example, the BRICS states at a summit in Ufa on July 8–9, 2015 discussed the use of information and communication technologies “for the purposes of transnational organized crime, the development of weapons and the implementation of terrorist

acts” (Ufa Declaration, 2015). It is noteworthy that in the final document of the Russia – ASEAN summit held in Sochi on May 19–20, 2016, cyber crime was named among the manifestations of transnational organized crime, along with human trafficking, illegal migration, maritime piracy, arms smuggling, money laundering, and international economic crime (Sochi Declaration, 2016).

The concept of foreign policy of the Russian Federation refers cyber crime to the challenges and threats of “transboundary nature” (p. 17). Further, in p. 64 of the Concept, attention is drawn to the need to intensify the joint work of Russia and the EU on combating organized crime, including its manifestation, such as cyber crime (Concept 2016).

At the EU level, the legal framework for combating cyber crime has evolved with the enactment of legislation on attacks on information systems (Directive 2013) and the use of passenger name record (PNR) data for prevention, detection, investigation and prosecution of terrorist offences and serious crime (Directive, 2016). In addition, nowadays the state – members of the EU have access to the mechanisms of combating cyber crime, developed at the international level. The Convention on Cybercrime (ETS No. 185) (Convention on cybercrime, 2001) was signed not only by the member states of the EU, but also by the other “member states of the Council of Europe, Canada, Japan, South Africa and the United States of America and entered into force on July 1, 2004. The Convention addresses a variety of cyber crime: against the confidentiality, integrity and availability of computer data and systems, forgery and fraud with the use of computers, crimes associated with data content, in particular offenses related to child pornography and infringement of copyright and allied rights (Chapter II, Section 1, Part 1–4)” (ECHR Resolution 2012).

These documents and agreements make compelling arguments about productivity and the need to further develop international cooperation in the sphere of counteraction to cyber crime.

The international scale of cyber crime is manifested in particular in the fact that emails with illegal content often pass through many countries during the transfer from the sender to the recipient, or illegal content can be stored outside the country, or illegally accessed from an IP address, physically located in another country. There are other examples of cybercrime offences of international dimension. At the same time, as the experts note, criminal prosecutions at the global level are usually limited to those crimes that are criminalized in all countries involved in the investigation (Understanding cybercrime 2012). In this regard, the investigation of crimes related to the spread of child pornography via the Internet, which is criminalized in most countries of the world, is successful.

However, the complexity of the investigation may arise due to the uneven criminalization in the world of liability of legal persons for crimes committed in cyberspace. The practice is that more and more cybercrime offences are

committed not only by individuals, but also by legal persons (Lavorgna/Sergi 2016). It is appropriate to recall that the Budapest Convention ETS No. 185 placed on the agenda the issue of the collective responsibility of legal persons (Convention on Cybercrime 2001).

4. Criminalization of cybercrime offences: the consequences of criminalization

We are witnessing a large-scale informatization in the world (Arkhipova 2011). In this regard, the need to protect human rights and freedoms in cyberspace is obvious and indisputable. However, the existing national standards of mechanisms for their enforcement and exercise differ significantly and are conditioned by various subjective factors reflecting the degree of development of the economy and law in the state, crime figure, ethnic composition of the population, geographical location, culture, traditions, customs, etc.

One of the main requirements for the national system of crime prevention and criminal repression should be a comprehensive study of criminalization and decriminalization as its criminal-legal component. Meanwhile, G. V. Nazarenko regrettably states that “criminal policy of Russia at the present stage has the reflective nature, because forms, means and methods of combating crime are determined spontaneously” (Nazarenko 2016, 94).

We would add for ourselves that modern crime-fighting tools are not sufficiently completed with a “digital” component. However, with allowance for the ongoing fourth industrial revolution, criminologists should pay more attention to the specifics of the era of augmented reality we are experiencing now, when even crime is complicated by a digital element. Foreign criminologists note the potential impact of Big Data on the production of security in society (Chan/Moses 2017, 299). In this regard, the topical subjects are: use of prediction of future ways of committing crimes; assessment and forecast of the development of the crime scene, complicated by a virtual or augmented reality; study of the identity of a criminal who is fluent in high-tech instruments for the commission of a crime. The enumerated range of ideas is only a small part of the criminological information that should be the basis of the criminological forecast aimed at finding effective measures to counter new unlawful acts committed (or those that are more likely to be committed in the future) with the use innovative technologies.

Having referred the penal prohibition to the social problem, it becomes necessary to assess the consequences of its establishment or, on the contrary, abolition. Any changes in the criminal legislation should be preceded by discussions why and how the national criminal law should change. And at present these discussions should

come to a new level under the global impact of technologies, whose role in law and society is constantly growing. It is impossible to deny so far the ongoing process of mutual regulation of technology and society. Prudent solution to the problems arising in this connection requires an interdisciplinary study that explains this interaction and mutual influence. The theory of criminal law should keep pace with the problems of the second decade of the XXI century, in which cyberspace makes inroads in all the spheres of society, such sacred ones as personal life and delicate as the financial sphere. Consequently, the dogmatic understanding of the very system of criminal law is no longer sufficient. In order to cope with the global problems of combating crime, complicated by a “digital” element, a researcher must be well - versed in the theory of criminal law regulation, skillfully adapting the newest tools for combating crime and its prevention to the traditional paradigms of the sciences of criminal law and criminology.

5. “The cost” of high-tech crime prevention measures in Russia

We diagnosed an issue that urges to forecast the influence of modern technologies on criminal law, criminal procedure and enforcement of criminal law. We would like to cover this influence step by step.

First, the analysis of the literature shows that many specialists place greater focus on the significant difficulties associated with assessing the prospects for the criminalization of certain acts. According Gavrilov, “when implementing a criminal policy, there is often no specific information about the social consequences of the forthcoming changes in criminal repression” (Gavrilov 2008, 6).

Zhalinsky noted with reason that

in criminal legal science, and not only in Russia, there’s no solution for its main question concerning a real role of the criminal law, and in particular, the actual impact of criminal law on people’s behavior. In the scientific literature, it is assumed by default that prohibitions and punishments establish framework for people’s behavior defined by the criminal law. But no one has ever proved a connection, and certainly there was not shown the tightness of the connection between the dynamics of crime and the changes in criminal legislation. At the same time, the social costs of repression are well known, but there is no information about the possibility of their more reasonable use (Zhalinsky 2005).

The point at issue is about, first of all, the direct costs of ensuring criminal proceedings, the execution of the punishment imposed by the court.

Indeed, explanatory notes to the draft laws on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation are not aimed at providing forecasts, other data on

criminological, social, economic consequences and the “cost” of criminal repression. As a rule, the financial and economic justification for the draft law contains a dry, formalized phrase that its adoption “will not require additional expenditures from the federal budget”. While experts note a number of “costs that increase with a more extensive application of criminal prosecution” (Grigoriev/Kurdin 2012). For example, the costs of implementing the “Yarovaya’s Act” – a law that obliges cellular operators and Internet providers to store information about the negotiations and turnover of messages of subscribers and users of the Internet for three years, and their content for up to six months, – even according to the most approximate estimates amount to hundreds of billions of rubles. According to the information agency RBC, the Ministry of Communications and Mass Media began to develop proposals to reduce costs (RBC 2016). There arises a rhetorical question of whether it was possible to assess the “cost” of such repression at the stage of consideration of the bill. Ultimately, Russian cellular operators will indirectly impose these costs on their subscribers, raising tariffs for their services, in the conditions of insufficient strict state control over tariff formation in our country.

We believe that one should seriously consider not only the criminological expert study that precedes any change in the criminal law, but also financial, economic, and even possibly technical one. The conclusions of independent experts would give an answer to the question of whether the introduced or amended criminal-legal norm will be “free” for the budget, and its implementation will not require the development of global electronic, communication or technical systems.

Secondly, Kolokolov (2012, 120) notes that the technological inferiority of the Russian criminal procedure is more than obvious, “for it still tries to drag in the technologies of the industrial age in the postindustrial society”. This is largely due to the historical reasons for the formation of Russian criminal procedure law and professional environment. The Romano-Germanic legal family, to which Russian law belongs, is not so mobile to innovations as the law of the Anglo-Saxon family. So, if in 2016 the Supreme Court of England allowed judges to use predictive coding (the technology of “computer analytics”, that is, a computer retrieval of documents that showed its effectiveness in a number of major civil cases in the US and England, according to which the number of relevant documents reached the amount of about one million copies) (Technology 2017). In the US, you can get legal advice in many areas of law with the help of IBM Watson, the question-answer system of artificial intelligence, within a few seconds. The accuracy of the consultation is 90% compared to 70% accuracy of the consultation held by a legal practitioner (PSJ 2017).

As for Russia, one can say that, unfortunately, its modern judicial system is a picture preserving the features of the last century. In Russia, until now, the records in primary legal documents are mostly hand-made. The main technological achievements of the national criminal procedure system are the possibilities to store

physical evidence on electronic media and conduct interrogation of a witness by using videoconferencing systems.

In the era of spreading augmented reality to all spheres of society, the process of technological inferiority of Russian criminal justice will only gain strength, first of all, due to the high cost of universally introduced technologies and insufficient budgetary financing of such a work. To illustrate this, Kobets & Krasnov write that “unexpected deterioration in macroeconomic indicators may be accompanied by a decrease in the financing of law enforcement and the fight against crime” (Kobets/Krasnova 2009, 41). For example, within the framework of the national project “Safe City” in Russia, there was created a comprehensive information system that ensures the forecasting, monitoring and prevention of possible threats. With the help of this system, it is possible to monitor the processes of taking action to recover from the consequences of emergencies and delinquencies. However, the insufficient funding envisaged within the framework of regional state programs (sub-programs) for the prevention of offenses is called “one of the main obstacles to the further development” of the hardware and software complex “Safe City” (Eliseev/Agafonov 2016, 139–142).

Thirdly, the Russian penal enforcement system also uses technical achievements in an insufficient way, although the legal framework for putting the penal repression on a high-tech level has been established in our country long ago. We have in mind such a form of criminal penalty as restriction of liberty (Article 53 of the Criminal Code of the Russian Federation). Restriction of liberty is a form of penalty that can be imposed as the primary for crimes of small and medium gravity, and as an additional to forced labor or imprisonment. Its general terms are from two months to four years when applied as the primary, or from six months to two years with its assignment as additional. In the case of minors, restriction of liberty is imposed only as the primary punishment for a period from two months to two years (Sitdikova/Shilovskaya 2015). The essence of this type of punishment is to impose a number of restrictions to a convicted person. Two of them are mandatory: the obligation to appear in the probation department from one to four times a month for registration and prohibition on changing the place of residence or stay, as well as on leaving the territory of the relevant municipal entity without the consent of the aforesaid department. Other restrictions are set in the verdict at the discretion of the court that can revoke or supplement them in the process of serving the sentence at the instance of the chief of the probation department. These include: not to leave the place of permanent residence at a certain time of day, not to visit certain places, not to visit places of public and other events and not to participate in these events, etc.

Supervision of the convict who is serving a restriction of liberty is carried out by the probation departments. At the same time, since 2013, it is possible to use special technical means to monitor the location of convicts (including electronic

bracelets). In the criminological literature it is emphasized that “when applying this type of punishment, the use of modern technologies is considered to be progressive” (Dikaeva/Gilinsky 2014). First of all, this refers to the means and systems of electronic control over the convicted person during the execution of the sentence. However, the positive potential of using the innovative technologies in the practice of executing this type of punishment was lost as a result of a headline-making corruption scandal involving a kickback received by Alexander Reimer, the former head of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

It will be recalled that a kickback is an illegal covert payment to an official, made in return for the service rendered by him. Most often, this is the percent from the total amount of the state contract, paid in cash (Krasnova 2014, 269). The materials published in the “Kommersant” newspaper contained information that Alexander Reimer received 140 million rubles (€1,9 mln) in cash, in his office, as payment for his services. As the results of the investigation show, this huge kickback amounted to approximately 10% of the total amount of budget funds received by the companies of the organized group members who managed to conclude contracts for manufacturing and supplying electronic means of monitoring the persons under supervision (so-called “bracelets”) with the direct support of Alexander Reimer. The first contract was concluded in 2010. The cost of one bracelet varied in it from 108.5 thousand to 128 thousand rubles. In 2011, the contract price rose to 2.6 billion rubles. At the same time, as it turned out during the investigation, some of the bracelets produced did not work. The cost of all the output was overestimated several times. At the same time, part of the money being received by the companies – contractors (who had to perform state contracts) was transferred to the criminal groups of the company that were affiliated with another participant (Nikolay Martynov) under sham contracts. There it was cashed and transported to Moscow. The investigators believe that only out of overpricing of electronic bracelets the accused “made” more than 1.2 billion rubles. The total damage from their actions exceeded 2.7 billion rubles. In the end, this story slowed down the development and implementation of high-tech control means and monitoring of persons convicted to the restriction of liberty. This case not only had an indelible, degenerative impact on the entire penal system and its officers. The most sad is the fact that as a result of criminal supplies of faulty equipment, the principle of economizing criminal repression in the sphere of execution of criminal penalties was put on an “idle” course for almost three years (in the period from 2010 to 2012, while the criminal scheme worked out by the head of the Federal Penitentiary Service of Russia existed) (Kommersant 2016).

The criminal justice system still needs time to realize the preventive nature of the type of criminal penalty in question. It should be noted that at the moment, it is the lack of appropriate equipment and systems of control over those sentenced to this measure of punishment that impedes to economize repressions in the penal system.

6. Conclusion

Summarizing the above, we note that the global nature of the problem of cyber crime gave an impetus to the creation of an international system for countering cyber crime, which includes multilateral regional legal instruments and the activities of international organizations and regional associations in this field. At the same time, it should be noted that there are no mandatory obligations compelling the EU member states, as well as Russia and its BRICS and ASEAN partners to bring their criminal legislation in line with the above-mentioned directives and conventions.

These circumstances allow us to conclude that the impact of technology on Russian society and the way of life of its members will only increase. And this process has just started to gain strength. When solving the global problem of cyber crime, international organizations, regional associations and the national legislator rely on the criminal law as a means of regulating legal behavior in cyberspace. Noting the impetuosity with which digital realities change socio-economic relations, we regretfully state that criminal repression does not have time to react to these changes. In attempting to correct criminal repression, it is important to pay attention to the social conditioning of criminal law prohibitions and to observe the necessary conditions for criminalizing dangerous behavior in cyberspace. Future researches might seek to explore the impact of modern technology on substantive criminal law, criminal procedure, and execution of criminal penalties at the national level.

References

- ARKHIPOV, I. K. (2011), About the “transfer of information” in the literal and metonymic sense. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. II, 453–464.
- BAEVA, L. (2017), Values of mediasphere and E-Culture. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/1, 173–184.
- BURLAKOV, V. N./PRYAKHINA, N. I. (2004), Restructuring of criminal law: results and prospects. In: *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2, 5–15.
- CHAN, J./MOSES, L. B. (2017), Making Sense of Big Data for Security. In: *The British journal of criminology*. 57 (2), 299–319: <https://doi.org/10.1093/bjc/azw059>.
- Convention on Cybercrime (ETS No. 185) (signed in Budapest, 23.11.2001) (as amended on 28.01.2003). In: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents/libe/dv/7convbudapest/7convbudapesten.pdf [Access 14.09.2017].
- DIKAEVA, M. S./GILINSKY, Y. I. (2014), Application of criminal penalties not related to deprivation of liberty: present and future. In: *Science Week of SPbSPU. Materials of the research and practice conference with international participation*. St. Petersburg, 200–202.
- Directive (EU) 2016/681 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the use of passenger name record (PNR) data for the prevention, detection, investigation and prosecution of terrorist offences and serious crime. *Official Journal of the European Union* (2016). L 119, 132. Official website of European Union legislation: <http://eur-lex.europa.eu> [Access 14.09.2017].
- Directive 2013/40 / EU of the European Parliament and of the Council of 12 August 2013 on attacks against information systems and replacing Council Framework Decision 2005/222 / JHA. Official

- Journal of the European Union (2013). L 218, 8. Official website of European Union legislation: <http://eur-lex.europa.eu> [Access 14.09.2017].
- ELISEEV, A. V./AGAFONOV, S. I. (2016), On the law-enforcement segment of the HSC "Safe City". In: Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Interior of Russia. 7, 139–142.
- European Union serious and organized crime threat assessment: crime in the age of technology. In: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-serious-and-organised-crime-threat-assessment-2017> [Access 14.09.2017].
- FEDOROVA, L. L. (2016), Discourse of mass demonstrations. In: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VII/1, 101–119.
- GAVRILOV, B. Ya. (2008), Contemporary criminal policy of Russia: figures and facts. Moscow.
- GIRKO, S. I./LESNIKOV, G. Y. (2014), Public security and fight against corruption in the Russian Federation. In: *Social and Political Sciences*. 3, 22–25.
- GRIGORIEV, L. M./KURDIN, A. A. (2012), Economic consequences of criminal reprisal against entrepreneurs. In: Zaoztrovtseva, A. P. (Ed.), *Economic freedom and the state: friends or enemies*. St. Petersburg.
- Judgment of the European Court of Human Rights of 18.12.2012 "Case Ahmet Yildirim v. Turkey" (lawsuit No. 3111/10). In: *Precedents of the European Court of Human Rights* (2016). 6 (30).
- KOBETS, P. N. (2016), On modern information technologies used by extremist and terrorist groups and the need to counter cyber crime. In: *Development of Science and Education Bulletin*. 6, 4–9.
- KOBETS, P. N. (2017), Police forces of the Netherlands in combating child pornography distributed on the Internet: international standards and foreign experience. In: *Police and investigative activities*. 1, 70–80.
- KOBETS, P. N./KRASNOVA, K. A. (2009), About need for social and criminological modeling of the criminal situation in Russia. In: Dolgova, A. I. (Ed.), *A New criminal situation: assessment and response*. Moscow, 41–46.
- KOLOKOLOV, N. A. (2012), Directive, communicative and technological aspects of criminal proceedings. In: Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Interior of Russia. 4, 118–120.
- KOMMERSANT: Alexander Reimer has been forked up for bracelets [Коммерсант: Александру Реймеру отстегнули за браслеты]. (In Russ.). In: <http://www.kommersant.ru/doc/2923518> [Access 14.09.2017].
- KRASNOVA, K. A. (2014), General characteristics of forms of manifestation of corruption in the European Union. In: Dolgova, A. I. (Ed.), *Criminological situation and response to it*. Moscow, 265–273.
- Kremlin: International forum "The Arctic: Territory of Dialogue". In: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54149> [Access 14.09.2017].
- LAVORGNA, A./SERGI, A. (2016), Serious, therefore Organised? A Critique of the Emerging "Cyber-Organized Crime" Rhetoric in the United Kingdom. In: *International Journal of Cyber Criminology*. 10 (2), 170–187.
- LESNIKOV, G. Y. (2014), The criminal policy of Russia: Institutional Problems. In: *Scientific portal of the Ministry of Interior of Russia*. 4 (28), 5–8.
- Meduza: Monday of the virus-extortionist WannaCrypt hit China; Microsoft compares the incident with the theft of "Tomahawks". In: <https://meduza.io/feature/2017/05/15/ponedelnik-virusa-vymogatela> [Access 14.09.2017].
- MELESHKO, N. P. (2004), Problems of improving the criminal legislation of Russia in the light of international experience. In: Komissarov, V. S. (Ed.), *International and national criminal legislation: the problems of legal technique*. Moscow, 130–142.
- MISHIN, G. K. (2004), On the methodology of global criminal law. In: Komissarov, V. S. (Ed.), *International and national criminal legislation: the problems of legal technique*. Moscow, 58–60.
- NAZARENKO, G. V. (2016), Contemporary criminal law policy: a new phase of liberalization. In: *Central Russian Journal of Social Sciences*. 11 (2), 94–98.

- Press Release No. 3282. Security in the information society: Challenges of the New Century. In: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116024> [Access 14.09.2017].
- PSJ: On the singularity and what will happen during the 4th industrial revolution. In: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=90070 [Access 14.09.2017].
- RBC: The Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation will try to reduce the costs of the “Yarovaya’s Act”. In: http://www.rbc.ru/technology_and_media/13/12/2016/584ec8c99a79473a81b0d963 [Access 14.09.2017].
- SHILOVSKAYA, A. L./SITDIKOVA, L. B./STARODUMOVA, S. J. et al. (2016), The consumers’ rights’ protection in the sphere of consultancy services: the problems of theory and judicial practice in Russian Federation. In: *Journal of Internet Banking and Commerce*. 21 (S 4).
- SITDIKOVA, L. B./SHILOVSKAYA, A. L. (2015), On the improvement of compulsory educational measures for minors. In: *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 9 (4), 682–690.
- SMITH, G. J. D./MOSES, L. B./CHAN, J. (2017), The Challenges of Doing Criminology in the Big Data Era: Towards a Digital and Data-driven Approach. In: *The British journal of criminology*. 57(2), 259–274: <https://doi.org/10.1093/bjc/azw096>.
- Sochi Declaration of the ASEAN – Russian Federation Commemorative Summit to Mark the 20th Anniversary of ASEAN-Russian Federation Dialogue Partnership “Moving Towards a Strategic Partnership for Mutual Benefit” (Adopted in Sochi on May 20, 2016). Site of The Association of Southeast Asian Nations: <http://russia-asean20.ru> [Access 14.09.2017].
- Technology: The Supreme Court of England authorized the use of computer analysis of documents. In: <http://pravo.ru/story/view/126752> [Access 14.09.2017].
- The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 [Уголовный кодекс Российской Федерации]. (In Russ.). In: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 [Access 14.09.2017].
- The Presidential Decree of the Russian Federation No. 640 of November 30, 2016 “About approval of the concept of foreign policy of the Russian Federation”. Official Internet Portal of Legal Information: www.pravo.gov.ru [01.12.2016, No. 0001201612010045] [Access 14.09.2017].
- THOMAS, D. (2002), *Hacker Culture*. Minneapolis/London.
- TRAYNIN, A. N. (1935), Penal intervention. In: Vyshinsky, A. Y. (Ed.), *the Movement for the unification of the criminal legislation of capitalist countries*. Moscow.
- Ufa Declaration of the VII BRICS Summit (Adopted in Ufa on 09.07.2015). Official site of the Russian Federation presidency in BRICS: <http://brics2015.ru> [Access 14.09.2017].
- Understanding cybercrime: phenomena, challenges and legal response. In: <http://www.itu.int/ITU-D/cyb/cybersecurity/docs/Cybercrime%20legislation%20EV6.pdf> [Access 14.09.2017].
- Vedomosti: VCIOM: 80% of Russians are against restrictions on cash payments. In: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=116117> [Access 14.09.2017].
- VOISKUNSKY, A. E. (2016). Behavior in cyberspace: psychological principles. In: *Human*. 1, 36–49.
- VOLKOVA, M. A./SITDIKOVA, L. B./STARODUMOVA, S. J. et al. (2015), Legal problems in implementing information services in Russian civil law. In: *Review of European Studies*. 7 (6), 243–271.
- ZHALINSKY, A. E. (2005), On the current state of criminal legal science. In: *Criminal law*. 1, 21–24.

EDUKACJA

DANNA SUMMERS, YELIZAVETA DAVLETKALIYEVA, BIBIGUL ALMURZAYEVA
“Turan” University
K. Zhubanov Aktobe Regional State University
Aktobe institute of Advanced Studies “Orleu”

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF MOTIVATION AND JOB SATISFACTION OF FACULTY MEMBERS: THE CASE OF ONE STATE UNIVERSITY IN KAZAKHSTAN

KEYWORDS: Kazakhstan, psychology, motivation, job satisfaction, faculty members, state university

ABSTRACT: Psychological aspects of motivation and job satisfaction are integral parts of the effective and productive operations of any organization. In the context of higher education, it is one of the spheres, where satisfaction of faculty members, as well as appropriate motivational environment, has the paramount value for the effectiveness of a higher education institution and the quality of educational services. This research aims to explore the psychological aspects of motivation and job satisfaction of faculty members of one state university in Kazakhstan. Questionnaires concerning the job satisfaction level and motivation were distributed among 232 faculty members of one state university in Kazakhstan. The research findings show that the vast majority of participants have a relatively high level of job satisfaction, despite the existence of factors that negatively influence on the job satisfaction level, such as inappropriate work schedule, salary issues, and dealings with administration. At the same time, it becomes evident that favorable social and psychological climate, as well as relationships with colleagues can be considered as the most important components of psychological aspects of faculty members' motivation. This study provides recommendations that can increase the job satisfaction level of faculty members and improve motivational environment in higher education institutions.

1. Introduction

The Republic of Kazakhstan is a developing country located in the Central Asia, which gained its independence in 1991. As the successor of the Soviet Union, Kazakhstan inherited its educational system. However, in the context of recent reforms, the higher education system of Kazakhstan has changed and nowadays seems to be European rather than post-Soviet (OECD 2007). Kazakhstan was the first country from Central Asia, which signed the Bologna declaration and became a 47th member of the Bologna process (Tomusk 2010). This crucial step illustrates the eagerness of Kazakhstan for further development, cooperation

and improvements in the sphere of higher education. At the current stage of development, there are 126 higher education institutions (HEI) in the Republic of Kazakhstan (Information-Analytic Center 2015). Among those, 9 national higher education institutions, 1 international university, 1 autonomous higher education institution, 31 state higher education institutions, 16 JSC higher education institutions, 55 private higher education institutions, and 13 non-civil higher education institutions. The vast majority of those education organizations are located in two cities of republican significance – Astana and Almaty. Astana, capital of the Republic of Kazakhstan, has 12 higher education institutions. Almaty, which is the biggest and most developed city of the Republic, has 42 higher education institutions. The third place belongs to the South-Kazakhstan region, where 11 higher education institutions are placed (Information-Analytic Center 2015). National Universities are the basis of higher education system of the Republic of Kazakhstan and have special regulations. Moreover, National Universities are the first higher education institutions (except Nazarbayev University) which will get the autonomy from the Ministry of Education and Science (Alshanov 2014). The first National Universities were established during the Soviet period and can be seen as the flagman universities for the institutions, which were opened after the independence of Kazakhstan in 1991. Having the leading role in higher education reformation process, national universities should provide high-level educational services, as well as increase the research capacity of the country. In this context, it is vital to explore the current level of motivation and job satisfaction of faculty members who are the key stakeholders in the higher education system. Higher level of motivation and job satisfaction will lead for more efficient and productive performance of faculty members and consequently affect the quality of higher education services.

The personnel of any higher educational institution is one of the main parties interested in effective activity of the organization. In the modern, dynamically changing conditions the personnel is the key asset of the organization, which ensures its competitiveness and a sustainable development (Armstrong, 2002). The understanding of the current and future expectations and needs of employees, as well as constant assessment of their job satisfaction level and other aspects connected with the company can guarantee the long-term success and prosperity of the organization of any field of activity. The higher education is one of fields of activity for which satisfaction of the personnel has the paramount value (Adayeva 2012). The main objective of higher education institutions is preparation of the highly qualified personnel able to not only apply the methods and tools acquired at university but also be able to be adaptable for the constant changes. The personnel of higher education institutions has the greatest impact on formation of young specialists. Interest in education, self-development and receiving new knowledge in many respects can be defined by skill and motivation of faculty members

of higher education institutions that in turn depends on degree of their satisfaction with work at university.

One of the main groups, which have an impact on the activities of higher education institutions, is the faculty members. According to G. Mintzberg, universities have professional bureaucracy structural type. Key part of such structure is its operational kernel – the people performing basic work on products production and rendering of services (Mintzberg 2004). In the case of universities, it is group of faculty members and top administration. According to Mintzberg, considering the high expenses of work, it is expedient to provide faculty members with the most favorable conditions for performance (Mintzberg, 2004).

Therefore, each university should possess special goals concerning the faculty members and the level of their job satisfaction. Need of such assessment is caused by the requirements of top management of higher education institutions, as well as faculty members. In order to bring positive changes and improvements, it is vital to have a constructive dialogue between administration of higher education institution and faculty members. University authorities should have reliable information regarding the work conditions and attitudes of faculty members, as well as proclaim ideals of collegiality and be attentive to the opinions and ideas of all university staff members. Constructive dialogue can lead to more efficient and productive performance of faculty members and consequently on the quality of education services.

However, despite importance and priority of carrying out an assessment of satisfaction of the personnel in higher education institutions, specifics of such assessment and its difference from similar researches in the organizations of other fields of activity, theoretical justifications of a similar assessment for the current time are absent. Many researches concerned the job satisfaction level, mechanism of its formation, assessment techniques. At the same time, majority of them are concerned the general questions and do not mention specifics of activity of the concrete organization or are devoted to studying of satisfaction of the personnel of the industrial enterprises or organizations of other services sectors (the bank sphere, hotel business, etc.). However, it is vital to research the job satisfaction level, as well as motivation of faculty members in order to understand the existing tendencies in higher education institutions in Kazakhstan.

2. Methodology & Analysis

Considering the importance of national universities for higher education system of the Republic of Kazakhstan, this research aims to identify the current level of job satisfaction and motivation of faculty members of one National University

in Kazakhstan. Research was conducted during 2013–2014 and involve 232 faculty members. National universities have specific status in Kazakhstani higher education system and this particular university is one of the oldest and prestigious universities that provides job placements for about 2000 faculty members. The research was conducted identification of current job satisfaction level and peculiarities of organizational culture will shed the light on the issues of internal social and psychological climate of university and its impact on the quality of higher education services provided by this particular university. In addition, the critical analysis will provide a better understanding of the faculty members' perception of job satisfaction level and existence or absence of organizational culture in National University in Kazakhstan.

Results of job satisfaction questionnaire were statistically processed by the quantitative data analyzing software SPSS 15 which revealed quantitative indices by each methodological technique and the average statistical data.

The total number of participants – 232 faculty members (N=232). The age range varies as following: 44.16% of respondents identified that they are in the 20–30 age group, 24.24% of participants belong to the 31–40 age group; 19.48% in the 41–50 age group; 10.82% in the 51–60 age group and 1.93% of faculty members are older than 60. The age statistic shows that the majority of participants (66.40%) are younger than 40 years old. It can reflect the positive tendency for young professional to choose career in higher education institutions. Surprisingly, that 1.93% of respondents within the retirement age still work in the university; this tendency can reflect faculty members' loyalty to their workplace and high level of job satisfaction, as well as the difficulties in their finance situation, which can force them to continue their work at university.

The average overall work experience among participants – 14 years, whereas the average work experience in this particular National University – about 10 years.

The job satisfaction analysis assumed to reveal the general satisfaction with job, satisfaction with basic work conditions (salary, sanitary norms, quality of organization, etc.) and substantial work conditions (importance of work, status of the work, principles of collegiality, etc). The vast majority of respondents identified that they are satisfied with the job (65.37%) and with the job position (72.29%) comparing with those who are unsatisfied with the job (34.65%) and the job position (27.71%) – see: Diagram 1. However, this ratio reflects the existing problems that can negatively affect the job satisfaction level, and consequently the quality and productivity of performance of faculty members.

According to the findings, the lowest satisfaction level is evident in the following spheres: salary (67%), work schedule (30%), sanitary conditions (30%), and career development (29%). Interestingly, the relationships with colleagues are identified as the least factor of job unsatisfaction (6%) – see: Diagram 2. Therefore, we can conclude that despite the existing issues in University's operations, faculty members

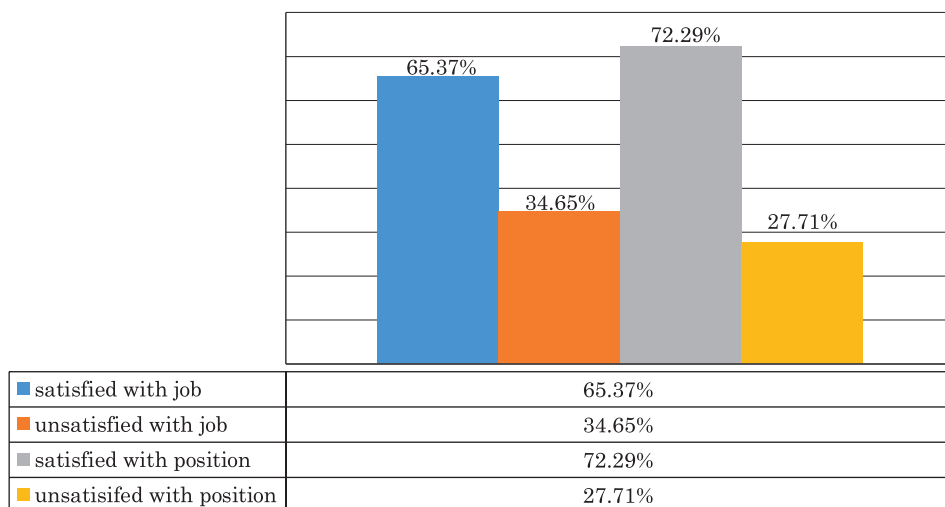

Diagram 1. Analysis of general level of satisfaction

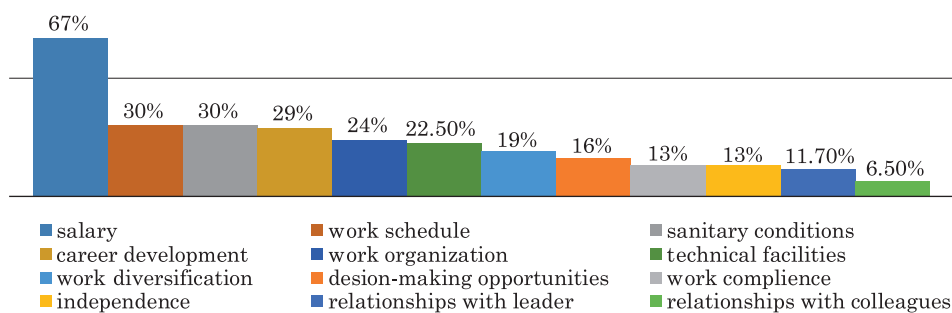

Diagram 2. Comparative analysis of factors influencing on dissatisfaction of faculty members

have appropriate friendly relationships among each other, which lead to the stable communication pattern and overall positive social-psychological climate in the University.

Factorial analysis identified that the main findings concerning of the job satisfaction were grouped in following factors: relationships with the leader, level of labor organizations, necessity to solve emerging problems, correspondence with significant position; career development opportunities; diversity of work; independence in decision-making process; work schedule satisfaction; relationships with colleagues and existing work facilities.

These elements reflected the high correlations, which means that relationships with colleagues and top management representatives are the basic elements that form the job satisfaction level of faculty members.

Detailed investigation of basic job characteristics reflected that the following three characteristics are important for the research participants (Table 1).

Table 1. Importance of job characteristics

Basic job characteristics	% (of participants)
Open access to facilities and resources	22.4%
High salary	23.5%
Appropriate work conditions	19.7%

According to the research participants, there are some specific features, which can characterize the relationships with University’s top management representatives. First, 25% of faculty members reported the lack of feedback. Secondly, 31% of participants accentuated the lack of necessary information. Thirdly, 39% mentioned the existing issue of non-used reserves of the organization, and finally 31% of respondents identified some issues in the relationships with the heads of departments.

Research findings reflected the existing situation when faculty members do not have a clear vision of the main goals and strategic developmental direction of the University. Only 13% of research participants were able to identify some (not more than 3) strategic goals of the University, whereas other were confused to provide an answer. Moreover, some participants reported on the miscommunication issues among administration and faculty members, as well as among structural divisions of the University. Consequently, these difficulties lead to the decrease of the job satisfaction level and overall productivity of faculty members.

The findings reflected the high level of loyalty to the University, the degree of trust and the willingness to continue the work at the University (see: Diagram 3). Correlational analysis showed that this indicator has relations to the age

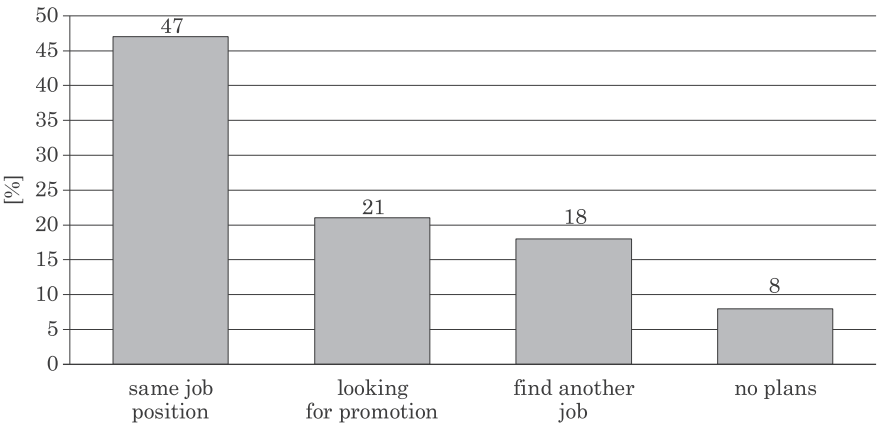

Diagram 3. Career plans of faculty members of a National University

of participant. Thus, more senior faculty members are more loyal to their current work place and plant to work on the “same job position”. From the perspective of those participants, the University is more than just a workplace but almost the “second home”.

Loyalty of staff is the characteristic that reflects their commitment to the organization. It is more likely that loyal staff has higher job satisfaction level and more effective in their work. It is also less likely that those people will provoke organized protests or cause impediments in the University’s operation process.

Formal indicators of the loyalty level is the work experience in this particular organization, staff turnover, and professional effectiveness of staff. Considering the average work experience in the University – about 10 years, and staff turnover percent less than 12%, we can draw a conclusion about the relatively high level of personnel loyalty.

Research findings concerning their job promotion ambitious reflected that about 70% of participants preferred not to answer, 10% of participants preferred to stay on the same job position, another 20% identified their career promotion ambitious as following: leading specialist, lecturer, the head of the department, vice-rector.

The satisfaction with the possible career development directions showed that 40% of participants satisfied with the opportunities in this particular University, whereas other participants found it difficult to answer (30%) or unsatisfied with the possibilities for career promotion (30%) – see: Diagram 4.

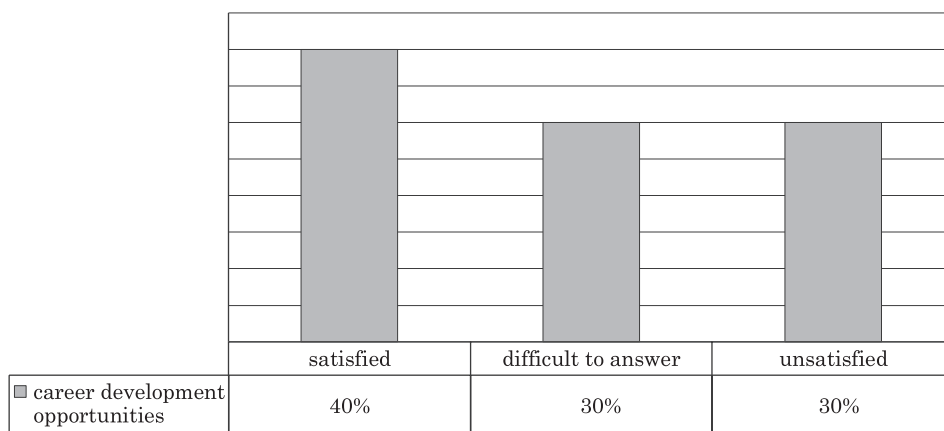

Diagram 4. Career development opportunities

Another aspect that can influence the psychological component of job satisfaction is the faculty members’ burden of workload. Diagram 5 shows that 43.72% of research participants think that they are overloaded with the work, whereas other 48.05% percent consider the appropriate workload that they carry out

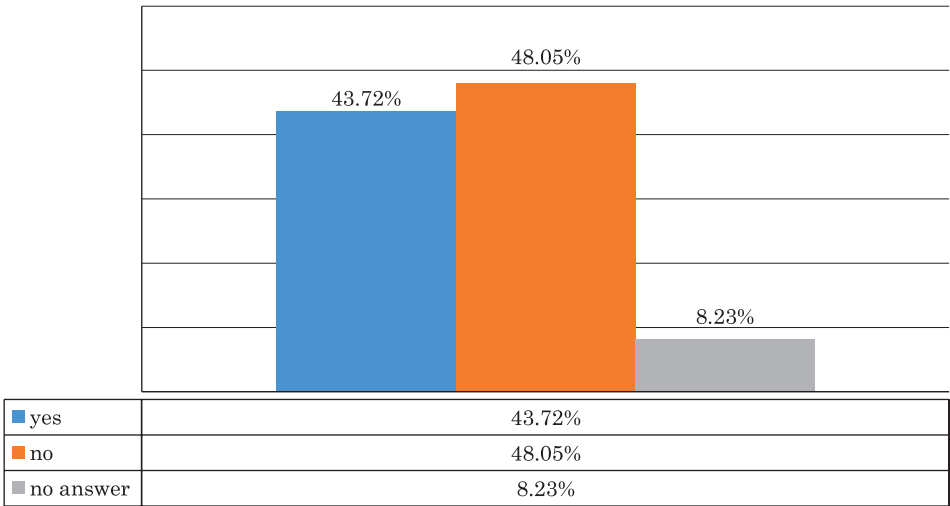

Diagram 5. Workload burden

on the daily basis. This kind of burden lead to the extra-hours work, unsatisfaction with the work schedule and overall have a negative effect on the psychological climate of the organization.

Job satisfaction level closely connects with the concept of labor values and stricture of work motivation. Labor values can be divided on basic factors (which decrease level of job unsatisfaction but do not motivate employees) and substantial factors (motivators) which can influence on faculty members’ productivity and efficiency and increase level of job satisfaction. These factors determined by the content

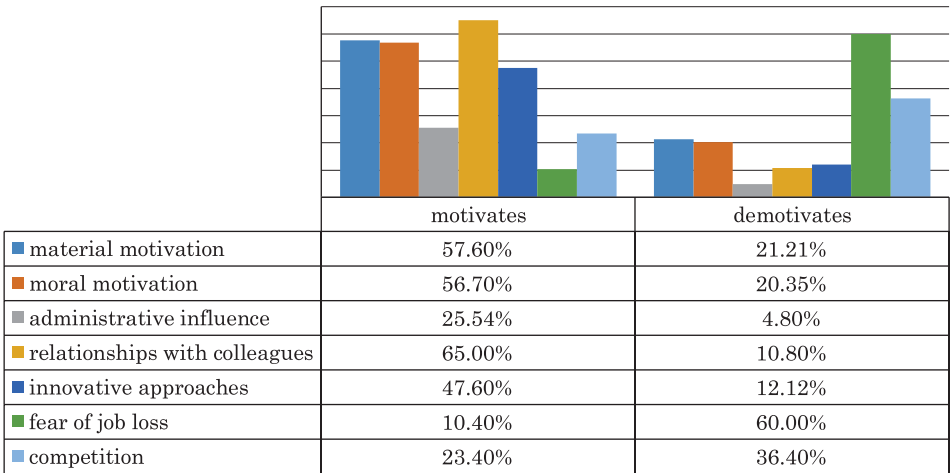

Diagram 6. Factors influencing on the motivation

of work, independence and responsibility, approval by colleagues, and work outcomes. Therefore, it is evident that there is an existing correlation of motivation and labor values, influence of values structure on the work motivation (see: Diagram 6).

Interestingly, it is evident that 65% of respondents identified “relationships with colleagues” as one of the main factors influencing on their motivation, which might mean that faculty members of National University have friendly internal environment, which motivates them to more productive and efficient performance. Meanwhile, fear of job loss is the strongest demotivating factor that influence on the 60% of participants.

In addition, it is evident that material motivation (57.60%), as well as moral motivation (56.70%) are among the top factors that positively influence on the motivation of faculty members. In this context, we can conclude that creating appropriate and friendly environment, as well as the adequate salary system one of the main components of high job satisfaction level.

3. Conclusion

Considering the importance of national universities in the system of higher education of the Republic Kazakhstan, this research revealed the current job satisfaction level and psychological aspects of motivation of faculty members of one National University in Kazakhstan. The research shows the relatively positive situation with the job satisfaction level and psychological aspects of motivation among faculty members. However, the existing issues in the National University can lead to the negative consequences. The major issues concerning the job satisfaction level are low salaries, inappropriate work schedule and difficulties in career development. In order to increase the level of job satisfaction, it is vital to provide a better-developed payment scheme, which includes encouragement systems, such as holiday and special occasion bonuses, extra-hours payments, etc. In terms of work schedule, there is a need to provide the National University with necessary number of the workers who are able effectively carry out the demanded functions and consequently faculty members will have standardized work schedule, as the responsibilities will be distributed among all university staff. In the context of the National University's strategy of active development, based on the principles of innovation, independence and self-sufficiency, there is a need to pay precise attention to the effective human resource management. Concerning the career development opportunities within the National University, there is a need in clearly outlined plan for the professional growth of faculty members. Plan for the professional growth (PPG) will consist of certain indicators and achievements that can lead to the career promotion of faculty members. This transparent way of career development

can positively affect the job satisfaction level and motivation for better and more productive work. Additional advanced trainings and external educational opportunities should be also in the context of career development plan for the faculty members. At the present stage of development, faculty members have strong links with the university and highly value the non-material motivational factors, such as relationships with colleagues and favorable internal climate. For better functioning of the higher education institution, it is vital to acknowledge the loyalty of faculty members, through the building a constructive dialog and granting more freedom in decision making and independence in daily activities. The relationships based on the principles of collegiality can bring positive changes for the job satisfaction level and motivation of faculty members and can positively affect the productivity of activities and general effectiveness of higher education institution.

Bibliography

- ADAYEVA, T. Y. (2012), Job satisfaction of pedagogical labor and methods of its optimization. In: School of Pedagogy. 6, 51–54.
- ALSHANOV, R. A. (2014), New tendencies in education. Contemporary Education. 1/93, 26–29. In: http://www.obrazovanie.kz/pdf/2014_1/26-26.pdf [Access 1.09.2015].
- ARMSTRONG, M. (2002), Strategic human resources management. Moscow.
- Information-Analytic Center (2015), National Handbook: Educational System Statistics of the Republic of Kazakhstan. Astana.
- MINTZBERG, H. (1993), Structure in fives: Designing effective organizations. New Jersey.
- Organization for Economic Co-operation and Development (2007). Chapter 7: Internationalization. OECD Reviews of National Policies for Education: Higher Education in Kazakhstan, OECD. Paris, 141–162.
- TOMUSK, V. (2010), The Geography and Geometry of the Bologna Process. In: Silova, I. (Ed.), Globalization on the Margins: Education and Postsocialist Transformations in Central Asia. Charlotte, 41–60.

KULTURA, LITERATURA, MEDIA

ARNOLD McMILLIN
London

THE BELARUSIAN LEADERSHIP, HIS COUNTRY AND SQUALOR AS DEPICTED IN THE WORK OF YOUNG BELARUSIAN PROSE WRITERS

KEYWORDS: Belarusian leadership, satire, humour, Miensk, provinces, urban settlements, Vıl'nia, squalor, violence, alcohol

ABSTRACT: This article reviews some of the recent texts of young Belarusian prose writers about leadership, the country itself, squalor and alcohol abuse. The attitudes to the Leader in this highly varied selection of stories are at best humorous and more often disrespectful, whilst the picture of Belarus given is of a backward, sometimes squalid country with serious social problems, like violence and excessive drinking.

Uneasy lies the head that wears a crown.
Shakespeare, 'King Henry IV', Part II, III, i, 31
Then everything includes itself in power
Power into will, will into appetite;
And appetite a universal wolf.
Shakespeare, 'Troilus and Cressida', I, iii, 119–120¹

In an authoritarian regime like Belarus, attention to the leadership is not only natural in non-fiction works written outside the country,² but also in some of the poetry and prose produced in Belarusian creative writing, insofar as relative freedom of expression still exists.³ Anatol' Ivaščanka (b. 1981)⁴ in 'Čaroŭnaja krejdačka'

¹ These and subsequent references to Shakespeare are from: The Arden Shakespeare: Complete Works (1998), Proudfoot, R./Thompson, A./Kastan, D. S. (Eds.). London/New Delhi/New York/Sydney: Bloomsbury.

² Apart from two books published anonymously in Miensk, Warsaw and Moscow, entitled 'Idyjot samy nastajaščy', two major academic studies in English throwing light on the leadership are: A. Wilson (2011), *Belarus: The Last European Dictatorship*. New Haven/London: Yale University Press, and B. Bennett (2011), *The Last Dictatorship in Europe: Belarus under Lukashenko*. London: Hurst and Co. A far more entertaining work, throwing light on the leadership through folklore and humour is: A. Astapova (2015), *Negotiating Belarusianness: Political Folklore Betwixt and Between*. Tartu: University of Tartu Press.

³ Freedom of expression is a relative concept. During preparation for my book on young Belarusian poets (*Spring Shoots*) I found several books, openly or by implication, critical of the leadership, but when the translation was due to be published in Belarusian ('Ruń') the publisher in Miensk asked that three lines cited from two poets (neither of whose books had proved difficult for me to find) be removed, suggesting that otherwise 'we will all be arrested'. Only one of the two could be contacted, but he accepted this change without protest.

⁴ The dates of birth of featured young writers are given in this article, where known.

(The magic piece of chalk) refers to the person behind the ruthless repression of demonstrations as ‘*haŭnakamandujučy*’ (shit commander) (Ivaščanka 2015, 64). In another story ‘Save’ Sieva goes from a violent computer game to thoughts of facing the AMON at a street demonstration, but is in two minds, and only at the end joins the remains of it (Ivaščanka 2015, 31–36). In his imaginative, quasi-documentary narratives, the author makes clear the brutal savagery witnessed, particularly in 2006 and 2010.

Liolik Uškin (pen name of Alieś Novikaŭ, b. 1972) in his book ‘*Jak adradzić VKL (Fielietony, humareski)*’ (How to regenerate the Grand Duchy of Lithuania [Feuilletons, humoresques]), offers mostly quasi-journalistic and humorous reactions to various political and other events, mainly from the middle of the first decade of the 21st century, although some pieces, including the last of them are purely imaginary. The book ends with ‘*Kalaradyč (hrafičny-fantastyčny trylier)*’ (Kalaradyč [a graphic-fantastic thriller]), but this cartoon will not be considered here. A review of a few of the purely verbal elements in this imaginative collection, however, will give an impression of this writer’s attitude and approach to leadership. Firstly, it should be noted that Uškin’s feuilletons and humoresques are set in a variety of places in Belarus, as he sketches comic aspects of post-Soviet reality. In ‘*Poŭny zaval*’ (A complete failure), for instance, the setting is Škloŭ where the President, has just descended, in an attempt to stimulate growth and dissipate apathy. The phrase ‘*новы этап дзяржаўнага будаўніцтва*’ (a new stage in the building of the state) rings in people’s ears. The difference between the older generation and the younger one is clearly reflected in an oral exam at the university, following the presidential visit, as is seen in the following exchange between the examiner and a student:

Выкладчык: Ну, што там у вас?

Студэнт: Білет нумар 13. Пералічыць асартымент тавараў, якія, як канстатаваў прэзідэнт, цяжка знайсці на паліцах школёўскай спажываапаперацыі.

Выкладчык: Ну?!

Студэнт, чухаючы патыліцу: Можа, ноўтбукі?

Выкладчык: Як можна такога не ведаць! Мука, крупы, мясныя і рыбныя прадукты, ніткі, лямпачкі, мыльныя сродкі. Ну віншую – пойдзеце ў войска (Uškin 2016, 14).

(Teacher ‘Well, what have you got there?’; Student, ‘Ticket no. 13. Enumerate the goods which, as the president established, are hard to find on the shelves of Škloŭ stores’; Teacher: ‘Well?!’; Student, scratching the back of his head: ‘Maybe notebooks?’; Teacher: ‘How can you not know such a thing! Flour, groats, meat and fish products, thread, light bulbs, washing materials. Well, I congratulate you – you will be going into the army.’)

Other satire, some of it rather obvious, is nonetheless also amusing. For instance, in ‘*Jak myć dajarku*’ (How to wash a milkmaid), following an instruction from on high that milkmaids should be clean before going to bed, the director of a collective farm delivers a speech about how pig farmers and milkmaids (two significant

professions in this context, as all but the youngest Belarusians know) should be washed. 'Jak halasavać pry talkovaj demakratyi' (How to vote in a sensible [stable] democracy) is also strongly satirical. More entertaining, however, is 'JeŭraBRSM' (Euro-Belarusian Youth Organization) which contains some amusing exchanges with a young girl who has no clue who the Leader is, thinking perhaps that he might be a foreign pop singer or composer (Uškin 2016, 51). Finally, amongst a book that is almost entirely satirical, may be mentioned 'Na apošnim dychaŭni' (With the last breath) in which Uškin describes the shock experienced by a convinced supporter of the regime, film maker Jury Azaronak, who struggles when the leader, in the interests of economy, orders that all Belarusian television channels must follow the lead of independent film makers, as a result of which this loyal supporter finds himself sacked (Uškin 2016, 24–25).

An even worse fate than Azaronak's is experienced by the eponymous heroine of the story by Sieviaryn Kviatkoŭski (b. 1973), 'Siabrouka Prezydenta' (The President's girlfriend), a controller on the Miensk transport system who, having caught a fare-dodger and been told ironically that she is working on the personal instructions of the President, takes the words seriously. He has often addressed her personally on the television, filling her heart with happiness, and his words make her forget all the bad things in her life. Acquiring the nickname of the title (Kviatkoŭski 2012, 66), she begins to accept requests from naive members of the public to bring various matters to the attention of her 'boyfriend'. When she moves away from the station where she had previously lived and worked, she has to pay her own fare to get there; meanwhile her hero has warned about fare-dodgers. One day travelling to work on a trolleybus, she does not pay correctly, dreaming of her responsibilities and the manly features of her friend. Suddenly the vehicle stops and amidst the chaos He enters the trolleybus, making a presidential check, demanding that everybody show their ticket. When he reaches the controller and she cannot produce one, she is taken off the bus and shot (Kviatkoŭski 2012, 69).

For a final example of direct satire on the leadership, the story 'Suka-krot' (The mole bitch) by Pavai Kaŭciukievič (b. 1979) depicts a solemn ceremony at the Kurhan Slavy (Victory Mound) which is reduced to chaos. The following quotation will illustrate the eponymous animal's antics:

Нават дыктатар не можа нічога парабіць з кратом. Гэтая сука (у сэнсе, крот) – проста чарнявая шэльма! [...] А здзеклівая жывёліна прыпускае далей – адпальвае па-мастацку: піруэты, па, нават патройныя сальты. Занураецца, вынырвае, таньчыць брэйк-дэнс, спалучаючы сінхроннае плаванне з фігурным коўзаннем. Сука-крот! (Kaŭciukievič 2011, 114–15)

(Even a dictator can do nothing with a mole. This bitch (in the sense of a mole) was simply a dark little scoundrel! [...] And the mocking little animal carries on further – in masterly manner it carries out: pirouettes, pas, even triple somersaults. It buries

down, digs its way up, performs break-dances, combining synchronic swimming with figure skating. This mole bitch!)

The leader's cheeks twitch, shooting off the top of his epaulettes (Kaściukievič, 119). The great and good who are assembled on the Mount produce many fantastic suppositions about what is going on. The Head of the Security Services eventually calls a candle-lit prayer meeting, after which everybody falls into a black hole that has been dug (Kaściukievič 2011, 120–21).

Finally may be mentioned a somewhat bizarre piece by the political activist Taciana Śnitko (pen-name of Jania Źdanovič), 'Kurs maladoha bajca: Mistyčnaje apaviadańnie' (The course of a young warrior: A mystical story) which describes a young couple preparing for a demonstration (the metro has been closed), but they go home, depressed at its futility. The main themes are political dissidence, the ruthlessness of the KDB and police, with the addition of a rebellious but alcoholic journalist. Why the story is described as mystical is not entirely clear. The above direct and indirect disrespectful images of the Belarusian leadership, humorous and serious, are varied and often very inventive in their approaches to a familiar figure.

1. Miensk, the Provinces and Abroad; Idealization and Squalor

Alas, poor country.

Shakespeare, 'Macbeth', V, iii, 164–165

1.1. Miensk

Many people, including writers, have commented with anything from amusement to indignation on the number of (far from unpleasant) streets and squares in central Miensk that are named after people and phenomena emblematic of the Soviet era (Marx, Engels, Lenin, International, Communist and so on). Young poets have reacted against the impersonality of the city, and there are also several pictures in young prose of, for example, appallingly squalid and dangerous entrance halls in Miensk and other locations. It is against this background that the very personal essay by Aleś Jemialianaŭ (b. 1987), 'Vieršatop'⁵ should be seen. In it he reflects on Miensk streets and poetic experience, beginning: 'Люблю менскія вуліцы. Але ж не ўсе, а толькі з цікавымі паэтычнымі назвамі' (Jemialianaŭ 2014, 61) (I love the streets of Miensk, but not all of them, only those with interesting names). He illustrates various streets with poetic names or personal associations, such as 'Soniečnaja'

⁵ This word, an amalgam of the Belarusian words for 'poem' and 'place' does not appear to exist elsewhere, rather like the title of Jemialianaŭ's collection of poems, 'Parasoniečnaść' (2013). Minsk: Kniazbor.

(Sunny), 'Viasiolkavaja' (Rainbow) and 'Pryhožaja' (Beautiful), for instance, ending by expressing apprehension that they will disappear under skyscrapers and other developments. In many cases only the name of poetic-sounding streets will be left: 'Як чалавек, ад якога засталася толькі імя, а ўсё астатняе страчана – ані хаты, ані роду, ані племені.' (Jemialianau 2014, 62). (Like a person who has a name but everything else is lost – home, race and tribe.)

Maryja Roŭda (b. 1975) in 'Kliničny vypadak, albo Daremnyja ŭcioki' (A clinical case, or Fruitless flight), reflecting on Miensk, says: 'Што Менск – там нават ружы прадаюць, як шлюх: у чырбоным падманным святле.' (Roŭda 2015, 156) (As for Miensk, there even roses are sold like whores: in a red, deceptive light.) There are more roses in the subtitle of another story by Roŭda: 'Hetkaj biady. Albo Kachańnie, jak štambavanaja ruža' (Of such a misfortune. Or Love like a rose bush) (Roŭda 2015, 265). Other even less favourable images of Miensk will be mentioned later.

2. The Provinces and Urban Settlements

Uladz Harbacki (b. 1978) in his 'Pieśni traliejbusnych rahuliaŭ: Kazki i proza żyćcia' (Songs of the trolleybus poles: Fairytales and the prose of life) both praises and laments his native Viciebsk, and Aleś Byčkoŭski in his 'Horad za 101-m kilamietram' (A town more than a hundred kilometres away) describes vividly a hellish industrial settlement.

Probably the most bleak and memorable of all is the short but powerful debut novel of Źmicier Hud who was born in Homiel in 1986, 'Poŭdzień-3' (Midday-3). The narration begins in a leisurely manner, with much detail, depicting an industrial suburb full of big smog-covered furnaces and with identical buildings: 'тыпавыя дамы нагадвалі пашыхтаваных на пляцы жаўнераў, апранутых у аднолькавую вайсковую ўніформу' (Hud 2013, 7) (standard buildings resembled soldiers lined up on the parade ground dressed in identical military uniforms). The anti-social young inhabitants of this god-forsaken place often meet outside a store, waiting for it to open and re-supply them with alcohol. The central character of the novel stands apart; with the cruel nickname of Hlist, he was isolated and bullied at school and, after a schoolboy prank, is now regarded as a traitor and a coward. He is a pitiful character as is shown in this early description of him:

Гліст, напэўна, быў нават крыху падобны да толькі што выгнанага з раю біблейскага Адама: гэтакі ж бездапаможны і безабаронны, сам-насам з варожым навакольным светам і сваім смяротным целам, якое Гліст ледзь узяў з ложку, бо яно было знясіленае посталкагольнай млосцю (Hud 2013, 31).

(Hlist was probably a little like the biblical Adam just after being expelled from Paradise, similarly helpless and defenceless, totally alone in the hostile world around him and his mortal body, which Hlist could hardly raise from his bed, as it was weakened by post-alcoholic sickness.)

Only one of the locals, no less of a drinker than the bullies, nicknamed Praviednik (The righteous one) or Jesus on account of his long hair, makes an attempt to befriend him. Hud paints the background of many of the young people, almost all damaged by alcohol at home, including a girl, Esmierałda, who also shows sympathy for Hlist to the point of taking him with her to bed, but all ends in fiasco (Hud 2013, 49). Far the worst person in this settlement's collection of dysfunctional characters is a ruthless money-lender and gangster, Kavun, who in the end proves the cause of Hlist's torture and death. Later, on an unusually sunny day, the victim receives a funeral far better than anything the victim had known when alive (Hud 2013, 96–97). At the end the drunks realize that Hlist was their friend, now a dead friend. 'Poŭdzień-3' is far more absorbing in its plot and detail than the above summary can imply. It is one of the most memorable and grimly convincing pictures of provincial alcohol-soaked low life that the present writer has encountered for a long time.

The story by Maryja Maliaŭka (b. 1990), 'Žyvaja ryba', contains a less violent but none the less bleak picture of a little town in southern Belarus that has partly been built over a Jewish cemetery:

Канец 90-х. Невялікі гарадок на поўдні Беларусі здаваўся змрочным, як быццам там заўсёды быў прадвечэрні час – гадзінаў чатыры-пяць вечара ў асеннюю пару. Хоць, вядома, было і лета, шмат сонца. Але запомніўся гэты самы няпэўны час сутак, калі здаецца, што ўсё святло выпілі, а дабратворная цемра яшчэ не прыхавала голае няўтульнае наваколле (Maliaŭka 2006, 190).

(The end of the 90s. The little town in southern Belarus seemed gloomy as if it were always the time before evening – about four to five in the autumn. Although, of course, it was summer, and there was plenty of sun. But one recalls that same uncertain twilight hour when it seemed that all the light of the world had been drunk up, and the benevolent darkness had not yet covered up the bare, comfortless surroundings.)

3. Village life

Taciana Barysik (b. 1977), who often writes about animals and the country, depicts in a story from 'Kachańnie ŭ našym kuście' (Love in our group) 'Žadaju vam' (I wish for you) harmonious village life in a family with five children, using convincing rural language. In another story, however, from the same collection, 'Navina tydnia' (The week's news) she describes how a village woman, Liuba, five years into

her pension, regrets her lack of mobility but enjoys news by word of mouth. At the start of the story, she has some special news (perhaps a small whirlwind) and goes to her friend Savonycha to pass it on and speculate on its meaning; it was clearly too important to be shown on television (Barysik 2007, 66). They terrify each other with alarming superstitions, characteristic of this dying village, whilst over the horizon such primitive concerns are contrasted with modern worries.

Paŭlina Kačatkova in 'Liasnoje' writes miniatures about life on a farmstead, featuring animals, angels and ghosts (Kačatkova 2007, 131–34).

4. Travel and Life Abroad

Viĺnia is a city to which Belarusians feel particularly close. A humorous account of women from Ašmiany smuggling food, cosmetics and other goods is in Kaściukievič's 'Ajčnaja kantrabanda' (The contraband fatherland). The 'aunties' buy Belarusian goods and sell them in Viĺnia, buying there more sophisticated goods to bring home. They describe the (now) Lithuanian city as a wonderland and they adapt the title of Karatkievič's celebrated novel, by saying 'Chrystos pryziamlüsia ũ Viĺni' (Christ came to earth in Viĺnia) (Kaściukievič 2011, 6).⁶ The language used in this entertaining story appears to be authentic to Ašmiany.

Sieviaryn Kviatkoŭski offers an impressionistic picture of Viĺnia in his 'Viĺnia ũ kancy tuneliu' (Viĺnia at the end of a tunnel). The contrast between early morning Miensk and Viĺnia is very plain to the narrator (Kviatkoŭski, 17–18), who, despite his admiration, sees the Lithuanians as ghosts and not only ghosts of the many cultural figures of the past (Kviatkoŭski, 13). In a bar he meets a Belarusian called Marek who drives him to a place near the border, where at dinner everybody except an old man speaks Belarusian. There is a lively conversation in which the narrator explains humorously various aspects of his native country, but when the old man asks him about the Belarusian leader and gets a very negative reply, the visitor is thrown out and set down on the road to Miensk (Kviatkoŭski 2012, 19–20). A few days later an unknown Lithuanian rings to say that they had shown on television some crazy Belarusian who had asked to be put up in a (Lithuanian) police cell (Kviatkoŭski 2012, 20–21).

Maryja Roŭda in her already mentioned 'Kliničny vypadak' describes visiting Germany and when her gnome has, for some reason gone back to Miensk, she travels to the North Sea 'на п'яным нахабным ветры' (with its drunken insolent wind) and stares out 'перад санлівымі абрысамі Даніі' (towards the sleepy outlines of Denmark) (Roŭda 2015, 157).

⁶ U. Karatkievič (1966), *Chrystos pryziamlüsia u Harodni: Jevanhieĺlie ad Iudy*. Minsk: Mastackaja litaratura.

Arciom Kavalieŭski (b. 1979) is more abstract but no less vivid in his story 'Vandroŭnik' (The traveller), which opens with some typically imaginative images:

Вандроўкі, бы эскалатары. Яны лагодзяць здранцвеласць пачуццяў, аднаўляюць іх, вывозячы на паверхню новае прасторы. Ты ўсміхаешся кожнаму новаму месцу, а потым захлёбваешся кіслымі ванітамі салодкіх уражанняў [...] Цывілізацыі няма. [...] Цывілізацыя бы зубная паста: усё адно выплёўвацца... (Kavalieŭski 2008, 122).

(Travels are like escalators. They gratify our rusty feelings, renew them, take than to high new spaces. You smile at each new place, and then you choke on the bitter vomit of sweet impressions [...] There is no civilization [...] Civilization is like tooth paste; you are going to spit it out anyway...)

5. Squalor, Violence and Alcohol

In Shakespeare there are a considerable number of references to drinking, like Paralles's comment to an acquaintance: 'Drunkenness is his best virtue' (Shakespeare, 'All's Well That Ends Well', IV, iii, 249-50), but few could be less appropriate to Siarhieĭ Kalienda (b. 1985), whose 'Vomiting' is discussed later in this section.

Hud's powerful debut novel mentioned above falls into all the categories of this section. Uladz Harbacki gives a painfully detailed description of being attacked by a gang near his flat (Harbacki 2016, 74-75). Apart from her lesbian sexuality, which she clearly relishes, Nasta Mancevič (b. 1983) paints a bleak picture of her surroundings in, amongst other places, her re-creation of the traditional story of the three bears, 'Kazka' (A fairy story) where Mašeńka should have come in various sizes for the three bears, but as it is explained to the youngest bear: 'Разумееш, сынку, тут у нашым лесе, у гэтым засраным зарасніку жыве толькі адна Машэнька. Таму даводзіцца дзяліцца з усімі...' (Mancevič 2012, 17) (Understand, dear son, that in our forest, in these shitty bushes there lives only one Mašeńka. For that reason she will have to be shared between us all...) The last short paragraph is equally dismissive: 'Вось такая вось, рабяtki, гісторыя. І ўсё-тка я ў ёй разумею... Але ж мы, блядзь, не ў лесе!' (Mancevič 2012, 17) (That, guys, that's what the story was like. And all the same I understand in it... But we, after all, fuck it, are not in a forest!)

Two stories by Alaksiej Palačanski are worth mentioning here. In 'Pad stollu' (Under the ceiling) he depicts a box-like airless flat in which the narrator feels trapped, with the ceiling seeming to get lower and lower, rather in the manner of Edgar Allan Poe. Physical squalor here is matched by the terrible events of the narrator's life, such as his sister's stabbing of their mother. A kind of release comes with an all-destroying fire, with brilliant snow outside, although his family have all

fled. In a strong story 'Jak zakopvali duby' there is a vivid description of an 'official committee' coming to a homestead on a mission of destruction, while the mother and her boy hide in a barn and witness what is going on through a crack in the wall:

Мужчыны гаварылі і рухаліся вельмі хутка без бачных на тое прычын, яны ўсё рабілі рэзка – нечакана, як у старых нямых фільмах (Palačanski 2014, 101).

(The men spoke and moved very quickly for no visible reason, they did everything harshly and unexpectedly, like in old silent films.)

They bring machines to destroy the oaks, and depart leaving a wasteland:

Усе яны ўтваралі суцэльны гул, ператваралі чыстае спелае поле ў смярдзючы іржавы цэх, з далёкім рэхам лязгату і матарызны (Palačanski 2014, 103).

(They were all creating a wall of noise, transforming a pure ripe field into a stinking rusty workshop, with the distant echo of clanking and motors.)

Alcohol is a frequent theme in the work of young (and not only young) writers. Before turning to it and the often concomitant vomiting, it may be worth mentioning one story about the authorities' attempts to rid the country of this scourge: Siarhiej Kalienda's 'Niavykrutka' (No way out) describes the banning of alcohol in the 1980s with the urban settlement's apparent improvement, although in reality it produces a huge increase in violence, suicides and drug taking. As the author notes at the end: 'Талоўнае, што ніхто не п'е. Магілы маладзёў, могілкі растуць...' (Kalienda 2009, 174) (The main thing is that nobody is drinking. The graves are getting younger. The cemeteries are growing...)

A grimly realistic glimpse of alcohol and its consequences is given by Paviel Kapanski (b. 1986) in his story 'Žyćcio z vialikaj litary Ž' (Life with a capital 'L'), in which a young man, returning home after a domestic argument, comes across a hopelessly drunk man. The essence of the story is the battle with his conscience: whether to carry this filthy alcoholic on his shoulder or to abandon him. The voice of his wife looking for him and (most improbably) saying that all is forgiven apparently enables the young man to abandon the drunk with a clear conscience. The moral of the story, if it has one, is unclear. Drunkenness is also near the centre of Sieviaryn Kviatkoŭski's satire on journalistic and literary life in 'Šampanskaje ū šafie' (The champagne is in the cupboard) (Kviatkoŭski 2012, 5162).

Maksim, the main character in 'Taŭšćila i liešč' (The fat man and the bream) by Andrej Adamovič (b. 1973), apparently revived his hard-won bream by being sick over it. Vomiting figures widely in Siarhiej Kalienda's world. 'Vanity' (Vomiting) is a prime example of his dyspeptic views, tracing the life of a photographer Danila Lakanaŭ from childhood at eleven, when he is sick at table, after being forced to eat revolting food and whipped by his father, to when he was sixteen and has come

to believe that vomiting is a way to purify his soul. It is also a point of ‘romantic’ contact with an anorexic girl, as they are sick together. A curious feature of the story is that numerations of the sections go from 0.6 to -0.1. Lakanau’s interests are philosophical (as might be expected from his name) as well as crudely physical. The following excerpt from section 0.5 gives a vivid example of his acute feeling of alienation:

Данілу Лаканаву толькі шаснаццаць, ён падлетак, але яму ўжо абрыдла жыць у гэтым наваколлі. Сярод людзей, жывёл, раслін, вычварэнцаў, дэгенератаў, філосафаў, мастакоў, сярод аўтамабіляў, тэхнікі, вялізарных будынкаў. ЁН НЕ ХОЧА БЫЦЬ ДЗІЦЁМ АСФАЛЬТУ, ЁН НЕ ХОЧА БЫЦЬ ДЗІЦЁМ ТЭХНАКРАТЫ, ЁН НЕ ХОЧА БЫЦЬ ДЗІЦЁМ АТРУЧАНЫХ ЛЮДЗЕЙ, ЁН НЕ ХОЧА БЫЦЬ ІХ ПАКАЛЕННЕМ! (Kalienda, 2009, 13).

(Danila Lakanau is only sixteen, he is a youth, but he is already revolted by living in these surroundings. Among people, animals, vegetation, freaks, degenerates, philosophers and artists, among cars, technology, immense buildings. HE DOES NOT WANT TO BE A CHILD OF ASPHALT, HE DOES NOT WANT TO BE A CHILD OF TECHNOCRACY, HE DOES NOT WANT TO BE A CHILD OF POISONED PEOPLE, HE DOES NOT WANT TO BE THEIR GENERATION!)

In a later section (0.3) he describes vomiting as ecstasy, inner cleansing, emptiness and lightness in the world:

І ён цяпер знайшоў адзіны шлях, дзе няма хлусні, дзе ты адкрыты ў першую чаргу сам з сабою – ванітаваць, такім ён бачыў шлях (Kalienda 2009, 17).

(and he had found the only path where there was no lying, where you are open in the first place only to yourself – vomiting that was where he saw his path.)

* * *

To create an article linking leadership with frequently bleak views of the Leader’s country and with squalor and vomiting, should not be viewed as a Freudian or even logical connection, but simply as a natural progression.

References

- BARYSIK, T. (2007), Kachańnie u našym kuście and Navina tydnia. In: Babina, N. et al. (Eds.), *Žančyny vychodziać z-pad kantroliu. Bielaruskaje žanočaje apaviadańnie*. Miensk.
- ВУЧКОЎСКИ, А. (2004), *Horad za 101-ym kilamietram*. Miensk.
- HARBAČKI, U. (2016), *Pieśni traliebunnych rahuliaŭ: Kazki i proza žyćcia*. Leicester.
- HUD, Ž. (2013), *Poŭdziej – 3*. Miensk.

- IVAŠČANKA, A. (2006), Chaj tak. Miensk.
- IVAŠČANKA, A. (2015), Anatalohija. Miensk.
- JEMIALIANAŮ, A. (2014), Teliepaetyka: Rytaryčnyja adkazy. In: Dziejasloŭ. 4, 71.
- KAČATKOVA, P. (2007), Liasnoje. In: Babina, N. et al. (Eds.), Žančyny vychodziać z-pad kontroliu. Bielaruskaje žanočaja apaviadaŭnie. Miensk.
- KALIENDA, S. (2009), Pomnik atručanym liudziám. Miensk.
- KAPANSKI, P. (2012), Žyćcio z vialikaj litaraj ‘Ž’. In: Chadanovič, A. (Ed.), Hienijuš loci. Miensk, 107–109.
- KAŠCIUKIEVIČ, P. (2011), Zbornaja RB pa niehaloŭnych vidach sportu. Miensk.
- KAVALIEŬSKI, A. (2008), Addalienašć i addanašć. Miensk.
- KVIATKOŬSKI, S. (2012), Padarunak dla Adeli. Miensk.
- MALIAŬKA, M. (2006), Žyvaja ryba. In: Dziejasloŭ. 2, 81.
- MANCEVIČ, N. (2012), Ptuški. Miensk.
- PALAČANSKI, A. (2014), Moj ćvik. Miensk.
- ROŬDA, M. (2015), Kliničny vypadak, albo Daremnyja ŭcioki. Miensk.
- ŠNITKO, T. (2007), Kurs maladoha bajca: Mistyčnaje apaviadaŭnie. In: Babkina, N. et al. (Eds.), Žančyny vychodziać z-pad kontroliu. Miensk, 224–246.
- UŠKIN, L. (2016), Jak adradzić VKL. Miensk.

MARTA NOIŃSKA
Uniwersytet Gdański

CO ROKU TO SAMO... Z HISTORII ORĘDZIA NOWOROCZNEGO W POLSCE, NIEMCZECH I ROSJI

**Same thing every year... From the history of the New Year's address
in Poland, Russia and Germany**

SŁOWA KLUCZOWE: gatunek, orędzie noworoczne, historia gatunku, rytuał językowy, język polski, język niemiecki, język rosyjski

KEYWORDS: genre, New Year's address, history, ritual, the Polish language, the Russian language

ABSTRACT: New Year's address is one of the most conventionalized genres of political communication. The aim of the article is to describe the history of televised New Year messages of the country's leader in Poland, Russia and Germany, with particular emphasis on the iterative motifs and signs present in their verbal and non-verbal layer. The leaders often use the same expressions, cite the same historical events, refer to the same authorities and discuss similar socio-political issues. Moreover, montage and scenery are also subject to only slight modifications. The author also draws attention to the fact that as a ritual and conventionalized genre New Year's address often becomes the subject of parody.

1. Wstęp

Nowy Rok to w europejskim kręgu kulturowym dzień szczególny, o wielowiekowej tradycji, który często bywa okazją do refleksji nad wydarzeniami ostatnich dwunastu miesięcy zarówno w życiu prywatnym, jak i społecznym. Współcześnie w prasie, radiu, telewizji i Internecie dokonuje się podsumowania sukcesów i porażek roku minionego na najróżniejszych płaszczyznach. Nowy Rok to również czas planowania przyszłości, rodzący nadzieję na lepsze jutro. Ten szczególny moment wykorzystywany jest od wielu lat przez polskich, rosyjskich i niemieckich przywódców. 31 grudnia o stałej porze prezydenci Rosji i Polski oraz kanclerz Niemiec zwracają się do obywateli swych państw w orędziu noworocznym, które we wszystkich wymienionych krajach stało się nieodłącznym elementem telewizyjnej ramówki sylwestrowej. Jak zauważa W. Czachur,

orędzia wygłaszane są w doniosłej chwili, na przełomie lat: podsumowane zostają wydarzenia minione, z radością wita się te nadchodzące, a fakt przejścia ze starego

w nowe jest okazją do refleksji nad kwestiami najjaśniejszymi. Chwila ta jest świadomie wykorzystywana przez polityków, dlatego na pozytywnych emocjach, wynikających z kontekstu sytuacyjnego, zasadza się inscenizowana w orędziach noworocznych bliskość między politykami a obywatelami (Czachur 2016, 73).

Celem niniejszego artykułu jest opis historii orędzia noworocznego przywódcy państwa jako rytualnego gatunku wypowiedzi politycznej z uwzględnieniem motywów powracających w warstwie werbalnej i niewerbalnej oraz pokazanie na wybranych przykładach wykorzystania orędzia będącego stałym i rozpoznawalnym elementem krajobrazu politycznego w kulturze popularnej (parodie, seriale, kolaże, piosenki).

2. Orędzie noworoczne jako gatunek wypowiedzi politycznej

Orędzie noworoczne ma charakter cykliczny – przemówienia transmitowane są zawsze 31 grudnia o stałej porze w związku z konkretnym, znaczącym społecznie wydarzeniem, czyli nastąpieniem nowego roku kalendarzowego. W Polsce i Rosji przemawiają prezydenci, w Niemczech zaś – kanclerz.

Przemówienie wygłaszane w przeddzień Nowego Roku pozwala przywódcom zwrócić się bezpośrednio do obywateli w najlepszym czasie antenowym. Co więcej, tekst orędzia publikowany jest 1 stycznia w prasie i Internecie, a na oficjalnych stronach prezydentów Rosji i Polski oraz kanclerza RFN udostępnione zostaje nagranie telewizyjne. Zabiegi te mają na celu dotarcie do jak najszerszego grona odbiorców. Co ważne, adresatami przemówienia noworocznego są nie tylko sojusznicy danej frakcji politycznej, lecz także wszyscy obywatele (por. Patocka-Sigłowy 2011, 93–101).

Rozpoznawalnym elementem orędzi są charakterystyczne zwroty do adresata. Polscy prezydenci często używają sformułowania *Drodzy rodacy*, co sugeruje, że odbiorcy przynależą do tej samej nacji. W Rosji będącej państwem wielonarodowym przywódcy z reguły witają współobywateli *Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!* i używają określenia *россияне*, odnoszącego się do wszystkich obywateli, a nie wyrazu *русские*, oznaczającego tylko przedstawicieli narodowości rosyjskiej. W Niemczech z kolei zwrotem do adresata nieodłącznie kojarzącym się z przemówieniami noworocznymi Angeli Merkel jest *Liebe Mitbürgerinnen und Mitbürger*, który przypomina nieco zwrot występujący w orędziach PRL-owskich *Obywatelki i obywatele*, uwzględniającym nie tylko obie płci, lecz także wszystkich posiadaczy paszportu danego państwa.

W przemówieniach noworocznych dominuje funkcja integracyjna – skonstruowane są w sposób mający wywołać określony efekt perlokucyjny – przekonać o jednakowych celach i interesach jak najszerszą rzeszę odbiorców poprzez odwołanie się do wspólnych wartości i dominującej aktualnie ideologii (Сладкевич 2016a, 171). Nie dziwi więc fakt, że w warstwie aksjologicznej przemówień polskich,

rosyjskich i niemieckich przywódców corocznie na pierwszym planie znajdują się wartości uniwersalne dla europejskiego kręgu kulturowego, takie jak: ojczyzna, rodzina, przyjaźń, wzajemna pomoc, praca, bezpieczeństwo, współdziałanie dla dobra państwa oraz sport (por. Noińska 2017). Politycy corocznie odwołują się właśnie do nich w celu wzbudzenia poczucia jedności i wspólnoty obywateli.

Orędzia noworoczne cechuje stała, określona struktura. W Polsce, Rosji i Niemczech obowiązkowymi elementami przemówienia są: przywitanie obywateli, podsumowanie starego roku, plany na kolejny rok oraz życzenia noworoczne na zakończenie (Ослопова 2009, 19–22; Кондратенко 2007; Neumann 2006, 54). Również inscenizacja przestrzeni jest skonwencjonalizowana, co powoduje, że zdjęcia i fragmenty nagrań orędzia noworocznego są łatwo rozpoznawalne. Należy zauważyć, że wystąpienia polityków nagrywa się z wyprzedzeniem w uprzednio przygotowanej scenerii, co odróżnia je od innych przemówień okolicznościowych i sprawia, iż aranżacja przestrzeni odgrywa tu szczególną rolę. Inne „przemówienia okolicznościowe, jak np. z okazji świąt narodowych, wygłaszane są na żywo, co zmniejsza możliwość inscenizacji i działającej na emocje aranżacji otoczenia” (Czachur 2016, 74).

Polscy i niemieccy przywódcy zawsze wygłaszają przemówienia z gabinetu, rosyjscy zaś (począwszy od orędzia Władimira Putina na zakończenie 2000 roku) – stojąc na mrozie na tle nocnego nieba i zabytków Moskwy. Orędzie noworoczne polskich prezydentów najczęściej poprzedza migawka z miejsca wystąpienia (Belweder, pałac prezydencki lub rezydencja w Wiśle), a wystąpienie trwa od trzech do pięciu minut. Niekiedy przemówienie głowy państwa poprzedza muzyka Chopina, a na zakończenie rozbrzmiewa hymn (np. w orędziu Lecha Kaczyńskiego z 2009 roku), jednak obserwujemy tu dużą wariantywność. W orędziu Bronisława Komorowskiego z 2012 roku muzyka towarzyszyła całemu przemówieniu, aczkolwiek był to jedyny taki przypadek. Przemówienie szefa rządu Niemiec sensu stricto jest najdłuższe, ponieważ trwa około ośmiu–dziesięciu minut i poprzedza je jedynie krótka migawka z rezydencją kanclerza. W warstwie niewerbalnej jest ono najbardziej skonwencjonalizowane. Patrząc na zdjęcia szefa rządu z różnych lat, dostrzegamy jedynie niewielkie różnice w aranżacji otoczenia. Aktualnie obowiązkowym elementem wystroju gabinetów prezydenta RP i kanclerza RFN są flagi państwowe, flagi Unii Europejskiej oraz ozdoby świąteczne. W orędziach rosyjskich przed właściwym przemówieniem trwającym około czterech minut stałą część stanowią fanfary, zaś na zakończenie rozbrzmiewa hymn śpiewany przez chór z towarzyszeniem orkiestry, a na ekranie pokazywane są moskiewskie zabytki symbolizujące potęgę Rosji (mury i sobory Kremla, cerkiew Wasyla Błogosławionego czy świątynia Chrystusa Zbawiciela).

3. Pierwsze życzenia świąteczne i noworoczne transmitowane przez radio i telewizję

Gatunek orędzia noworocznego przywódcy państwa ma charakter dyfuzyjny, powstał bowiem na gruncie tradycji składania życzeń świątecznych (bożonarodzeniowych i noworocznych) oraz wygłaszania przemówień okolicznościowych przez najważniejsze osoby w państwie (por. Сладкевич 2016a, 169). Należy zaznaczyć, że obchody Bożego Narodzenia i Nowego Roku są w europejskim kręgu kulturowym mocno ze sobą powiązane, co znalazło swoje odzwierciedlenie w kształtowaniu się orędzia noworocznego jako gatunku wypowiedzi politycznej.

Pierwsze radiowe i telewizyjne orędzia podsumowujące rok miniony, wygłaszane przez przywódców Niemiec i Wielkiej Brytanii, transmitowane były w Boże Narodzenie. 25 grudnia 1923 roku o 20:00 kanclerz Rzeszy Niemieckiej (Republiki Weimarskiej) Wilhelm Marx zwrócił się do obywateli na antenie radia z pozdrowieniami świątecznymi i podsumowaniem roku. W 1932 roku król Jerzy V nagrał pierwsze przesłanie świąteczne, które stało się obowiązkowym elementem tradycji bożonarodzeniowej w Wielkiej Brytanii. 25 grudnia 1952 roku prezydent RFN Theodor Heuss po raz pierwszy zwrócił się do współobywateli za pośrednictwem ARD, zaś w 1957 roku przesłanie bożonarodzeniowe królowej Elżbiety zostało po raz pierwszy wyemitowane przez telewizję BBC. Co ciekawe, królowa w swym pierwszym telewizyjnym posłaniu bożonarodzeniowym przemawiała ze swojego gabinetu, siedząc przy świątecznie ozdobionym biurku. Taka aranżacja przestrzeni bardzo przypomina późniejsze kadry przemówień Helmuta Kohla i Lecha Kaczyńskiego.

Warto zwrócić uwagę, że w artykułach (głównie popularnonaukowych i prasowych) opisujących historię gatunku wspomniane przemówienia brytyjskich monarchów i niemieckich przywódców wymieniane są jako pierwsze orędzia noworoczne (np. Koßmann 2007; Schmiese 2008; Сладкевич 2016b; Wikipedia). To właśnie z tymi życzeniami świątecznymi transmitowanymi przez radio i telewizję związane są początki gatunku, jednak należy zaznaczyć, że nie były to orędzia noworoczne sensu stricto.

4. Historia orędzia noworocznego w Polsce

Nowy Rok w Polsce niepodległej od samego początku był dniem szczególnym w życiu politycznym odrodzonego państwa (Sibora 2016). W okresie międzywojennym najpierw naczelnik państwa, Józef Piłsudski, a potem prezydenci, Stanisław Wojciechowski i Ignacy Mościcki, spotykali się z przedstawicielami różnych grup społecznych i przyjmowali ich na półgodzinne audyencje. Oprócz wymiany trady-

cyjnych życzeń była to okazja do pokazania wzajemnego szacunku i otwarcia na dialog. Oczywiście nie mogło zabraknąć balu noworocznego. Obchody Nowego Roku w Polsce międzywojennej komentowane były w prasie wraz z bogatym materiałem fotograficznym (Sibora 2016).

W Polsce powojennej wystąpienia noworoczne przywódców były transmitowane przez radio i drukowane. Od 1945 roku orędzie wygłaszał prezydent Bolesław Bierut. W PRL-u przemawiał przewodniczący Rady Państwa lub I sekretarz KC PZPR. „Alternatywne” orędzia przygotowywali, drukowali i transmitowali w radiach wolnościowych działacze polityczni na emigracji.

W przemówieniach PRL-owskich dygnitarzy dostrzec można dużą powtarzalność. Podkreślany jest rozwój gospodarczy kraju, wypełnienie planów kilkuletnich, a także różnice między Polską Ludową i krajami kapitalistycznymi. Dychotomia MY–ONI, czyli kraje socjalistyczne versus kapitalistyczne jest bardzo wyraźna. Jako przykład posłużyć może cytat z orędzia prezydenta Bolesława Bieruta z 1951 roku: *Dziś już dla każdego wahającego się lub ogłupianego wrogą propagandą staje się jasnym: w krajach kapitalistycznych wzrasta się drożyzna i bezrobocie, lęk i niepewność jutra, histeria wojenna, kłótnie i intrygi wzajemne. U nas – w obozie pokoju – wzrasta się braterska solidarność, jest praca dla wszystkich, oświata dla wszystkich, spokój, pewność jutra, niezłomna wola obrony naszych zdobyczy.*

Sztampowość i zakłamanie orędzi komunistycznych dygnitarzy z czasów PRL-u doczekały się parodii w audycji Krystyny Miłotworskiej, transmitowanej przez radio Wolna Europa w 1970 roku. Fragmenty orędzi zachwalające rozwój polskiej gospodarki przeplecione są dialogami, w których zadawano pytanie o dostępność różnych produktów w sklepach (węgiel, mięso, kiełbasa, gwoździe, cytryny, śledzie, części zamienne, papier toaletowy). Zawsze pada odpowiedź: *Nie ma!* lub *Jest tylko na kartki.*

W 1970 roku Edward Gierek pozytywnie zaskoczył widzów. Po pierwsze, wygłosił przemówienie jako nowy I sekretarz PZPR. Po drugie, odwołał się do uczuć patriotycznych obywateli zamiast podkreślać rzekome osiągnięcia ekonomiczne. W swych „Relacjach i wspomnieniach” J. Sobczak napisał:

Duże i pozytywne wrażenie wywołał Gierek swym orędziem noworocznym, z którym wystąpił w tv właśnie on, zamiast – jak było to w zwyczaju – przewodniczący Rady Państwa. Przemówienie zręczne, co najważniejsze bez cyfr, którymi zamęczał nas Gomułka, ciepłe, o rodzinach i utalentowanym narodzie polskim (Sobczak 2013, 149).

Należy podkreślić, że „Gierek często występował przed kamerami i dobrze przed nimi wypadał” (Kończak 2007, 133). Orędzie 1970 roku było już kolejnym wystąpieniem I sekretarza na małym ekranie – pierwsze przemówienie było transmitowane po objęciu przez niego funkcji I sekretarza 20 grudnia 1970 roku.

Orędzie noworoczne Edwarda Gierka pojawiło się w piątym odcinku serialu „Dyrektorzy” w reżyserii Zbigniewa Chmielewskiego jako symbol dobrej zmiany i nowego, lepszego porządku. W serialu orędzie oglądają zarówno pracownicy firmy Fabel, strajkujący w fabryce, jak i ich rodziny w domach. Jest to moment zapowiadający zmiany „na lepsze”. Po scenie z orędziem Gierka w roli głównej następuje pozytywne rozwiązanie konfliktu w fabryce i mianowanie będącego do tej pory PO dobrego i uczciwego Piotra Gajdę na dyrektora.

Orędzia z czasów PRL wykorzystane zostały również w 1999 roku w audycji okolicznościowej Agnieszki Walewicz „Powtórka z Sylwestra, czyli sztuka orędzia noworoczego w czasach PRL”. Fragmenty archiwalnych nagrań noworocznych przemówień do narodu wygłaszanych przez Bolesława Bierut, Józefa Cyrankiewicza, Władysława Gomułę, Edwarda Gierka i Wojciecha Jaruzelskiego zostały zmontowane w formie kolażu. Przywódcy podsumowują w nich lata swoich rządów oraz wyznaczają zadania dla obywateli na nadchodzący Nowy Rok.

Od 1990 roku orędzie noworoczne wygłasza już wybrany w demokratycznych wyborach prezydent, kolejno: Lech Wałęsa (5 orędzi w latach: 1990–1994), Aleksander Kwaśniewski (10 orędzi: 1995–2004), Lech Kaczyński (5 orędzi: 2005–2009), Bronisław Komorowski (5 orędzi: 2010–2014) i Andrzej Duda (do tej pory 3 orędzia: 2015–2017). Przemówienie głowy państwa transmitowane jest po głównym wydaniu „Wiadomości”.

W orędziach po 1989 roku polscy prezydenci najczęściej mówią o wolności i solidarności oraz regularnie wspominają Jana Pawła II. Do powracających tematów należą: drogi i autostrady, edukacja, bezrobocie, Polacy na emigracji, wydarzenia historyczne (bitwa pod Grunwaldem, Chrztę Polski, wydarzenia 1989 roku).

Jedną z najbardziej znanych parodii omawianego gatunku wypowiedzi politycznej po epoce przemian jest skecz „Orędzie noworoczne” Kabaretu Neo-Nówka z 2009 roku, w którym pijany prezydent próbuje nagrać przemówienie. Głowa państwa nieudolnie czyta tekst z kartki, a dodatkowo próby przerywane są przez rozmowy telefoniczne z członkami rządu.

5. Historia orędzia noworoczego w Niemczech

W Niemczech radiowe i telewizyjne orędzie noworoczne (Neujahrsansprache) ma bardzo długą tradycję. Jak zostało już wspomniane, w 1923 roku kanclerz Wilhelm Marx zwrócił się do swoich współobywateli w przemówieniu bożonarodzeniowym w radiu, zaś prezydent RFN, Theodor Heuss, pozdrowił współobywateli na ekranach telewizorów w 1952 roku.

Pierwsze orędzie noworoczne sensu stricto, czyli transmitowane w przeddzień Nowego Roku, zostało wygłoszone przez prezydenta RFN, Konrada Adenauera,

w 1964 roku. Do 1969 sylwestrowe przemówienie należało właśnie do prezydenta. Można powiedzieć, że rok 1970 był w historii gatunku orędzia noworocznego rokiem szczególnym. To właśnie wtedy ówczesny kanclerz Niemiec Willy Brandt zapoczątkował nową tradycję, przemawiając w sylwestrowy wieczór zamiast prezydenta; Leonid Breżniew wygłosił swoje pierwsze telewizyjne orędzie noworoczne; zaś w Polsce przemawiał I sekretarz Edward Gierek zamiast, jak było przyjęte, przewodniczącego Rady Państwa. Od 1970 roku na ekranach telewizyjnych w przeddzień Nowego Roku orędzie niezmiennie wygłasza kanclerz RFN (kolejno: Willy Brandt, Helmut Schmidt, Helmut Kohl, Gerhard Schröder i Angela Merkel).

W historii niemieckiego orędzia noworocznego w telewizji ARD doszło do słynnej pomyłki – w 1986 roku wyemitowane zostało przemówienie Helmuta Kohla z roku poprzedniego. Była to okazja do licznych komentarzy na temat braku różnic i rytualności przemówień noworocznych kanclerza, ponieważ widzowie mieli się zorientować, że zaszła pomyłka, dopiero gdy Helmut Kohl na koniec orędzia życzył im szczęśliwego nowego roku 1986 zamiast 1987 (Schmiese 2008). W artykułach prasowych poruszających temat historii orędzia noworocznego bardzo często wspomina się tę pomyłkę.

Do tematów, które nieustannie pojawiają się w niemieckich przemówieniach, należą: bezrobocie, praca charytatywna, sukces na polu gospodarczym, rola odwagi i wykorzystywania szans, zjednoczenie Niemiec.

Orędzia noworoczne Angeli Merkel często bywają przedmiotem parodii. W serwisie internetowym YouTube obejrzeć można liczne filmiki, w których fragmenty przemówienia zmontowane są w sposób całkowicie zmieniający wydźwięk wypowiedzi oraz skecze kabaretowe. Co ciekawe, czasami mężczyzna wciela się w rolę pani kanclerz, a to potęguje efekt komiczny. Przemówienie noworoczne jako Angela Merkel wygłosili na przykład artysta kabaretowy Mathias Tretter (w programie „Mitternachtsspitzen” wyemitowanym 15 grudnia 2012 w telewizji WDR) oraz popularny niemiecki komik Oliver Kalkofe (w programie „Kalkofes Mattscheibe rekalked” wyemitowanym przez telewizję TELE5 31 grudnia 2016).

6. Historia orędzia noworocznego w Rosji

W Rosji świętowanie Nowego Roku związane jest z rządami Piotra I. Car nie tylko wprowadził nowy kalendarz, lecz także składał życzenia noworoczne najważniejszym przedstawicielom arystokracji. Tradycję oficjalnych przemówień noworocznych w ZSRR zapoczątkował Michaił Kalinin, który po raz pierwszy na antenie radia złożył życzenia noworoczne zdobywcom Arktyki 31 grudnia 1935 roku. 31 grudnia 1941 i 1943 roku Kalinin zwrócił się przez radio do wszystkich obywateli (Варваркина 2001, 43–44), jednak tradycja ta początkowo się nie przyjęła.

W latach 1953–1956 życzenia noworoczne składał przewodniczący Prezydium Rady Najwyższej ZSRR Klimient Woroszyłow, natomiast w 1957–1969 pozdrowienie noworoczne miało charakter bezosobowy.

Tradycję telewizyjnego orędzia noworocznego przywódcy państwa rozpoczął Leonid Breżniew, który wygłosił przemówienie na małym ekranie trzykrotnie – 31 grudnia 1970, w 1973 i 1979 roku. Później zamiast lidera życzenia noworoczne składał sowieckim telewidzom popularny prezenter Igor Kiriłow (być może ze względu na słaby stan zdrowia liderów ZSRR). Zwyczaj orędzia noworocznego przywódcy państwa został wznowiony przez Michaiła Gorbaczowa w 1985 roku. Swoje ostatnie telewizyjne orędzie (1979) Breżniew rozpoczął słowami *Дорогие юные друзья поздравляю вас всех с новым годом*, co doczekało się bardzo popularnej parodii w postaci piosenki stworzonej przez rosyjskiego wideoblogera Enjoykin. Filmik obejrzały miliony widzów. Podobną piosenkę Enjoykin stworzył z materiału przemówień Michaiła Gorbaczowa i Borysa Jelcyna, jednak nie zdobyły one aż tak ogromnej popularności.

Co ciekawe, od 1986 do 1988 roku przez telewizję emitowane były dwa przemówienia – zarówno przywódcy rosyjskiego, Michaiła Gorbaczowa, jak i amerykańskiego prezydenta, Ronalda Regana, co symbolizowało koniec zimnej wojny.

W 1991 roku życzenia noworoczne obywatelom rosyjskim złożył satyryk Michaił Zadornow, co było odzwierciedleniem sytuacji panującej w państwie w trudnym okresie przemian. Od 31 grudnia 1992 roku orędzie wygłaszał już prezydent Federacji Rosyjskiej, kolejno: Borys Jelcyn do 31 grudnia 1999 roku, kiedy w przemówieniu poinformował obywateli o swojej rezygnacji; Władimir Putin od tegoż 1999 roku najpierw jako pełniący obowiązki prezydenta, a od 2000 do 2007 roku jako prezydent; Dmitrij Miedwiediew od 2008 do 2011 roku, zaś od 2012 roku ponownie Putin.

Należy podkreślić szczególną rolę Nowego Roku i orędzia w Rosji (Соадкевич 2016a, 169). Ogromna popularność orędzia noworocznego w tym kraju wpływa na dużą liczbę artykułów z nim związanych pojawiających się w prasie rosyjskiej i międzynarodowej. W ostatnich latach powstają również liczne publikacje naukowe analizujące przemówienia noworoczne przywódców rosyjskich (Варваркина 2001; Кондратенко 2007; Ослопова 2009; Патocka-Sigłowy 2011; Сладкевич 2016a; 2016b; Шейгал 2002).

Warto wspomnieć, że przemówienia noworoczne są często parodiowane ze względu na rytualność i skonwencjonalizowanie, a co za tym idzie rozpoznawalność formy. Na przykład w rosyjskim serialu „Stażyści” formuła orędzia noworocznego została wykorzystana jako symbol władzy państwowej w scenie, w której jeden ze stażystów, Gleb Romanienko, wyobraża sobie, że jest prezydentem.

7. Posumowanie

Orędzie noworoczne to rytualny i skonwencjonalizowany gatunek wypowiedzi politycznej z interesującą historią. O krystalizacji gatunku w RFN mówić można w latach 70. XX wieku, zaś w Polsce i Rosji nieco później – bo w latach 90., kiedy corocznie na małym ekranie przemawiali przewodcy wybrani w demokratycznych wyborach. Powtarzalność motywów, cykliczność i rytualność przemówień noworocznych czynią je tekstami precedensowymi, zakorzenionymi w kanonie przemówień politycznych. Ich wysoka rozpoznawalność implikuje powstawanie tekstów wtórnych, realizowanych głównie w kluczu komicznym, parodyjnym.

Bibliografia

- CZACHUR, W. (2016), Inscenizowanie bliskości w polskich i niemieckich orędziach noworocznych. Przyczynek do lingwistyki kulturowej i międzykulturowej. W: Górniewicz, J./Marczuk, B./Piechnik, I. (red.), *Études sur le texte dédiées à Halina Grzmil-Tylutki*. Kraków, 73–96.
- NEUMANN, H. G. (2006), Konfidenz- und Faszinationskommunikation. Vertrauen generierende und Faszination stimulierende Situativstrategien der Bundeskanzler Helmut Kohl und Gerhard Schröder am Beispiel der Neujahrsansprachen, ZDF-Sommerinterviews und Bulletins 1994 bis 2002. Berlin.
- KOŃCZAK, J. (2007), Ewolucja programowa polskiej telewizji państwowej. Warszawa.
- NOIŃSKA, M. (2017), Rola elementów niewerbalnych w gatunku orędzia noworocznego na materiale wybranych przemówień rosyjskich, niemieckich i polskich przywódców. W: Śladkiewicz, Ż./Klimkiewicz, A. (red.), *Mowa – człowiek – świat: perswazja językowa w różnych dyskursach*. Gdańsk, 215–226.
- NOIŃSKA, M. (2017), Wartości w orędziach noworocznych polskich, rosyjskich i niemieckich przywódców w latach 2012–2015. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/2, 397–406.
- PATOCKA-SIGŁOWY, U. (2011), Orędzie prezydenckie jako gatunek wypowiedzi politycznej. W: Filipczak-Białkowska, A. (red.), *Dyskursy komunikacji medialnej*. Łódź, 93–100.
- SCHIEGL, G. (2010), Same procedure as every year. Macht der Langeweile. W: *Süddeutsche Zeitung* 17.05. W: <http://www.sueddeutsche.de/politik/same-procedure-as-every-year-macht-der-langeweile-1.786029> [dostęp 10.06.2017].
- SCHMIESE, W. (2008), Neujahrsansprachen „Liebe Mitbürgerinnen und Mitbürger...”. W: *Frankfurter Allgemeine* 30.12. W: http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/neujahrsansprachen-liebe-mitbuerguerinnen-und-mitbuergere-1739552-p2.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2 [dostęp 15.06.2017].
- SIBORA, J. (2016), Głowa Państwa przyjmuje... – audjencje noworoczne w II RP. W: <http://sibora.pl/glowa-panstwa-pryjmuje-audjencje-noworoczne-w-ii-rp/> [dostęp 20.09.2017].
- SOBCZAK, J. (2013), Pierwszy miesiąc dekady Gierka: znów złudzenia nadziei? Z kart dziennika (20 grudnia 1970 – 21 stycznia 1971). W: *Echa Przeszłości*. 14, 139–170.
- ВАРАВИНА, В. Ю. (2001), Новогоднее обращение главы государства: жанровая специфика и лингвокогнитивное моделирование образа адресата. Омск.
- КОНДРАТЕНКО, Н. В. (2007), Новогоднее обращение как ритуальный жанр политического дискурса: макроструктурные компоненты и средства их выражения. W: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/45.htm> [dostęp 15.01.2017].
- ОСЛОПОВА, В. Ю. (2009), Новогоднее обращение главы государства к народу как жанр политического дискурса. W: *Вестник Томского государственного университета*. 329, 19–22.

Сладкевич, Ж. Р. (2016а), Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2000-2015 гг.). W: Политическая наука. 3, 168–194.

Сладкевич, Ж. Р. (2016b), Сфера своих и чужих в жанре новогоднего поздравления президентов России, Беларуси и Польши. W: Acta Slavica Estonica. VIII, 187–199.

ЕВГЕНИЙ БЫЛИНА

Российский государственный гуманитарный университет

СУБЪЕКТ В ПОИСКАХ СОБЫТИЯ: ПОЭЗИЯ СЕРГЕЯ ЖАДАНА КАК ВЫРАЖЕНИЕ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ¹

Subject in a Search of Event: Serguey Zhadan's Poetry as an Expression of New Political Thought

Ключевые слова: Событие, историческая субъективность, воображаемое сообщество, Сергей Жадан

KEYWORDS: Event, historical subjectivity, imagined community, Sergey Zhadan

ABSTRACT: In our article we are analyzing the fact that literature is able to be a space of discovering collective subjectivity on the example of the poetry of Serguey Zhadan. The literary experience of Serguey Zhadan, one of the most well-known poets in modern Ukraine, emerges from the recent historical events – the war in the South-East of Ukraine, which started after the revolution – events, which emphasize the necessity to look at the crisis of post-Soviet identity in a new way. Adverting to the analysis of his poetry, we come to the following conclusion: the subject of his poetry takes his part in the nomadic movement between two poles attempting to overcome this crisis. On the one hand, due to appealing it appeals to the tradition and linguistic identity, and on the other hand – to the emancipatory left-wing politics. These poles mean the search of such an Event, which would allow saving unique national unity and the creation of the community, this would mean the true equality. At the end of the article, we conclude that poetic expression of Serguey Zhadan aims to represent the experience of private, unique life which is, at the same time, part of a collectivity and collective history.

Разговор о сообществе, несмотря на то, что политическая, социальная и культурная история XX века подрывала доверие к идеологеме коллективного существования (прежде всего к проекту коммунизма), продолжает тревожить гуманитарное знание и искусство XXI века. Поиск условий возникновения «жизни вместе», предшествующей любым политическим определениям, специфической идеи communion — сообщества и установления коммуникации между его участниками вопреки социальным и политическим институтам, большим рассказам и давлению диспозитивов, остается утопическим горизонтом

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации (МД-6378.2018.6).

для суммы практик не только в современной философии, но и литературе и искусстве. Это утверждение характерно для всего европейского мира и связано с завершением, или, по крайней мере, критическим переосмыслением эпохи Модерна – в особенности его темпорального режима. Революция на Украине и последующая за ней война на Юго-Востоке позволяют вновь взглянуть на истоки и возможность возникновения сообщества в условиях кризиса постсоветской государственности и распада большого исторического цикла: такого рода события конструируют специфического субъекта коллективных отношений, который в критической ситуации получает свою политическую и этическую силу. Ареной, где, на мой взгляд, наиболее ярко совершается поиск и определение этой коллективной субъективности, является поэзия. Или, если говорить другими словами, свидетельство этого поиска неизбежным образом вынуждено обращаться к поэтическому опыту языка.

Примером подобной поэзии и работы с языком может служить творчество Сергея Жадана – возможно наиболее известного поэта и прозаика современной Украины. Поэтическая стратегия харьковского автора подразумевает письмо на рубеже социального: современная критическая ситуация украинской истории служит основанием для формирования его поэтической субъективности. Этот рубеж социального, который служит доминантной темой для его поэзии, проявляется так же и в прагматическом жесте, акте собственной биографии: практически всегда, в том числе и после публикации крайних циклов и книг – «Почему меня нет в социальных сетях» или «Жизнь Марии» – Жадан выступает со своими текстами «на передовой», в том числе и зонах боевых действий, активно вовлекаясь в политическую жизнь общества не только как интеллектуал, но и как активист. Такое существование на краю политического позволяет выявить ряд существенных черт его поэтики: постоянное ускорение смены событий и внимание к нарративной простоте в его стихах возведено в константу. Концентрация на сюжете и мелодекламативность (нередко жанровая принадлежность в случае Жадана определяется как баллада), позволяют ряду критиков говорить о корнях его творческого метода в поэзии бардов-песенников и раннесоветской поэзии (Э. Багрицкий). В то же время, мифологизация городской повседневности и реанимация народной риторики могут вызывать в памяти опыт украинского модернизма, в частности прозы и поэзии Н. Хвильового и В. Пидмогильного.

Если посмотреть на творчество Жадана в подобных координатах, то эмоциональное напряжение, возникающее в его текстах, может служить следом того исторического и политического напряжения, в пределах которого поэзия Жадана формируется и пытается выразить. Можно сказать, что его стихи сосредоточены вокруг политического раскола, связанного с пост-колониальным и темпоральным кризисом, который переживает современное украинское общество, некоторым «чрезвычайным положением», зоной между аномией

и правом, концептом, введенным в политическую теорию К. Шмиттом и в последствии переосмысленной В. Беньямином и Д. Агамбенем, задавшего концептуальный вектор поиска и конструирования нового субъекта социальных отношений. Согласно Агамбену, чрезвычайное положение подразумевает временное нарушение связей и поведенческих норм, возникающее в результате отмены действовавшего политического порядка: тревожный парадокс современности заключается в том, что это нарушение становится перманентным, чрезвычайное положение становится правилом (Агамбен 2015, 14–15 и 45–46). Это правило стабилизирует границу между властью и имущими, фигурой суверена, и бессильными, базируясь на культурных стереотипах и предубеждениях, которые социально и исторически укоренены так глубоко, что уже не требуют дискурсивного оправдания (Ассман 2017, 239). На мой взгляд, именно это напряжение является драматическим нервом поэзии Жадана. Ярким примером подобного рода противопоставление угнетенных и угнетателей, артикулирование в модальности «войны» образа Врага происходит в этом отрывке из поэмы «Камни»:

Кто пришел к власти в наших городах?
Кто эти мужчины с тысячей иголок, всаженных в горло,
отчего их голоса становятся холодными и опасными?
Кто эти крикливые клоуны,
которые стоят и решают,
стоил ли пробивать нашим домам сердца и выпускать
из них теплую малиновую кровь?

Их политика – битое стекло,
которое они сыплют тебе под ноги,
заставляя идти за ними, не стоять
на месте.
Их политика – это канаты вместо галстуков
на их шеях, крепкие веревки,
на которых их вешают, когда они
выходят из игры.

Вот они сходятся все вместе, в своих
черных костюмах, похожие на трубочистов,
на трубочистов, которые пришли к власти и теперь
просто не знают, с чего им начать.
(Жадан 2016а, 39–40)

В то же время подобная расстановка сил, подразумевающая войну, а следовательно дихотомию Друга и Врага, оказывается недостаточной для определения некоторой общности, или иными словами – сильно огрубляющей

конфигурацию коллективной субъективности, в поисках которой находится художественный жест поэта (Агамбен 2011, 15). В поэзии Жадана, с одной стороны, враг, казалось бы, определим, однако, во-первых, этот Враг слишком аморфен (вроде «детей либерализма» или вообще сводится к абстрактному множественному числу, местоимению «ОНИ») и во-вторых, Жадан не мыслит общество как монолитную структуру: оно у него никогда принципиально не названо в рамках исторических обобщений.

Императив, которому следует Жадан, может быть выражен в его комментарии относительно его «военных текстов»: по его словам, ему важна была не идеологическая повестка, а «люди и конкретные имена» (Жадан, 2015), и исходя из этой оптики его тексты можно воспринимать как своего рода «изнаночную» историю новейшей Украины. Подобный пафос воплощается в предельном риторическом жесте: прямой обращенности к субъекту высказывания и тому, кто его воспринимает – практически всегда осью стихов Жадана является местоимение «ты». Это кочующее местоимение «ты», которое персонифицируется в гипертрофированных, мифологических образах его современников, находящихся всегда, подчеркнуто, в маргинализированном положении, эмблематизирует принципиально двойственное понимание времени и истории, заключенного, однако, в представлении о «воображаемом» или «неописуемом» сообществе, которые тем самым выражают принципиальную двойственность поэтики Жадана. Эта двойственность заключена в отношении прошлого и настоящего, темпорального кризиса модерна, дискретности индивидуального и коллективного переживания, которое стало симптомом культуры XX века. Мифологизируя настоящее и прошлое, Жадан часто обращается к вехам украинской истории и жанровым способам выражения, характерным для украинской литературы, которые становятся прообразом, моделью того культурного нарратива, которые формирует нового коллективного субъекта. Практически во всех своих стихах Жадан скрещивает не только проблему языка и времени, но и проблему присвоения территории и владения территорией – номадическим полюсом формирования национальной идентичности. В стихотворении, очевидным образом апеллирующем к Т.Шевченко, слышен голос номадического видения коллективного существования в истории, которая при этом принимает мессианические черты:

но мы-то прекрасно знаем своих врагов:
сколько их снуёт вдоль нашенских ветерков,
сколько их работает на наших заводах,
сколько их почитает наших богов. [...]

Почему же, Мария, твой сын липнет к этим чужим,
объясняет им, из каких рычагов и пружин

небеса над нами составлены этой ночью,
пестует их детишек и веселит их жён? [...]

А потому наши дети просят тебя передать ему:
пусть валит отсюда в свою непроглядную тьму
и всех чужеземцев пускай с собою прихватит,
тех, кто верит ему неведомо почему. [...]

Пусть забирает книги и свитки, Талмуд и коран,
за околицу пусть уводит этих несчастных цыган,
муфтиев и раввинов, книжников и пророков,
если есть куда вывести этот безумный стан.

А если не выведет, то сам пожалеет о том:
уцелеют лишь те, кто двинет за ним гуртом,
а тех, кто останется и не погибнет в пожаре,
мы сгоним к реке и утопим под тем мостом.

Пусть забирает отсюда этих несчастных людей,
пусть дурит им головы любой из своих идей.

Но пусть вернется потом, чтоб спасти от смерти
если не нас, то хотя бы наших детей.
(Жадан 2016b, 78–79)

Вопреки распространенной в литературной критике позиции о том, что Жадан существует в русле неоромантизма (Воздух 2017, 225–240), на мой взгляд мифологизация, экзотичность прошлого, перевод этого неведомого прошлого на постоянно изобретаемый и приобретаемый язык настоящего, на язык факта, статистики, сведений, позволяет говорить нам о меланхолической, или, еще вернее, аллегорической оптике жадановского стиха, в том смысле, в котором она была сформулирована В. Беньямином и П. де Маном. Согласно двум вышеназванным мыслителям, аллегория представляет собой не только троп, конституирующий художественное произведение и его субъекта, который противоположен символу, но и особый концепт, матрицу для описания культуры и ее дискретного, прерывистого режима темпоральности (de Man 1983, 187 ссл.). Тот сбой, который, согласно Беньямину, произошел в восприятии времени, начиная с эпохи Нового времени или Модерна, был связан с кризисом политических и социальных институтов, прежде всего капитализма, а в большей степени – процесса секуляризации, которая лишила мир некоторой ориентации в будущее, развернула существование человека в прошлое, в пустое время, которое больше не поддерживалось традицией. Аллегорическое искусство, актуальное для эпохи барокко, Франции времен

Второй Республики и новых, пролетарских поэтов-авангардистов стала, по мысли Бенямина, своего рода реакцией на этот кризис, воплотившийся в расколе индивидуального и коллективного опыта: коллективного опыта (как нем. *Erfahrung*), поддерживаемого традицией и уходящего корнями во всеобщее, и шокового, уникального опыта (как нем. *Erlebnis*), т.е. единичного переживания времени, неразрывно связанного с субъектом этого переживания (Spencer 1985, 64–65).

Эта несводимость двух темпоральных режимов стала залогом для формирования новой, модернистской парадигмы и той номадической субъективности, которую она конструирует и которая находится в постоянном колебании между индивидуальным и родовым. Этот парадокс современной мысли ярко представлен в поэтической, прагматической и политической интенции поэзии Жадана. С одной стороны, мы можем наблюдать некоторую программу построения мифологического, воображаемого сообщества-нации, как его понимал последователь Бенямина Б. Андерсон, связанного прежде всего с языком и территорией, которые он понимал как некоторые базовые условия для формирования коллективной общности (Андерсон 2016, 47). Этот мифологический модус выражается в поэзии Жадана путём того, что прошлое, достойное сострадания и жалости, становится масштабным и эпохальным, а сам его стих приобретает лиро-эпические черты. Здесь уместно в очередной раз вспомнить Бенямина и его аллегорию: аллегория обладает другим онтологическим статусом, и она значительно шире символа, в некотором роде она его в себя вбирает, ровно так же как она вбирает в себя миф, который проявляет себя как развертывающийся эпос. С другой же стороны, в больших поэтических циклах («Почему меня нет...», «Камни») мы можем наблюдать направленность в будущее, связанное с единичным, революционным и подчеркнуто левым, мессианическим ожиданием изменения порядка вещей в пользу горизонтальных отношений или сообщества, основанных на опыте «со-явления» (Нанси 2004, 55 ссл.). Другими словами, можно сказать, что Жадан, отталкиваясь от идеи коллективного прошлого, стремится его заново переопределить в пользу новой формы сообщества, которая сопротивляется любому описанию, поскольку его члены не будут связаны между собой какой-либо исторической истиной или способом универсального обобщения. То есть в его текстах происходит некоторый сдвиг от мысли коллективного субъекта, как концепции, которую мы полагаем уже находясь внутри (*красный, правый, украинец, буржуа*), к такому способу мысли, где не гарантированы смысл, идентичность, принадлежность к концепту, который не имеет сущности, относящейся к единообразной коллективности. При таком переустановлении или учреждении «сообщества без сообщества» производится сеть отношений, множественность, которая не связана с расовым, классовым, гендерным, сексуальным и/или культурным единением,

полагаемым как исходное условие. Можно сказать, что такое сообщество ассоциируется с отношениями, сформированными «поперек» этих категорий («существования-с», «братства») – это есть сообщество-без-идентичности, также без всякой репрезентации или возможного описания, «абсолютно нерепрезентируемое сообщество» (Агамбен 2008). Возвращаясь к Жадану, можно сказать, что его герои устремлены в будущее, где они будут связаны между собой исключительно и благодаря событию, а его прагматический жест состоит в свидетельствовании этого поиска:

Потому что мы говорим о городах,
которые давали нам право голоса,
мы говорим о том, что никто пока нас этого права
не лишал, и нужно проговорить все,
что мы помним.
Голос будет держать нас вместе этой долгой
призрачной осенью,
голос будет давать силы нашим горлам,
которые и без того привыкли перекрикивать
трамваи и радиостанции.
Иди на мой голос, следуй за моим дыханием,
что они сделают нам, пока мы можем слышать друг друга,
как они смогут заставить нас замолчать,
пока мы сами этого не захотим?

Их злость рассчитана на молчание,
их эфиры просто не выдержат наших голосов.
Их пресс раздавливает тех,
кто соглашается лечь под него.

Но чем они будут защищаться,
когда все мы заговорим?
На что они будут давить, когда мы выйдем
защищать наших уличных псов?

Как они объяснят, почему мы
должны отказываться от нашего голоса?
(Жадан 2016а, 50–51)

Эта несводимость родового, коллективного и единичного, уникального, которое нам необходимо постоянно удерживать в области политического, поставленная на кон в поэзии Жадана, может быть наилучшим образом сформулирована в понятии последнего события, идеи *Ereignis*, которая возникает у позднего М. Хайдеггера. Последнее событие мыслится как горизонт, при

котором из исторической судьбы вычленяется и присваивается сама скрытость историцирующего принципа, сама историчность. Комментируя этот тезис, Агамбен пишет:

[...] Исторический процесс теперь не может состоять из окончательно отлаженной гармонии (управление которой можно доверить универсальному однородному государству), скорее сама хаотическая историчность, постоянно пребывающая в предпосылке и относящая живого человека к той или иной эпохе и исторической культуре, теперь должна явиться как таковая в мышлении, а человек теперь должен овладеть своим собственным историческим бытием, своей собственной несвоевременностью (Агамбен 2015, 112).

Следовательно, овладение историчностью не может обладать универсальной формой, а должно оставлять зазор и пространство для частной, уникальной, внеправовой человеческой жизни и политики (там же, 113).

Будет большой ошибкой сказать, что модель подобного исторического мышления подразумевает некоторый шаг в сторону организации – путь от хаотической неопределенности в пользу некоторого сверх-порядка. Такое решение противоречит не только жаdanовской перспективе, но и тем идеологическим координатам, которым он наследует. Речь здесь идет скорее о выработке таких новых форм опыта, которые дезактивировали, приостанавливали существующий порядок вещей и тех институтов, которые обеспечивают его существованием. Условием для выработки новой коллективной субъективности и форм сообщества является родовая способность к человеку к коммуникации, мышлению, язык как таковой, которые в ситуации пост-современности становятся движущей силой производства. Парадоксальность опыта родового бытия, который в марксистских терминах вновь реактуализируется в термине *general intellect*, заключается в том, что отныне процесс труда требует участия другого, иными словами некой публичности, однако же эта публичность не может получить своего политического выражения (Вирно 2013, 68–69). В то же время подобный негативный аспект существования сообществ – множеств содержит в себе некоторый позитивный итог: язык как таковой начинается мыслиться не в категориях обладания и присвоения, но в категории «пользования».

Всеобщность «голоса», который будет «держат нас вместе» постулирует принципиальный отказ жаdanовской политики от каких-либо универсализирующих категорий, которые могли бы выступать в качестве репрессивных институтов. Человек – это тот, кто может молчать или говорить, действовать или бездействовать – тем самым это та сфера возможностей, которая далека от нормативной фактичности, которая может быть выражена обладанием или присвоением. Сообщество – это всегда нечто свершаемое в действии,

подобно перформативной природе языка: точно так же, как язык, который по Беньямину прежде всего служит сообщением не того или иного факта, но самого события «сообщаемости», человек является суммой возможностей, а не какой-либо застывшей идентичностью (Агамбен 2015, 20). Поиск подобных возможностей (которые и есть потенциал сообществ, человек как таковой) среди мест пересечений исторического и современного, этнического и интернационального и является тем номадическим импульсом поэзии Жадана.

Стремление Жадана репрезентировать или воспроизвести в поэтическом жесте этот опыт уникальной и единичной жизни, можно воспринять как попытку преодоления негативного опыта индивидуальных или коллективных страданий, которые остаются невысказанными, ибо они остаются на обочине и не оформленными соответствующим культурным нарративом (Ассман 2017, 238). Сама возможность общения может содержать в себе позитивную возможность для человека получить опыт своей собственной речевой сущности – не того или иного содержания речи, управляемого каким-либо истинным предположением, но самим фактом того, что мы говорим. В поэтическом слове субъект наконец-таки может обрести себя и осознать собственную субъективность в родовом и коллективном поле. Поэзия остается опытом, в котором мы можем не занимать позицию, находясь одновременно «вовне» и «внутри», тем самым становиться на место Другого, говорить от его лица, и таким образом утверждать его. Возможно, поэзия, примером которой выступает поэзия Сергея Жадана, может служить местом и способом выражения той политической материи, с которой мы имеем дело сегодня.

Библиография

- АГАМБЕН, Д. (2008), Грядущее сообщество. Москва.
- АГАМБЕН, Д. (2011), Номо Сакер. Суверенная власть или голая жизнь. Москва.
- АГАМБЕН, Д. (2015), Средства без цели. Заметки о политике. Москва.
- АНДЕРСОН, Б. (2016), Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва.
- АССМАН, А. (2017), Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. Москва.
- ВИРНО, П. (2013), Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. Москва.
- Воздух (2017), Воздух. 1 [журнал поэзии; статьи М. Липовецкого, И. Кукулина, А. Маркова].
- ЖАДАН, С. (2015), Почему меня нет в социальных сетях? В: <http://www.colta.ru/articles/literature/7183> [доступ 29.09.2017].
- ЖАДАН, С. (2016а), Огнестрельные и ножевые. Санкт-Петербург.
- ЖАДАН, С. (2016б), Всё зависит только от нас. Озольники.
- НАНСИ, Ж. Л. (2004), Бытие единичное множественное. Минск.
- MAN DE, P. (1983), Blindness and Insight: Essays in the Rhetoric of Contemporary Criticism. Minnesota.
- SPENCER, L. (1985), Allegory in the World of the Commodity: The Importance of Central Park. In: New German Critique. 34, 59–77.

МАРИЯ КАРПУН

Южный федеральный университет

ОБРАЗ МИРОВОГО ДРЕВА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Representations of the World Tree in traditional culture of Don Cossacks

Ключевые слова: традиционная культура, этнолингвистика, Мировое древо, донские казаки

KEYWORDS: traditional culture, ethnolinguistics, World Tree, Don Cossacks

АБСТРАКТ: The subject of this research is the image of a World Tree, its realizations and significances. Tree, as a representation of the axis of the world, so-called axis mundi has been conceptualized since ancient times. The image of a World Tree is relevant to many cultures, as well as the traditional culture of Don Cossacks, in which it is connected to with space zoning (structuring of the world). For example, the underworld (the so-called “тот свет”) is marked by trees, which are growing with their roots up. Moreover, time-characteristics are relate to the image of a World Tree too (marking of time, the point of a new life cycle). This investigation is based on data from dictionaries of Don dialect and materials from the interview with Don Cossacks's, made by the author. Don traditional culture is in the tideway of an East-Slavonic tradition, but it has have some peculiarities, concerned with regional representations of an image (for instance, ковыла ‘feather grass’ as an embodiment of a World Tree in Don texts of charms).

Образ Мирового древа по праву может быть назван транскультурным, т.к. является магистральным, системообразующим во многих мифологиях мира. Этот «характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира» (МНМ/1, 398), является репрезентацией мировой вертикали, структурирующей мироздание и задающей временные координаты. Он является очень древним и засвидетельствован практически повсеместно. Традиционная культура донских казаков не является исключением: «Важной составной частью представлений донских казаков о растениях является восприятие дерева как мировой вертикали, аналога храма» (Власкина/Архипенко/Калиничева 2004, 63). Специфику отдельных мифологических систем составляют частные репрезентации этого образа в системе представлений носителей языка, круг изоморфных образов, выступающих как «заместители» Мирового древа, а также набор бинарных оппозиций,

структурируемых образом Древа. Так, например, воплощениями мировой оси могут служить мировая гора, храм, колонна, крест, первочеловек и т.д.

Система верований донского казачества является наследницей русской, а, шире, восточнославянской традиции, и сохранила основные черты последней. Так, именно Мировое древо организует пространственно-временной континуум донских казаков, структурирует мир и, тем самым, противопоставляет его «беззнаковому и беспризнаковому хаосу» (термин Н. И. Толстого). Сохраняя функции, приписываемые Мировому древу в славянской традиции, традиционная культура донского казачества обнаруживает и присущие только ей специфические черты, о чем будет сказано ниже. Материалом для исследования послужили изданные и неизданные региональные материалы, собранные в экспедициях сотрудниками кафедры общего и сравнительного языкознания ЮФУ в казачьих станицах и хуторах Дона, лексикографические данные диалектных словарей (СРДГ 2; БТСДК; СДГВО; СРНГ), а также тексты, записанные в ходе полевых экспедиций и изданные Б. Н. Проценко.

Поскольку Мировое древо является единицей языка культуры и функционирующей культурной семьей, мы будем рассматривать этот образ на трёх уровнях культуры: вербальном, вещном и акциональном. Образ Мирового древа складывается из нескольких магистральных мотивов, имеющих более мелкие ответвления:

1) центр мира – идеальное иномирное пространство, где начинается новый жизненный цикл, происходит излечение болезней (в донских заговорах представлен видовыми наименованиями: дуб, берёза, ковыль и др.);

2) место отсылки болезни – локус, противопоставленный миру человека, куда отсылается болезнь;

3) растение-посредник (медиатор), олицетворяющее своеобразный «путь», по которому осуществляется коммуникация между мирами;

4) точка отсчета времени (как одна из граней образа Мирового древа). Рассмотрим эти мотивы подробнее. Мотив мировой оси (*axis mundi*), обозначающего центра мира, является ключевым:

Будучи широко распространён во всех заговорных традициях Восточной Славии, мотив мифологического центра неизвестен в заговорах западных и южных славян, и, таким образом, он не может быть причислен к кругу общеславянских фольклорных суждений (Агапкина 2005, 247).

В традиционной культуре донского казачества наиболее ярко этот мотив проявился в текстах лечебных заговоров, в которых мотив центра мира является сюжетообразующим.

Конкретные образы растений символизируют в заговорах наивысшие сакральные ценности и кодируют устойчивые ландшафтные зоны заговорного простран-

ства. Содержательный инвариант метафоры мировой оси камень – гора – дерево символизирует ценности сакрального порядка. Именно здесь герой получает возможность выполнить определённый набор ритуальных действий и «перевоссоздать» космос (Шиндин 1993, 114).

Согласно народным представлениям, излечение – это начало нового жизненного цикла, некое перевоссоздание космоса. Именно около Мирового дерева должны были совершаться обряды и ритуалы, чтобы через воспроизведение акта творения мира начать процесс заново и восстановить гармонию. К центру мира отправляется лечащий, что описывается в самом тексте заговора: «Встану рано-ранинька, умоюсь бела-беленька, выйду в чисто поле, в сине море, там на острове стоит дуб...» (Проценко 1998, 123). На вещно-акциональном уровне этот мотив нашел отражение в обряде «продевания» больного сухотой ребенка сквозь расщепленное дерево, что символизирует рождение заново (см. Власкина 2011, 273):

Нужно вишню-выгонку примерно в рост человека расколоть, но чтобы не до самого верху, а расколоть середину и в эту дырку протянуть дитя. [...] Для протаскивания через расщепленное дерево чаще всего выбирали дуб. Дерево должно было расти за рекой.

Символически обозначать центр мира могут различные растительные образы: деревья разных пород (как проявление синонимии единиц внутри одного кода), кроме имеющих негативный статус в культуре (например, осины). В донской заговорной традиции наиболее частотны дуб и берёза. Например (иллюстрации заимствованы из работы: Проценко 1998, 146):

На гаре-океане, на высоком кургане стоял дуб, такой дубистый, такой коренистый. На том дубу – орлиное гнездо. В том гнезде лежал кот Мурлыка... Хватит тебе спать, время вставать, с рабы Божьей (имя) килу выгонять.

Центр мира может быть репрезентирован не только непосредственно каким-либо деревом определенного вида или облика, но и предметами-заместителями (эквивалентами), также выполняющими в этом случае функцию оси мироздания (церковь, алтарь, камень, престол и т.д.), например, заговор от тоски, записанный в хуторе Старая Станица в 1996 году:

На Сиянской горе там стоял престол и на престоле мать Божия Пресвятая Богородица, держит меч и саблю, секёт присекает смертоносную язву. Не сама я лечу, мать Божью Пресвятую Богородицу прошу. Выгоняет, выкликает язвы из рабы божьей за синее море, где солнце не светит и ветер не веет. Аминь, аминь, аминь (тот же источник).

Эта «одновременная разнокодовость, вызванная общей тенденцией к максимальной синонимичности, к повторению одного и того же смысла, одного и того же содержания разными возможными способами» (Толстой 1982, 57–58), свидетельствует об актуальности рассматриваемого мотива, является еще одним подтверждением его встроенности в общую систему представлений и верований.

Специфику донской традиционной культуры составляют включенные в тексты заговоров, очень резистентных к изменениям, обозначения растений, характерных для донского региона, а также их локальных диалектных названий. Например, очень распространённый на Дону ковыль в языке донского казачества имеет женский и маскулинные варианты народных названий:

ковыла [кавѣла], *ковѣла* [кавѣла], *ы* (ы), *мн.* не употр., *ж., раст.* Ковыль-волосатик *Stipa capillata*. *Кавыла белая, растеть ф стѣпи, белым цвѣтитъ, кучарѣвая, пушыстая. Кавѣла – идомая трава для худобы, фся как пухам абрациная* (БТСДК 2003, 222)

ковѣл [кавѣл], *-а*, *мн.* не употр., *м.* Травянистое степное растение семейства злаковых с пушистыми волосками на осях; ковыль. *Кавылу сколькѣ, фся поля блестятъ. Кавыл разросси. Святки с кавылом. Кавыл травушка* (СРДГ 1976, т. 2, 65)

Именно он помещается в центр мира и выступает как репрезентация образа Мирового дерева в донском заговоре от рака:

На острове Буяне, на Тихом океане стоит куст ковылы. [...] Ты, куст ковылы, не ковылися. [...] Ты, рак-скорпион, не лютися [...] (см. Проценко 1998, 150).

С образом Мирового дерева в традиционной культуре донского казачества, вслед за славянской и русской, связан мотив деления пространства на три мира: небо, мир человека и то т с в е т. В качестве примера приведём фрагмент заговора от зубной боли, в котором дерево является метафорой мира человека:

Дуб в поле, камень в море, месяц на небе. Когда эти братцы сойдутся, тогда у р.б. (имя) зубы перестанут болеть (см. Проценко 1998, 104).

Мир небесный является местом обитания христианских святых. Они могут являться лечащему, когда он достигает центра мира, в кроне дерева. Мир человека противопоставлен миру иному, располагающемуся у корней Мирового дерева. Этот мир считается средой обитания и местом пребывания опасных сущностей (болезней, нечистой силы). Вербальная закреплённость расположения этого мира у корней Мирового дерева подтверждается, например, наличием в диалектных текстах донских заговоров формул отсылки болезни (источник иллюстраций: Проценко 1998, 98, 106):

на гнилые корни мох глодать, [...] там им быть, там им жить, на гнилой осине пропасть;

[...] вам тут не быть, вам место в горькой осине.

В описании деления пространства на три мира также обнаруживается разнокодовость, т.е. синонимия единиц различных кодов культуры (вегетативного и предметного), а также

идея трехчленности мирового дерева, отражают в трансформированном, охристианизированном виде заговор от детской болезни («На море-океане, на острове Буяне стоит церковь, на церкви престол, на престоле образ Спасителя») и оберег от колдунов («На море-окияне, на острове Буяне — там стоит святая церковь, стоит престол, на том престоле стоит Мать Божья...») (Проценко 1989, 41).

Как предмет, структурирующий мироздание, Мировое дерево одновременно является и связующим мостиком между мирами, посредством которого осуществляется коммуникация между ними. По народным представлениям, по Мировому дереву можно попасть в мир поднебесный, земной и подземный, мир живых и мир мёртвых. В диалектных текстах донских заговоров представлены партитивные фитонимы (ветки/ веточки вербы, осины, *троецкие веточки/колышки* и т.д.), которые, обозначая заместителей мирового дерева, осуществляют такую связь. Например, веточка выступает необходимым элементом обряда излечения. О чём свидетельствует приводимое ниже примечание к заговору, в котором указывается, что необходимо сделать после произнесения текста заговора:

Шла баба мостом с золотым крестом. Навстречу Иисус Христос. Не я вызываю, не я выкликаю – сам Господь вызывает, сам Господь выкликает. Тут тебе не стоять, червонной крови не пить, жёлтой кости не ломить новорождённому, новокрещённому (имя). После этого воду вылить под веточку, где не ходят.

В этом случае веточка выступает «заместителем» мирового дерева, крона которого достигает небес, а корни, по народным верованиям, находятся в преисподней. Таким образом, вылитая под веточку вода (используемая во время произнесения заговора) должна унести с собой болезнь в преисподнюю и этим способствовать излечению больного от испуга.

Мотив «Мировое дерево» – медиатор реализуется и на вещно-акциональном уровне. Например, в обряде празднования Троицы срубленные накануне молодые берёзки вкапывают около входа в дом, чтобы (по народным представлениям) души умерших родственников могли спуститься в мир живых и присутствовать на праздничной трапезе с семьёй. Этот ритуал получил

вербальное обозначение *сажать сады*. После окончания трёхдневного празднования эти деревца сжигают, закрывая, таким образом, портал в мир иной.

На Троицу сажали сады за парогам. Мы их называли сады сажать будим, украшать. Срубаим три бироски и у парога забиваем (ПМА).

А патом (после окончания праздника) вывалят (эти березки) вон там (за хутором) и сажгут (ПМА).

Той же цели служат и *троицкие веточки*, которыми украшают окна, двери, иконы. Этот мотив реализуется, например, в донском погребальном обряде, где ветку вербы ставят в емкость с зерном в изголовье ложа умершего, считая её мостиком, своеобразным путём, по которому душа умершего «переходит» в мир загробный.

Образ Мирового древа в донской традиционной культуре связан также и с темпоральными характеристиками. Это не только прямое обозначение времени, но и метафорическая характеристика точки отсчёта времени вообще и жизненного цикла человека в частности, что подтверждает факт присутствия Древа или его заместителя, ветки, в обрядах, связанных с рождением и смертью. Например, обычай сажать на могиле деревце. Считается, что если оно прижилось, значит, умерший был праведным человеком:

Мы вышню сажали на магилки, если выросла, то хороший был чилавек, да и плады вышни будуть рвать, и так паминать иво (похороненного под этим деревом человека) (см. ПМА, М. Булаткина).

Хронотопическую семантику, контаминацию точки отсчета пространственных и временных характеристик, имеет реализация образа Мирового древа в представлениях о появлении детей. Лексическое воплощение этого образа может быть разнообразным, могут называться деревья разных пород, как плодовые, так и дикорастущие, что свидетельствует о том, что перед нами реализация образа, обобщающего частные факты в единое смысловое целое. Вербальные формулы, объясняющие рождение, актуализируют образ мировой вертикали, по которой души, воплощенные в младенцев, спускаются в мир живых:

Аткель тибe узяли-та? Да с вербачки сняли (инф. Л. Ф. Фролова)
хто скажыть 'ф капусты нашли', хто скажыть 'с вербачки сняли', 'с яблани сняли'
(инф. Е. И. Королева)
'сняли со сливы' (инф. В. П. Уварова) (см. источник: Власкина 2011, 203)

Действия с веткой или молодым деревцем в свадебном обряде вписаны в контекст трансляции семантики брака, заключающейся, по народным пред-

ставлениям, в смерти девицы и рождении женщины. Например, обрядовый термин *ломать ветку* обозначает игру во время свадьбы:

Пьют и гуляют, а тада ламають ветку. Бируть вишнёвую ветку, украшают как ёлку, конфетами и лентами. Маладёш стараица здёрнуть с ветки украшения; а хто ахраняить ветку, бьёт кнутом, ни дапускаить (БТСДК 2003, 209).

Представление о Мировом древе как точке начала отсчёта координат наиболее ярко отразилось в лечебных донских заговорах. В них процесс излечения больного человека представляется как его условная смерть, а затем условное воскресение, то есть начало новой жизни уже без недуга. Из этих же текстов следует, что такое перевоссоздание реальности возможно только в центре мира.

На вербальном уровне представления о Мировом древе как мировой вертикали, определяющей временные координаты, зафиксированы в специфических донских диалектных устойчивых формулах обозначения времени относительно какого-либо дерева (чаще всего дуба):

Так, например, утреннее время, 10–11 часов утра в языке традиционной культуры донского казачества получило следующие наименования: *~время в дуб**, распространенное практически во всех русских говорах Дона, то есть являющееся общедонским: *Время в дуп, значить пара полдничать* (БТСДК 2003, 141); *~в дуб вышки:* (солнце) поднялось уже сравнительно высоко. Дон. (СРНГ 1972, в. 8, 232).

Следующая диалектная языковая формула *~солнце в дуб*, имеет отдельные оттенки значений: а) положение солнца над горизонтом при восходе или закате: *Сонца, када садица или взашло, нивысока, то гаварять: сонца в дуп*. Ср. у М. Шолохова: *Солнце в дуб, а он уж и ноги поднять не моёт*; б) положение солнца на небе в полдень: *Сонца в дуп стала ф палудня, када самая жара наступать днём*. Ср. у М. Шолохова: *Бабы с утра харчи им отнесли, а солнце в дуб, на бугре появилась конница* (БТСДК 2003, 141).

Донская диалектная языковая формула *~солнце в полдуба* также имеет свои оттенки значений: а) положение солнца при восходе или закате, более близкое к горизонту, чем *~в дуб*. *Сонца в полдуба, значить ишо ни высока паднялось*. Ср. у М. Шолохова: *Неяркое солнце стало в полдуба* (БТСДК 2003, 141); б) солнце на небе, близкое к положению в полдень: *Уже сонца ф палдуба: пара кафиёк пить* (БТСДК 2003, 141).

Языковая формула *~Солнце за дуб* обозначает заход солнца. *Сонце за дуп – ета сонцы заката, восим числоф: иво ни видна за дубам*.

Следующее зафиксированное в языке донских говоров наименование *~Солнце у дуба* обозначает положение солнца, близкое к закату: *И паехал бы, гаварить, да сонцы у дуба, пирид вечирам уш дела* (БТСДК 2003, 141).

Обращает на себя внимание детальное разграничение временных промежутков. Фиксируются не только утро, полдень и вечер, но и переходные стадии между этими базовыми отметками. В такой детализации и проявляется своеобразие, оригинальность и особенность картины мира донских казаков, для которых имело важное значение именно дробное членение временного континуума. Думается, что использование апеллатива дуб в приведенных формулах является условным, отсылающим к образу дуба как репрезентации Мирового древа.

Таким образом, Мировое древо в традиционной культуре донских казаков определяет пространственные и временные координаты универсума, что находится в рамках восточнославянской традиции. Подтверждение находим на вербальном уровне в устойчивых формулах обозначения времени, бытующих до настоящего времени, а также на вещно-акциональном (в семантике обрядовых предметов и действий, производимых с ними), кроме того, пространственная семантика восстанавливается на основе анализа сакральных текстов. Специфические черты функционирования и воплощения этого образа (например, репрезентация с помощью диалектного фитонима *кавыла*, называющего растение ковыль) обусловлены географическим ландшафтом и спецификой мировосприятия носителей диалекта.

Библиография

- Агапкина, Т. А. (2005), Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра). В: Топоров, В. Н. (ред.), Заговорный текст. Генезис и культура. Москва, 247–292.
- БТСДК (2003) Большой толковый словарь донского казачества. Москва.
- Власкина, Т. Ю. (2011), Домашний мир на слове эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.). Ростов-на-Дону.
- Власкина, Т. Ю./Архипенко, Н. А./Калиничева, Н. В. (2004) Народные знания донских казаков. В: Традиционная культура. 4, 54–66.
- Криничная, Н. А. (2001), Народные представления русских о свойствах растений. В: Этнографическое обозрение. 4, 48–62.
- МНМ (1997), Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. Москва.
- ПМА (1924), Полевые материалы автора. Кривошлыкова Евдокия Порфировна 1924 г.р. х. Гребенники; Булаткина М., х. Озерской.
- Проценко, Б. Н. (1989), Структура и семантика текста донских заговоров. В: Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия «Общественные науки». 2, 94–100.
- Проценко, Б. Н. (1998), Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону.
- СРДГ (1976), Словарь русских донских говоров в 3-х тт. Т. 2. Ростов-на-Дону.
- СРНГ (1972), Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Ленинград.
- Толстой, Н. И. (1982), Из «грамматики» славянских обрядов. В: Труды по знаковым системам. XV, 57–71.
- Шиндин, С. Г. (1993) Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира. В: Иванов, Вяч. Вс./Свечников, Т. Н. (ред.), Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. Москва, 108–127.

ТАТЬЯНА ТЕРНОВА

Воронежский государственный университет

ЖАНРОВЫЙ РЕСУРС БАСНИ В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО ФУТУРИЗМА¹

The genre resource of the fable in the literature of Russian futurism

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский футуризм, жанр, басня, В. Хлебников, А. Крученых, В. Маяковский

KEYWORDS: Russian futurism, genre, fable, V. Khlebnikov, A. Kruchenykh, V. Mayakovsky

ABSTRACT: The article deals with the artistic possibilities of the fable genre in the work of Russian futurists. Wanting to transform the principles of the world order in general, the representatives of the current naturally drew attention to the existing system of genres, which they perceived not only as an element of the culture of the past, but also as an expression of a worldview that lost its connection with reality. The genre of the fable is in demand among the futurists precisely because it lies almost outside the genre system of high literature. In the work of V. Khlebnikov, A. Kruchenykh, V. Mayakovsky, the fable is endowed with additional tasks, fulfilling the role of a parable (Khlebnikov), a pamphlet and an advertising text (Mayakovsky). The text of A. Kruchenykh "Sobasnya", having an original title, exemplifies, inherent in the transitional era, of the idea of updating the genre.

Эстетический радикализм являлся одной из показательных характеристик житнетворческого эксперимента русских футуристов. Осознание связи мировоззрения и эстетики зафиксировано уже в первом манифесте футуристов «Пощечина общественному вкусу»: «Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубят нами в словесном искусстве» (Русский футуризм 2009, 65).

Желая существенно трансформировать принципы мироустройства вообще, представители течения закономерно обращали внимание на существовавшую систему жанров, которая воспринималась ими не только как элемент культуры прошлого, но и как выражение мировоззрения, утратившего связь с реальностью. Слово *жанр* не употребляется в декларациях футуристов, но речь идет о канонах, частным случаем которых являются жанровые: «Смять мороженницу всяческих канонов, делающую лед из вдохновения» (Русский

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00476 А «Эстетическая новизна и литературность как проблемы теории и творческой практики XX века: авангардизм 1920-1930-х гг. и постмодернизм 1970-1980-х гг.».

футуризм 2009, 100). О начале реализации жанрового эксперимента футуристов свидетельствуют строки листовки «Первого Всероссийского съезда баячей будущего», направленной против «оплота художественной чахлости» – «Русского театра»: «Будут поставлены Дейма: Крученых «Победа над солнцем» (опера), Маяковского «Железная дорога», Хлебникова «Рождественская сказка» и др.» (Русский футуризм 2009, 355).

Показательная для переходных эстетических эпох «ненависть к жанрам» (Лейдерман 2006, 11) разноаспектно проявилась в футуристических литературных экспериментах. В частности, она выразилась в создании принципиально новых жанровых моделей (рондели и миньонеты И. Северянина), в переносе жанра из поля другого вида искусства в поле литературы (опусы Д. Бурлюка), в реанимации жанровой формы, воспринимавшейся в классическом искусстве как архаическая (баллада в творчестве А. Крученых), в расширении области применения жанровой модели за счет смещения сфер эстетики и прагматики (поэтическая реклама в литературной работе И. Северянина, В. Маяковского (см. об этом: Иванюшина 2003, 235).

Не случаен интерес представителей футуристического движения к жанру басни. Под басней мы понимаем «жанр *дидактической поэзии*, короткую повествовательную форму, сюжетно законченную и подлежащую аллегорическому истолкованию как иллюстрация к известному житейскому или нравственному правилу» (С., III. 1930, стб. 359). Будучи обращенным к максимально широкой и подчас практически лишенной читательского опыта аудитории, жанр басни воспринимается как находящийся на стыке элитарной и массовой литературы. И. М. Тронский пишет о соотносительности с массовой литературой уже античной басни Федра: «Стиховая форма басен Федра – старинный ямбический размер республиканской драмы, несколько отклоняющийся от греческого типа и уже вышедший из употребления в «высокой» литературе, но привычный для массового посетителя римского театра» (Тронский 1983, 317).

Жанр басни оказывается востребованным у футуристов именно потому, что лежит практически за пределами жанровой системы высокой литературы. В интерпретации В. Хлебникова, автора басни «Бех», жанр басни смыкается с народной традицией: в основу своего текста автор кладет экзотический материал легенд о ядовитом растении бех (как следует из комментария к сб. «Творения», составленного В. П. Григорьевым, «*бех* (обл.) – ядовитое болотное растение, цикута; известно и как *вех*» (Хлебников 1986, 698)). Название текста приобретает символический смысл: «Вариант *бех* соотносен у Хлебникова путем «внутреннего склонения» с неологизмом *бух* [...]; совпадая со старой формой прош. врем. от глагола «быти», он указывает на историю народа» (Хлебников 1986, 698).

Учитывая опыт прочтения басни Х. Бараном (1993), выявим внутреннюю логику текста. Композиционно он может быть разбит на 4 части. В основе такого деления – хронология повествования и, соответственно, трансформация авторской оценки разных исторических периодов. Переход из одной части текста в другую происходит в результате возникающих ассоциаций, подготовленных используемым Хлебниковым фольклорным материалом.

Басня Хлебникова начинается со вступительного фрагмента, задающего фабульную ситуацию. Примечательно, что только две первые строки являются изображением реальности, вводят читателя в курс дела, объясняя смысл реалии «бех»: *Знай, есть трава, нужна для мазей. / Она растет по граням грязей* (Хлебников 1986, 84).

Переход от экспозиции к первой части происходит в результате актуализации пословицы «из грязи в князи». Далее мы имеем дело с сознанием лирического героя, его интерпретацией мира, возникающими у него ассоциациями.

В первой части текста речь идет о давнопрошедшем, о времени монголо-татарского нашествия. Борьба Руси показана как личностный акт, Русь написана как антропоморфный субъект. Победа Руси в противоборстве безликой массой татар предпрещена:

То есть рассказ о старых князях:
Когда груз лет был меньше стар,
Здесь билась Русь и сто татар.
(Хлебников 1986, 84)

Вторая часть повествует о «новом» времени, которое вызывает совсем иную оценку. Ее создает фонетический рисунок фрагмента (обилие звуков [y]), а также символика (свист как обозначение опасности, дуля – знак обмана, толстые и при этом надутые щеки – знак неподлинности, лебедь – амбивалентный знак верности и смерти) и прямо-оценочная лексика («жалобы», «невзгоды», причем в тексте содержится указание на их множество, отсюда «вязанка», «день чумной»). Вспомним, что дата создания текста – 1913 г., и потому его трагический колорит может быть объяснен приближением Мировой войны:

С вязанкой жалоб и невзгод
Пришел на смену новый год.
Его помощники в свирели
Про дни весенние свистели
И щеки толстые надули,
И стали круглы, точно дули.
Но та земля забыла смех,
Лишь в день чумной здесь лебедь неся...
(Хлебников 1986, 84–85)

Четвертая часть итоговая, здесь время – вечность, задано представление о циклах существования мира и человека (символ зерна). Ощущение трагедии отчасти снимается:

И кости бешено кричали: «Бех», –
Одеты зеленью из проса,
И кости звонко выли: «Да!
Мы будем помнить бой всегда».
(Хлебников 1986, 85)

Обозначим признаки, которые предполагает жанровый канон басни: 1) аллегоричность, 2) «законченность сюжетного развития» (С., III. 1930, стб. 359), 3) «единство действия и сжатость изложения», 4) «отсутствие детальных характеристик и других элементов повествовательного характера, тормозящих развитие фабулы» [2; стб. 360], 5) особая композиция: «Обычно басня распадается на 2 части: 1. рассказ об известном событии, конкретном и единичном, но легко поддающемся обобщительному истолкованию, и 2. нравоучение, следующее за рассказом или ему предшествующее» (С., III. 1930, стб. 360).

Практически все они реализуются в басне Хлебникова. Последний из обозначенных признаков, специфика композиции, в «Бехе» также реализован с той поправкой, что первая, повествовательная, часть здесь оказывается еще дополнительно дифференцированной (части 2, 3). Нравоучение также композиционно дифференцировано и составляет обрамление текста. Так, басня начинается с апелляции к читателю («знай»), которым может быть каждый, в финале повествователь и потенциальные читатели объединяются в «мы», обязуясь помнить о закономерностях истории. Глагольная форма, избранная Хлебниковым, не вполне характерна для морали: «Будем помнить» вместо «помни». Тем не менее, мораль, хоть и не прямо заявленная, очевидна: необходимо помнить, что история – процесс, а не результат. Не случайно поэтому текст наполнен амбивалентными символами, совмещающими в себе представление о жизни и смерти: *бех, лебедь, просо*.

Басня Хлебникова выполняет большую функцию, чем та, которая традиционно свойственна басне, но не противоречит ее жанровому канону: аллегоричность басни в его интерпретации становится символичностью.

Хлебников не единственный футурист, обращавшийся к басенной традиции. Интересный пример работы с жанром басни представляет собой «Собасня» А. Крученых «Мышь родившая гору». В исследовательской работе Т. Никольской она упомянута в связи с анализом текстов И. Терентьева, с которыми ее роднит круг использованных приемов, в целом характерных для поэтики футуризма периода группы «41 градус». Оба автора прибегают к переосмыслению пословиц и устойчивых выражений. (См. Никольская

2002, 43). Принцип, положенный в основу текста, мы могли бы назвать наоборотным, имея в виду эффект остранения, который он создает. Этого эффекта оказывается достаточно автору, который практически освобождает свое стихотворение от прочих «заумных» приемов: текст легко читаем, наделен знаками препинания:

Мышь, чихнувшая от счастья,
Смотрит на свою новорожденную – гору!...
Ломает дрожащий умишко:
Где молока возьму и сладостей,
Чтоб прокормить ее ненаглядную впОру
И какое ей вырыть палаццо?!...
(Крученых 1922, 41)

Из единого стиливого рисунка текста выпадает только последнее слово *палаццо*, закрепляющее иронический колорит текста. Стихотворение в целом можно назвать комическим, так как оно построено на заложенном в структуре комического несовпадении реального и предполагаемого, малого и большого.

Такая ориентация на комическое характерна для жанра басни. С жанровым каноном роднит текст А. Крученых и аллегорическое начало. Его персонажи, мышь и гора, замещают человеческие типы.

«Собасней» текст назван, возможно, потому, что Крученых не создает заново ни сам жанр, ни фразеологизм, положенный в основание текста, а только достраивает уже существующее. Более того, сам прием остранения в данном случае подсказан ему народной фразеологией: вошедшее в языковой обиход выражение «Гора родила мышь», восходящее к басне Эзопа (Крылатые слова 1986, 83), изначально и «странное», и аллегорическое.

Таким образом, в тексте А. Крученых реализуется сразу несколько тенденций характерного для переходных эпох жанрового обновления: возникает новое жанровое обозначение (собасня), в пределах текста смешиваются нерядоположные лексемы, нетипична также его строфическая организация.

В. Маяковским созданы «Интернациональная басня» (1917) и «Нате! Басня о крокодиле и о подписной плате» (1922). Обращение к басне у Маяковского совершенно иначе мотивировано, нежели у Хлебникова и Крученых. Для Хлебникова басня — способ соединения времен, вневременной жанр (не случайно и сюжетом его басни становится время), который, благодаря присущей ему символичности позволяет говорить о закономерностях бытия. У Крученых басня также имеет вневременной характер, воплощая универсальные человеческие типы. Басни В. Маяковского, напротив, соотнесены с текущим моментом времени, не просто остроактуальны, но публицистичны. Автора интересует насущное, острое, сегодняшнее. Об этой специфике

мироотношения Маяковского пишет В. М. Акаткин: «Редкий поэт так жгуче, так нервно – до крика, до истерики – реагировал на время, как Маяковский. Он представляется какой-то гигантской наковальней, на которую бросают раскаленные глыбы дней» (Акаткин 1998, 52). Басни В. Маяковского могут быть соотнесены с баснями Демьяна Бедного. Басни обоих авторов становятся способом коммуникации с массой, социальным слоем, выведенным на поверхность общественной жизни событием революции.

Басня Маяковского является точной иллюстрацией жанрового канона как на уровне содержания, так и на уровне композиции (2 части) и использованных приемов (аллегория, введение в текст образов животных: дога, петуха). Лексика здесь тоже вполне «басенная»: используются просторечия и вульгаризмы: «навертывается», «прогнали в шею» и т.п. Сохранена и присущая жанру басни метатекстуальность – нравоучительный фрагмент в тексте обозначен как «мораль»:

Навертывается мораль:
туда же
Догу
не пора ль?
(Маяковский 1957, 47)

В тексте практически ничто не указывает на причастность Маяковского к группе футуристов – за исключением специфической строфики.

В «Нате! Басне о «Крокодиле» и о подписной плате» авангардных находок значительно больше. Помимо строфики, это и многочисленные неологизмы («*рассервизить*», «*крокодиленок*» и т.п.). Да и название текста явно отсылает к произведению Маяковского футуристического периода «Нате!». В обоих стихотворениях объектом сатиры становится узкий мирок обывателей, единственным смыслом существования которых является еда («*Захотелось нэпам, / так или иначе, / получить на обед филей «Крокодилячий»*»). Текст имеет также и второй, аллегорический смысл, закрытый для обывателей, и представляет собой изящную агитку, рекламную акцию, призывающую умного читателя подписываться на журнал «Крокодил»:

Ну чего впадать в раж?!
Пока вы с аршином к ноздре бежите,
у «Крокодила»
с хвоста
вырастает тираж.
Мораль простая –
проще и нету:

Подписывайтесь на «Крокодила»
и на «Рабочую газету».
(Маяковский 1955, 41–42)

Написано стихотворение в период, когда Маяковский создает целый цикл сатирических произведений («О дряни» и т.п.). Любопытное замечание о специфике сатиры Маяковского делает В. Перцов: «Маяковский беспощаден в своем преследовании плохого. При этом изображение плохого дается так, что мысль о необходимости «уравновесить» его чем-то хорошим не приходит в голову, потому что хорошим является сам автор». Исследователь отмечает однозначность авторской позиции: «В его неистощимой фантазии сатирика он предстает во всем обаянии уверенного в себе и в победе добра над злом, спокойного, остроумного, старшего товарища, который беседует, негодует, но не поучает» (Перцов 1976, 208). В полной мере это наблюдение относится и к анализируемому стихотворению.

Итак, жанровый ресурс басни в футуристической литературной практике состоит в том, что она нередко наделяется дополнительными задачами. Так, в «Бехе» В. Хлебникова присутствует несвойственный басне глубокий философский смысл, изложена философия истории. В баснях В. Маяковского решаются остро актуальные политические и даже экономические задачи. Происходит размывание жанровых границ, басня сближается с притчей (Хлебников), политическим памфлетом, агиткой, рекламным текстом (Маяковский). «Собасня» А. Крученых, наделенная оригинальным заголовком, воплощает в себе присущую переходным эпохам идею обновления жанра.

Разговор о жанре басни в литературе футуризма и постфутуризма может быть продолжен за счет привлечения к анализу текстов В. Шершеневича, Д. Хармса, Н. Эрмана и В. Масса (подробнее см.: Тернова 2010), которые также, в свою очередь, демонстрируют размывание границ этого жанра.

Библиография

- Акаткин, В. М. (1998), Романтика разрушения. В: Река времен: О поэтах и поэзии. Воронеж. А. С., Р. Ш. [Шор Р.] Басня (1930). В: Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 1. Москва, 359–360.
- Баран, Х. (1993), Поэтика русской литературы начала XX века. Москва.
- Иванюшина, И. Ю. (2003), Русский футуризм: Идеология. Поэтика. Прагматика. Саратов.
- Крученых, А. (1922), Сдвигология русского стиха. Трактат обижальный (Трактат обижальный и поучальный). Книга 121-я. Москва.
- Ашукин, Н. С./Ашукина, М. Г. (1986), Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Москва.
- Лейдерман, Н. Л. (2006), Испытание жанра или испытание жанром? В: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. Вып. 9. Екатеринбург, 3–33.
- Маяковский, В. В. (1955), Полное собрание сочинений. Т. 1. Москва.
- Маяковский, В. В. (1957), Полное собрание сочинений. Т. 4. Москва.

Никольская, Т. Л. (2002), Авангард и окрестности. Санкт-Петербург.

Перцов, В. О. (1976), Маяковский: жизнь и творчество. Москва.

Терехина, В. Н./Зименков, А. П. (2009), Стихи, статьи, воспоминания. Санкт-Петербург.

Тернова, Т. А. (2010), Басня как маргинальный жанр в литературе русского авангарда.

В: Научный вестник ВГАСУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 6, 57–66.

Тронский, И. М. (1983), История античной литературы. Москва.

Хлебников, В. (1986), Творения. Москва.

Юлия МАТВЕЕВА
Ural Federal University

**ТЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ДВИЖЕНИЯ
ИЛИ ЗАВЕРШЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЦИКЛА?
(А. МАКУШИНСКИЙ, Л. ЮЗЕФОВИЧ)¹**

**The theme of the civil war in Russia in modern Russian literature:
prospects of movement or completion of the cultural cycle?
(A. Makushinsky, L. Yuzefovich)**

Ключевые слова: русская революция, Гражданская война, современная русская литература, А. Макушинский, Л. Юзефович, номадизм

KEYWORDS: Russian revolution, civil war, modern Russian literature, A. Makushinsky, L. Yuzefovich, nomadism

ABSTRACT: In the article an attempt is made to apply the idea of nomadism to the process of transforming literary themes and plots that have taken shape and are fixed in the framework of certain national and cultural paradigms. In this case, it is a process of transforming such a topic, such so significant for Russian literature of the 20th century, as the Civil War in Russia. At present, it is experiencing a unique revival, but the means for its artistic implementation change significantly, as can be seen from the comparison of two contemporary novels dedicated to this topic: L. Yuzefovich's "Winter Road" and A. Makushinsky's "City in the Valley". As a result of the analysis, it is concluded that in the sense of literary and artistic psychology, which assumes living in an image, the topic of the Civil War in Russia can be considered as closed, while the resources of historical evidence are able to open a new emotional, intellectual and artistic potential for it.

Со временем происходит неизбежное остранение любой, самой горячей, самой захватывающей, самой социально значимой темы. История – даже великие и глубоко трагические ее эпизоды – обречена на «остывание», перекодировку и переписывание. Не стала исключением в русской литературе XX, а теперь уже XXI веков и тема Гражданской войны.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ – отдел гуманитарных и общественных наук, проект № 17-21-07002а(м) «Человек советский в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI в.в.».

Будучи одной из наиболее масштабных, а возможно – самой масштабной исторической темой российской словесности на протяжении ста лет, она несколько раз претерпевала существенные сдвиги в своем понимании. В 1920-е годы и в ранней советской, и в эмигрантской литературе центральным был конфликт «человек и революция» во всех его модификациях и разрешениях. Эпоха «оттепели», с одной стороны, романтически мифологизировала тему революции и Гражданской войны, а с другой – внесла в нее стремление обыграть (В. Аксенов), увидеть людей и события прошлого другими глазами (В. Максимов, А. Солженицын), показать невыносимую сложность, неоднозначность человеческих поступков и отношений (Ю. Трифонов, Б. Пастернак). В 1980–90-е гг. произошел новый виток поисков «третьей правды», в свете которого по-новому высветилась отдельность жизни человека частого, встроенного в свое время, но не до конца ему подчиненного (романы Л. Бородина, М. Шишкина, А. Макина, рассказы И. Гергенредера).

Сегодня на волне интереса к истории XX века, к самым болевым ее точкам, тема Гражданской войны в России, несколько ушедшая в прошлое, оказывается вновь актуальной – по крайней мере, в пространстве российской культуры. Об этом говорит, в частности, спрос на нее в массовой литературе и кинематографе, об этом говорит решение жюри литературного конкурса «Большая книга», присвоившего первую, наиболее престижную премию за 2016 год роману Л. Юзефовича «Зимняя дорога» (помимо премии «Большая книга» роман получил еще две: «Национальный бестселлер» и Строгановскую в Перми).

Таким образом, тема номадизма, странствия, дороги, непрерывного становления «энергичности и статуарности» (Шляков 2017) в данном случае может быть прочитана как тема изменения во времени в рамках русской литературной традиции вполне определенного и в высшей степени значительного исторического сюжета. Конкретизировать наши рассуждения и рассмотреть, как именно в пределах русской литературно-художественной парадигмы осуществляется транспонирование исторических событий, связанных с Гражданской войной, в ценностные координаты современности, мы попытаемся на примере двух произведений разных авторов. Это будут названный выше роман Л. Юзефовича «Зимняя дорога» (2015) и роман А. Макушинского «Город в долине» (2013). Оба романа появились практически друг за другом, и оба писателя (Юзефович и Макушинский) признавались, что создавали свои тексты очень долго, почти двадцать лет. Кроме того, отношения «смысловой конвергенции» (Бахтин) соединяют романы Юзефовича и Макушинского как произведения, напрямую причастные исторической науке: профессиональный историк, получивший главную литературную премию России в качестве прозаика за свой исторический роман (Юзефович) и профессиональный филолог (Макушинский), сделавший героем своего

произведения историка, потерпевшего в качестве беллетриста сокрушительное фиаско. Перед нами случай зеркального преломления одной жизненной ситуации, тем более поразительный, что обе книги представляют собой металитературное повествование, организующим центром которого является сюжет, связанный с Гражданской войной.

Роман Юзефовича – попытка документального расследования так называемого «Дела Пепеляева». Исходная точка поиска вполне конкретна и локально определена – здание Военной прокуратуры СибВО, где автор-историк читает «девятитомное следственное дело белого генерала Анатолия Николаевича Пепеляева» (Юзефович 2017, 7). Затем к материалам следственного дела присоединятся опубликованные воспоминания других участников пепеляевского похода и его сторонников (Вишневого, Никифорова-Кюльмнюра), мемуары и документальные книги противников генерала (Строда, Байкалова), переписка, завязавшаяся со старшим сыном Пепеляева. Словом, перед нами вполне документальное повествование, жанр которого сам Юзефович обозначил как «документальный роман», снабдив свой текст вторым названием, уточняющим основной заголовок: «Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922–1923 годы».

Действуя как настоящий историк, подняв документально-архивные материалы и косвенные свидетельства разного уровня, Юзефович тем не менее идет дальше – пытается реконструировать трагические события почти столетней давности, восстановить человеческий облик их участников. Получается связный и захватывающий рассказ о том, как бывший колчаковский генерал Анатолий Пепеляев отправился в августе 1922 г. с несколькими сотнями добровольцев, назвавшими себя «Сибирская добровольческая дружина», из Владивостока в Якутию на помощь антибольшевистскому Нельканскому восстанию, как этот поход происходил (нечеловечески тяжело, сквозь голод, сорокаградусный мороз, безлюдные пространства Якутии) и как завершился (возвращением к Охотскому морю, почти добровольной сдачей оставшихся участников).

Однако, это не все. В том-то и заключается удача Юзефовича, что он сумел выстроить по-настоящему сложный, не поддающийся линейному пересказу сюжет, основой которого стал канонический, сотни раз обыгранный в пределах нашей темы конфликт – противостояние двух сил, двух правд, двух героев. С самого начала и до самого конца повествования проходит эта устойчивая параллель, организованная по всем правилам художественного сюжетостроения. Здесь есть пролог – история гибели анархиста Нестора Каландаришвили, как бы заранее сближившая два имени – Пепеляева и Строда. Есть экспозиция героев: друг за другом следуют главы, рассказывающие о происхождении и обстоятельствах жизни «мужицкого генерала» Пепеляева и «анархиста из Люцина» Строда. Есть основное действие – поход Пепеляева

в Якутию, кульминацией которого явилась осада Пепеляевым и оборона отрядом Строда юрты Карманова в крошечном селении под названием Сасыл-Сысы – трехнедельная «ледовая осада», которая превратилась позднее в «главное событие Гражданской войны в Якутии» (Юзефович 2017, 270). Развязкой этой сюжетной линии можно считать судебный процесс над Пепеляевым и его соратниками, состоявшийся в Чите в 1924 году, где в первый и последний раз герои-антагонисты встретились лицом к лицу и выразили друг другу «искреннее восхищение» (Юзефович 2017, 361). Эпилогом стал рассказ о дальнейших судьбах всех действующих лиц и, прежде всего, Пепеляева и Строда, разочаровавшихся каждый по-своему в своих идеалах и закончивших жизнь совершенно одинаково – в застенках ОГПУ.

Говоря о мемуарной книге Строда «В якутской тайге» (вышедшей в 1930 году и ставшей на какое-то время советским бестселлером), Юзефович так ее характеризует:

«Строд, сам того не желая, написал по природе героический эпос, где не добро борется со злом, а одни герои – с другими, и каждый из противников – лишь орудие высшей силы в лице «мирового капитала» или «мирового интернационала», враждующих между собой, как две партии олимпийских богов при осаде Трои. Космический мороз, инопланетные пейзажи с голыми скалами по берегам ледяных рек и бескрайняя тайга – подходящий фон для вселенской битвы» (Юзефович 2017, 385).

Однако такую книгу – подлинный эпос, где «орудием» враждующих высших сил оказываются два равновеликих героя, написал не только Строд, но и сам Юзефович, экзистенциально уравнивавший своих персонажей. Ведь в его трактовке и Пепеляев, и Строд, несмотря на их разность в происхождении, образовании, образе жизни, являются идеалистами и романтиками, способными на самопожертвование и благородные поступки. Их противостояние бессмысленно и в высшей степени трагично, ибо неизбежно, неотвратимо, а их финал лишний раз доказывает, что абстрактные идеи редко соединяются с нравственной правдой, и революции во все времена одинаково пожирают не только своих врагов, но и друзей.

На наших глазах волею и мастерством автора коллаж из документов преобразуется в художественный текст, убедительность которого тем очевиднее, чем очевиднее его осознанный мифоцентризм. В очертаниях исторической конкретики, детально воссозданных усилиями автора-исследователя, то и дело проступают контуры архетипические: поход Пепеляева за освобождение Якутии уподобляется «вечному сюжету» «о поиске ключа к бессмертию или к замку спящей царевны» (Юзефович 2017, 130), мифологическому походу аргонавтов за золотым руном; осада Сасыл-Сысы – такому же вечному сюжету обороны крепости (Юзефович 2017, 249); судьба Ивана Строда

– судьбе героя, победившего чудовище, мгновенно прославленного и столь же мгновенно забытого.

Вневременное, универсально-культурологическое значение, в общем-то, не очень известного эпизода Гражданской войны, связанного с пепеляевским походом, проступает в интерпретации Юзефовича так отчетливо еще и потому, что основной сюжет книги аккумулирует в себя великое множество различных исторических фактов, будь то свидетельства И. А. Гончарова, прошедшего в 1854 году перевал Джугджур; судьба В. Г. Короленко, написавшего в Амге рассказ «Сон Макара»; идея «сибирского сепаратизма» Г. Н. Потанина; истории якутских ссыльных – от Н. Г. Чернышевского до П. А. Куликовского; эпизоды из жизни врангелевского генерала Я. Слащева, читающего на курсах «Выстрел» лекции по тактике красному командиру Строду, или из жизни Манделыштама, оказавшегося в Воронеже одновременно с Пепеляевым.

Не искажая документальных фактов, Юзефович тем не менее наполняет их лиризмом, психологизмом, патетическим или трагическим пафосом, вводя стилистический анализ писем, дневников, воспоминаний, интерпретируя те или иные поступки своих подлинных персонажей, гипотетически представляя их чувства, делая собственные обобщения эмпирического, культурно-исторического или философского характера. Благодаря подобному совмещению разных способов художественного изображения и документально-исторического свидетельствования, в конце концов, получается нечто вроде саги о Гражданской войне в России. Автор этой саги всеведущ и отстранен, знание его бесспорно, философско-нравственный ореол изображенных событий поднимает их высоко над временем.

В своей известной работе «История и семиотика» Б. А. Успенский писал, что «культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса» (Успенский 1994, 9). Думается, книга Юзефовича вполне бы могла послужить иллюстрацией этого тезиса, ибо в ней налицо и культурно-семиотическое видение прошлого, и апелляция к точке зрения участников прошедших исторических событий. Иллюзия объективности, философичность возникают в результате дистанцирования автора от изображаемых им фактов, в то время как особую притягательность, убедительность и фактурность придают книге «голоса», звучащие из этого самого прошлого.

Второй, названный нами роман («Город в долине» А. Макушинского) – роман, в общем, филологический, поскольку разрабатывает тему творчества и творца, созидającego главное произведение своей жизни. Но этот творец – не писатель, не поэт, а кандидат исторических наук, преподаватель сначала Московского государственного университета, потом различных университетов Европы, задуманное им произведение – повесть о Гражданской

войне в России. Перед нами роман в романе: незаконченный текст повести некоего Павла Двигубского, кристаллизующийся внутри основного текста книги. Сюжетная канва крайне проста и в то же время замысловата. В центре авторского потока сознания находится история знакомства повествователя с Двигубским – в 1979 году студентом МГУ, затем ученым, деятельно поддерживавшим российские перемены начала 1990-х, потом – переехавшим во Францию профессором. Помимо старой дружбы повествователя и Двигубского соединяет литература: еще будучи студентом, Двигубский задумал написать повесть о Гражданской войне в России, и этот замысел мучает его на протяжении всей жизни, но текст так и остается незавершенным. Незадолго до своей преждевременной смерти Двигубский отправляет Макушинскому, другу и многолетнему слушателю, то, что никак не мог сложить в единый сюжет. Подготовка к написанию повести, разговоры о ней и ее героях, зачитываемые отрывки из нее, сохранившиеся черновики – вот она, сердцевина всего романа. Отсюда и название – «Город в долине», именно так должна была называться повесть Двигубского.

Что же мешает герою дописать задуманную книгу? Его усилия были поистине грандиозны: прочитал о Гражданской войне массу документальной литературы, причем литературы самой новой для тогдашнего времени, самой потрясающей (Р. Гуль, С. Мамонтов, Ф. Степун, И. Бунин, М. Пришвин), изучил архивные материалы, свидетельствующие о кратковременном возникновении некой Елецкой республики, придумал героев (Григорий, его брат Всеволод, товарищ Сергей), с которыми за долгие годы сроднился и которые стали для него внутренней реальностью, исписал целые тетради отобранными в разных источниках деталями и подробностями обращения и быта 1900–10-х годов. Но – ничто не помогло, повесть не состоялась, превратившись для своего автора в «злосчастный мóрок», пожизненное «наваждение» (Макушинский 2016, 363). Любопытно, что сам Двигубский, размышляя над собственным литературным творчеством, ощущает в качестве непреодолимой преграды «какую-то роковую несовместимость литературы с историей» (Макушинский 2016, 170). Понимает это и его оппонент, автор-повествователь, предложив однажды в качестве возможного выхода из тупика перенести действие в какие-либо абстрактные декорации, тем самым обобщив и символизировав происходящее. Но в том-то и беда Двигубского, что он не может и не хочет принять эстетику XX века, упорно желая создать роман на старый лад, т. е. роман психологический, реалистический, с глубоко проработанными характерами и детально прорисованными бытовыми подробностями. Однако психологической достоверности с чужого голоса не бывает, присвоить чужую ментальность, чужой опыт невозможно. Как бы ни выписывал Двигубский площадь города, куда пришел его Григорий, вид разграбленного имения, реплики офицеров и солдат – все (и он первый это понимает) отдает фальшью.

Не спасают ни знание биографии Р. Гуля, ни сцены из книги С. Мамонтова, ни взгляд на пореволюционную елецкую жизнь М. Пришвина. Нужны другая эстетика, другой язык, другой подход. И дело здесь отнюдь не только в том, что пришедшая в 1990-е годы лавина «другой», не советской литературы о революции и Гражданской войне перестала, наконец, в начале XXI века всех удивлять, но именно в том, что сами методы реконструкции этой болевой темы должным были измениться.

Л. Я. Гинзбург в записных книжках 1970–1980-х годов говорит: «Романы бесполезно читать, потому что этот вид условности перестал работать» (Гинзбург 2011, 305). Экстраполируя эти слова в область нашего интереса, можно сказать (по крайней мере, на опыте героя Макушинского), что романы (в традиционном понимании слова) о Гражданской войне сегодня «бесполезно» не читать, а писать, «потому что этот вид условности» и для современного писателя, и для современного читателя точно «перестал работать». В смысле литературно-художественного психологизма, предполагающего вживание в образ, тему Гражданской войны в России, по-видимому, можно считать закрытой, и попытки ее реанимировать вряд ли обернутся удачей. «Между историей и литературой» (Моретти 2014) можно устойчиво балансировать лишь тогда, когда – сошлемся еще раз на Л. Я. Гинзбург – в документально заданных исторических событиях и фактах писатель стремится раскрыть «латентную энергию исторических, философских, психологических обобщений», прокладывая «дорогу от факта к его значению» (Гинзбург 1999, 8). И это случай Юзефовича, чей «документальный роман» оказался и прочитан, и оценен не только членами жюри литературных премий, но и многочисленными рецензентами (Басинский 2016; Катаев 2017; Толстов 2015 и др.), чьи отклики репрезентативно отражают мнение современного российского читателя.

В целом, говоря об эмоциональном, интеллектуальном и художественном потенциале темы революции и Гражданской войны сегодня, приходится признать, что единственный надежный ресурс для нее – поднятые «под свет искусства» (В. Набоков) исторические свидетельства.

Библиография

- Басинский, П. (2016), Наследники Букера. В: Российская газета (28.11).
 Гинзбург, Л. Я. (1999), О психологической прозе. Москва.
 Гинзбург, Л. Я. (2011), Записные книжки. Воспоминания. Эссе. Санкт-Петербург.
 Катаев, Ф. (2017), Образная документальность. О романе Л. Юзефовича «Зимняя дорога». В: Вопросы литературы. 3, 236–241.
 Макушинский, А. (2016), Город в долине. Москва.
 Моретти, Ф. (2014), Буржуа: между историей и литературой. Москва.
 Толстов, В. (2015), Адвокат на суде истории. Леонид Юзефович. Зимняя дорога. В: Урал. 10, 208–210.

- Успенский, Б. А. (1994), Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва.
- Шляков, А. В. (2012), Феноменологические аспекты номадизма. В: <http://readr.ru/aleksandr-sehackiy-kniga-nomada.html> [доступ 1.03.2017].
- Юзефович, Л. (2017), Зимняя дорога. Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922–1923: документальный роман. Москва.

Людмила Сафронова, Эльмира Жанысбекова

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ АНАТОЛИЯ КИМА КАК КОНСТРУКТ СХИЗИСА¹

Mythological realism of Anatoly Kim as a construct of the schism

Ключевые слова: А. Ким, миф, образ, постмодернизм, психоаналитическое литературоведение, схизис

KEYWORDS: A. Kim, myth, image, postmodernism, psychoanalytic literary criticism, schism

ABSTRACT: The article, in the psychoanalytic and cognitive aspect explores the principle of constructing the poetics of a grotesque novel by Anatoly Kim "Centaur settlement". The novel is based on the connection of the incompatible, the synthesis of contradictions, characteristic of the schizophrenic schism: namely, mythological realism, man/beast, nomad/agriculturist, hysteria/obsession, the Christian archetype of God – the punisher/rescuer, etc. The appeal to the author's myth has the function of neutralizing oppositions, "escaping into health" – to a holistic worldview of a person and society.

«Зачем человеку миф?» – задается вопросом литературовед и психоаналитик В. Руднев. Затем же, зачем человеку в состоянии стресса (психотику) нужна галлюцинация: «Она нужна для превращения демона (то есть, в сущности, психотика) в человека» (Руднев 2014, 53). Тема дьявола, по сути, всегда синонимична безумию. Поэтому мотив сумасшествия (конского бешенства, человеческого безумия) – сквозной и в романе Анатолия Кима «Поселок кентавров», относимом литературоведами к мифологическому реализму, то есть соединению несоединимого, некоему шизофреническому схизису:

Охватившее лошадиную толпу яростное бешенство передавалось от этого места далее, все шире и шире – и вскоре все лошади, а за ними и кентавры, убиваемые завоевателями, стали попарно драться и убивать друг друга, заразившись неудержимым конским бешенством (2, 207); [возникла] внезапная стадная паника в их рядах, стадное сумасшествие и гибель, обаянных единым безумием кентавров (Ким 2013, 307).

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта AP05136097 Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан в КазНУ им. аль-Фараби.

Без/умие, по мысли Руднева, превращает психику в хаос, возвращает к мифологической до-дифференцированности:

Что такое психотическое мышление человека, который находится в состоянии ни сознательного, ни бессознательного? Он находится в состоянии мифа, т.е. в состоянии нейтрализации (ни сознательный, ни бессознательный; ни живой, ни мертвый; ни спящий, ни бодрствующий; ни одушевленный, ни неодушевленный) (Руднев 2014, 50).

Во сне, бреде, шизофренических галлюцинациях (в бессознательном – аналоге творческого процесса, по З. Фрейду) и рождаются химеры, – например, как пишет Руднев, пушкинский «Полужуравль и полукот» из «Евгения Онегина» (Руднев 2015, 190 и 245). Химерична и сама шизотипическая личность в мифе, состоящая из осколков: Id-человек (конь + человек). По Фрейду, именно сон разума (сознания) рождает чудовищ-оборотней: человека-волка, человека-крысу (Человек-волк 1996), а также «полуживотный мир» кимовских кентавров, конеподобных мохнатых чудищ с короткими руками² – *причудливых конелюдей* (Ким 2013, 173), *женокобылиц с раскосыми глазами* (Ким 2013, 179), стадо *бесноватых кентаврят*. И «...нет у этих причудливых конелюдей должной памяти, [...] словно у человеческих младенцев» (Ким 2013, 173).

Причудливое мифологическое мышление, согласно концепции М. Кляйн, интерпретируется как возврат на шизоидно-параноидную «младенческую стадию развития» как в оттогенезе отдельного человека, так и в филогенезе всей нации и цивилизации: «Параноидно-шизоидная позиция – примитивная организация психического аппарата, характеризующаяся проявлением первоначальных переживаний ребенка, сопровождающихся возникновением страха перед воображаемым разрушением, его уничтожением» (Руднев 2014, 23), так как, по мнению Кляйн, с самого начала жизни младенец переживает тревогу, связанную с «работой инстинкта смерти» и переживанием собственного рождения (Кляйн 2000).

Исходя из этой концепции, миф, по сути, является погружением в бессознательное (прежде всего – в травму рождения и смерти), так как у современного психотика, как и у древнего человека, место сознания занимает бессознательное, выраженное в образах с редуцированными логическими связями. «[...] миф является странным объектом» (В. Руднев), он «инструмент по уничтожению времени» (К. Леви-Строс), «нейтрализатор всех оппозиций» (А. М. Пятигорский), в его высказываниях господствует конъюнкция, а не дизъюнкция (Е. М. Мелетинский), то есть он может шизофренически одновременно утверждать противоположные вещи (см.: христианский архетип

² Руки – символы созидания, в отличие от ног – символов разрушения (Руднев 1999).

бога-карателя/спасателя в романе Кима), поскольку в мифе высказывание и реальность слиты во «всеобщем оборотничестве» (А. Ф. Лосев).

Как считают психоаналитики, первобытное мышление было психотическим (Руднев 2014, 92). Психотик внутреннее проецирует как внешнее и наоборот, так как интроекция (идентификация, поглощение любимого объекта) и проекция (галлюцинации) для него – механизмы защиты психики от провала в полное безумие. Так как реальность современного человека «фундаментально ненадежна» (В. Руднев), метафора, метаморфоза, оборотничество и в широком смысле все художественные «превращения» – есть представление внутреннего как внешнего, порождающего неомифологическую модель мышления с ярко выраженной психотерапевтической функцией.

Следующая за шизоидно-параноидной позиция развития ребенка – орально-депрессивная, она менее примитивна, однако и она еще не делает младенца полноценным человеком, оставляя его в поле действия инстинктов: «Голод сводил с ума кентавров, пустота брюха вытесняла все человеческое и сдвигала их гораздо ближе к скотскому» (Ким 2013, 209). Как считает У. Бийон, эти две позиции чередуются на протяжении всей жизни человека, актуализируясь в зависимости от стадии развития и воздействия стресса, который снова и снова возвращает человека к фиксации на детских травмах и тревогах (Бийон 2008).

Депрессивная позиция связана, обычно, с депривацией, отдалением ребенка от матери или ее утратой:

Когда-то жеребцы *текусе* амазенок, а может быть, и наоборот: человеки кобылиц. Появились от этого мы, кентавры. А потом лошади прогнали нас от себя: мол, у ваших кобыл вымя не сзади, а спереди, не снизу, а сверху, и не одно, а целых два. Мы ушли от лошадей и отправились к амазонкам. А эти вовсе повернулись к нам задом: мол, выкусите это, звери, не рожали мы вас, никогда не давали жеребцам и привычки такой не имеем. Вас родили, мол, кобылы, которым понравились *малмарайчики* человеческих самцов, этих несусветных паскудников. Вот почему вы такие уроды, скоты и чудища – пошли вон! И амазонки стали нас расстреливать из своих дальнобойных луков, протыкать нас стрелами с железными наконечниками, знаменитыми *зюттиями*. Мы побежали от них, но с другой стороны понеслось на нас видимо-невидимо самых свирепых и диких жеребцов (Ким 2013, 248).

Каждый депрессивный хочет утраченной материнской любви, а не сурового мужского Суперэго, в которое превращаются кимовские амазонки – «злонамеренные андрофобки», вариации авторитарной «шизофреногенной матери», «Амазонской стервы, которая хочет ездить на мужике, как на лошади...»; «Лысой Елены, у который растет рыжая борода... Понятно теперь?» (Ким 2013, 266).

Кулыт великой матери у земледельческих народов, представленных в романе дикой лошадиной ордой, трансформируется одновременно в эдипово богоборчество кентавров и с амазонками (фаллическими матерями), и с лошадьми (отцами-земледельцами):

Жестокие войны между кентаврами и лошадьми шли с незапамятных времен» (Ким 2013, 46). Кентавры (кочевники), «Как привыкли ... верхом на животных существовать, так и оседлывают себе народы-земледельцы, завоевывая их, мирных-травоядных, – и потом существуют, точнее: сосуществуют с ними в качестве второго их этажа: составляя сословие господ-военачальников, восседающих верхом на земледельцах-ремесленниках, как ранее на своих конях и овцах. [...] Ислам – кентавр всячески: человек – на коне, кочевник – на земледельце, мужчина – на женщине, господин – на рабе. Нет прямого отношения к земле. Приближен к небу мусульманин», – интерпретирует явление кентавризма как историю становления древних азиатских народов-кочевников Г. Гачев (2007, 363 и 366).

В работе с пациентами с депрессивными и шизоидными свойствами психоанализ обычно вскрывает фиксацию на ранних детских переживаниях (Кляйн, Бийон). «Почему депрессивный так боится своей матери? Но у него, в сущности, нет матери. Есть только грудь – или скорее две груди – хорошая грудь и плохая грудь» (Руднев 2017, 90). Отсюда и «безымянный ужас» такого пациента на всю оставшуюся жизнь. Органично вписывается в психоаналитическую концепцию мифа Руднева/Кляйн и акцентированная «одногрудость» кимовских *солдатих-амазонок*, с которыми их дети-кентавры ведут эдипову войну. «Материнская грудь может быть «хорошей», но она, как показывает примитивный опыт ребенка, может очень скоро стать плохой, т. е. перестать кормить и исчезнуть, и тогда против нее придется принимать маневры, связанные с проективной идентификацией и всемогущим контролем, галлюцинаторно разрушать ее как смертельного врага» (Руднев 2014, 90).

[...] Специфика космоса ислама в том, что только совместная встреча – симбиоз и биоценоз – кочевников с плоскогорий и земледельцев с плодороднейших долин великих рек и образует природную платформу для Космоса ислама; только при этой взаимной друг на друга ориентированности: кочевников и земледельцев – мир ислама образуется, субстанцию свою имеет (Гачев 2007, 365).

Необходимость и невозможность такого кентаврийского (кочевнического) биоценоза и порождает схизис в кимовском мифологическом мире, задавая этапность сюжетного развертывания по шизофренически цикличной траектории, не имеющей логического завершения.

Параноидальным мотивам в «Поселке кентавров» («Все враги, думал Пуду; кто не кентавр, тот и враг» (Ким 2013, 189) наследует сюжет инициации,

манифестирующее состояние депрессии из-за депривации и ее преодоление. Депрессия, связанная с обрядом инициации, представляет собой как бы временную смерть: кентавры Кима и живут в *глухой тоске и безысходности под тусклыми рассветами*, и умирают в депрессивной позе, «Скорчившись на земле животной своей половиной и ссутулившись человеческой, сунув скрещенные руки под мышки, так и зачоченев в однообразном виде по всей долине вокруг поселка» (Ким 2013, 207). Иницируемый в мифе и фольклоре должен пройти через систему последовательных психологических испытаний: потерю родителей / ближайших родственников, потом, удалившись в инициационный дом (поселок кентавров), потерю «всего мира», а затем краткосрочно как бы «потерять» жизнь. Такова и сюжетная канва романа Кима.

Еще одна из форм инициации – поглощение иницируемого чудовищем и затем извержение из его чрева. Вариантом такого поглощения может быть зашивание иницируемого в шкуру животного (Пропп 2000). Этот же мотив отмечается О. Ранком в волшебных сказках и мифах, когда мать вскоре после рождения закупоривает сына в бочку или корзину и бросает в море. Бочка – это символическая материнская утроба/могила³, а море – символ околплодных вод (Кейпер 1986) и возрождения через испытание: мать как бы отбрасывает ребенка от себя, создавая подоснову депрессии/инициации. В «Поселке Кентавров» Кима этот мотив присутствует в сцене поглощения кентавров крокодилами и высвобождением из их чрева, а также эпохальным переходом дикой лошадиной орды через символическую реку – пограничье между кочевниками и земледельцами.

Цель временной смерти – создание депрессивной позиции, которая несет функцию инициационного испытания, пройдя через которое герой сможет обходиться без матери, то есть стать настоящим, сильным мужчиной. Здесь и проясняется связь между инициацией, депрессией и травмой рождения в кимовском романе, то есть, по Рудневу, связь между интроекцией-поглощением собственного Я, историей пророка Ионы (мотивом искупления – возвращения) и стремлением «обратно в утробу» (Руднев 2014, 95). Или, в более широком смысле, это история поглощения/исчезновения этноса в процессе становления всемирной истории по циклической мифологической модели «исполинского деревянного колеса» (Ким).

В итоге в стратегической перспективе симбиоз всех мотивов и сюжетных ходов романа образует мифологический сюжет первоначала – первотворения (рождения) и смерти («плавного ухода в небытие кентаврийского народа» – Ким 2013, 246): «Народ уходит в Большую смерть» (Ким 2013, 251).

³ Женская утроба в мифологических представлениях отождествляется с могилой, как и в амбивалентном образе «матери сырой земли» (Руднев 2017, 125–128).

Одинаково хорошо владевшие и правой и левой рукой одногрудые амазонки – как бы следующая генерация на лестнице всемирной истории, медиаторы между правополушарными древними народами, по преимуществу левшами, живущими инстинктами, и левополушарными правшами (Николаенко 2007), преобладающими в современном мире. Хотя и «слава о них будет вечно стоять в мире», однако амазонки (химерические фаллические матери) тоже оказываются вычеркнутыми из всемирной истории, как и кентавры – древние кочевники, стоящие у подножья древа человеческой цивилизации (Ким 2013, 272).

Однако «двухэтажный среднеазиатский космос», химеричность кентавра, поначалу только кажется *соединением* кочевников и земледельцев (по Г. Гачеву), а на самом деле это не соединение, а *распад* – эквивалент мифологической/ шизотипической ментальной бессвязности. Как пишет Кляйн, «[...] одновременно с жадной и опустошающей интернализацией объекта – в первую очередь груди – Эго в различной степени фрагментирует себя и свои объекты и таким путем достигает распыления деструктивных импульсов и внутренних персекуторных тревог» (Кляйн 2000, 36). Таким образом, смысл постмодернистского расщепления и деструкции как неомифологического приема в кимовском тексте может таиться в снятии психологического напряжения и депрессивной тревоги самого воспроизводящего лечебный неомифологический нарратив, то есть автора.

В такой ситуации и возникает «негативное чудо»: создаваемый неомиф не тестирует реальность, а человек с мифологическим мышлением эту реальность ненавидит, не доверяет ей, и, как все психотики/невротики, боится ее (Руднев). Причем вместо реальности «психотик тестирует свое тело, он ненавидит свое тело, он его отрицает как часть реальности, которую он тоже отрицает» (Руднев 2014, 52). Реальность настолько непереносима, что нормальный человек уходит от нее в иллюзии, и лишь писатель-мифотворец остается в истине/бессознательном, воссоздавая реальность своего травмированного внутреннего мира.

По Биону, мифологическое мышление есть «нападение на связи», следствием чего становится не только разорванность сознания, но и буквальная «разорванность тел» персонажей, их диссоциированность (Бюн 2008):

После четвертого выстрела произошло нечто замечательное: левая нога отделилась от правой, обретя совершенно независимое скакание, хвост также отделился, продолжая самостоятельно махать, распалось единое тело, и обнаружилось, что оно до сих пор было ничем иным, как союзом независимых членов! (Ким 2013, 191).

Одинокая задняя нога Пуду, когда-то раненная стрелой и теперь отделившаяся от него, резво подскочила к нему по лужайке и стала лгнуть нежно, словно соскучившаяся по хозяину собака. Оглушенный падением кентавр, тщетно

пытавшийся подняться на ноги, сначала просто отстранил ее рукою, затем, когда нога вновь полезла ласкаться, Пуду схватил свою *чимбо танопото* за мохнатую бабку и далеко отшвырнул лошадиную ногу от себя (Ким 2013, 192).

По Биону, причина продуцирования подобного дискурса – психотическое «нападение на системность» (Бион 2008), проектирующее и телесное увечье персонажей: «По представлению диких лошадей, четвероногое существо, потерявшее хоть одну конечность, уже не могло считать себя принадлежащим к миру радостных елдорайцев, бодро скачущих на пастбищах жизни. Несчастного должен был обязательно добить кто-нибудь из сильных и здоровых [...]» (Ким 2013, 205). «Связь, система – это символ организма, живого, а безумие – это символ и одновременно возврат к смерти, которая является распадением всего» (Руднев 2014, 16).

Поэтому самый большой страх для психотика – это страх фрагментации: психотик боится, что его психику или тело «разнесут на куски» (Руднев 2017, 94). Кафка, страдающий шизофренией, в «Письме к отцу» признавался, например, что больше всего боялся в детстве своего отца, в пылу гнева угрожавшего, что «разорвет его на части».

Мифологическая реальность галлюцинаторна, алетична, там возможно все, как и в сновидении, основанном на механизме метаморфозы. Поэтому «всеобщее обротничество» (Лосев), «полифоническое тело» кимовских кентавров, составленное из разных фрагментов психики (прежде всего, сознания (отца) и бессознательного (матери)), остается базовым и для современного неомифологического текста.

Хаотичный мир правополушарных переживаний и образов наполнен фрагментами «разбитых» компонентов психики, в первую очередь холерической агрессии (у истероидов правое полушарие доминирует (Блейер 1927), «привнося элементы ужаса в ее хаотическое переживание, давая начало вселяющим испуг галлюцинаторным переживаниям» (Руднев 2014, 109). Поэтому в эротико-философском романе-гротеске «Поселок кентавров» так много крови, насилия и смертей, в том числе обезглавливания – символического обозначения кастрации, доминантного страха истероида: вождь Пуду насмерть задавил пятерых кентавров, поотрывал многим головы и руки,

И забурлил бешеный водоворот на площади – кентавры дрались и кусали, уже не разбирая, кто кого. Ржали, как дикие кони, вскидывались на дыбы, таскали друг друга за волосы, крушили ребра, лягались задними ногами (Ким 2013, 170).

Как пишет Г. Гачев про цивилизацию древних кочевников, «Небо = гильотина, [...] поэтому головы легко отсекают в истории и литературе..., и крови там много течет» (2007, 168).

В мифе человек еще слишком близок к животному миру, к своему природному, инстинктивному началу, которым не управляет и которого страшится. И экстраекция (вытеснение травмы в виде галлюцинации) позволяет писателю-творцу мифологического текста сохранно существовать в некоем безопасном пространстве, пусть и психотическом – некоем галлюцинаторном рае, которого может достичь, как считал Е. Блейер, только талантливый писатель-психотик.

Не случайно один из последних романов Кима называется «Радости рая». Не случайно и степь в романе Кима названа *раем* для лошадиного племени с выходом его в невидимый мир через ровный *левый* (сакральный) берег реки. А за паранойяльной *завесой мира* прячутся у него те, кто «наблюдает и смеется» над персонажами – четырехпалые *каратели/спасатели* (Ким 2013, 191), *незримые режиссеры, хохочущие над муками пьяных рабов*, пришельцы, удаляющие из пространства целые «не получившиеся» древние народы (Ким 2013, 269).

Отрезание пальца – известный кастрационный мотив (Л. Толстой «Отец Сергей»). И этот эдипов, богоборческий мотив ошибки, допущенной Создателем, также сквозной для Кима – творца мифологического мира, из романа в роман мегаломанически конкурирующего с Творцом всего мироздания («Белка», «Онлирия», «Радости рая» и др.). «Писатель поневоле берет на себя отчасти функцию Творца и этим оскорбляет Бога», – пишет Руднев (2017, 119–120).

Как правило, экстраекция (галлюцинации) – это психологическая защита для их носителя от невыносимой душевной травмы (Руднев 2014, 69). В случае с Кимом эта травма – война (смерть) и сиротство (утрата матери). По наблюдению психоаналитиков, галлюцинаторным раем, лечебным для психики, становится в таком случае любая эзотерическая мистическая система. Такая, например, как метаконцепция «Розы мир» шизофреника Даниила Андреева, который так же, как и Ким, говорит на базовом языке мифа с помощью архетипов и мифологем, транслируемым ему некими галлюцинаторными голосами на «тарабарском» языке.

Мифологический дискурс держится на схизисе, антитезе. Если есть рай, то должен быть и ад: молодежь, цвет кентаврийской нации, погибает в пожаре – «огненном бурлящем аду», как будто принесенная в жертву какому-то неизвестному и непостижимому замыслу. Симптоматично у Кима и обилие библейских мотивов: «Тогда-то он и понял скрытый ход действий невидимых спасателей. Если человек хотя бы раз в своей жизни подумает о ближнем своем, умирающем, как о самом себе, то такого человека они примечают и в нужный момент приходят на помощь» (Руднев 2017, 260).

По сути, «миф шизоида – это интеллектуальный научный миф, миф о возникновении человеческого языка» (Руднев 2017, 92). Мифологический

дискурс (по Рудневу, психотический язык на паранойально-шизоидной позиции личности) наполнен новоязом – «тарабарскими» речевыми конструкциями:

Мен юн ламлам, рекеле! Чиндо кугай, Кутереми-колипарек, бельберей малмарай!
Коровапунде сулакве, чирони мерлохам текусме. Мяфу-мяфу! (Ким 2013, 209)

и неологизмами (кентаврскими словами), выполняющими у Кима функцию эвфемизмов, табуированных образов из бессознательного – Танатоса (Серемет лакай – Быстрая смерть) и Эроса (анальной и сексуальной лексики (елдорай (фаллос), текусеме (половой акт), раккапи текус (навозные дырки), ккапи (экскременты), а также первобытным антропоморфизмом – «Мау стрела укусила (как обычно говорили кентавры: стрела укусила, меч укусил)» (Ким 2013, 173). Разорванная отступлениями композиция «Поселка кентавров» становится паттерном для странных (мифологических) персонажей, странных поступков и явлений, среди которых автор и читатель пребывают, находясь в бредево-галлюцинаторном состоянии со-мифотворчества.

«Гирлянды афоризмов» в неомифологическом тексте отзеркаливают правополушарный перечислительный метод мышления, гештальтность восточного мышления (Черниговская 2017, 45). Как пишет Гачев, у древних поэтов-кочевников мышление переборно-числительное: это перебор и вариации одного и того же, все множества тут «счетные» (2007, 378). В отличие от развернутых, как древесные ветки, кумулятивных сравнений в современном западно-европейском словесном искусстве, для восточного текста, напротив, характерно сворачивание тропов до «зерна образа» (Гачев 2007, 377):

демон Неуловимый–Повествователь–Евгений бедный–Священник–опухоль в гортани Надежды–компьютерный вирус–господин Мэн Дэн–трость Орфеуса–Валериан Машке–бродяга–Дон Хуан–Фауст–Григорий Распутин–канализационная система Москвы–революционный переворот 1917 года–чешуйка рыбы–кнопка фонаря–голубая рыбешка–военный самолет–ничто; демон Келим–русская старуха–турок-мехетинец–финка Эрна Парркконен–парень в майке–негр–шахтер–забастовщик–сигнал на ленте магнитофона–капля влаги–военный самолет–печальный демон, дух изгнания–заплата на мешке–ничто (Ким 2000, 178).

Это левополушарный лексический список, хранящийся в мозге как бы отдельно от левополушарных синтаксических связей (Черниговская 2017).

Простое перечисление, преобладающее в стилистике Кима, – следствие и психологического шока, в котором, судя по его лейтмотивным темам и образам, долгие годы находится автор, травмированный в детстве войной: в его тексте связи как бы распадаются от ужаса (Гаспаров 1971).

Депрессия и обсессия обычно тесно связаны. Обсессия – следующий этап становления психики ребенка. Обсессивные образы в романе Кима особенно многочисленны – пыль, грязь, лошадиные экскременты. «Грязь/ полная захваченность прошлым ассоциируется также со смертью, с «мертвым». Это соответствует и стадильности инициации, когда подросток как бы отправляется в хтоническую мертвую зону, где [...] «встречается» с душами предков, где время останавливается и собственно совершается подготовка к статусному рывку» (Сафронова 2012, 243).

Фрагментированный шизотипический дискурс, в котором все «разлетается к черту на куски» (Руднев 2014, 64), скрепленный цитатами и реминисценциями, отсылающими к иным художественным мирам, есть тоже проявление ананкастической поэтики повтора, служащей стабилизации психики и успокоению автора и читателя.

В анамнезе ананкастического интертекста можно диагностировать, как правило, и добавочные неврологические симптомы, к которым тяготеет автор, заимствующий чужой дискурс /способ мышления. В кимовском интертексте из «Гулливера в стране лилипутов» Джонатана Свифта очевидна, например, микропсия, «синдром Алисы в стране чудес»⁴ («карликовые галлюцинации» или «лилипутское зрение»): «Видывал я такое в селениях карликов» (Ким 2013, 183).

По наблюдению А. В. Поповой, «Жанровое содержание повестей Кима – изображение «истории духа» – определяет соответствующий тип характера, особенности сюжета» (Попова 2011, 12). Поскольку любая психическая конституция, как считается в психоанализе, представляет собой определенный нарратив, можно выстроить и соответствующую взаимозависимую схему: психотип автора – психическая акцентуация персонажа – мотив – сюжет.

Постмодернистская (мозаичная, шизотипическая) модель мышления в романе, как уже отмечалось, характеризуется разорванной композицией, неологизмами, тарабарским языком, «хохотом над утопающим сородичем» – гебефреническим смехом: «Удивленные *томсло* (люди) наблюдали за кентаврской Быстрой смертью и не могли взять в толк, почему *серемет лагай* сопровождается столь бурным весельем, боковым дурашливым поскоком прыгающих кентавров, умирающих под ударами кизиловой балды с широко разинутой от смеха зубастой пастью» (Ким 2013, 190).

Паранойяльный бред преследования (христианский сюжет преследования Иисуса) продуцирует сюжет ошибки, *qui pro quo*. Следующая стадия паранойяльного дискурса – мегаломания. Мегаламаническим характером

⁴ «Синдром Алисы в стране чудес» или микропсия – «дезориентирующее неврологическое состояние, которое проявляется в визуальном восприятии человеком окружающих предметов пропорционально уменьшенными» (Руднев 2014, 105).

наделен кентавр Пассий, как бы гумилевский пассионарий и культурный герой романа Кима, образ которого восходит к распятому на кресте Иисусу. Пассий привязан (распят) к дереву в стане людей, являясь образной цитацией христианского мифа о Боге-отце и Боге-сыне: «Отец шизоида [...] Это, как правило, авторитарный, хотя и утонченный человек, который испытывает своих сыновей на прочность. [...] Шизоид – тень своего отца» (Руднев 2017, 91). По Юнгу, обретение Самости есть Христос, это «сокровище позитивных смыслов»; по В. Рудневу, бессознательное – это нечто вроде Царства Небесного (Руднев 2014, 98).

Однако, как считает Фрейд, в первую очередь бессознательное – это «сборник вытесненных плохих содержаний». В шизотипическом мире романа Кима можно обнаружить и обширный вытесненный истероидный компонент: например, типично для истероида акцентирована телесность и природность персонажей. По Киму, кентавр – животное, которое хочет только спать, есть, размножаться и «склонно к ничегонеделанию» (Гачев). У кочевников опора и модель-образец – не растение, а животное, горизонталь. К животному началу в человеке писатель относится резко отрицательно. Ким – толстовец, а Л. Толстой понимал плотскую любовь как насильственную смерть.

Истероидный сюжет – это схема *qui pro quo* (буквально «одно вместо другого»; путаница, недоразумение). Кочевник – истероид, живущий хаотично, эмоциональными порывами и в настоящем времени. Земледелец – компульсивный невротик, ананкаст (от др. гр. *ananke* – судьба), живущий прошлым в мире ритуала, повторения.

Если в западной цивилизации личность «зарывает себя в землю», так как земля – продолжение земледельца, «то труд кочевой цивилизации – в еде, а не в производстве» (Гачев 2007, 362). Оральная (обжорство) и фаллическая фиксации (фаллические объекты – оружие, одновременно порождающий и разрушающий механизм), гибель брошенных стариков, умирающих голодной смертью и непохороненных («Кентавры – небо верхом на земле, горизонтально подвижны и понятия «корней» чужды» (Гачев 2007, 231). «Кентавры не знали мнительного страха и жалости при виде умирающего ближнего, и этим объясняется их равнодушие к павшим на поле боя соплеменникам, которые валялись еще несколько дней среди луга, задрав к небу копыта» (Ким 2013, 163). Нет жалости у древнего племени даже к своим отцам и предкам (Ким 2013, 166).

Истероидный компонент часто сочетается со своей противоположностью – obsессией, модальности которой противостоит (как бы является «судьей», СуперЭго) хаотичной, инстинктивной истерической части личности. На самом деле жанры-монады соприкасаются. Например, компульсивный характер с истерическими напластованиями. Бывают и полижанровые психические конструкции (мозаические): полифонический (шизофренический)

характер, эпилептический, эндокринный (гомосексуальный), органический (Бурно 2006; Волков 2000). А какие конституционально-жанровые структуры имеются в мифе?

Там есть все сразу. Все характеры, вернее, их зачатки, есть в мифе [...] в мифе все характеры слиты. В мифе нет беспокойства жанра, оно появляется после распада мифа (Руднев 2017, 80).

Как пишет А. Р. Хайрутдинова, работающая с текстами Кима,

частотным является употребление автором таких лексем, как: жизнь, смерть, любовь, ненависть. Они позволили нам выделить две главные и смыслообразующие оппозиции для всего творчества писателя – это оппозиции «жизнь-смерть», «любовь-ненависть», которые, по нашему мнению, находятся в отношениях корреляции в художественной картине мира писателя». [...] Любовь, как известно, – это истороидный компонент, а ненависть – обсессивный. «Бинарные оппозиции в текстах произведений отражают индивидуально-авторское мировосприятие; способы языковой объективации оппозиций устанавливают эстетические связи компонентов текста с его концептуальной целостностью и определяют особенности идиостиля художника слова (Хайрутдинова 2012, 15 и 13).

Как отмечает А. В. Попова, «в зарубежном литературоведении прозу писателя принято рассматривать в контексте направления магического реализма вкупе с постмодернистской поэтикой («Поселок кентавров», «Сбор грибов под музыку Баха») и даже с маргинальной культурой («Поселок кентавров») (Попова 2011, 5). Именно постмодернистским расщеплением (деконструкцией) изначально положительного (в греческой мифологии) образа кентавров (полулюдей-полубогов) и объясняется мозаичность психических радикалов персонажного ряда кимовских образов, в симбиозе образующих искомую для восточного автора личностную целостность.

Реализацией обсессивного сюжета в романе является история Иова, манифестирующая возвращение к своим ошибкам, гиперреальность и компенсаторность (бумеранг) судьбы:

Возможно, всего этого и не было, великого испытания любовью к ближнему, которая проста, ясна, чиста, всемогуща и счастлива, – наверное, всего этого еще не было. Ни спасения, ни испытания, иначе почему, почему он не выдержал его? (Ким 2013, 262).

Обсессивный компонент представляет и купец-ананкаст с судьбой Иова, собирающий пуговицы (=деньги) погибших людей для обмена их на кентаврийские ценные растения, и шире – вся человеческая раса в целом, заикленная на обретении богатства: «Люди хотят быть богатыми – в этом смысл их жизни». Фрейд в работе «Тотем и табу» объяснял ненависть обсессивного невротика

к богатому человеку (то есть к символическому отцу) и желание ему смерти эдипальной проблематикой. «Эдипальная проблематика регрессивно окрашивается в анальную, поскольку это обсессивный дискурс» (Руднев 2017, 175).

Ким как бы все время экспериментирует, пытаясь объединить Запад и Восток, небо и землю, кочевников и земледельцев: «По отцу (небо, верх) запад и восток одинаковы, только по утробам матерей (низ, земля) разные» (Гачев 2007, 360). Но опыты его не увенчивались до сих пор успехом, все время обнаруживая некую ошибку Творца, провоцирующую бесконечное возвращение к началу, т. е. первотворению.

По Гачеву, у древних кочевых племен не было еще «Я» личности и свободы воли, тенденции «пробиваться сквозь жизнь, самому строить свою судьбу», они делали то, что им назначено, предопределено. Поэтому кимовские кентавры совершенно беспомощны в поединке: «нападать и защищаться в одиночку никто не умел» (Ким 2013, 202). Толпа кентавров – единое звериное тело (Ким 2013, 158). Личность у древних кочевников на всех одна, она небесная, отцовская (Гачев). Отсюда тяготение ко всеобщим категориям, к Единому, к общим принципам бытия и познания: не рассказывание случая/происшествия, а приведение случая к общему знаменателю и обуславливает жанровое тяготение восточной литературы к жанру притчи, выделившейся из мифа. На вечность, вечные ценности всегда нацелен рассказчик с восточным менталитетом, так как для Востока фундаментальна «идея предвечной статики, предрешенности бытия», мотив «обратного знания» (предсказаний) и ценности Неба (авторитарного отца) (Гачев 2007, 381).

Карнавалы гротеск выполняет жанрообразующую функцию в романе «Поселок кентавров», что воплощается в «поэтике телесного низа», гротескных образах тела». Оскопленный Пассий, культурный герой эротико-гротескного романа Кима, вынужден жить умом. «Но тот, кто не *елдарайствует*, тот не живет» (Ким 2013, 258). Как пишет А. В. Попова об изображении героев в пограничных ситуациях, «Типу героя рефлексизирующего, дисгармоничного, воплощающего «коллизии познания», противопоставлен тип «естественного человека», внутреннюю силу и цельность которого составляют простота, смирение, связь с природой» (Попова 2001, 6). Однако Кима, как показывает практика, не устраивает ни один из этих образов-персонажей, взятый в отдельности.

Сознание, отделенное от жизни сердца, по Киму, это тоже ложная личность. Миф именно потому есть «бегство в здоровье», что он дает целостную картину человека и реальности, в этом и состоит функция обращения к неомифу восточного автора. Автор пишет в аннотации к своей книге:

В романе-гротеске «Поселок кентавров» в буффонаде мифологической фантазмагории поведано о том, почему бездуховный кентавр, исповедующий сугубо

материальное, грубо материальное и безбожное, обречен на историческое исчезновение. В кентаврах легко угадывается советский обыватель (Ким 2013, 4).

Индивидуация предполагает некий путь, долгую историческую инициацию, который должен пройти человек, и кимовский идеальный герой еще в пути к ментальной целостности и психическому здоровью.

Библиография

- Бион, У. (2008), Научение через опыт переживания. Москва.
- Блейер, Е. (1927), Аутистическое мышление. Одесса.
- Бурно, М. Е. (2006), О характерах людей. Москва.
- Волков, П. (2000), Многообразие человеческих миров. Москва.
- ГАСПАРОВ, Б. М. (1971), Из курса лекций по синтаксису современного русского языка. Простое предложение. Тарту.
- Гачев, Г. Д. (2007), Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. Москва.
- Кейпер, Ф. Б. Я. (1986), Труды по ведийской мифологии. Москва.
- Ким, А. (2000), Онлирия. Москва.
- Ким, А. А. (2013), Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Радости рая. Владивосток.
- Кляйин, М. (2001), Заметки о некоторых шизоидных механизмах. В: Романов, Ю. И. (ред.), Развитие в психоанализе. Москва, 78–90.
- Николаенко, Н. Н. (2007), Психология творчества. Санкт-Петербург.
- Попова, А. В. (2011), Проза А. Кима 1980–1990-х годов. Астрахань [автореферат диссертации].
- Пропп, В. Я. (2000), Исторические корни волшебной сказки. Москва.
- Руднев, В. П. (1999), Тема ног в культуре. В: Байбулин, А. К./Белоусов, А. Ф. (ред.), *Studia metrica et poetica*. Сборник статей памяти Петра Александровича Руднева. Санкт-Петербург, 134–147.
- Руднев, В. П. (2014), Странные объекты: Феноменология психотического мышления. Москва.
- Руднев, В. П. (2015), Логика бреда. Москва.
- Руднев, В. П. (2017), Принцип предопределенности: Жизнь против жизни в параллельных мирах. Москва.
- САФРОНОВА, Л. В. (2012), Модель эмиграционной идентичности. В: Нефедова, Л. А. (ред.), Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Челябинск, 212–221.
- Хайрутдинова, А. Р. (2012), Бинарные оппозиции как способ концептуализации художественной картины мира А. А. Кима (на материале произведений «Онлирия», «Близнецы», «Поселок кентавров»). Казань [автореферат диссертации].
- Черниговская, Т. В. (2017), Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. Москва.
- Юдин, А. А. (ред.) (1996), Человек-Волк и Зигмунд Фрейд. Киев.

ALEKSANDER KIKLEWICZ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Czelabiński Uniwersytet Państwowy

FASCYNACJA JAKO KATEGORIA KOMUNIKACJI W INTERNECIE (NA PRZYKŁADZIE ROSYJSKIEGO PORTALU RAMBLER.RU)¹

Fascination as a category of communication in the Internet (on the example of the Russian portal Rambler.ru)

WYRAZY KLUCZOWE: media masowe, styl dziennikarski, komunikacja w internecie, selekcja informacji semantycznej

KEYWORDS: mass-media, journalistic style, mass communication, attractiveness, selection of semantic information

ABSTRACT: The subject of this article is fascination as a type of communicative influence on the addressees, the purpose of which is to attract or retain the attention to the message and/or its source. In public communication, fascination serves to activate the processing of semantic information, to create a positive image of the source of information and its preferences in the face of increasing market competition, the prolongation of communicative contact as an opportunity to distribute the advertising copies. Fascination is one of the definite characteristics of modern media culture. Fascination as a stylistic phenomenon is based on different means, which fall into four categories: the language code, the cognitive system (mental thesaurus, worldview), the system of social relations, and the physical environment. Semantic information is subordinated on the Internet to the principle of attractiveness. This concerns such its characteristics of it as the preference for events in the sphere of politics, occasionality, sensationalism, dangerous trains, intracultural attitude.

1

Internet odziedziczył podstawowe zasady retoryki dziennikarskiej, wyolbrzymiając wybrane aspekty oddziaływania na odbiorców przy zastosowaniu najnowszych narzędzi elektronicznych. W związku z tym wypada przypomnieć „pięć smutnych prawd o komunikowaniu publicznym”, o których pisał, głównie w odniesieniu do prasy, W. Pisarek (2002, 9):

¹ Artykuł został przygotowany w ramach realizacji projektu naukowo-badawczego „Mediaestetyczny komponent współczesnej komunikacji” („Медиаэстетический компонент современной коммуникации”) przy wsparciu Rosyjskiej Fundacji Naukowej (Российский научный фонд), grant nr 18-18-00007.

- Nikt nas nie zauważa, a spośród tych nielicznych, co nas zauważyli,
- Nikt nas nie słucha i nie czyta, a spośród tych nielicznych, co nas jednak wysłuchali lub przeczytali,
- Nikt nas nie rozumie, a spośród tych nielicznych, co nas zrozumieli,
- Nikt nam nie chce przyznać racji, a spośród tych nielicznych, co nam przyznali rację,
- Nikt nas nie pamięta.

Te „smutne prawdy” można przekonwertować w taki sposób, aby – po usunięciu negacji – brzmiały jako postulaty czy też dyrektywy komunikacji publicznej, obowiązujące nie tylko w dziennikarstwie, lecz także w sferze komunikacji marketingowej i *public relations*:

- (Niech) Nas zauważają.
- (Niech) Nas słuchają, czytają – korzystają z naszych usług i naszych produktów.
- (Niech) Nas rozumieją.
- (Niech) Nam przyznają rację, akceptują nasze działania.
- (Niech) Nas pamiętają.

Ciekawe, że gdy T. Gackowski i M. Łączyński (2009, 80) piszą o psychologicznym wymiarze wizerunku (instytucji, organizacji, osoby, marki itd.), wymieniają pięć procesów i mechanizmów przetwarzania informacji, które bardzo przypominają „prawdy” Pisarka:

- postrzeganie – czy treść mająca wpłynąć na wizerunek zostanie w ogóle zauważona;
- identyfikacja/kategoryzacja – czy przekazana informacja będzie miała wpływ na wizerunek konkretnego przedmiotu i w ramach jakiej kategorii poznawczej zostanie przetworzona;
- ocena – czy informacja przyczyni się do istotnego, pozytywnego lub negatywnego (w przypadku tzw. czarnego PR) wartościowania przedmiotu;
- interakcja/reinterpretacja – w jaki sposób wcześniej utrwalone w umyśle postawy wpłyną na wizerunek;
- pamięć – czy dany wizerunek utrwali się w świadomości odbiorców.

Kolejność wymienionych procesów odzwierciedla modułowy i częściowo sukcesywny charakter systemu kognitywnego człowieka, ale istnieje także ich wymiar pragmatyczny i kulturowy. Wymiar pragmatyczny polega na tym, że zamiar komunikacyjny nadawcy może mieć bardziej lub mniej globalne perspektywy. Na przykład w przypadku, gdy obiekt jest znany, zabieg komunikacyjny polega na uaktywnieniu stosownego ośrodka pobudzenia nerwowego oraz na uruchomieniu już istniejącej sieci powiązań semantycznych. Taki charakter – w zakresie komunikacji marketingowej – ma reklama przypominająca. W przypadku tak znanych marek jak Mercedes-Benz czy Coca-Cola promocja zasadniczo sprowadza się do osiągnięcia dwóch celów (w terminologii Pisarka): „Nas zauważają” oraz „Nas pamiętają”.

Kulturowy wymiar zarządzania procesami przetwarzania informacji polega na tym, że w zależności od paradygmatu kultury określone aspekty oddziaływania na adresata ulegają spotęgowaniu lub redukcji. Współczesna kultura postmodernizmu, oparta na technologiach komputerowych, wywiera na to radykalny wpływ: zachodzi nobilitacja postrzegania i, odwrotnie, marginalizacja pamięci – w dużym stopniu za sprawą urządzeń mobilnych jako wielofunkcyjnych „przedłużeń człowieka” (w terminologii M. McLuhana). Semantyczny aspekt przetwarzania informacji (identyfikacja, kategoryzacja, rubrykacja) coraz bardziej ustępuje innym aspektom: aksjologicznemu (ocena) i pragmatycznemu (interakcja). Wyraźnie wskazują na to charakterystyki postmodernizmu, opisane w literaturze naukowej (m.in. zob. Jameson 1993; Hochbruck 1995): wizualność, tzn. pierwszeństwo informacji obrazowej przed narracją językową; „hysterical sublime”, czyli wzniosłość jako szczególny typ przeżycia estetycznego manifestowanego w komunikacji; „declarative exhilaration”, czyli celowe nastawienie na schematyczne, zewnętrzne, dyletanckie ujęcie zjawisk i problemów; zanik opozycji kultury wysokiej i niskiej; „the waning of affect” – ironiczna interpretacja rzeczywistości; celowa intertekstualność; rozmycie granicy między faktami a fikcją i in.

Odwołując się do koncepcji G. Batesona (Ruesch/Bateson 1968, 179 i n.; zob. też: Olson 1972; Koopmans 2010/1998), można skonstatować, że aspekt sprawczy („common aspect”) w komunikacji publicznej zdecydowanie zdominował aspekt opisowy („reports aspect”) komunikatów. W odniesieniu do komunikacji językowej zjawisko to zostało określone jako pragmatyka bez semantyki (Kiklewicz 2012, 63 i n.).

2

Charakterystyczny dla postmodernizmu irracjonalizm postaw i zachowań znajduje m.in. wyraz w „etosie infantylizmu” (Barber 2008; Rarot 2016, 57). Semiotyczny wymiar tego zjawiska oznacza powierzchowne, schematyczne, niewyspecyfikowane przetwarzanie informacji semantycznej oraz postawienie akcentu na towarzyszące przekazowi stany uczuciowe podmiotów, ich nastroje, emocje, afekty (Clark 2010; Sirois 2006; Thys 2006; 2016). Dominujący charakter w komunikacji publicznej przybiera fascynacja jako forma perswazyjnego oddziaływania na adresatów, którego celem jest pobudzenie lub wspieranie, wspomaganie aktywności perceptywnej adresatów, skierowanie uwagi na komunikat oraz utrzymywanie zainteresowania kontaktem komunikacyjnym. Z jednej strony fascynacja jako spotęgowane, ukierunkowane skupienie się na określonym przekazie sprzyja zmniejszeniu strat semantycznie relewantnej informacji, oznacza zdynamizowanie odbioru (Petrovskiy/Yaroshevskiy 1985, 374), z drugiej zaś wywołuje wręcz odwrotny efekt,

a mianowicie uzależnia działalność psychiczną odbiorcy od nadawcy – jego wolę, pragnienia, sposób postrzegania stanów rzeczy (Atkinson 2010, 3).

W języku polskim czasownik *fascynować* występuje też w formie zwrotnej: *fascynować się*. Oznacza to, że fascynacja ma dwa aspekty: nadawczy i odbiorczy. W pierwszym znaczeniu fascynacja stanowi sugestywne oddziaływanie na adresata, jego zaczarowanie, zniewalanie, urzekanie, a w drugim znaczeniu – stan patologiczny psychiki podmiotu, który postrzega bodziec symboliczny (np. wypowiedź językową) w sposób niekrytyczny, schematyczny, zależny od przeżywanej emocji. W tym znaczeniu wyraz *fascynacja* szeroko używa się w różnego rodzaju dyskursach – por. *fascynację śmiercią, ogniem, Zachodem, kobietą, książką, samochodem, Jezusem, rozwojem technologicznym* itd. Wobec tego fascynacja nie tylko oznacza celowe działania nadawcy, lecz także określone predyspozycję odbiorcy, jego szczególną semiotyczną wrażliwość, która, jak czytamy w artykule L. V. Kozyarevich (2013, 139), może znaleźć wyraz np. w zjawisku „empatycznej identyfikacji z tekstem” (ros. *эмпатическое слияние с текстом*).

Tak rozumiana fascynacja jest pokrewna z innym zjawiskiem psychologicznym, jakim jest poszukiwanie wrażeń (ang. *sensation-seeking*). W odniesieniu do psychologii mediów pisze o tym P. Winterhoff-Spurk (1999). W jego ujęciu „człowiek sięga po media w celu regulacji własnej skłonności do poszukiwania wrażeń”. W myśl teorii optymalnej stymulacji odbiorca usługi medialnej ma potrzebę utrzymywania określonego (indywidualnie zróżnicowanego) poziomu wewnętrznej aktywności. W sytuacji, gdy aktywność spada poniżej tego poziomu, pojawia się znudzenie i zaczyna się poszukiwanie nowych bodźców, żeby powrócić na oczekiwany poziom wewnętrznej aktywności. Zastosowanie w tym celu środków symbolicznych, np. dostępnych w internecie, kwalifikuje się jako sublimację, uważaną przez niektórych badaczy za jedną z cech postmodernizmu (Rarot 2016).

Istnieje też inne wyjaśnienie fenomenu fascynacji – charakterystyczny dla gatunku *homo sapiens* kompleks neofilii polegający na dążeniu do nowości. To, co nowe, jak wiadomo, wymaga zastosowania niekonwencjonalnych sposobów interpretacji, a więc w większym lub mniejszym stopniu wiąże się z natężeniem procesów mentalnych, szczególnie jeśli chodzi o ich składnik sensoryczny i emocjonalny. Jako jeden z pierwszych o tym zjawisku pisał A. Maslow (1970), zaś późniejsze badania wykazały, że jest to fundamentalny czynnik rozwoju kultury (Miller 2004, 456 i n.), jak również cecha osobowości oraz typu zachowań konsumerycznych (Perianova 2010, 23 i n.).

W związku z istnieniem zespołu emocjonalnych potrzeb podmiotów (takich jak przyjemność, rozrywka, lęk itp.), w systemie kultury powstał obszar zinstytucjonalizowanej działalności, przeznaczony do zaspokojenia tego rodzaju potrzeb. Zjawisko to można wyjaśnić poprzez odwołanie się do funkcjonalnej teorii kultury B. Malinowskiego (2000, 31 i n.). Tak jak system ekonomiczny zaspokaja zapotrzebowanie na produkcję i reprodukcję wartości materialnych, system polityczny

– potrzebę organizacji stosunków społecznych, system sądowniczy – potrzebę regulacji zachowań społecznych (prospołecznych i aspołecznych) itp., kultura masowa i media służą zapewnieniu potrzeby ciągłego podtrzymywania określonego poziomu pobudzenia emocjonalnego jednostek.

Kulturowe (zinstytucjonalizowane) źródła fascynacji są różnorodne – pod tym względem współczesna oferta kultury masowej jest bardzo urozmaicona: obejmuje ona narzędzia oddziaływania estetycznego bądź pseudoestetycznego – takie jak literatura przygodowa, fantastyczna, kryminalna, sensacyjna; wiele rodzajów filmu (akcja, western, horror, komedia i in.); rozrywkowe programy telewizyjne (kabaretowe, typu *talk show*, *reality show* itp.), a także rozwinięty sektor usług, związanych z rozrywką i częściowo z ryzykiem – chodzi o turystykę ekskluzywną (np. ekstremalne wycieczki), sporty ekstremalne (takie jak wspinaczka wysokogórska, narciarstwo, kąpiele w lodowatej wodzie, skoki ze spadochronem, na linie, *free jump*), atrakcje itp.

Stosunek dziennikarstwa do tej sfery kultury publicznej jest ambiwalentny: z jednej strony zadanie dziennikarzy polega na informowaniu społeczeństwa o najważniejszych zdarzeniach, a w ten sposób na zapewnieniu optymalnego poziomu zbiorowej świadomości jako warunku skutecznej komunikacji na różnych poziomach systemu społecznego. Fascynacja w tym programie kulturowym ma charakter pomocniczy – służy lepszemu postrzeganiu i lepszemu przetwarzaniu i utrwaleniu przekazów. Na przykład S. I. Bernshteyn (1977, 26 i n.) pisał o konieczności stworzenia korzystnych warunków dla koncentracji uwagi słuchaczy w przypadku tworzenia programów radiowych.

Z drugiej strony pewne cechy dziennikarstwa wykazują pokrewieństwo z dyskursami rozrywki i fascynacji. Przede wszystkim chodzi o wymóg profilowania rzeczywistości pod względem aktualności, nowości, a ostatnio sensacyjności i dewiacyjności. Dziennikarze, jak wiadomo (szczególnie dotyczy to mediów popularnych, tzw. bulwarowych), w pierwszej kolejności zwracają uwagę na różnego rodzaju anomalie i patologie, co stanowi zarówno przedmiot oczekiwania adresatów, jak i bodziec ich stanów fascynacyjnych. G. G. Pocheptsov (2001, 211) pisze, że jeżeli dziennikarz będzie miał do wyboru relację na temat dwóch sytuacji: *Pies ugryzł człowieka* oraz *Człowiek ugryzł psa* – z pewnością odda pierwszeństwo tej drugiej.

Dziennikarstwo jako obszar komunikacji publicznej ostatnio ulega ponadto istotnym zmianom, a jedną z nich jest uzależnienie od sfery *public relations* i działalności marketingowej firm komercyjnych. Takie czynniki, jak segmentacja rynku, zaostzona konkurencja, zwracanie się odbiorców ku innym mediom, zmuszają redakcje do poszukiwania coraz to nowych źródeł inwestycji, zwłaszcza poprzez kooperację z sektorem marketingu przedsiębiorstw produkcyjnych i usługowych (Chyliński/Russ-Mohl 2007, 281; Chyliński 2011, 32 i n.). Według danych portalu World Press Trends Database (<http://www.wptdatabase.org/world-press-trends-2017-facts-and-figures>) w 2016 roku przychody z reklam w prasie i mediach newsowych w wymiarze globalnym wyniosły 68 bln USD, czyli 44,4%

wszystkich zysków. Przychody z reklam szczególnie rosną w sferze cybermediów: w 2016 roku odnotowano wzrost o 5,4%, a w ciągu ostatnich pięciu lat o 32%. R. Ostrowski słusznie pisze: „Wadą Internetu jest to, że większość serwerów, a tym samym stron internetowych oraz [...] wyszukiwarek, jest własnością wielkich medialnych korporacji. Egalitaryzm sieci staje więc pod znakiem zapytania” (2007, 302).

Konieczność emitowania reklam nakłada na nadawców medialnych pewne zobowiązania i jednocześnie ograniczenia: reklama jako tekst małoformatowy nie wymaga dłuższej procedury przetwarzania – w tym przypadku liczy się przede wszystkim sam kontakt, wobec czego nadawcy zależy na tym, aby do niego doszło. W tym celu sięga się po środki fascynacji, tak by zatrzymać uwagę odbiorcy, a najbardziej pożądanym efektem jest prolongacja kontaktu poprzez przekierowanie użytkownika do kolejnego okna przeglądarki, w którym zostanie mu zaoferowana kolejna porcja reklam.

Fascynacja stanowi także jedno z narzędzi komunikacji wizerunkowej, ponieważ przyczynia się do rynkowej promocji źródła informacji – gazety, stacji telewizyjnej lub radiowej, portalu internetowego. Kładąc nacisk na publikowanie tekstów o charakterze sensacyjnym, spontanicznym bądź prowokacyjnym, redakcje tabloidów, np. takich jak niemiecki „Bild”, polski „Super Express” czy rosyjski „Twój Dzień”, tworzą własną markę, dzięki czemu nawiązują stały kontakt z wybraną grupą odbiorców. Zasada ekspresywności, o której G. Leech (1983, 24) pisze jako o zobowiązaniu do nadawania możliwie osobistego i emocjonalnego tonu wypowiedzianiu się, aby odbiorca wiedział, jaki jest stosunek nadawcy do nadawanego tekstu, ulega spotęgowaniu także w czasopiśmie młodzieżowych. W. Kajtoch (1999, 97 i n.) pisze o „niesłyszanej intensywności przeżywanych uczuć” jako cesze charakterystycznej takich czasopism. Jako przykład przytacza fragment z czasopisma „Popcorn”:

- (1) Szalony wygląd, dźwięki, wybryki na scenie – wszystko to jest do stopnia zwariowane, że można to albo pokochać, albo znienawidzić. Ci, którzy zrozumieli ich muzykę i przesłanie, są wniebowzięci, zaś ci, którzy tego nie pojęli – drżą z przerażenia.

W świecie czasopism młodzieżowych wszyscy są szaleni lub zwariowani:

- (2) szaleńcy z Progidy
- (3) szalona Spajseta
- (4) największe świry muzyki
- (5) LO 27. Co nowego w szalonej szkole?
- (6) Keith wariował na scenie, a Liam poza nią.
- (7) Rozkręca się właśnie szalona impreza.
- (8) Tłum ogarnia totalne szaleństwo.
- (9) Wyślijcie im najbardziej zwariowane informacje pod słońcem!
- (10) Dziewczyna wolałaby zostać dziennikarką i prowadzić szalone życie.

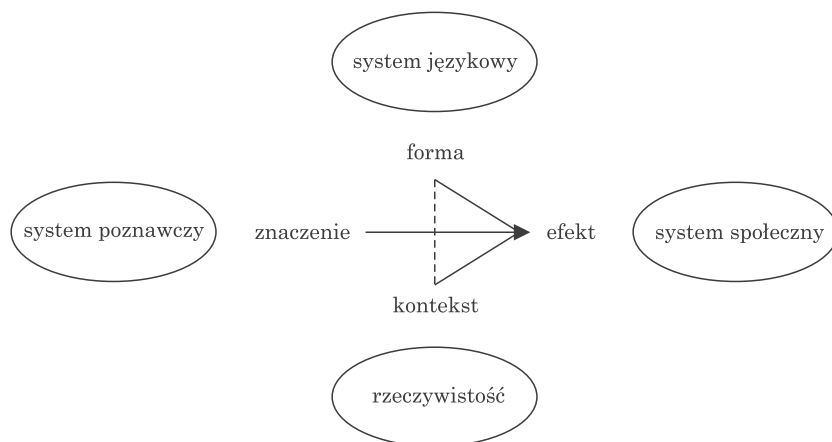
Irracjonalizm staje się dominującą zasadą zachowań w całym obszarze kultury popularnej. Można w związku z tym twierdzić o swoistym syndromie zakażenia: szaleni idole > szaleni dziennikarze > szaleni czytelnicy.

W podobny sposób własny styl fascynacji kreują portale internetowe.

3

Językoznawcy wymieniają wiele zabiegów, stosowanych w celu uzyskania efektu fascynacji: symbole (tzw. słowa sztandarowe); metafory, aluzje, reminiscencje, fantomy semantyczne; niedookreślenie, enigmatyczność przekazu; wyrazy i konstrukcje o nacechowaniu ekspresywnym; presja wyrażen imitujących bezpośredni dialog; zakłócenie spójności semantycznej (paradoks, alogizm, antyteza); rytmiczacja przekazu itd. (zob. Omel'chenko 2013; Povarnitsyna 2016). Fascynacji służy ponadto celowe łamanie wymogów normy literackiej (wzorcowej) oraz szerokie rozpowszechnienie w komunikacji publicznej nie tylko elementów potocznych, lecz także żargonowych, środowiskowych, dialektalnych, będących w opozycji do normy wzorcowej (Klushina 2010, 62). O. B. Sirotinina (2003) uważa, że daje to podstawy do kwalifikowania współczesnej żurnalistyki jako subkultury o charakterze literacko-żargonowym.

W sposób usystematyzowany te formy i środki fascynacji można przedstawić przy uwzględnieniu czterech parametrów działalności komunikacyjnej: 1) kod językowy; 2) system poznawczy; 3) system społeczny; 4) rzeczywistość fizyczna (Kiklewicz 2017a, 85). Każdy z tych parametrów realizuje się w postaci bardziej wyspecyfikowanych kategorii, które tworzą funkcjonalną jedność (zob. schemat 1).

Schemat 1. Parametryczny model komunikacji

Schemat 1 oznacza: za pośrednictwem informacji semantycznej (znaczenia), zakodowanej w formie znaków językowych (lub innych), dostosowanych do kontekstu, tzn. warunków i sceny działalności językowej, podmiot dąży do realizacji określonego celu, w szczególności oddziaływania na inną osobę lub grupę osób.

Konfiguracja poszczególnych kategorii zależy od obszaru działalności językowej i odpowiedniego stylu funkcjonalnego. W dziennikarstwie jakościowym występuje pewna równowaga wszystkich czterech czynników z tym, że ostateczny efekt pragmatyczny (posiadanie przez odbiorców wiedzy na temat bieżących wydarzeń) w pierwszej kolejności zależy od zakodowanej w komunikacie informacji semantycznej. Przekaz dziennikarski, jak już zaznaczono wcześniej, bywa też podporządkowany względem innego rodzaju, zwłaszcza przyciąganiu i zatrzymaniu uwagi adresatów w celu umożliwienia transmisji reklam. Funkcja reprezentacji rzeczywistości pozostaje tu na drugim planie, a aspekt semantyczny często sprowadza się do informacji aksjologicznej oraz apelacji do utrwalonych w świadomości adresatów archetypów.

W materiał źródłowy na ten temat obfitują rosyjskie portale internetowe. Mechanizmy fascynacji zademonstruję na przykładzie jednego z najbardziej popularnych portali, jakim jest założony w 1996 roku Rambler.ru. Strona główna portalu ma wygląd kolażu składającego się z symetrycznie ułożonych anonsów (zwykle w liczbie ponad 30)². Rozwinięcie informacji i przejście do kolejnego okna jest możliwe po kliknięciu na odpowiedni wiersz. Za przykład może posłużyć widok strony głównej przeglądarki z 2 maja 2018 roku (zob. ryc. 1).

Gromadzenie na jednej stronie wielu anonsów stanowi celową strategię komunikacyjną twórców portalu. W ten sposób czytelnikowi daje się do zrozumienia, że oferta informacyjna ma szeroki zakres, dotyczy wielu dziedzin życia. Stanowi to przykład charakterystycznej dla postmodernizmu (por. chwyt marketingowy *Dwa w jednym*) zasady „Wszystko naraz”. Z semantycznego punktu widzenia oznacza to, że w jednym polu percepcji znajdują się diametralnie różnicowane treści, co wiąże się z brakiem spójności, a to z kolei sprzyja zainteresowaniu odbiorcy, powoduje mobilizację uwagi (każdy nowy wątek wymaga zastosowania innego modułu kategoryzacji), a w pewnym stopniu powoduje także stan fascynacji – w obliczu faktu, że semantyczna różnorodność poszczególnych elementów okna przerasta możliwości ich sprawnej, konsekwentnej, całościowej interpretacji. Selekcja zamieszczonej na stronie informacji, a także jej przetwarzanie w takich warunkach, przynajmniej częściowo, wymyka się spod kontroli odbiorcy, wykazuje pewne cechy przypadkowości oraz irracjonalizmu.

² Dla współczesnej komunikacji publicznej coraz bardziej jest charakterystyczne zniekształcenie syntagmatycznej struktury tekstów na rzecz ich organizacji parataktycznej, m.in. w formie kolażu, palety czy mozaiki. L. V. Voronina (2016, 129) pisze o współczesnej tendencji do osłabienia związków syntaktycznych w tekstach dziennikarskich; chodzi m.in. o unikanie wykładników zespolenia oraz presji zdań bezspójnikowych.

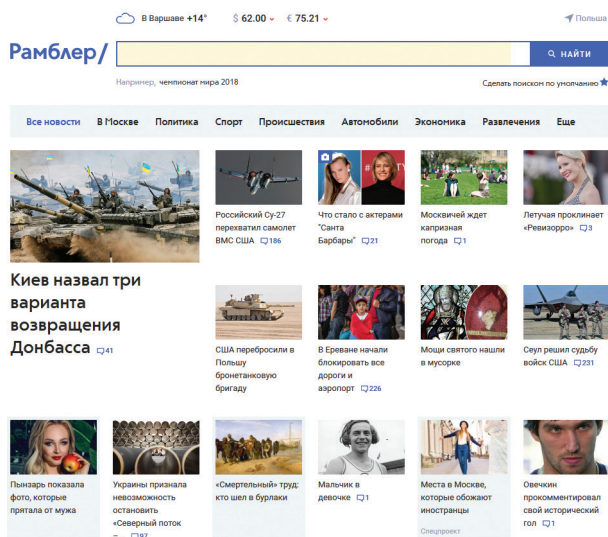

Рис. 1. Widok strony głównej przeglądarki portalu Rambler.ru (2.05.2018)

Gatunkowa forma anonsu wiąże się z koniecznością kompresji informacji semantycznej, a to daje nadawcy możliwości jej subiektywnego preparowania, zgodnego z nastawieniem ideologicznym (Kiklewicz 2017b). Stylistyka anonsów jest stosowana przez twórców portalu Rambler.ru w celu sterowania interpretacją przez odbiorców zawartej w tekstach informacji semantycznej. Na przykład opublikowany w grudniu 2015 roku artykuł o tym, że Centralna Agencja Wywiadowcza USA (CIA) przekazała władzom Turcji informację służb specjalnych, według której na terenie kraju mogą być przygotowywane akty terrorystyczne przeciw turystom z Rosji, na stronie głównej portalu został zaprezentowany w postaci anonsu: *Akty terrorystyczne przeciw Rosjanom*.

W komunikacji publicznej, szczególnie w internecie, są wykorzystywane także niewerbalne sposoby fascynacji (zob. Danesi 2006, 2019; Kozyarevich-Zozulya 2015, 10). Twórcy witryny internetowej zadbali o tzw. środowisko wizualne: każdy anons jest zaopatrzony w ilustrację, zwykle w postaci zdjęcia fotograficznego. Zdjęcia, z jednej strony, przyczyniają się do ożywienia, urozmaicenia przekazu; z drugiej strony, jak pokazano w publikacjach: Kiklewicz 2015a, 2015b, zdarza się, że odtwarzają inne fakty niż te, które są opisywane w tekście językowym, czyli, innymi słowy, służą dezinformacji.

4

Atrakcyjność przekazu w mediach osiąga się przy zastosowaniu narzędzi semantycznych, formalnych i kontekstowych. Jeśli chodzi o narzędzia semantyczne, celom fascynacji służy zwłaszcza preferowanie informacji na temat wydarzeń o charakterze szczególnym, niezwykłym, wyjątkowym, jak również katastrofalnym. Za przykład mogą posłużyć anonsy zamieszczone na stronie głównej Rambler.ru 1 kwietnia 2018 roku:

- (11) В Японии раскрыли планы Терезы Мэй против РФ.
- (12) Следователь утонул в сауне „Зимняя вишня”.
- (13) Таджикская авиакомпания остановила полеты в Россию.
- (14) Як-3 протаранил машину при посадке.
- (15) Байкалу грозит превращение в „Северное море китайцев”.
- (16) Врачей насторожили обстоятельства смерти Мавроди.
- (17) В Домодедово девушка избила пограничника.
- (18) Любимая песня сына Плющенко шокировала сеть.
- (19) Аман Тулеев подал в отставку.
- (20) Паводок в Алтайском крае.
- (21) В Японии прошёл турнир по боям на подушках.

Sensacyjne brzmienie tych nagłówków dość jednoznacznie nawiązuje do stylistyki typowej dla tabloidów.

Na rzecz analizy semantycznych narzędzi fascynacji w internecie wyodrębniono cztery aspekty zawartej w anonsach informacji: 1) dziedzina (jako temat wiadomości)³; 2) zawarta w anonsie ocena wydarzenia; 3) nowość wydarzenia; 4) odniesienie intra- lub ekstrakulturowe (tzn. dotyczące Rosji bądź innych krajów).

Pod tym względem przeanalizowano trzy dowolnie wybrane edycje strony głównej portalu 1, 21 i 30 kwietnia 2018 roku. Sumarycznie przeanalizowano 104 anonsy.

Analiza anonsów pod względem tematycznym przyniosła rezultaty, które zostały ujęte w tabeli 1.

W materiale źródłowym odnotowano 30 różnych domen tematycznych, co wskazuje na duże zróżnicowanie informacji. Z jednej strony oznacza to szeroki zasięg oferty informacyjnej, z drugiej zaś, jak już zaznaczono, niespójność semantyczna przyczynia się do fascynacji. Mimo dużego zróżnicowania tematycznego należy stwierdzić brak odniesień do niektórych ważnych dziedzin, np. nauki, edukacji, literatury artystycznej, ruchów społecznych, prawa i sądownictwa, rolnictwa, praw obywatelskich. Twórca witryny internetowej preferuje określony system wartości, uwzględniając oczywiście również oczekiwania odbiorców.

³ Niektóre teksty nawiązują do więcej niż jednej dziedziny.

Tabela 1. Wyniki analizy anonsów pod względem tematycznym

Temat	1.04.2018	21.04.2018	30.04.2018	Razem	
administracja	0	1	1	2	
finanse	2	0	0	2	
gender	0	1	0	1	
historia	0	2	1	3	
język	0	1	0	1	
klęska żywiołowa, katastrofa	0	2	2	4	
kultura masowa	0	1	1	2	
media – internet	4	2	1	7	
media – dziennikarstwo	0	1	2	3	
medycyna	1	1	1	2	
moda	1	0	0	1	
polityka	12	8	5	25	15,9%
praca	0	0	2	2	
prywatność	3	6	9	18	11,5%
przemysł	0	2	2	4	
przestępczość, łamanie prawa	0	1	1	2	
przyroda	3	0	2	5	
relaks, rozrywka	4	0	0	4	
religia	1	0	0	1	
seks, erotyka	1	2	2	5	
sport	0	0	1	1	
stosunku międzyludzkie w sferze prywatnej	2	1	0	3	
stosunku międzyludzkie w sferze publicznej	3	2	0	5	
sztuka – film	1	8	4	13	8,3%
światopogląd, wiedza	0	1	0	1	
technika	0	4	0	4	
transport	3	3	2	8	5,1%
wojsko, broń, konflikt zbrojny	0	8	7	15	9,6%
zdrowie, życie/śmierć	4	1	4	9	5,7%
zwierzęta	0	1	3	4	
Razem				157	

Źródło: opracowanie własne

W zakresie tych tematów, które zostały poruszone w anonsach, także nie ma równowagi, jeśli chodzi o częstość ich występowania. Wyróżnia się kilka domen tematycznych o najwyższej frekwencji: polityka – 15,9% odniesień; życie prywatne – 11,5%; wojsko, broń, konflikt zbrojny – 9,6%; sztuka filmowa – 8,3%; zdrowie, życie/śmierć – 5,7%; transport – 5,1%. Jak widać, problemy społeczne dotyczą przeważnie

dwóch aspektów: politycznego i militarnego. Fakt, iż w przeanalizowanym materiale przypada na nie jedna czwarta wszystkich odniesień tematycznych, mówi o tym, że w myśl twórców witryny właśnie te aspekty życia społecznego najbardziej fascynują współczesnych Rosjan. Twórcy portalu, jak można sądzić na podstawie analizy i danych ilościowych, zakładają, że odbiorców interesuje ponadto życie prywatne, głównie gwiazd kultury masowej, problemy zdrowia, a także temat podróżowania, zaś w sferze rozrywki najwięcej uwagi przyciąga film.

Pod względem nacechowania aksjologicznego oferta informacyjna portalu również jest wyraźnie wyprofilowana. Teksty o nacechowaniu neutralnym obejmują zaledwie 23,3% całości. Największy odsetek, bo 57,3%, przypada na teksty o zabarwieniu negatywnym, w których opisywane są różnego rodzaju zagrożenia (militarne, ekonomiczne, żywiołowe itd.), klęski, wypadki, konflikty, kryzysy, spory i in. W ten sposób w umysłach internautów kreuje się katastrofalny obraz świata, choć można to też tłumaczyć spełnieniem oczekiwań adresatów, w szczególności wspomnianym w p. 2 poszukiwaniem wrażeń. Jak wiadomo (np. dzięki badaniom w zakresie teorii kulturywacji) doświadczenie lęku, niepokoju, zagrożenia sprzyja zainteresowaniu informacją medialną.

O wymogu nowości w dyskursach dziennikarskich już była mowa w poprzednim punkcie. W przypadku dziennikarstwa newsowego w internecie, który, jak zaznaczono, czerpie dwie trzecie zysków z reklamy, ten aspekt komunikacji publicznej jest zdecydowanie spotęgowany (a nowość prawie zawsze idzie w parze z fascynacją). Rezultaty analizy potwierdziły ten postulat. 78,9% tekstów nawiązuje do aktualnych wydarzeń, przeważnie takich, które odbyły się w niedawnej przeszłości, zwykle w ciągu ostatniej doby, lub oczekiwanych w najbliższej przyszłości. Zdecydowanie mniejsza liczba przypada na teksty o tematyce ogólnej (ponadczasowej) lub dotyczących dalekiej przeszłości.

Istnieje zjawisko określane jako „fascynacja innością” (Sozańska 2014), jednakże w dziennikarstwie pierwszeństwo oddaje się zasadzie intrakulturowości, tzn. preferowania tematów dotyczących własnego środowiska. Przy tym, jak można sądzić, wychodzi się z założenia, że odbiorców w pierwszej kolejności interesują wydarzenia w najbliższym otoczeniu, takie, które bardziej lub mniej bezpośrednio wpływają na ich doświadczenia i warunki egzystencji. Dlatego informacja krajowa z reguły zajmuje więcej miejsca niż informacja z zagranicy, a w mediach konserwatywnych, jak np. w polskim Radiu Maryja, obejmuje całą ofertę newsową.

Przeanalizowany materiał potwierdza tę regułę. 73% wszystkich tekstów dotyczy Rosji, w tym 19,2% stosunków międzynarodowych (z udziałem Rosji). Tematem ok. 20% tekstów są inne kraje i regiony, przy tym należy zaznaczyć, że prawie 90% tych tekstów jest nacechowanych negatywnie: prawie wszystko, co dzieje się za granicą, jest interpretowane jako niepożądane, niekorzystne, niełojalne w stosunku

do Rosji. Można zatem stwierdzić, że portal internetowy kultywuje szczególnie popularny dziś slogan propagandowy „Wszyscy są przeciwko nam”⁴.

* * *

Stylistyka fascynacji jest szeroko rozpowszechniona w komunikacji publicznej, zwłaszcza w serwisach informacyjnych w internecie, które czerpią zyski głównie z reklamy i muszą stawić czoło rosnącej konkurencji na rynku usług medialnych, są więc zainteresowane przyciąganiem uwagi coraz większej liczby użytkowników. Fascynacja wiąże się z przekonfigurowaniem procesów mentalnego przetwarzania komunikatów, na skutek czego na pierwszy plan wysuwa się czynnik perceptywny oraz wartościujący. Przyciąganie uwagi odbiorców przyczynia się do prolongacji kontaktu ze źródłem informacji (dzięki czemu możliwe jest emitowanie reklam), jak również do wykreowania pozytywnego wizerunku portalu internetowego. W celu fascynacji wykorzystuje się różnorodne środki: formalno-językowe, semantyczne, kontekstowe (zwłaszcza środowisko wizualne).

Analiza rosyjskiego portalu internetowego Rambler.ru wykazała, że informacja semantyczna jest podporządkowana wymogom fascynacji. Pomimo obszernej oferty tematycznej preferowane są wybrane wątki: polityka, wojsko, życie prywatne celebrytów, zdrowie. Istnieją tematy, jak np. edukacja, nauka, prawa człowieka, ochrona środowiska i in., które prawie nigdy nie są poruszane na stronie głównej portalu. Zdecydowana większość tekstów jest nacechowana pod względem aksjologicznym, a ponad połowa zawiera negatywne wartościowanie opisywanych zdarzeń. Negatywna informacja jest powszechna w treści newsów dotyczących krajów zagranicznych (Europy Zachodniej i Ameryki Północnej). Twórcy reklam są nastawieni na przekaz informacji intrakulturowej – jako bardziej relewantnej. Ze względu na wymóg relewancji większość tekstów dotyczy też aktualnych wydarzeń.

Podsumowując, można stwierdzić, że portal internetowy w dużym stopniu wykazuje cechy tabloidowe, takie jak panująca ekstremalność, nastawienie na sensację, stylistyka lidów, kolaż jako zasada konstrukcyjna, duży udział informacji na temat rozrywki i relaksu, brak publicystyki, presja wizualności i in. Jak widzimy, nowe technologie nie są równoważne z nową jakością relacji społecznych. Wykreowana jeszcze w XIX wieku stylistyka *penny press* wciąż jest potrzebna, a dzięki nowym mediom ulega swoistej supremacji.

⁴ Na stronie internetowej Międzyregionalnego Ruchu Społecznego „Odrodzenie. Złoty wiek” (<http://www.rodvzv.ru/>) można przeczytać: „Война против России идёт на всех фронтах и, судя по всему, близка к своему логическому завершению. Несмотря на все усилия мирового паразитизма наша страна уже идёт по пути необратимого пробуждения людей, России и планеты в целом. Будет тяжело, но конец уже близок... Уже пахнет победой!” [tłumaczenie: Wojna przeciwko Rosji trwa na wszystkich frontach i najwyraźniej jest bliska logicznego zakończenia. Pomimo wszelkich wysiłków światowego pasożytnictwa, nasz kraj dąży do nieodwracalnego obudzenia ludzi, Rosji i całej planety. Będzie to trudne, ale koniec jest już bliski... Już czuć zapach zwycięstwa!].

Bibliografia

- ATKINSON, W. W. (2010), *Mental Fascination*, <http://www.yogebooks.com/english/atkinson/1907mental-fascination.pdf>.
- BARBER, B. R. (2008), *Skonsumowani: jak rynek psuje dzieci, infantyлізуje dorosłych i połyka obywateli*. Warszawa.
- BERNSHTEYN, S. I. (1977), *Yazyk radio*. Moskva [Бернштейн, С. И. (1977), *Язык радио*. Москва].
- CHYLIŃSKI, M. (2011), *Dziennikarstwo i public relations: równowaga sił w ekonomice, zainteresowania publiczności*. W: *Zeszyty Prasoznawcze*. LIV/3–4, 28–47.
- CHYLIŃSKI, M./RUSS-MOHL, S. (2007), *Dziennikarstwo*. Warszawa.
- CLARK, A. (2010), 'Fascination', 'contagion' and naming what we do: rethinking the transcendent function. W: *Analytical Psychology*. 55, 636–649.
- DANESI, M. (2006), *Kinesics*. W: *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam/Boston /Heidelberg etc., 207–213.
- GACKOWSKI, T./ŁĄCZYŃSKI, M. (red.) (2009), *Metody badania wizerunku w mediach. Czym jest wizerunek? Jak i po co należy go badać?* Warszawa.
- HOCHBRUCK, W. (1995), *Amerikanische politische Rhetorik in der Postmoderne: (noch) keine neue „Word oder“*. W: *Sprache und Literatur*. 75/76, 17–26.
- JAMESON, F. (1993), *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. New York.
- KAJTOCH, W. (1999), *Odlotowe bez dwóch zdań! Kultura języka, stylu, perswazji w czasopiśmie dla młodzieży*. W: *Zeszyty Prasoznawcze*. 3–4, 79–102.
- KIKLEWICZ, A. (2012), *Czwarte królestwo. Język a kontekst w dyskursach współczesności*. Warszawa.
- KIKLEWICZ, A. (2015a), *Infantyлизм semantyczny w dyskursach publicznych*. W: *Zeszyty Prasoznawcze*. 58/4, 763–794.
- KIKLEWICZ, A. (2015b), *Politicheskaya propaganda v sovremennykh rossiyskikh SMI: epistemologicheskii aspekt*. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/2, 179–199 [KIKLEWICZ, A. (2015b), *Политическая пропаганда в современных российских СМИ: эпистемологический аспект*. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VI/2, 179–199].
- KIKLEWICZ, A. (2017a), *Manieryzm językowy jako zjawisko stylistyczne (na przykładzie języka polskiego i rosyjskiego)*. W: *Stylistyka*. XXVI, 85–113.
- KIKLEWICZ, A. (2017b), *Fragmentatsiya teksta kak sredstvo persuazivnosti v informatsionnykh internet-servisakh*. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/1, 185–207 [KIKLEWICZ, A. (2017b), *Фрагментация текста как средство персуазивности в информационных интернет-сервисах*. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/1, 185–207].
- KLUSHINA, N. (2010), *Novyye shtampy novoy zhurnalistiki*. W: *Russkaya rech'*. 1, 61–64 [Клушина, Н. И. (2010), *Новые штампы новой журналистики*. W: *Русская речь*. 1, 61–64].
- KOOPMANS, M. (2010), *Schizophrenia and the Family II: Paradox and Absurdity in Human Communication Reconsidered*. W: <http://www.goertzel.org/dynapsyc/1998/KoopmansPaper.htm> (1 ed. 1998).
- KOZYAREVICH, L. V. (2013), *Fastsinatsiya i empatiya v aspekte perevoda kak kategorii kommunikatsii*. W: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. Seriya: gumanitarnyye nauki. 669, 136–143 [Козыревич, Л. В. (2013), *Фасцинация и эмпатия в аспекте перевода как категории коммуникации*. W: *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. Серия: гуманитарные науки. 669, 136–143].
- KOZYAREVICH-ZOZULYA, L. V. (2015), *Fastsinativnaya immanentnost' politicheskogo flirta: verbal'nyy i neverbal'nyy aspekty*. W: *Mova*. 24, 9–12 [Козыревич-Зозуля, Л. В. (2015), *Фасцинативная имманентность политического флирта: вербальный и невербальный аспекты*. W: *Мова*. 24, 9–12].
- LEECH, G. N. (1983), *Principles of Pragmatics*. London.
- MALINOWSKI, B. (2000), *Dzieła*. T. 9. *Kultura i jej przemiany*. Warszawa.
- MASLOW, A. (1970), *Motivation and Personality*. New York.
- MILLER, G. (2004), *Umysl w zalotach. Jak wybory seksualne kształtowały naturę człowieka*. Poznań.

- OLSON, D. H. (1972) Empirically unbinding the double bind. W: *A review of research and conceptual formulations*. Family Process. 11, 69–94.
- OMEL'CHENKO, Y. V. (2013), *Fastsinativnaya sostavlyayushchaya v nepryamoj kommunikatsii*. W: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktyki*. 1/19, 136–139 [Омельченко, Е. В. (2013), *Фасцинативная составляющая в непрямой коммуникации*. W: *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 1/19, 136–139].
- OSTROWSKI, R. (2007), *Nowe Media – Internet. Szansa czy zagrożenie dla polskiego społeczeństwa?* W: *Wanek, D./Adamowski, W. (red.), Media masowe w praktyce społecznej*. Warszawa, 297–307.
- PERIANOVA, I. (2010), *Identity and Food in the Globalizing World*. W: *Georgieva, M./James, A. (eds.), Globalizing in English Studies*. Cambridge, 23–45.
- PETROVSKIY, A. V./YAROSHEVSKIY, M. G. (1985), *Kratkiy psikhologicheskiy slovar'*. Moskva [Петровский, А. В./Ярошевский, М. Г. (1985), *Краткий психологический словарь*. Москва].
- PISAREK, W. (2002), *Nowa retoryka dziennikarska*. Kraków.
- POSCHEPTSOV, G. G. (2001), *Teoriya kommunikatsii*. Moskva [Почепцов, Г. Г. (2001), *Теория коммуникации*. Москва].
- POVARNITSYNA, M. V. (2016), *Manipulyatsiya, suggestiya, attraktsiya i fastsinatsiya v kreolizovannom tekste*. V: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2/106, 117–124 [Поварницына, М. В. (2016), *Манипуляция, суггестия, аттракция и фасцинация в креолизованном тексте*. W: *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2/106, 117–124].
- RAROT, H. (2016), *Rola mechanizmu sublimacyjnego w epoce ponowoczesności*. W: *Kultura i Wartości*. 18, 51–68.
- RUESCH, J./BATESON, G. (1968), *Communication: The Social Matrix of Psychiatry*. New York.
- SIROIS, F. J. (2006), *Aesthetic experience*. IW: *International Journal of Psychoanalysis*. 89, 127–142.
- SIROTININA, O. B. (2003), *Rechevaya kul'tura*. W: *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva, 343–347 [Сиротинина, О. Б. (2003), *Речевая культура*. W: *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва, 343–347.]
- SOZAŃSKA, D. (2014), *Między fascynacją a dystansem. Społeczny odbiór osób chorych psychicznie a ich wizerunek w kulturze masowej – analiza wybranych przypadków*. W: *Labor et Educatio*. 2, 105–115.
- THYS, M. (2006), *Fascinatie. Een fenomenologisch-psychoanalytische verkenning van het onmenselijke*. Amsterdam.
- THYS, M. (2016), *On fascination and fear of annihilation*. W: *International Journal of Psychoanalysis*. 98, 633–655.
- VORONINA, L. V. (2016), *Sovremennyye tendentsii v grammaticheskom stroe russkogo yazyka (na primere sintaksicheskikh konstruktsiy semantiki tseli, aktual'nykh dlya pechatnykh SMI)*. W: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2/106, 125–129 [Воронина, Л. В. (2016), *Современные тенденции в грамматическом строе русского языка (на примере синтаксических конструкций семантики цели, актуальных для печатных СМИ)*. W: *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2/106, 125–129].
- WINTERHOFF-SPURK, P. (1999), *Medienpsychologie. Eine Einführung*. Stuttgart.

JĘZYK

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЯН
Южный федеральный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ МИРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

The Interaction of Linguistic Worlds in Contemporary Russian Speech

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, двуязычные дублеты, заимствование, современная русская речь, спонтанная речь, язык телевидения

KEYWORDS: alien words, bilingual doublets, borrowing, present-day Russian speech, spontaneous speech, Russian speech on TV

ABSTRACT: The paper deals with alien linguistic elements in contemporary Russian speech on television. The analysis reveals the systematic character of their usage which serves particular pragmatic functions such as filling in lexical gaps, adding national color, etc. What presents the greatest interest are the cases showing that speakers are often aware of non-concurrence of lexical meanings (and conceptual systems) in different languages and even ascribe to the words from other languages new meanings and additional connotations they originally had not in the languages they come from (among the dominating ones are English, German, French and Italian, having the full scope of functions). Accordingly, today many native speakers of Russian (to different extent) live in several interacting linguistic worlds, using freely the resources of other languages, borrowing whatever they need for their mental model of the world.

Предметом нашего исследования являются иноязычные вкрапления, а также трудноотделимые от них заимствования на ранних этапах освоения, в речи коренных носителей русского языка, в полной мере владеющих литературной нормой. Основными источниками материала являются телепередачи канала «Культура» (далее приводятся без ссылки на канал), спортивные передачи на разных каналах, а также радио «Эхо Москвы» (далее – ЭМ) за последние 9 лет. Телевидение в этом плане представляется особенно показательным: очевидно, что лекторы, телеведущие и другие участники передач ориентируются на достаточный уровень владения английским (реже – другими языками) значительной части аудитории.

Существуют различные исследования, посвященные иноязычным элементам в русских текстах различных исторических периодов: (Чернышёва 1994; Филин 1981a; 1981b; Ланчиков 2005; Горбов 2014) и др., а также иноязычным

вкраплениям в художественных текстах тех или иных авторов (Листрова 1974; Карпенко/Щербак 1974), в русской поэзии (Николаев 2005).

В работах по истории русского языка отмечается использование иноязычных единиц и выражений для заполнения лакун, что считается главной причиной заимствования. Зафиксировано и описано двуязычное дублирование номинаций в русских текстах разных исторических периодов (см. Чернышева 1994; Филин 1981a, 78–79; 1981b, 51), которое обычно служит освоению новых понятий и реалий, приобщению к достоянию других народов и культур, уточнению терминологии. Кроме того в литературе по стилистике и теории перевода, включая учебную, для иноязычных элементов отмечается функция создания национального или местного колорита. Что касается освещения иноязычных элементов в современной речи, в том числе дублирования номинаций, встречается мнение, что употребляя такие слова, нередко даже для пояснения соответствующих русских слов, носители языка «больше заботятся не о внятности мысли, а о солидности собственного речевого образа» (Ланчиков 2005, 38). Такая позиция, но в более резкой форме, высказывается во множестве публицистических работ, в сочетании с заявлениями об угрозе разрушения родного языка, в котором уже есть подходящие слова, поэтому заимствования являются избыточными. В то же время Л. П. Крысин, хотя и отмечает, что многие носители языка считают иностранное слово более престижным по сравнению с соответствующим русским словом, признает, что

даже в тех случаях, когда свежее, недавно заимствованное слово кажется несомненно лишним, дублирующим значения уже существующих в языке слов, наблюдается процесс семантического и узуального размежевания близких по смыслу лексических единиц (Крысин 2008, 174).

А. А. Горбов полемизирует с теми, кто считает фактор престижности заимствований существенным; по его мнению, он не представляет собой причину заимствования, а является «вторичным эффектом» (2014, 139). Обращаясь к данным Национального корпуса русского языка и словарей, А. А. Горбов показывает, что в большинстве случаев эквивалентность исконного и недавно заимствованного слова не является полной, и за иноязычным словом закрепляется новое содержание (там же, 137).

Следует отметить, что в работах, относящихся к речи коренных носителей русского языка, рассматриваются, в основном, заимствования, а не окказиональные вкрапления; последние нередко исследуются применительно к языку художественной литературы, где они имеют ряд функций, не представленных ни в других типах текстов (такие, как передача неисконной русской речи, интертекстуальные связи и т.д.), ни в устной речи.

Исследования прошлых периодов истории языка основаны на материале письменных памятников, что представляется естественным. В нашей же статье анализируется материал живой речи, в большинстве случаев спонтанной (репортажи в прямом эфире, интервью) или близкой к спонтанной, что позволяет увидеть многое из того, что не отражается в письменных текстах: процесс создания высказывания, поиски слова, самокорректировки и т.д., а также учесть реальную ситуацию коммуникации.

Оформление языкового материала в данной статье, насколько это возможно, отражает произношение, в котором слово было зафиксировано: примеры даются латиницей, если они были озвучены в соответствии с фонетикой иностранного языка (насколько говорящий ей владеет), и кириллицей, если слово звучит в русском произношении. В тех случаях, когда по русской записи может быть трудно опознать слово, оно дублируется в записи на соответствующем языке. Впрочем, реальное произношение бывает непоследовательным: *Мне обидно было, когда в произведении «Black Орфей»*... (М. Бручеев, труба, «Большой джаз», 4 тур); *Играет «Лондон Symphony Orchestra»* (А. Парин, «О пении, об опере, о славе», ЭМ, 26.08.2014), *Опережают сильно американки сплит World-рэкорда* (Олимпийские игры, плавание, 1.08.12); *Ещё одна semi-opera есть у Пёрселла – «Индийская королева», «Indian Queen»* (А. Парин, «О пении...», ЭМ, 30.06.2012); и даже в пределах одного слова: *Это тебя обедняет как n[ər]фo[r]мера* («Большой джаз», финал, Н. Левиновский – член жюри).

При отборе языкового материала иногда возникает проблема разграничения собственно иноязычных вкраплений и заимствований, уже ставших вполне узуальными. Укоренение в узусе – процесс относительно быстрый: за время сбора языкового материала мы стали свидетелями такого развития для многих лексических единиц: *челлендж, мессадж, дедлайн, бэкграунд, саммари* и ряда других. Показательно, что последнее из них сначала само вводилось с комментариями (*Нас ждёт саммари – лучшие моменты матча* – объявление, звучавшее после каждого репортажа с матчей чемпионата мира по футболу в ЮАР), иногда оно и сейчас поясняется: *Сейчас повтор – саммари – выступлений призёров* (Олимпийские игры, художественная гимнастика, 20.08.2016), но в то же время оно уже служит для разъяснения другого иноязычного слова: ... *ну и хайлайты – иначе говоря, саммари* (матч «Тоттенхем» – «Эвертон», 11.01.2012). С другой стороны, не может быть уверенности, что то или иное слово не является узуальным в какой-либо среде, например, представителей отдельных видов спорта, музыкантов, артистов балета и т.п. Для нас при отборе материала определяющей была явная иноязычность элемента, осознаваемая говорящим, тем более когда она является прагматически значимой.

Иноязычные вкрапления вызваны разными причинами. Они могут быть отражением чисто внешних обстоятельств – постоянного существования в иной языковой среде или в условиях многоязычной и поликультурной коммуникации, когда общим языком для всех собеседников является английский. В этих случаях, видимо автоматически, выдается более привычное слово, ср. Они *продают нам по production price* (Е. Гениева, директор Библиотеки иностранной литературы); Мне очень понравилась ваша *légèreté*, толчок... (Азарий Плисецкий, много работавший с М. Бежаром, «Большой балет», 11.11.2012); То, что мне понравилось, это *plasticità* (там же, В. Деревянко, живущий в Италии); Это же *verismo!* (Д. Хворостовский, мастер-класс, 5.02.2012). У нас уже есть *customary*, который пользуется нашей платформой (ЭМ, 19.04.2015).

Очень часто иноязычное слово или выражение сопровождается русским: Ты *теряешь качество, качество своего тела...* (Анна Осадченко, солистка Штутгартского балета, «Абсолютный слух», 16.01.2013); Если там не *doppia*, не удвоенная... (Д. Хворостовский, Мастер-класс); Онегин – это *reflection*, т.е. отражение наших собственных чувств (там же); Причем этот проект был *ко-продакшен – совместная постановка...* (концертмейстер оркестра в Израиле, «Абсолютный слух», 19.10.2011); Мои родители *справедливо относились к тому, что называется crossover – смешение жанров* (Ольга Растропович, «Большой джаз», предпоследний тур); Поговорим о вашей жизни. Вот какие были *ups and downs*, провалы и подъёмы? (ведущая И. Никитина, «Энигма. Паата Бурчуладзе», 11.05.2017).

Такой повтор – чрезвычайно распространённое явление, отмеченное и для других исторических эпох (Чернышева 1994; Филин 1981, 51). Он может быть стихийным и не нести особого содержания: синонимические повторы – характерная черта устной речи вообще; однако они же могут нести определённые прагматические функции, которые и будут рассмотрены ниже.

Так, в лекциях проекта «Academia» и подобных передачах параллельное употребление английского термина наряду с русским может объясняться тем, что он принят в международном научном обиходе – на конференциях, в научной литературе и т.д.: *Рубль – это типичная сырьевая валюта, или commodity currency* («Финансовый ликбез», 3 канал Московского ТВ); Термин «*биг бэнг*» – *Большой взрыв* – возник позже («Жизнь замечательных идей», 21.08.2013); Это так называемые *по-английски tailored materials*, или материалы, сшитые на заказ (И. В. Ковальчук, физик, Academia, 11.01.2013); Это и есть то, что в *англоязычном искусствоведении называется classical revival*, т.е. дословно «*оживление античности*» (Academia, Д. О. Швидковский, историк архитектуры, 9.04.2013; далее в лекции только по-русски – «оживление античности»). В английском принято название *big history* [«биг хистори»], а по-русски название

«эволюционная история». Характерно, что у многих лекторов презентации также содержат текст на английском языке. Могут использоваться и термины из других языков, особенно если они связаны с соответствующей национальной научной традицией: *Немцы в 30-е годы прошлого века дали этой структуре название *Übermoleküle* – сверхмолекула* (Academia, 23.11.2010); *Вот эта по-французски *la vie quotidienne*, а по-русски повседневная жизнь, или частная жизнь...* (А. Чубарьян, Academia, 23.12.2010 – о формировании во Франции т.н. истории повседневности). Иноязычный эквивалент может раскрывать принятый термин: *Есть волна *P [пэ] – primary*, первичная волна* (Н. В. Короновский, «Геологические катастрофы», Academia); *Они образуют группу *NEO – Near-Earth-Objects** (М. Я. Маров, Academia).

С другой стороны, в передачах разного типа часто приводится оригинальное название какой-либо реалии, которое в этом случае предстает как знак иной страны, культуры, эпохи: *Как только начинается *Christmas time*, везде-везде, где есть хоть какая-нибудь труппа, ставится «Щелкунчик»* (Н. Цискаридзе, речь идет о США); *У американцев вообще большой прогресс в области футбола – соккера* (матч «Астон Вилла» – «Манчестер Юнайтед»); *Когда приходят на банкет все эти до нэйшнелы...* (Н. Цискаридзе, о спонсорах театра «Метрополитен»); *Вот об этом возвещал этот колокол – корфью-белл [*curfew bell*]* (П. Любимцев, «Путешествие натуралиста», 19.07.2017); *[в руках у него] доска для игры в го – го-бан* (Е. С. Штейнер, «Манга Хокуса», Academia); *Выиграл два последних *Community Shield*'а* (Суперкубок Англии, «Челси» – «Манчестер Сити», 14.18.2012); *... чтобы построить на осушенной территории – *reclaimed* это называется...* («Галопом по Европам», о Гонконге, ЭМ, 19.08.2013).

В некоторых таких контекстах само слово выступает как некая культурная реалия, как принадлежность определенной страны и культуры. Часто такие выражения сопровождаются словами вроде «как говорят французы (немцы, англичане и т.д.)». *Для меня Нью-Йорк – это, как говорят американцы, *positive craziness*, сумасшествие в хорошем смысле* (Д. Мацуев, «Абсолютный слух»).

Даже в тех случаях, когда иноязычное выражение употребляется, казалось бы, без всякой функции, по чисто внешней причине, например, когда человек не может сразу вспомнить нужное слово родного языка, оно, тем не менее, может создавать определённые эффекты, например, передавать местный колорит: (А. Лиепа, артист балета, продюсер): *Там маленькая есть *charelle*, в которой я постоял и помолился...* (другой участник передачи, поясняя) – *Церковь...* – (А. Лиепа): *Нет, не церковь... *часовенка** («Сати», 6.12.2010). Не всегда можно с уверенностью определить, является ли данный эффект запланированным или случайным.

Примечательно, что лексика, которая не относится к безэквивалентной в привычном смысле этого слова, в русском контексте может (уже в силу принадлежности к другому языку) приобретать коннотации, изначально ей несвойственные: *Американская традиция – чтобы всё было fine* (Н. Цискаридзе об американской сценической манере в балете и об американской улыбке, которой специально учат); *Для меня музыка Верди – это прежде всего – passione, patos, affetto...* (И. Дубровская, певица); (Беседуют пианист А. Гаврилов, артист балета Г. Янин и С. Спивакова): *В Рихтере всё же было много немецкого, для него был важен Ordnung. – Несколько militär.* (С. Спивакова:) – *военизированный. Вот, я у вас выполняю роль переводчика.* В этих примерах иноязычное слово не может быть приравнено к русскому эквиваленту: *Ordnung* выступает не просто в значении ‘порядок’, а ‘порядок в немецком понимании’; *fine* также предстает как нечто специфически американское. В речи певицы слова *passione, patos, affetto* получают значение ‘специфически итальянское’ или ‘вердиевское’. Таким образом, иноязычное слово становится знаком специфического понятия или явления другой культуры.

За многими употреблениями иноязычного слова или выражения (часто с русским переводом или комментарием) стоит ощущение неполного совпадения смыслов слов в разных языках. Видимо, иноязычное выражение представляется говорящему более точным или выразительным, и слово одного языка иногда служит для уточнения слова другого языка: *Я поклонник вашего голоса и поклонник вашего сценического образа – раскаге...* (Д. Вдовин, член жюри, «Большая опера»); *Это такое сливание... – liaison...* (А. Плисецкий, «Большой балет», 28.10.2012); *Когда нужно что-то стоящее выше земли – celeste...* [произносит по-итальянски] (Д. Вдовин). Многие, хотя и переводятся или комментируются, фактически являются лакуной, и это осознаётся и часто подчёркивается говорящим: *Потому что у них есть understatement, у нас – overstatement, у них – недоговоренность...* (С. Тер-Минасова, Academia, 19.07.2013); *И это ожидание ответа, это такое stand by...* (В. О. Подорога, философ, Academia); *И когда он попадает в свой Fach – ящик репертуарный...* (Д. Вдовин, «Большая опера», 27.11.2011). Иногда прямо указывается на отсутствие эквивалента или даже на чужеродность самого понятия для русского сознания и культуры: *На русском языке очень трудно передается английское take love* (Е. Гениева, Academia, 19.12.2013); *Очень многие занимаются балетом, как они сами говорят, для фана, т.е. для себя* (педагог, ведущая классы в Финляндии, «Новости культуры», 15.08.2012); *Есть такое слово в немецком языке – Knäbel, это от Кнабе – это такая «мальчиха»...* (А. Парин, «О пении...», 17.06.2014 – о голосе, для которого создавалась партия Керубино).

Нередки комментарии к собственным номинациям иностранного языка, само название часто сопровождается буквальным переводом или объясня-

ется, иногда рассматривается его внутренняя форма: *Прозвучала скрипка il Cannone* – «пушка» в переводе (С. Спивакова, 18.03.2013); И *субфлёр в труппе Шекспира* тогда назывался не как сейчас – *prompter*, т.е. тот, кто подсказывает, а – *book-keeper* (А. В. Бартошевич, Academia); Мы-то называем это *дужка*, а итальянцы называют *l'anima* – «душа», и французы тоже *l'âme* – душа (С. Спивакова, 18.03.2013 – о части скрипки); ... а тут у нас *гринбэки* – дословно «зелёная спинка», бумажные доллары, у которых одна сторона была полностью зелёная (А. П. Починок, «Фискал», ЭМ, 25.08.2013); Вообще этот уголок – *kiss and cry* – полностью соответствует своему названию (Олимпийские игры, худ. гимнастика, 20.08.2016); [о парижской постановке балета Матса Экка «Квартира»] Тогда балет назывался иначе – «*Апартамент*». Это не только название жилища, это от английского слова *apart* («Билет в Большой», 22.03.2013).

Иногда обсуждается возможный перевод оригинального выражения или названия на русский язык или же, наоборот, иноязычное выражение является уточняющим при цитировании: [о произведении Лероя Андерсона *Fiddle-Fuddle*] Сначала хотели перевести, думали, как перевести, и решили, что это так, ничто, а *nothing*, – штучка, пустячок (С. Спивакова); И персонажи – они называются *les partisans*, что можно перевести и как «партизаны», но правильнее было бы перевести как «соратники»... (Н. Цискаридзе, о балете Бежара «Жар-птица», 7.10.2012); [у Шекспира они не называются ведьмами]... Они называются *Weird Sisters* – вещие сёстры (А. В. Бартошевич, Academia, 7.12.2010); ... случайные – или разрозненные – *random* – наброски (Е. С. Штейнер, «Манга Хокуса», Academia, 4.10.2012 – пересказ англоязычного автора); ... назвал *higgledy-piggledy*, я перевожу это как «комбикормно-винегретное» (там же).

Вместе с тем наблюдаются и другие ситуации: часто иноязычное слово или выражение выскакивает спонтанно, иногда, по-видимому, просто первым всплывает в памяти или является более привычным; оно может дублировать русское слово и не нести при этом никакой содержательной нагрузки: Мы там обедали, ланч... (Ж. Алферов, «Ленинградское дело», 28.08.2012 – о столовой Академии наук в 50-е годы); ... остались заведующими кафедрами, так сказать, *free of charge*, т.е. бесплатно (Ж. Алферов, «Очевидное – невероятное», 18.08.2012); Думали, что всё это сказки, такие *fairytale* [фэри тэйлз], которые моряки рассказывают (В. Е. Захаров, математик, Academia, 12.01.2013); Если у тебя что-то не получается, то цепная реакция – *chain reaction* – продолжается... (Прыжки в воду, чемпионат мира, 25.07.2013) Там была гостиница «Националь» – такой мэтч-бокс, спичечный коробок – так вот он шатался (Н. В. Короновский, «Геологические катастрофы», Academia). В рядах оппозиции как обычно – нет единства. *As usual*, как говорится (Н. Басовская,

«Всё так», ЭМ, 17.11.2012); ... особенно для медных – для брасс-бэнд (А. Варгафтик, «Партитуры не горят», 18.02.2012); Это был такой типичный *self-take* – самоучка (Н. И. Басовская, «Всё так», 13.10.2012); Потом нам позвонили по радиостанции, по воки-токи, и сказали... (И. Мельников, океанолог, Academia, 13.09.2011).

Для говорящего русские и иноязычные лексические единицы, по-видимому, могут быть равноправны и вполне взаимозаменяемы. Довольно часто русские и иноязычные слова даются в одном синонимическом ряду, одно поясняется, раскрывается или дополняется через другое. Мы можем видеть, что английский. (и/ или другие иностранные языки) постоянно присутствует в сознании многих носителей русского языка и часто вмешивается в формирование высказывания на русском языке.

Иногда соответствующее русское слово подбирается не сразу, и даже, возможно, с меньшей точностью: Писались ли сонеты с желанием сделать из них *sequences* – какие-то группировки... (И. Приходько, литературовед, «Игра в бисер», 25.03.2014); Вот брёвна, самолёты, машины – полный микст-ап – коктейль из всего этого (Academia, геолог, 16.04.2013 – о снимке с последствиями цунами); Физическое насилие даёт 98 – я бы по-английски сказала *entries* – словосочетаний... (С. Тер-Минасова, Academia, 18.07.2013). В некоторых случаях наблюдаются трудности в подборе русского эквивалента: Американская публика, я бы сказал, одна из самых... *friendship*... дружельюбных (Д. Мацуев, «Абсолютный слух», 9.09.2015 – уточняет после подсказки); Как играем первую – *introduce*, как вступаем (Даниил Крамер, «Сати»); Играть правильный... *keep the time* (Н. Левиновский, «Большой джаз»). Примечателен пример поиска подходящей номинации вообще без обращения к русскому языку: Найди такое качество в своей *personality*, свою *personnalité*, чтобы она соответствовала качеству исполнения (В. Самодуров, хореограф, прежде работавший в Голландии, «Царская ложа»).

Иноязычное слово или выражение может употребляться либо потому, что оно более привычно, либо потому, что представляется говорящему более точным. Иногда называемое на иностранном языке явление или понятие может быть выражено средствами русского языка, но для него нет готового, закреплённого названия: И вот человек, который сидит на паспортном контроле – *immigration officer* – ... (С. Тер-Минасова, Academia, 19.07.2013); Он вошёл как *sleeping*, или *silent*, *partner*, т.е. не участвующий в самой работе, но инвестирующий (Л. Штерн, «Иосиф Бродский – поэт без пьедестала», 3.03.2016); Следующая строчка очень милая – *political contributions* (А. П. Починок, «Фискал», ЭМ, 8.09.2013). ... Срочно бросить его на то, что по-английски называется *damage control* (Е. Альбац, «Особое мнение», ЭМ, 14.08.2012); Возможна сложная система того, что на Западе называют

job-sharing («Наблюдатель», 21.01.2013); ... *необходимость совмещения профессии главного дирижёра, художественного руководителя, с social life* (Г. Рождественский, «Дирижёр или волшебник?», 11.08.2016). Довольно часто такое выражение сопровождается развёрнутым комментарием или раскрывается в последующем контексте (это относится и к четырём последним примерам, но комментарии, по причине их объёма, здесь не приводятся).

В то же время английские слова (возможно, и слова из других иностранных языков) могут использоваться довольно свободно в русской речи в тех же самых СМИ без перевода, пояснений и комментариев; видимо, предполагается такой круг слушателей, которым эти слова понятны (некоторые из них, правда, могут считаться уже вполне узуальными, но не все): *Чем ты глупее, тем ты более welcome* (Д. Быков, «Особое мнение», ЭМ, 1.12.2010); *Существовала традиция бульварной фантастической литературы, которая отчасти была переводной, отчасти – homemade* (Галина Юзефович, лит. критик, «Хроники Изумрудного города. Александр Волков», 14.07.2016); *Здесь всё дерзость, всё и с к е й н [escape] от того, что полагается* (Нина Геташвили, искусствовед, «Цвингер. По следу дрезденских шедевров», 14.07.2017); *Как вам кажется, здесь есть love story [лав-стори] или это бессюжетный балет?* (С. Бэлза, «Большой балет», 28.10.2012); *Да, это был некоторый а п д э й т Такие а п д э й т ы очень портят книги* (М. Пиотровский, директор Эрмитажа, 3.10.2017 – о том, что на иллюстрации в средневековой рукописной книге были заново написаны лица); *И у него две культуры, два языка, можно сказать, fluent* («Наблюдатель», 2015); – *Как при таком обвале пропаганды добраться до народа думающим людям? – Ну, step by step [стэп бай стэп], вода камень точит* (ЭМ, 12.06.2015).

Нетрудно заметить, что приведенные в статье примеры не однотипны: в одних случаях единицы различных языков образуют «единый план содержания», как это формулирует В. Ю. Розенцвейг (1972, 11–12), излагая идеи Л. В. Щербы (1974, 315 ссл.) о смешанном билингвизме, но с использованием более новой терминологии («обобщение означаемых двух языков, вплоть до образования единого языка в плане содержания с двумя способами выражения»). В других примерах инородность лексических единиц осознается и является прагматически значимой. Не всегда ясно, стоит ли за подобным употреблением бессознательная привычка или определенное осмысление. В большинстве приведенных примеров усматривается разное содержание за единицами разных языков, и именно это становится основным мотивом их совместного использования или предпочтения одного другому; об этом же свидетельствуют некоторые метаязыковые комментарии говорящих. Наиболее интересным представляется осознание неравнозначности лексических единиц различных языков и даже приписывание иноязычным словам особых смыслов, отсутствующих в языке-источнике (среди которых количественно

преобладают английский, французский, немецкий и итальянский языки, реализующие весь спектр функций, тогда как другие языки используются почти исключительно в целях создания колорита).

Таким образом, для достаточно многих современных носителей русского языка характерно существование в нескольких языковых мирах; и другие языки/другой язык (чаще всего английский), похоже, постоянно присутствуют в сознании человека, который свободно черпает из них не только недостающие слова, но, что более существенно, и понятия из других языков и культур, и таким образом достраивает свою картину мира.

Библиография

- Горбов, А. А. (2014), Заимствования в русском языке рубежа XX–XXI веков: дань моде или способ концептуализации актуальных понятий? В: *Acta Slavica Estonica V: Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи*. Тарту, 127–140.
- Карпенко, М. А./Щербак, Е. А. (1974), Нетранслитерированные иноязычные элементы и их функции в произведениях Л.Н. Толстого. В: *Материалы толстовских чтений (Республиканский сборник)*. Тула, 154–164.
- Крысин, Л. П. (2008), Лексическое заимствование и калькирование. В: *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI вв.* Москва, 167–184.
- Ланчиков, В. К. (2005), Семь заблуждений относительно заимствований. В: *Мосты. Журнал переводчиков*. 3 (7), 36–43.
- Листрова, Ю. Т. (2014), Немецкие беспереводные вкрапления в языке трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». В: *Материалы толстовских чтений (Республиканский сборник)*. Тула, 143–153.
- Николаев, С. Г. (2005), Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов. Часть II: Онтологические, корреляционные и функциональные характеристики иноязычия в поэзии. Ростов-на-Дону.
- Розенцвейг, В. Ю. (1972), Основные вопросы теории языковых контактов. В: Звегинцев, В. А. (ред.), *Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты*. Москва, 5–22.
- Филин, Ф. П. (ред.) (1981a), *История лексики русского литературного языка XVII – начала XIX века*. Москва.
- Филин, Ф. П. (ред.) (1981b), *Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века*. Москва.
- Чернышева, М. И. (1994), К вопросу об истоках вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка. В: *Вопросы языкознания*. 2, 97–107
- Щерба, Л. В. (1974), *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград.

ИРИНА ВЕПРЕВА

Уральский федеральный университет

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО УРАЛЬСКИЙ¹

Axiological potential of adjective Russ. *ural'skiy*

Ключевые слова: относительное прилагательное, качественно-оценочное значение, контекстное употребление, аксиосемантика, аксиологическая константа

KEYWORDS: relative adjective, qualitative-evaluative meaning, context based word use, axiological semantics, axiological constant

ABSTRACT: The article presents the specifics of the contextual use of the relative adjective *Ural* in qualitative meaning on the material of federal and regional newspapers published in the Sverdlovsk region. The axiological potential of the toponymic adjective is determined by the essential attributes of space as the fundamental reality of human existence. The analyzed material has shown that the augment of qualitatively-evaluative connotations of the relative adjective occurs due to the guidance of the value meanings by the context represented as the set of the typical compatibility of the word, due to the reflexive discussion of everything connected with the Ural region. At the same time, the axial “small homeland” is the nuclear component of the axiosphere “Ural”, verbally expressed by our lexemes *our*, *native*, *nearest*. In addition, the expression of qualitative characteristics of the adjective *Ural* is associated with a mental predetermined evaluation of abstract concepts. Set expressions (for example, the *Ural character*) functioning in the speech, the explication of the graduation of the relative adjective in the speech help to actualize the value conceptions about the Urals and their inhabitants formed in the consciousness of the native speaker.

1. Постановка вопроса

Топоним *Урал*, введенный в XVIII веке в научный оборот В. Н. Татищевым, именует географический регион, находящийся на границе Европы и Азии. Урал стал крупнейшей горнорудной и металлургической базой российского государства. В ряду апеллятивной лексики топонимического происхождения

¹ Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02. А 03.21.0006. Supported by Act 211 Government of the Russian Federation, agreement № 02. А 03.21.0006. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 /18.

относительное прилагательное *уральский* формально мотивируется именем собственным *Урал*, семантически также и названием жителей Урала: *Урал* и *уральцы* → *уральский*. В процессе функционирования прилагательное *уральский*, сочетаясь с широким кругом лексем, значение которых существенно для выявления содержания категории уральского в массовом сознании, позволяет описать лексическую семантику лексемы *уральский* 'относящийся к Уралу, его территории; а также к уральцам; такой, как у уральцев, как на Урале'.

2. Теоретическая база исследования

Аксиологическая лингвистика, конкретизируя мысль Ю. С. Степанова о том, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка» (Степанов 1974, 15), пытается доказать, что человек при этом вполне свободно оперирует оценочным потенциалом разнообразных единиц языковой системы. Тезис об аксиологичности человеческого сознания на сегодняшний день является общепринятым. Лингвистика вслед за философией понятие «ценность» соотносит с категорией оценки, которая определяется как «мысленная или словесная фиксация» (Анисимов 2001, 16) субъект-объектного отношения к предмету. Оценочное отношение носителя языка к описываемой знаком действительности входит в прагматическую информацию о слове, которая рассматривается как субъективно-модальное приращение к объективному значению слова (см.: Арутюнова 1988; Апресян 1995; Вольф 2002; Кобозева 2000; Складаревская 2001; Телия 1996 и др.). Одним из важнейших средств выражения оценочной семантики является имя прилагательное, которому онтологически присуща признаковость (отношение, в том числе ценностное) как основа качества. По мнению В. В. Виноградова, «качественность ищется в формах о т н о ш е н и й между лицами, предметами, отвлеченными понятиями. Она выводится из отношения к предмету или действию» (Виноградов 1947, 183). Мысль о развитии качественной семантики как одной из особенностей функционирования всего фонда имен прилагательных сквозной темой проходит в лингвистических работах, см., например: «Даже и в относительных прилагательных [...] вскрывается оттенок качественности, а оттенок отношения оказывается вторичным» (Пешковский 1956, 82); «Основное относительное значение легко обрastaет побегам качественных значений» (Виноградов 1947, 222); «Выражение новых качественных значений осуществляется в наше время не средствами аффиксации, но развитием качественных значений у относительных прилагательных» (Земская 1996, 126). Качественное значение, возникающее у относительного прилагательного, – это реализация постоянной коммуникативной потребности

языковой личности оценить предмет. Необходимость системного изучения оценочной функции прилагательного обусловила появление данной работы.

3. Гипотеза исследования

Оттопонимические адъективы относятся к классу тех относительных прилагательных, формально-семантическая характеристика которых проста и стандартна. Однотипность данного класса слов является убедительным основанием для лексикографов не приводить развернутого описания адъективов в толковых словарях. Достаточным является отсылка к производящему слову. Тем не менее наблюдения над оттопонимическими прилагательными (см.: Генералова 2016; Кириченко 2003; Крюкова 2000) позволяют утверждать, что лексические значения лексем не сводятся к компоненту 'относящийся к тому...', а, напротив, проявляют тенденцию к развитию качественной семантики. Цель предпринятого исследования – выявить аксиологический потенциал оттопонимической производной единицы, проследить специфику контекстного употребления относительного прилагательного *уральский* в складывающемся во времени качественном значении.

Материалом для лингвоаксиологического анализа послужили региональные и муниципальные газетные издания (2011–2017 гг.), выходящие в городах, расположенных на территории Свердловской области (Арамиль, Нижний Тагил, Первоуральск, Ревда, Сысерть). Методом сплошной выборки обработано около 700 оцифрованных выпусков газет уральской провинции. Получено свыше 9000 контекстов. Кроме того, источником выборки материала послужила база данных Интегрум (Integrum.ru), включающая 3570 изданий российских СМИ.

Оговорим некоторые особенности паспортизации материала. Датировка источников приводится для развернутых высказываний, вербализованных аксиологических установок и суждений. В тексте статьи не паспортизируются извлеченные из федеральных, региональных и муниципальных газет высказывания, содержащие типовые словосочетания.

Тезисно сформулируем гипотезу исследования: идея отношения, которая передается материальной формой прилагательного, обогащается ценностными смыслами, связанными, с одной стороны, с денотативной отнесенностью топонима, с другой стороны, с семантикой определяемых существительных. При употреблении в речи лексема *уральский* получает контекстно наведенную оценку (см.: Стернин 1985, 118–120), при этом у относительного прилагательного формируется качественно-оценочное значение, на основе которого реализуются ментально значимые смыслы.

4. Результаты исследования и их обсуждение

Оттопонимические прилагательные являются производными от имен собственных. Судьба образований от онимов такова, что они функционально предрасположены отражать существенную культурную информацию о производящем имени собственном (Суперанская 1973). Развитие качественной семантики адъектонима опирается на когнитивные ресурсы ума и обусловлено энциклопедическими знаниями и мнениями носителя языка о культурной значимости производящего топонима, закрепленными в коллективном сознании (см. об этом: Павилёнис 1983, 166). Объектом оценочности становятся «разного рода отличия, то, что 'не похоже', что выделяет» (Крысин 2005, 451) данный объект среди других.

Рассмотрим последовательно семантические участки значения прилагательного *уральский* с учетом специфики производной природы оттопонимического образования: 1) относящийся к Уралу, его территории; 2) относящийся к жителям Урала; 3) такой, как у уральцев, как на Урале.

1-е значение: относящийся к Уралу, его территории

Развитие качественной семантики обусловлено спецификой топонима, который выполняет ориентирующую, индивидуализирующую функцию в пространстве. Аксиологический потенциал оттопонимического прилагательного в этом случае кроется в коллективном опыте «оперирования с пространством», который формирует ценностные представления о должном, правильном, «социально желанном» (Kluckhohn 1962, 289). «В силу базовости самого пространства как основополагающей реальности бытия человека» (Фурс/Черемисин 2016, 29) топонимы, номинирующие актуальные участки географического пространства, естественно входят в аксиосферу. «Человек не выносит смысловой и ценностной пустоты места, где он живет, ему насущно необходимо его осмыслить и ценностно упорядочить. Этот – экзистенциальный по существу – аспект отношений человека к месту его жизни» (Абашев 2000, 5).

Региональная и муниципальная пресса – материал наших наблюдений – обладает одной общей особенностью – географичностью стиля, и поэтому может служить источником данных об аксиологическом потенциале топонимов и оттопонимических производных. В материалах «малой прессы» регулярным аксиологическим приращением является социоцентрическая идея гражданской общности, предполагающая «совершение действия для общего блага» (Бартминьский 2015, 364). Эту аксиологически значимую информацию для целевого адресата (жителей городов и поселков Среднего Урала) передают оттопонимические прилагательные *арамильский*, *билимбаевский*,

салдинский, тагильский, ревдинский, сысертский, первоуральский и др. При этом общерегиональной константой во всех случаях употребления является лексема *уральский*. Например: *На Ревдинском кирпичном заводе внедрена уникальная для уральского региона технология: из контрольной трубы дым не идет вообще* (Городские вести, 20.01.2010). Сочетание *уральский регион* фиксирует территорию, объединённую по географическому принципу, все ревдинское одновременно осознаётся как уральское.

Географическое пространство Среднего Урала имеет свой центр (Екатеринбург – город областного значения) и периферию (населенные пункты Свердловской области). Оппозиция «центр – периферия» и, соответственно, «большое – малое» реализуется регулярно. Ср.: *уральская* (далее – у.) *столица* и у. *глубинка*, у. *посёлок*, у. *деревня*, у. *село*. Например: *Уральские сёла – тёзки с ягодным названием Калиновка. Они расположены в Байкаловском, Красноуфимском, Талицком районах* (Областная газета, 17.10.2015). При этом «освоенное, пригодное для жизни, заселенное пространство» (Березович, 2014, 115) прилегающих к Екатеринбургу городов в картине мира жителей этих городов предстаёт как малая родина: *Екатеринбург, Арамил, Берёзовский – это уральские, но разные по размеру города. Для кого-то они являются малой Родиной* (Областная газета, 16.02.2016). Уральское неизменно мыслится как «наше», «родное», «близкое»: *традиции родного у. края; наш у. край; родная у. земля; дары родной у. земли; наш у. регион, наши у. просторы*.

Словообразовательная связь лексемы «родной» в значении «свой по рождению, по духу, по привычкам» (Толковый словарь русского языка 2008, 836) с существительным «родина» в контекстном сочетании *родная уральская земля* позволяет выявить аксиологическое наполнение предметов «ближнего круга» для человека, живущего на Урале, – родная земля, родной дом, родной край (см. о концептообразующем начале константы «родная земля»: Степанов 2001, 171–181; Телия 2001).

В определенных случаях своего употребления лексема *уральский* приобретает не только эмоционально-оценочные, но и эстетические приращения, наведённые семантикой сильных контекстных партнеров: *В уральском регионе очень красивая природа, заповедники, исторические места. [...] Места здесь привольные: сосновые и берёзовые перелески, зарастающие травой по пояс, маленькие речки под ногами струятся... Красота, словом, самая настоящая – уральская* (Арамилские вести, 25.09.2013). Имплицитно формируется суждение: настоящая уральская красота – это *простор, приволье* (см.: Левонтина/Шмелев 2005, 65–75). Региональное представление о прекрасном соответствует общерусскому: *Отличия Урала от России – это оттенки русского цвета, а не другой цвет* (А. Иванов, Новая газета, 4.08.2008).

На фоне единства уральского с общерусским выстраивается аксиологическая константа личности, значимости Урала для России. Лексема *уральский*

приобретает ассоциативно связанный с уральским географическим пространством смысл: «обладающий природным богатством». Концепт «богатство» в сознании уральцев естественно связан с полезными ископаемыми. *Щедрая уральская земля* традиционно ассоциируется с «кладовой родины» и «малахитовой шкатулкой»: *У. золото – весомый вклад в золотой запас России, в кладовую родины; «Малахитовая шкатулка» не опустела; В недрах Среднего Урала добывают драгоценные камни.* Типовые сочетания: *у. алмазы, у. изумруды, у. рубины, у. сапфиры, уникальные у. александриты, природный у. жемчуг.* Уральские драгоценные камни характеризуются как «не имеющие аналогов», «востребованные» на внутреннем и на мировом рынке.

Образ уральского пространства в коллективном сознании жителей Свердловской области неразрывно связан с представлением о жизненной необходимости действующих заводов: *Урал живет, пока живут заводы.* Ключевое слово *завод* привычно употребляется в названиях промышленных предприятий независимо от места их расположения в сочетании с прилагательным *уральский*: *Уральский турбинный завод, Уральский оптико-механический завод, Уральский завод прецизионных сплавов, Уральский дизель-моторный завод, Уральский завод деталей трубопроводов, Уральский завод автофургонов* и др. Множественное число прилагательного употребляется в сочетаниях, содержащих разную степень обобщения: *наши у. заводы, наши у. металлургические заводы.* Косвенным показателем развития качественной семантики словосочетания *уральский завод* является образование от прилагательного абстрактного существительного с суффиксом *-ость*: *Нижний Тагил и Каменск-Уральский воплощают в себе воспетую на все лады типично уральскую структуру экономики: металлургия плюс серьезное машиностроение. В нынешнем Екатеринбурге такой уральскостью и не пахнет* (Уральский рабочий, 18.01.2006).

Смысл синтагмы *наше уральское* соотносится не только с промышленностью. Об этом свидетельствуют сочетания *у. наука, у. литература, у. журналистика, у. прикладное искусство, у. лаковая живопись по металлу, у. роспись, у. народные промыслы, у. рок, у. краеведение* и др. Во всех случаях *уральское* трактуется как «самобытное», «своеобразное», «сложившееся на Урале», «получившее развитие на Урале», «характерное для Урала».

2-е значение: относящийся к жителям Урала

Активно реализуются в речи сочетания прилагательного *уральский* с существительными лица в форме множественного числа (на основе этих сочетаний формируется концепт «наши люди»): *у. металлурги, у. сталевары, у. инженеры, у. конструкторы, у. изобретатели, у. рационализаторы, у. интеллектуалы, у. ученые, у. математики, у. археологи, у. врачи, у. писатели, у. художники,*

у. артисты, у. педагоги, у. тренеры, у. спортсмены, у. фигуристы, у. садоводы, у. овощеводы, у. школьники, у. студенты, у. ветераны и др. Преимущественно во множественном числе употребляются существительные с семей лица, обозначающие региональную специфику профессии: *у. рудокопы, у. углежогы, у. камнерезы, у. оружейники.*

Социоцентрическая направленность ценностных предпочтений подтверждается развитием идеи общественной пользы коллективного труда и коллективного разума: *От труда у. рудокопов всегда зависело и качество, и количество выплавляемого на металлургических заводах металла; На Иннопроме у. ученые впервые представляют радиопринтер; У. археологи нашли кости мамонта на Дальнем Востоке; У. врачи провели уникальную операцию; У. фигуристки – чемпионки мира по синхронному катанию.*

Социоцентризм гармонически сочетается с персонализмом. Последнее подтверждает философские обобщения о феномене русскости: «В русском народе сочетается принцип личности с принципом общинности» (Бердяев 1997, 279). Концепт «наш человек» синтезирует смыслы «общее уральское» и «незаурядное, индивидуальное». В текстах газет освещаются, например, личные достижения в прошлом и настоящем: *50 лет назад (в 1956 году) у. математик Валентин Иванов был удостоен Ленинской премии за вклад в разработку теории некорректных задач; У. инженер-исследователь Дмитрий Мальцев получил премию за достижения в области науки и инноваций Scopus Award.* Для персонализма по-уральски характерно отсутствие прагматической сверхзадачи. Азартное стремление реализовать свой талант «для интереса» позволяет сделать нечто невозможное. Ср.: *90-летний у. металлург Николай Мезенин издал справочник «Династия Демидовых» – это его 18-я книга о знаменитом роде; У. умелец Сергей Александров на спор собрал в гараже вездеход на гусеничном ходу; У. умелец Фаниль Киранов мастерит точные копии архитектурных шедевров величиной в человеческий рост из спичек и крошечные модели мотоциклов из старых наручных часов.*

3-е значение: такой, как у уральцев, как на Урале

Качественное значение у относительного прилагательного *уральский* наиболее ярко проявляется в сочетаниях атрибутивного слова с лексемами абстрактной семантики, обобщающими основные особенности проявления уральского, например: *у. стиль, у. ментальность, у. культура, у. школа, у. погода, у. ландшафт, у. красота / красоты, у. традиции, у. хватка, у. патриотизм и др.*

Качественно-оценочные аспекты семантики относительного прилагательного продемонстрируем на примере анализа устойчивого сочетания *уральский характер*, отсылающего к описанию совокупности свойств человека, живущего на Урале. Созданию обобщенного образа способствует

стереотипное представление о человеке из провинции. Прецедентной стала фраза из старого советского фильма *Да она что, с Урала?* Высказывание закрепило за уральцами признаки простоты, провинциальности, несовременности, отсутствия светского лоска. Этот качественно-оценочный аспект словосочетания *уральский характер* находит отражение в газетном материале в виде рефлексивного осмысления данного понятия, например: *Мы безошибочно узнаём своих земляков, где бы их ни повстречали: по особому уральскому характеру, по душевности и простоте, по взаимовыручке и равнодушию к судьбе Екатеринбурга, Урала и всей страны* (Вечерний Екатеринбург, 14.08.2009); *Старинные часы, пишущая машинка, проигрыватель для пластинок – все говорит о постоянстве уральского характера* (Комсомольская правда, 16.06.2011); *А в провинциальном уральском характере все-таки есть сердечность, отзывчивость* (Аргументы и факты, 22.04.1998).

В то же время контекстные употребления словосочетания *уральский характер* позволяют выявить особые черты человека с уральским характером, например: *Она решила описать знаменитый уральский характер. «Мы, уральцы, как тагильские танки, идем напролом, добиваемся своей цели», – заявила она* (Коммерсантъ, 05.07.2013); *Возможно, в этих работах – квинт-эссенция мужественного, без лишних сантиментов уральского характера: не пожалеть жизни, чтобы добиться вершины мастерства* (Удмуртская правда, 14.08.2009).

Считается, что традиционно уральцу свойственны *упорство, настойчивость, основательность, трудолюбие, упрямство, справедливость, душевность*, например: *Сегодня можно говорить о существовании уникального уральского характера. В его основе очень ответственное отношение предшествующих поколений заводских рабочих к труду, хотя и тяжелому, изнуряющему, а также воля, независимость, человеческое достоинство* (Уральский рабочий, 09.08.2003).

Словосочетание *уральский характер* получает следующие контекстные характеристики: *крепкий, напористый, целеустремленный, прямолинейный, непростой, сильный, гордый, преданный, неистребимый, суровый, мужественный, независимый, терпеливый, стойкий, твердый, как камень, крепче крещенских морозов и др.*

Эксплицированная возможность проявления качественности оттопони-мического прилагательного зафиксирована в сочетаемости лексемы *уральский* с показателями превосходной степени, а также со шкалярными наречиями *совершенно, типично* и др. Например: *Город стоит как сверхуральская и мощная держава; самая уральская профессия – взрывники; самый уральский – Данила-мастер; Д. Н. Мамин-Сибиряк и П. П. Бажов – самые уральские писатели; капуста – самая уральская овощная культура; мамонт – самое*

уральское животное; пельмени – самое уральское блюдо; рябина, боярышник, калина – самые уральские ягоды; совершенно уральским было поведение хитников, всегда полагавших добычу самоцветов своим природным правом и уж никак не воровством; типично уральские заводские трубы; типично уральский пейзаж и др.

5. Заключение

Функционируя в газетном дискурсе, относительное прилагательное *уральский* реализует аксиологический потенциал семантики, который позволяет лексической единице выступать в роли вербально выраженной концептуальной единицы аксиосферы, выражающей общие модусные установки и оценки, которые поддерживаются синтагматически. Сочетаемость прилагательного *уральский* в границах высказываний характеризуется регулярными денотативными, эмоционально-оценочными, эстетическими приращениями, в совокупности отражающими наполнение матрицы уральской культуры.

Ядерным компонентом аксиосферы «уральский» является аксиологическая константа «малая родина», которая выражает идею единения, вербально выраженную лексемами *наше, родное, близкое*. Частные характеризующие признаки аксиосферы: признак щедрости, богатства, который обобщенно может быть представлен аксиологическим суждением «Урал – кладовая родины»; признак сохранения и развития промышленного производства – источника жизнедеятельности.

Развитие качественных характеристик у относительного прилагательного *уральский* связано с атрибутивной характеристикой абстрактных понятий. Функционирование в речи устойчивого сочетания *уральский характер* помогает актуализировать представление об уральском характере в сознании носителя языка. Контекстные партнеры выявляют такие значимые аспекты содержания анализируемого концепта, как твердость, настойчивость, прямолинейность, стойкость, суровость, основательность, трудолюбие, суровая нежность.

Библиография

- АБАШЕВ, В. В. (2000), Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь. Анисимов, С. Ф. (2001), Введение в аксиологию: Учебное пособие для изучающих философию. Москва.
- АПРЕСЯН, Ю. Д. (1995), Избранные труды Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва.
- АРУТЮНОВА, Н. Д. (1988), Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва.

- БАРТМИНСКИЙ, Е. (2015), Солидарность: между понятием и идеей? В: Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. Москва, 363–379.
- БЕРДЯЕВ, Н. А. (1997), Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва.
- БЕРЕЗОВИЧ, Е. Л. (2014), Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. Москва.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. (1947), Русский язык: Грамматическое учение о слове. Москва/Ленинград.
- ВОЛЬФ, Е. М. (2002), Функциональная семантика оценки. Москва.
- ГЕНЕРАЛОВА, Е. В. (2016), О развитии значений оттопонимических прилагательных в русском языке (на примере истории лексемы «московский»). В: Сибирский филологический журнал. 3, 157–171.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. (1996), Глава III. Активные процессы современного словопроизводства. В: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва, 90–141.
- КИРИЧЕНКО, О. К. (2003), Развитие качественной семантики у прилагательных петербургский, питерский, ленинградский (к характеристике концепта «Петербург» в обыденном сознании). В: Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика. VI, 104–109.
- КОБОЗЕВА, И. М. (2000), Лингвистическая семантика. Москва.
- КРЫСИН, Л. П. (2005), Этностереотипы в современном культурном сознании: к постановке проблемы. В: Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 450–455.
- КРЮКОВА, С. В. (2000), Структурно-семантическая характеристика прилагательных, образованных от названий населенных пунктов. Белгород.
- ЛЕВОНТИНА, И. Б., ШМЕЛЕВ, А. Д. (2005), Родные просторы. В: Ключевые идеи русской языковой картины мира. Москва, 64–75.
- ПАВИЛЁНИС, Р. И. (1983), Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. Москва.
- ПЕШКОВСКИЙ, А. М. (1956), Русский синтаксис в научном освещении. Москва.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (2001), Слово в меняющемся мире. В: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы (Исследования по славянским языкам). Корейская ассоциация славистов. Сеул, 177–202.
- СТЕПАНОВ, Ю. С. (1997), Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва.
- СТЕПАНОВ, Ю. С. (1974), Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. В: Бенвенист Э. Общая лингвистика. Москва, 9–16.
- СТЕРНИН, И. А. (1985), Лексическое значение слова в речи. Воронеж.
- СУПЕРАНСКАЯ, А. В. (1973), Общая теория имени собственного. Москва.
- ТЕЛИЯ, В. Н. (2001), Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании родина. В: Язык и культуры: факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. Москва, 409–418.
- ТЕЛИЯ, В. Н. (1996), Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва.
- ФУРС, Л. А./ЧЕРЕМИСИН, А. Н. (2016), Интерпретация знаний о пространстве как проявление антропоцентризма в языке. В: Вопросы когнитивной лингвистики. 2/47, 29–38.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) (2008), Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Москва.
- KLUCKHOLN, C. (1962), Culture and Behavior: Collected Essays. New York.

ЕЛЕНА МАРИНОВА
Университет Лобачевского

ОТСУТСТВИЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ У НАРИЦАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НА СОГЛАСНЫЙ: ГРАНИЦЫ ЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

**Absence of inflexion of common nouns ending in a consonant:
the boundary of the phenomenon in the modern Russian speech**

Ключевые слова: несклоняемые существительные на согласный, грамматическая вариантность, аналитические тенденции, традиционное словоизменение, факторы, поддерживающие несклоняемость

KEYWORDS: indeclinable nouns ending in a consonant, grammatical variation, analytical tendencies, traditional inflexion, factors supporting indeclinability

ABSTRACT: The study was based on the texts from the “Electronic corpus of Russian newspapers” (MSU project), “Integrum”, “Russian national corpus” and recordings of speech, from the beginning of the XXI century. The aim is to analyze the absence of inflexion of common nouns ending in a consonant. The relevance of the research lies in the fact that the concerned phenomenon, previously peripheral, is becoming more and more frequent. The article describes the factors supporting indeclinability of nouns ending in a consonant: multi-functionality of a word, analogy with a proper name (onim), foreign graphics, fashion factor; as well as new categories of nouns ending in a consonant, which are used without inflexion. The analysis shows that in certain fields of the modern Russian language, deep mechanisms of traditional inflexion compete with analytical tendencies. The facts of grammatical variation of new foreign nouns prove it. The study was carried out in the framework of dynamic language description method.

Имена существительные, употребляющиеся в русской речи без словоизменения, составляют довольно обширный класс, несмотря на то что русский язык относится к языкам синтетического типа. В этот класс входят как онимы, так и аппеллятивы; как аббревиатурные, так и не аббревиатурные субстантивы. Ядром класса считаются несклоняемые нарицательные существительные на гласный¹. Однако наиболее значимые для развития русского языка последних

¹ Им посвящена обширная научная литература как в России, так и за её пределами (см., например: Астен 2003; Бранднер 2004; Приорова 2008; Успенская 2009; Nedomová 2013, etc.).

десятилетий явления, связанные с отсутствием именного словоизменения, происходят в периферийной группе, а именно среди нарицательных существительных с консонантным исходом.

До недавнего времени (примерно до конца XX века) такие существительные представляли собой два малочисленных разряда слов-экзотизмов². Один разряд составляли феминитивы (наименования лиц женского пола, служащие также обращением к ним: *мадам, мисс, миссис, фрейлейн, фрекен*); другой – номинации группы лиц (субстантивы с исходом на -с или -з испанского или английского происхождения, относящиеся к существительным *pluralia tantum*): *коммандос* ‘специальные отряды, подготовленные для проведения операций, гл. обр. в конфликтных зонах и очагах напряжённости (первонач. в Великобритании)’ (Крысин 2000), *маринз* ‘солдаты морской пехоты’, *мачетерос* (о членах националистической революционной организации Пуэрто-Рико), *чиканос* ‘американцы негритянского происхождения’³.

Несклоняемость этих экзотизмов объясняется формальными причинами: слова имеют структурные ограничения для словоизменения. Для феминитивов весьма существенно то, что они заканчиваются твёрдым (не шипящим) согласным (как известно, существительные женского рода в русском языке должны иметь в конце основы либо мягкий согласный, либо шипящий: *мать, ложь*). Для существительных *pluralia tantum* ограничение, по-видимому, заключается в необычном для личных существительных исходе формы множественного числа⁴.

Однако названные ограничения не имеют абсолютного характера. Так, например, в просторечии может склоняться слово *мадам* (*мадама*). В современной речи слово *коммандос* употребляется в новом значении ‘боец специального отряда’, осмысливается как форма единственного числа и склоняется, например: *история коммандоса*. Склоняются и не личные существительные *pluralia tantum* сходной структуры, типа *леггинсы, чипсы, тинсы*, которые в процессе адаптации оформляются русскими окончаниями.

Обе группы, тем не менее, пополняются новыми неизменяемыми единицами. На рубеже XX–XXI веков в русский язык пришли феминитивы *бизнесвумен* (*быть бизнессвумен*), *гёрлфренд* (*встретиться с гёрлфрендом*),

Об изменениях в этой группе несклоняемых существительных (на материале текстов нач. XXI в.) мы писали в (Маринова 2008, 178–182; 2014, 103–104).

² Все другие случаи отсутствия словоизменения у субстантивов на согласный имели спорадический характер: так, в 40-е гг. XX в. не склонялось, по данным Л. П. Крысина, *комикс* (Крысин 1968, 146).

³ На эту группу впервые обратил внимание В. С. Гимпелевич (1976).

⁴ Конечный согласный (-с или -з) восходит к форманту множественного числа -s языка-источника. Поскольку существительные употребляются в грамматическом значении множественного числа, деплорализация не происходит: плюральные (в языке-источнике) формы слов на русской почве оказываются застывшими, неизменяемыми словами.

гёрлскаут (форма *г ё р л с к а у т*), *кол-гёрл* 'девушка по вызову' (звонок *к о л - г ё р л*), *хостес* 'девушка, встречающая посетителей ресторана и провожающая их к столику' (*узнать у х о с т е с меню ресторана*), *кавер-гёрл* 'девушка с журнальной обложки' (*обложка с неизвестной кавер-гёрл*); актуализировалось в новом значении ('роковая женщина') слово *вамп* (*взгляд настоящей в а м - п*)⁵. Номинации группы лиц (существительные *pluralia tantum*) пополнились словами *гёрлс* 'группа девушек, выступающих на эстраде' (*выступать с г ё р - л с*), *контрас* 'антиправительственные формирования в Латинской Америке' (*борьба с к о н т р а с*), *группиз* 'особо преданные поклонницы, сопровождающие рок-группу на гастролях' (*поссориться со своими г р у п п и з*), *ультрас* 'высокоорганизованные фанаты спортивного клуба' (*выступления у л ь т р а с*) и более редкими, которые, тем не менее, нашли отражение в словарях, например в (Шагалова 2009): *гусанос* (о кубинских эмигрантах-контрреволюционерах), *инчас* 'болельщики Аргентины', *путас* 'путаны'.

Изменения в указанных разрядах произошли не только количественные, но и качественные. Так, новые несклоняемые феминитивы на согласный не являются экзотизмами, в отличие от слов той же структуры, появившихся ранее. Среди существительных *pluralia tantum* также есть слова, не относящиеся к экзотической лексике (*ультрас*, *группиз* и др.). Кроме того, состав обеих групп расширяется за счёт слов других тематических сфер. Так, существительные на *-с/-з* представлены не личными существительными, которые не склоняются, см.: *основы п а б л и к - р и л е й ш н з*; *итоги п р а й м е - р и з*; *коробочка с б р а у н и з* (о шоколадных пирожных); *начинка для б у р - р и т о с и э н ч и л а д а с* (о национальных мексиканских мучных изделиях).

К несклоняемым феминитивам «примыкают» оканчивающиеся твёрдым согласным не одушевлённые существительные, которые используются в речи без падежных окончаний, обнаруживая при этом признаки женского рода: *грин-кард* 'вид на жительство', *кантри-мьюзик*, *от-кутур*, *ресепшен*, *поул-позишен* 'стартовая позиция, которую гонщик имеет право выбрать при условии победы в квалификационном заезде' и др. Существительные с такими грамматическими особенностями представляют новое для современного русского языка явление⁶. Вот несколько иллюстраций: *Наличие г р и н - к а р д является необходимым условием пользования автомобилем (ЭКГ)*⁷; *Концерт состоится в городке Брансон, который является вторым [...] центром «к а н т р и - м ь ю з и к» (ЭКГ)*; *Всё для вашей р е с е п ш е н* (реклама);

⁵ Ранее только об амплуа актрисы, см. (Ушаков 1935): *вамп* 'амплуа хищной красавицы в кино'.

⁶ Подробный анализ этого явления даётся в (Маринова 2013, 53–65), где, в частности, отмечается, что при употреблении некоторых из этих слов в склоняемой форме меняется их принадлежность к грамматической категории рода: они приобретают признаки мужского рода.

⁷ ЭКГ – Электронный корпус русских газет конца XX – начала XXI века, проект Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Нам пока не удалось завоевать ни одной п о у л - п о з и ш е н и одержать ни одной победы (ЭКГ).

Можно отметить также разряд особых (но не редких) заимствований, которым в языке-источнике соответствуют сочетания слов или сложные слова, в том числе аббревиатуры. Так, используются преимущественно как несклоняемые слова *плей-офф* 'игра «на вылет»' (англ. play-off), *ол-инклюзив* 'система гостиничного обслуживания по принципу «всё включено»' (англ. all inclusive), *трейд-ин* 'взаимозачёт при покупке нового или подержанного автомобиля' (англ. trade-in) и др. Без падежных окончаний употребляют-ся нередко: *прайм-тайм* 'лучшее время в эфире для показа рекламы' (англ. prime-time), *фастфуд* (англ. fast food), *хай-тек* (англ. hi-tech), *хай-фай* (англ. Hi-Fi 'высокая точность воспроизведения'), *хенд-мейд* 'сделанное своими руками' (англ. hand made) и др.⁸ См.:

Команде предстоит участвовать в п л е й - о ф ф (ЭКГ); *Невозможно отказаться от о л - и н к л ю з и в* (НКРЯ)⁹; *Выгода от т р е й д - и н* (реклама); *Купить автомобиль по т р е й д - и н* – легко (реклама); *Приходилось соблюдать условия п р а й м - т а й м* (НКРЯ); *Настоящих гурманов даже дешевизной не привлечёшь к ф а с т ф у д* (ЭКГ); *«Теория и практика х а й - т е к»* (название учебного курса); *Любителям х а й - ф а й* (реклама); *«Магазин х а й - ф а й»* (название магазина); *«Идеи х е н д - м е й д»* (название рубрики) и под.

Трудности» со склонением возникают и при использовании в речи англицизмов с уникальными для русского языка исходами: *-жн, -шн*¹⁰. См.: *в сти-ле афро-американского ф ъ ю ж н*; *размещение рекламы на т р и в и ж н* (вид наружной рекламы. – Е. М.); *в большинстве хороших э к ш н*; *узнать на р е - с е п ш н* и др. По выражению Е. А. Земской, исход подобных слов «слишком иноязычен», что мешает его соединению с русскими флексиями (Земская 2001, 202).

При отсутствии структурных особенностей, отмеченных выше, «нестандартное» грамматическое поведение некоторых существительных поддерживается несколькими ф а к т о р а м и (они могут действовать комплексно), которые мы определили следующим образом: 1. полифункциональность (свойство слова употребляться в роли разных частей речи); 2. аналогия с онимами; 3. чужая графика; 4. фактор новизны.

⁸ Подобное явление ранее отмечалось Е. А. Земской в речи русских эмигрантов (не склонялись как вкрапления *body-shop, dead-line, public school, high school* и др.) (Земская 2001, 202).

⁹ НКРЯ – Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru.

¹⁰ В русском языке некоторые из заимствований на *-шн* со временем приобретают другой вариант написания (*ресепшн* и *ресепшен*; *промоушн* и *промоушен* и т.д.). В таких парах кодификацию получают варианты на *-шен*, к стати сказать, более удобные для склонения. Подробнее эту группу англицизмов мы анализировали в (Маринова 2012).

Рассмотрим каждый из них подробнее.

1. **Полифункциональность.** Многие иноязычные неологизмы на первой стадии освоения семантически диффузны – лексическое значение нового слова размыто и нередко лишь приблизительно «угадывается» из контекста. Значимость контекстуального окружения слова в таком случае возрастает. «Подсказать», прояснить лексическое значение неологизма может, например, атрибутивная конструкция, в которой неологизм в качестве определения относится к существительному, обозначающему более широкое, родовое понятие. См.: *в стиле фолк*, *в стиле фанк*, *в режиме онлайн*, *в режиме офлайн* и т.п. В таких синтагмах иноязычный неологизм употребляется как неизменяемое слово (аналитическое прилагательное). В препозиции к другому субстантиву иноязычное слово совсем уже теряет «существительность» (слово М. В. Панова), особенно в одном ряду с обычным прилагательным, см.: *Банковские и ресепшн стойки также входят в наш ассортимент!* (реклама); *Рекламная, фешн и персональная фотография* (реклама); *Использовались компьютерные и интернет технологии* (из научного доклада) и под. Заимствуемое слово может употребляться, наряду с функцией существительного и прилагательного, и в функции наречия – см.: *Вы можете заказать услугу по телефону или онлайн*; *Встретиться офлайн*; *Загорать (отдыхать, сниматься) топлес* и под.

Употребление иноязычного слова в роли наречия и прилагательного (*консультация онлайн*; *съёмка топлес*; *занятия «фитнесс»*) формирует представление о его «застывшей», неизменяемой форме. Таким образом, грамматическая полифункциональность является одним из факторов, поддерживающих отсутствие словоизменения нарицательных существительных на согласный.

2. **Аналогия с онимами.** Иноязычные неологизмы, выступающие в качестве онимов в синтаксической функции приложения, естественно, не склоняется (*в системе «Интернет»*, *в сети «Твиттер»*, *в сети «Инстаграм»*). Однако эта функция оказывается настолько весомой для говорящего, что и в другой синтаксической роли (дополнение, обстоятельство) онимы используются в той же форме (вспомним достаточно устойчивую до недавнего времени формулу: *подключиться к интернет*; см. также: *Об этом политик написал в Твиттер*; *Смотрите по вай-фай* – примеры из речи телеведущих). Отказ от склонения онимов – примета наших дней. Об этом можно судить по многочисленным слоганам, в которых независимо от того, на каком алфавите передаётся название, оно не склоняется, например: *Осеннее предложение от Но-Шна*; *Авиабилеты от СВЯЗНОЙ ТРЭВЕЛ*; *Дыши футболом! Живи футболом! Пей Coca-cola!*; *Я чувствую себя хорошо с Lenor*; *Выгода для каждого*

туриста с *Android* и *Mastercard*. См. также заголовок статьи рекламного характера: *Бразильцы мечтают о Lada* (ИПМ)¹¹.

Подобные словоупотребления, можно сказать, навязываются стилистикой определённых речевых жанров (слоган, рекламный текст). Вероятно, по аналогии с онимами не склоняются и аппеллятивы.

3. Следующий фактор – употребление иноязычных слов в графике языка-источника (как иноязычное вкрапление).

На первой стадии «внедрения» иноязычного неологизма в иную языковую среду написание его в оригинальной графике (графическое заимствование) – частотное явление. В этом случае слово предстаёт в русском тексте как единица чужого языка, на которую правила русской грамматики не распространяются. Правда, по традиции, пришедшей из прошлых веков, гибридные написание «иноязычное вкрапление + русское окончание» иногда встречаются в современных текстах (как, например, в рекламе *Свежие notebook'и!*) в целях выразительности, для привлечения внимания. Однако основной массив вкраплений употребляется без русских окончаний. См. примеры употреблений некоторых модных вкраплений: *jet set* 'элита, сливки общества' – *Для члена jet-set не составляет никакого труда, позавтракав в Париже, вечером оказаться в Лондоне, а ночью отправиться в Мадрид* («Cosmopolitan» 2001, № 8); *tapas* (исп. закуски) – *Всё о tapas* (название кулинарной книги). По отношению к иноязычной лексике оригинальная графика при передаче слова на письме – «сильная позиция», позволяющая нередко пренебрегать правилами принимающего языка.

На рубеже XX–XXI вв. многие неологизмы иноязычного происхождения первоначально включались в текст как вкрапления и, даже получая кириллический вариант, употреблялись (а некоторые употребляются и по сей день) в двух графических вариантах – в написании латиницей и кириллицей. Например: *Web* и *веб*, *email* и *имейл*, *sale* и *сейл*, *up-grade* и *апгрейд*, *must-have* и *маст-хэв*, *Wi-Fi* и *вай-фай*, *casual* и *кэжуал* (о стиле в одежде) и др.

Современное состояние лексики русского языка показывает, что при широкой распространённости, актуальности реалии (тем более интернациональной), кириллический вариант входит в русское письмо и осваивается достаточно быстро (*пиар*, *интернет*, *веб*, *онлайн*). Однако словоизменение может «задержаться», поскольку несклоняемые варианты «поддерживает» письменная форма речи, более авторитетная. Устная форма речи какое-то время воспроизводит употребление, установившееся в письменной речи:

Отправьте сообщение по e-mail.

Подключиться к Internet.

¹¹ ИПМ – интернет-поисковые материалы.

Заниматься fitness.

Сидеть в Twitter.

После того как у нового слова появляется кириллический вариант, «по инерции» оно продолжает использоваться в неизменяемой форме и в письменной речи:

Отправьте сообщение по и м е й л .

Подключиться к И н т е р н е т .

Заниматься ф и т н е с .

Сидеть в Т в и т т е р .

4. В выборе несклоняемой формы новых иноязычных слов важную роль играют ф а к т о р н о в и з н ы, языковая рефлексия говорящего на «чужое», непривычное слово. Так, в 90-х годах XX века использовались только как несклоняемые неологизмы *пиар* (специалисты по пиар), *памперс* (в новых памперс), *фитнес*; в начале XXI века – *ресепшен* (девушка на ресепшен), *прайм-тайм* (рейтинги уровня прайм-тайм), *фастфуд* (сеть фастфуд), *фэншуй* (искусство фэншуй), *бонсай* («Школа бонсай»), *праймериз* (участвовать в праймериз) и др.

Тем не менее в большинстве случаев иноязычные существительные, употребляющиеся в русской речи без падежных окончаний, со временем «получают» склоняемый вариант, который постепенно вытесняет несклоняемую форму. Отсюда характерное для современной речи явление в а р ь и р о в а н и я по признаку склоняемости / несклоняемости. Вот некоторые примеры: *Победить на праймериз* и *Победить на праймеризе* (из газ.); *Спросить на ресепшен* и *Спросить на ресепшене* (из устн. речи); *Пришёл с гёрлфренд* (из газ.) и *Прийти с гёрлфрендой* (из устн. речи); *Индустрия фастфуд* и *Индустрия фастфуда* (из газ.); «*Искусство фэншуй*» и «*Энциклопедия фэншуй*» (названия книг); *Школа бонсай* и *Школа бонсай* и др.

Склоняемые формы встречаются даже у иноязычных слов с непривычными для русского языка формантами: *-офф* < *-off* (плей-офф), *-ин* < *-in* (трейдинг, чекин – от check-in «регистрация»). См.:

Формат п л е й - о ф ф а устанавливается в зависимости от вида спорта, страны проведения и вида турнира (ИПМ); Мировой опыт «т р е й д - и н а» коммерческой техники подтверждает оправданность такого подхода (ИПМ); Недавно в контакте появилась новая функция, получившая название Чекины. В чем смысл этих ч е к и н о в ? Это какие-то бонусы? (из переписки на одном из интернет-форумов).

Разговорная речь, в том числе электронная форма речи в интернет-коммуникации, преодолевает даже структурные ограничения (о которых мы говорили

выше), образуя суффиксальные варианты несклоняемых существительных и/или «надеяя» их окончаниями: *гёрлфрендша, гёрлфрендиха, бизнесвуменша*. Ср. также: *танцевать под попс* и *устать от попсы*.

Поскольку конкуренция вариантов, как правило, заканчивается «победой» склоняемого варианта, что вполне естественно для русского языка, можно говорить о том, что отсутствие склонения у слов на согласный характеризует именно этап *а д а п т а ц и и* иноязычного существительного, его постепенное включение в пока ещё достаточно строгую грамматическую парадигматику языка.

Таким образом, характеризуя изменения в классе несклоняемых имён существительных на согласный, можно сказать, что, с одной стороны, состав этого класса, подчиняясь действующей в языке тенденции к аналитизму, постепенно расширяется; с другой – с аналитическими тенденциями в русском языке на отдельных его участках конкурируют глубинные механизмы традиционного словоизменения. К подобному же выводу приводят наблюдения за особенностями функционирования в современных текстах имён числительных; см., в частности, мнения некоторых исследователей: «Аналитизация русских числительных встречает [...] явное сопротивление со стороны синтетического уклада русского языка» (Тираспольский 2003, 116); «В русском нумеральном морфосинтаксисе можно обнаружить действие различных тенденций – и традиционный синтетизм, сохраняющий морфологический строй и создающий новые словоформы; и стремление к аналитизму» (Рябушкина 2016, 142).

В этой связи следует заметить, что при первой лексикографической фиксации иноязычных неологизмов, в случае с существительным на согласный, логичнее будет рекомендовать «нормальный», естественный для русского языка вариант склонения (*бонсай, -я*). И уж тем более такой вариант должен стать если не нормативным, то в первую очередь рекомендуемым в ортологическом словаре. Думается, нет никаких оснований отмечать как «неправильный» вариант слова *бонсай* с падежным изменением (*сад бонсаев*), а в качестве нормативного фиксировать только один вариант – несклоняемый, как это делается, например, в (Скляревская/Ваулина 2012). Безосновательно, на наш взгляд, кодифицировать как несклоняемое существительное слово *фэншуй* (так оно подаётся в: Лопатин 2012). Считаем, что границы рассматриваемого нами явления вполне могут корректироваться в процессе кодификации в сторону синтетической природы русского языка.

Библиография

- Астен, Т. Б. (2003), Аналитизм номинаций: когнитивное содержание и прагматика неизменяемых существительных в русском языке в сравнении с другими славянскими языками. Ростов-на-Дону.
- Бранднер, А. (2004), Тенденции развития неизменяемых существительных в русском языке в сопоставлении с чешским. В: *Rossica Olomucensia*. XLII/1, 49–54.
- Гимпелевич, В. С. (1976), Об одной группе несклоняемых существительных в русском языке. В: *Вопросы грамматики русского языка*. 2, 213–220.
- Земская, Е. А. (ред.) (2001), *Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты*. Москва/Вена.
- Крысин, Л. П. (1968), *Иноязычные слова в современном русском языке*. Москва.
- Крысин, Л. П. (2000), *Толковый словарь иноязычных слов*. Москва.
- Лопатин, В. В. (ред.) (2012), *Русский орфографический словарь*. Москва.
- Маринова, Е. В. (2008), Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. Москва.
- Маринова, Е. В. (2012), Как это не по-русски (о словах с уникальным исходом). В: *Вопросы культуры речи*. Вып. XI. Москва, 212–217.
- Маринова, Е. В. (2014), Освоение новых заимствований в русском языке начала XXI в. и сопутствующие процессы. В: Радбиль, Т. Б./Маринова, Е. В./Радибурская, Л. В. и др. *Новые тенденции в русском языке XXI в.* Москва, 36–133.
- Приорова, И. В. (2008), *Несклоняемые имена в языке и речи*. Москва.
- Рябушкина, С. В. (2016), Аналитические и синтетические тенденции в русском нумеральном морфосинтаксисе. В: *Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания*. Нижний Новгород, 137–143.
- Скляревская, Г. Н./Ваулина, Е. Ю. (ред.) (2012), *Комплексный нормативный словарь современного русского языка*. Санкт-Петербург.
- Тираспольский, Г. И. (2003), *Морфолого-типологическая эволюция русского языка*. Сыктывкар.
- Успенская, И. Д. (2009), *Современный словарь несклоняемых слов в русском языке*. Москва.
- Ушаков, Д. Н. (1935), *Толковый словарь русского языка*. Т. 1. Москва.
- Шагалова, Е. Н. (2009), *Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.)*. Москва.
- Nedomová, Z. (2013), *Tendence k analytismu v současné ruštině (na materiálu jmenných slovních druhů)*. Ostrava.

Алия Насырова

Карагандинский государственный медицинский университет

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КАЗАХСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РУССКОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ КАЗАХСТАНА

Functioning Kazakh lexical units in the Russian speech of the residents of Kazakhstan

Ключевые слова: билингвизм, билингв, казахский язык, русский язык, лексическая единица, интерференция, типы интерференции

KEYWORDS: bilingualism, bilingual, Russian language, Kazakh language, lexical unit, interference, the types of interference

ABSTRACT: The article is devoted to the problems of bilingualism in the modern society. Bilingualism is characteristic of all the citizens of Kazakhstan. The main feature of bilingualism in our country is the quite wide application of the Russian language in all spheres of life. The changing language situation leads to the fact that a large number of Kazakh words are included into the Russian language, and assimilated by it to a varying degree. The author has analyzed the cases of the use of Kazakh lexical units in Russian texts.

1.

Социально-коммуникативная система полиэтнического общества в современном Казахстане представляет собой сложное сплетение разных языков и их подсистем. Неизбежным в этих условиях является билингвизм как необходимое средство взаимопонимания, преодоления языкового барьера. Ситуации двуязычия подвижны, они меняются. Поэтому в квалификации двуязычия приходится учитывать географическую среду, уровень образования, социальную среду. Компонентом любого вида билингвизма является общенародный язык, реализация которого зависит от степени владения им.

Владение языком – это умение производить и понимать (воспринимать) тексты на данном языке, способность к варьированию языковых средств. Одна из форм реализации языка-архисистемы – неисконная речь, т.е. речь носителей языка, для которых он не является родным (первичным) (Туманян 1995, 299–313). Ее отличает влияние чужого языка, чужой культуры. Неисконная речь

может быть как нормативной, так и ненормативной. Причиной неисконной речи служит двуязычие. Двуязычие мы рассматриваем как умение, навык, позволяющие человеку, народу в целом или его части попеременно пользоваться (письменно или устно) двумя разными языками в зависимости от ситуации и добиваться взаимного понимания в процессе общения. Для значительной части казахского населения двуязычие сохраняется и в наше время. Особенность билингвизма казахов заключается в том, что вторым компонентом ситуации двуязычия является функционально мощный русский язык. Поскольку русский язык широко используется в коммуникативном пространстве Казахстана, билингв часто оказывается в ситуациях разноязычного общения. Однако степень вхождения билингва в группу говорящих на Я2 (втором для билингва языке) может быть различной. Как считают специалисты,

отношения казахского и русского языков, имеющих в общем сопоставимые функции в современном казахском социуме, можно описывать как отношения конкуренции. Если функционирование русского языка характеризуется стремлением сохранить сферы своего использования в казахстанском коммуникативном пространстве, то функционирование казахского языка отличает тенденция к максимальному расширению сферы его применения (Казкенова/Жиренов 2015, 144).

2.

Мы попытаемся рассмотреть специфику сосуществования языковых единиц двух разных языков в речевой ткани высказываний, текстов. Как известно, живая языковая среда является доминирующим фактором при освоении языка.

Достижение полного взаимопонимания в данном случае возможно при соблюдении норм внутрикультурного диалога. В речевом общении представителей разных этносов особенно важным является выбор языка общения. В последнее время наблюдается стремление русских к общению на казахском языке, к включению казахских слов в свою речь.

Речевое поведение билингва – это выбор того или иного языка при общении, а также кодовое переключение, под которым понимается смена участниками коммуникации одного языка другим в пределах одного коммуникативного акта. О переключении кодов говорил еще У. Вайнрайх. По его утверждению, «языки А и В могут употребляться попеременно, в зависимости от требований обстановки; тогда мы говорим о переключении с языка А на язык В и обратно» (Вайнрайх 1972, 31).

Сопоставительный анализ речевого поведения билингвов предполагает выявление и описание включенных в тексты, написанные на одном языке,

элементов второго языка (морфем, лексем, словосочетаний, предложений), которые называют вкраплениями. В сознании билингва совмещаются два языка, и для него естественным является использование языковых единиц двух языков, что может даже привести к смешению языков.

Как считает Г. М. Бадагулова, «участниками коммуникативного процесса могут выступать: 1) монолингв – билингв с доминирующим русским языком; 2) монолингв – билингв с доминирующим казахским языком; 3) билингвы (у обоих доминирует русский язык); 4) билингв с доминирующим казахским языком – билингв с доминирующим русским языком» (Бадагулова 2011, 48).

Двуязычие функционирует в разных сферах: естественные контакты языков происходят в обиходно-бытовой сфере, где используется разговорная форма и просторечие, в сферах образования и официально-деловой контактируют литературные формы общенародных языков (соответствующие стили). Иначе говоря, контактируют не просто языки, а определенные их подсистемы. Потому к ошибкам системным добавляются диглосные. Так, например, формируется билингвистическое просторечие. По мнению Д. Шайбаковой,

на системе русского языка влияние казахского сказывается в том, что появляются новые лексические парадигмы, [...] словообразовательные модели, синтагмы, в фонетике – иные интонации. Но в первую очередь специфику русского языка в регионе определяют коммуникативно-прагматические нормы (2016, 258).

В русскую речь входят единицы казахского языка разной степени освоенности, как безэквивалентные, так и эквивалентные. Такие слова можно распределить на следующие группы – это лексические единицы, связанные с праздниками (*наурыз, той, курбан айт*), с обычаями и обрядами (*туссау кесу, аластау, шильдехана, бет ашар*), с национальными блюдами (*курт, айран, кумыс, коже*), с национальной одеждой (*саукеле, кимешек, камзол*), с национальными играми (*алтыбакан, асык, тогызкумалак*), с религией (*намаз, коран, суре*), с другими предметами (*шанырак, тундик, туырлык*), с музыкой (*домбра, кюй, айтыс, акын*), с политикой (*аким, мажилис, маслихат*), с родственными отношениями (*женге, ата, баур*), с животными (*тулпар, бура, атан*), с растениями (*саксаул, жусан, адыраспан*).

Прежде всего возникает вопрос о статусе данных лексических единиц. В статье «О некоторых тенденциях влияния казахского языка на русский язык в Казахстане» Н. Н. Чайковская и Л. П. Осенмук (2009) называют заимствованные единицы казахизмами. Е. А. Журавлёва (2009) называет лексические единицы казахского языка регионализмами. На наш взгляд, термин *казахизмы* более точно выражает суть подобного рода лексических единиц.

В нашем понимании, статус казахских единиц в билингвистическом тексте имеют казахизмы, которые не зафиксированы в толковых словарях

русского языка, не освоены русским языком. Повышенное внимание к слову как характерная черта двуязычных индивидов отмечалось еще Л. В. Щербой: «Соприкосновение одного языка с другим на почве сравнений, – как одна и та же мысль в разных языках по-разному выражена, – естественным образом останавливает на средствах выражения и делает человека внимательным к тонким нюансам мысли и чувства. Это делает его, естественно, более восприимчивым к анализу и восприятию слова, произносимого и читаемого» (Щерба 1957, 53).

Речевое поведение билингва – это выбор того или иного языка при общении, а также кодовое переключение, под которым понимается смена участниками коммуникации одного языка другим в пределах одного коммуникативного акта. Сопоставительный анализ речевого поведения билингвов предполагает выявление и описание включенных в тексты, написанные на одном языке, элементов второго языка (морфем, лексем, словосочетаний, предложений), которые называют вкраплениями.

В сознании билингва совмещаются два языка, и для него естественным является использование языковых единиц двух языков, что может даже привести к смешению языков.

А. Е. Карлинский (2011, 38–55) различает два типа речевых проявлений языковых контактов: интерференцию (влияние первого языка на второй) и интеркаляцию – воздействие второго языка на первый. Влияние, затрагивающее саму систему языка, квалифицируется как трансференция и транскаляция. Интерференция и интеркаляция представляют собой речевую мутацию, трансференция и транскаляция – следствие языкового взаимодействия – языковую диффузию.

Двуязычие – это феномен взаимодействия языков, следовательно, оно характеризуется взаимным влиянием обоих контактирующих языков. Если в речи билингва отмечается влияние первого языка на второй, мы имеем дело с интерференцией. Но обратное влияние второго языка на первый представляет собой интеркаляцию. Существует ряд отличительных признаков интеркаляции:

1. интеркаляция состоит в использовании элементов Я2 при наличии эквивалентов в родном языке. Интерференция же является следствием различий между языками;
2. интеркаляция может контролироваться билингвом, в отличие от интерференции, которая не поддается контролю;
3. если интерференция отмечается при комбинированном билингвизме, то интеркаляция – при соотнесенном;
4. интеркаляция – это вклинивание в речь на Я2 двусторонних, значимых единиц (от морфем до фраз), тогда как при интерференции нарушение норм

наблюдается на всех уровнях – уровнях значимых и незначимых единиц (Карлинский 2011, 38–55).

Нас прежде всего интересуют явления взаимодействия языковых единиц в речи, которые, следуя за Карлинским, мы тоже называем интеркаляцией. В классификации типов интеркаляции Карлинский считает существенными два признака: вклинивание слов или единиц, больших, чем слово – сочетаний слов; изменение или сохранение характеристик языка-источника, т.е. наличие или отсутствие интерферирующего влияния на единицы Я2. По этим признакам он различает четыре типа:

1. инвентарная интеркаляция – включение в речь на Я1 отдельных слов Я2: *Может, бүгін кешке киноға барсақ қайтеді, егер свободный болсаң;*

2. фразовая интеркаляция – вклинивание в речь на Я1 синтагм – от словосочетания до предложения: *А у вас колбаса бар ма? – А у вас есть колбаса?;*

3. чистая интеркаляция – вклинивание единиц Я2, не подвергшихся интерферирующему влиянию Я1 (все приведенные выше примеры);

4. модифицированная интеркаляция – включение единиц Я2, подвергшихся воздействию интерференции. Например: – *Сәлем! Қалың қалай? – Нормальный, пойдет. Өзінде?* Таким образом, в квалификации интеркаляции обращается внимание на степень вторжения элементов второго языка и на чистоту воспроизведения единиц Я2. На основании этого можно судить о значимости Я2 для билингва.

На данный момент влияние казахской культуры, роль казахского языка весьма значительны в духовной и общественной жизни носителей русского языка. Помимо общеупотребительных тюркизмов, в постоянный речевой обиход русского человека вошли такие обращения, как *апа, ата, карындас, кызым, келин, бажа*; лексика речевого этикета: *сәлем, сәлеметсізбе, рахмет, бұйырса, ештеп-септеп*. Много ономастических единиц, гидронимов (*Балхаш, Арыс*), топонимов (*Тараз, Шымкент*), главным образом антропонимов (*Курмангазы, Абай, Бухар-жырау, Казыбек би*) вошло в русский язык.

Как отмечают многие исследователи, отличие новых казахизмов, которые включаются в устную и письменную речь, носит функциональный характер. В настоящее время они активно включаются в тексты документов и публичную речь.

Лексическо-фразеологические вкрапления относятся прежде всего к сфере лингвокультурной номинации. Интеркалированная лексика в русском языке подвергается соответствующей словообразовательной адаптации, т.е. начинает формировать определенные словообразовательные ряды: от слов *апа, әже, ата, балдыз* с помощью суффикса *-к-, -шк-* образованы *әже-ка, балдызка, апашка*, от слова *кумыс* – *кумысолечение, кумысный*, от слова *арык* образовано прилагательное *арычный*, от слова *бешбармак* образован глагол *побешбармачить*. Есть и отвлеченные существительные, образованные

с помощью суффикса *-ств-*: *токал – токалство* (часто «*токалство*» – лишь желание обеспечить себе безбедное будущее). Слово *аким* образует целый словообразовательный ряд: *аким – акимат – акиматчик – акиматовский*. Ср. также *адаец, адаевец, найманка, каракесечка* (*адай, найман, каракесек* – названия казахских родов), *бишарашка, женгешка*. Хотелось бы отметить, что довольно часто употребление слов с оценочными суффиксами *-к-, -шк-, -ух-* (*келинка, тиынки, куйеу балашка, бажуха*). Конечно, данные варианты характерны для разговорной речи.

Возможно и обратное явление, когда казахские слова функционируют в русских текстах в исходной форме: «Знак «*Алтын белгі*» получили более 1200 выпускников школ»; «АО «Национальная компания «*Қазақстан темір жолы*» объявила о запуске нового современного поезда по направлению «*Астана – Шымкент*». Кроме того противоречит правилам русской орфографии написание таких слов, как *Шынар, Шырын, жырау*.

Вместе с тем мы можем наблюдать, что казахские заимствования подчиняются и морфологической адаптации: *қатық, шужық, тенге, тиын*. Ср.: с какой-то *шильдехань*, *ходили на узату, сколько тиынов; налажено производство молочных продуктов: кумыса, катыка, айрана; что ждет владельцев тенговых депозитов?*.

«Не получая ни *тиына* от государства, мы сами, собственными силами только в прошлом году привлекли инвестиций на сумму более 30 миллионов *тенге*».

В текстах газетных публикаций широко представлены инвентарные интеркаляции, обозначающие казахские бытовые реалии или культурные понятия, которые, как правило, не переводятся: «*Суюнши – всегда хорошие новости!*»

Среди казахских инвентарных интеркаляций наиболее распространены номинативные, например, *байбише, тоқал, суюнши, чапан, талкан* (толокно), *тары, айран, сыбызгы, күй, тундық* (верхний деревянный круг остова юрты), что связано с диалогом русской и казахской культуры.

Среди бинарных вставок наиболее распространены устойчивые выражения, фразеологизмы. Ср.: «Был произведен обряд *неке кию*, а свидетелями выступили мать и брат Нуржана». «Лейтенант милиции Нурлан Омаров, принявший роды у своей жены во время поездки в роддом, отпраздновал *бесік той* своего сына».

Такие бинарные вставки чаще всего используются для обозначения специфических для казахского быта явлений, ритуальных понятий. Употребление подобного рода устойчивых оборотов и выражений объясняется тем, что выбор казахской лексики связан с влиянием казахской культуры на специфику жизни, мировоззрения и поведения русскоязычных журналистов.

Иногда в публицистических материалах можно встретить явления фразовой интеркаляции, то есть вклинивания в текст на одном языке цельюо-

формленных сегментов на другом языке. «Каждый казах должен знать своих предков, своих *жеті ата*. Если же он этого не знал, старики презрительно говорили: «Жеті атасын білмеген, жетесіз» (Не знающий семи поколений предков – бездуховный).

3.

Залогом гармонического существования современного казахстанского социума должно стоять стремление к максимально возможному культурному билингвизму, более доступному сегодня казахам, но не русским. Однако, как показывают наблюдения последних лет, все больше казахских лексических единиц проникают в русскую речь не только устную, но и письменную. Они подвергаются фонетическому, морфологическому освоению русским языком, переходя из пласта экзотической лексики в состав общенародной лексики. Данные единицы влияют не только на речь русскоязычных носителей языка, но и становятся инструментом корректировки ментальных черт этносов. На сегодняшний момент русский язык демонстрирует открытость к включению в свой состав казахских заимствований. Казахский язык проявляет все большую активность, что выражается в освоении казахских лексем не только в разговорной речи, но и в письменной речи. Билингвизм становится прерогативой не только казахов, но и представители русского этноса становятся все более билингвальными.

Библиография

- Бадагулова, Г. М. (2011), Коммуникативная модель культурного общения и билингвизма (на материале русского языка Казахстана). В: Болгарская русистика. 4, 46–61.
- Вайнрайх, У. (1972), Одноязычие и многоязычие. В: Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. Москва, 25–60.
- Журавлева, Е. А. (2009), К проблеме национальной вариативности языков: особенности развития русского языка в Казахстане. В: ЕвроАзия. Постсоветское пространство. Евразийская идея в XXI веке: новый вектор развития. Вып. 4. Москва, 69–79.
- Казкенова, А./Жиренов, С. (2015), Самостоятельное развитие и взаимное влияние казахского и русского языков в Республике Казахстан. В: Przegląd Wschodnioeuropejski. VI/2, 143–152.
- Карлинский, А. Е. (2011), Взаимодействие языков: билингвизм и языковые контакты. Алматы.
- Туманян, Э. Г. (1995), О методе изучения языка как социолингвистической архисистемы. В: Методы социолингвистических исследований. Москва, 299–313.
- Чайковская, Н. Н./Осенмук, Л. П. (2009), О некоторых тенденциях влияния казахского языка на русский язык в Казахстане. В: Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контекста Евразии. Астана, 153–157.
- Шайбакова Д. (2016), Является ли русский язык плюрицентрическим? W: Przegląd Wschodnioeuropejski. VII/2, 257–268.
- Щерба, Л. В. (1957), Избранные работы по русскому языку. Москва.

НАТАЛИЯ МИРОНОВА

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ГИПЕРТЕКСТОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОСНОВА НАТИВНОЙ РЕКЛАМЫ

Hypertext technologies as the basis of native advertising

Ключевые слова: интернет-коммуникация, гипертекст, когнитивная схема (фрейм), нативная реклама, скрытая реклама, ментальная агрессия

KEYWORDS: network communication, hypertext, cognitive scheme (frame), native advertising, hidden advertising, mental aggression

ABSTRACT: The article deals with native advertising (hidden advertising) disguised as regular site content. To analyze the advertising discourse on the treatment of a disease, we used a cognitive schema (frame) containing a specific set of slots. It was found that a hypertext nature of advertising leads to rupture of the schema and delayed submission of the main frame slot (means/ways to treat the disease), transferring it from the start of the message to its target portion. It was also shown how a frame nature of advertising predetermined semantics of positive evaluation of the words – slot fillers. Native advertising is represented as a means of manipulating individual consciousness and as a way of exercising individual mental (and verbal) aggression.

1. Нативная реклама

Основная задача разработчиков рекламы – сделать ее максимально эффективной, мотивирующей потребителя на приобретение каких-либо товаров или услуг. Но сила воздействия популярных форм рекламы (баннеров, всплывающих окон, e-mail рассылок, рекламных постов) уже признается специалистами недостаточной. Поэтому разрабатываются новые направления интернет-маркетинга, и одно из самых перспективных сейчас – так называемая «нативная»¹ (от англ. слова *native*; в русском переводе «естественная») реклама (Нативная реклама 2017). Формат такой рекламы соответствует площадке, где она размещена; она выглядит как один из материалов ресурса, «замаскирована» под него. Подобная реклама не вызывает у целевой аудитории такого раздражения, как традиционная, и воспринимается скорее как полезная информация, «дельный совет», который человек подсознательно готов применить на практике.

¹ Нативную рекламу часто отождествляют со скрытой рекламой.

Эффективность нативной рекламы определяется в первую очередь качеством контента, представляющим интересную и актуальную для потребителя информацию, которой люди охотно будут делиться друг с другом, что с большой вероятностью повлечет за собой эффект «сарафанного радио». Нужно также, чтобы реклама содержала информацию о пользе для потребителя.

Большое влияние на эффективность нативной рекламы оказывает визуальная информация: изображение рекламируемого продукта или фото обычного человека, использующего рекламируемый товар. Сообщение, транслируемое от лица рядового потребителя, а не от имени компании, скорее мотивирует человека приобрести рекламируемый продукт, поскольку не воспринимается как прямой рекламный посыл. Положительное восприятие нативной рекламы обеспечивает и присущий ей развлекательный момент.

Эффективность нативной рекламы связана не только с ее контентом, но и с технической стороной. Такую рекламу практически невозможно заблокировать, она не распознается блокирующим плагином. Кроме того, нативная реклама может существовать практически на любом мультимедийном устройстве. Важно и место размещения рекламы: рекламные статьи, блоги авторитетных личностей, интервью с известными людьми, обзоры товаров, благодарственные отзывы пользователей, социальные сети и т.п.

К недостаткам нативной рекламы можно отнести риски потери доверия, сложность адаптации контента под конкретную интернет-площадку и высокую стоимость; но все это не снижает ее эффективности, и в наше время нативная реклама занимает важное место в интернет-маркетинге.

2. Гипертекстовые технологии в интернет-коммуникации

В основе принципов создания нативной рекламы лежат гипертекстовые технологии, поскольку именно гипертекстовый характер позволяет «замаскировать» рекламное сообщение, например, под краткое информационное, интервью, мнение авторитетного человека и пр.

Гипертекст, с одной стороны, является особым способом организации текста, а с другой – новым видом текста, новым способом, инструментом и новой технологией понимания текста (Баранов 2001, 31–37).

Гипертекст представляет собой множество текстов со связывающими их отношениями. Идея гипертекста получила развитие в 1965 году, когда стало возможным использование компьютерной техники. Представленная Теодором Нельсоном система (Nelson 1965) позволяла пользователю прочитывать совокупность введенных в нее текстов различными способами и в различной последовательности. Это определило основные свойства

гипертекста: разнородность и нелинейность. Он может содержать разные формы информации (текстовую, фото- и видео- информацию, графики и схемы, таблицы, гиперссылки и пр.) и не имеет стандартной последовательности чтения, предоставляя читателю самому определять маршрут передвижения, или навигации, по тексту. Кроме того, гипертекст обеспечивает возможность быстрого просмотра информационного массива (браузинг).

С идеей гипертекста многие связывают начало новой информационной эпохи. Линейность письма, отражающая линейность речи, рассматривается как ограничивающая мышление человека и понимание текста, поскольку мир смысла нелинеен (Баранов 2001, 32).

3. Анализ нативной рекламы, «замаскированной» под новостное сообщение

3.1. Особенности сетевых новостных сообщений

Особенностью электронных средств массовой информации (СМИ) является возможность «использования гипертекстовых функций в качестве дополнительного ресурса управления познавательной деятельностью читателя» (Ениколопов 2014, 306).

Новость в интернет-СМИ представляет собой гипертекстовый комплекс, связывающий три элемента: стартовый, форму ссылки и целевой элемент (собственно новостная заметка). К стартовому элементу относятся заголовок и лидер-абзац, выполняющий роль анонса (см. также Kiklewicz 2017; Смирнова 2017 и др.).

На информационных порталах применяется метод пространственного разделения заголовка, анонса и текста, к которым можно перейти по ссылкам («подробнее...»; «читать далее»). По словам А. Киклевича,

фрагментация текста [...] не только улучшает его визуальность и читабельность (за счет того, что читатель имеет дело с более короткими частями, которые обрабатываются с более высокой интенсивностью), но и способствуют более эффективному воздействию содержания на адресата» (Kiklewicz 2017, 190)².

Читателя вынуждают совершить несколько переходов между сетевыми страницами. Так моделируется ситуация преодоления препятствий, повышающая его мотивированность и ценность полученной информации (Ениколопов

² Помимо перцептивной и мнемонической функции, фрагментация текста осуществляет «функцию пролонгации контакта, локационную и функцию идеологической программы поведения/конструирования» (Kiklewicz 2017, 203).

2014, 307). Причиной высокой мотивированности читателя является и то, что медийным сообщениям свойственна «релевантность, актуальность, т.е. непосредственная связь с целями и потребностями жизнедеятельности пользователей СМИ» (Kiklewicz 2017, 187).

3.2. Понятие когнитивной схемы

Мы поставили себе задачу проанализировать рекламные сообщения, которые можно отнести к категории нативной рекламы, поскольку они «замаскированы» под краткое информационное сообщение и размещены на соответствующих сайтах. В качестве основы для анализа было использовано понятие когнитивной схемы (а именно фрейма). Это понятие определяется как «структурированный кластер концептов, содержащий общие (*generic*) знания», который может использоваться «для представления событий, последовательностей событий, образов восприятия (*percepts*), ситуаций, отношений и даже объектов» (Eysensck/Keane 2003, 282). В состав схемы входят переменные (слоты), значения этих переменных и различные отношения между ними. Переменные (слоты) могут содержать понятия или субслоты.

Каждое помещенное в слот понятие должно удовлетворять определенным условиям. Слоты могут оставаться незаполненными, при этом в рамках конкретной схемы мы часто можем восстановить отсутствующие заполнители слотов.

Схема может принимать разные формы для организации разных видов знаний. Для представления декларативных знаний («знаний что») используются фреймы, сцены и т.д., а для представления процедурных знаний («знаний как») – скрипты, сценарии, планы (Баранов 2001, 16–17). В самом общем виде фрейм – это схема сцены, а скрипт – схема события. Сейчас когнитивная схема как инструмент исследования широко используется в гуманитарных науках, в том числе в лингвистике и литературоведении (см. Миронова 2011; Смирнова 2017).

4. Структура фрейма «Исцеление от болезни»

В сетевых новостных сообщениях, рассмотренных нами, представлена ситуация «Исцеление от болезни». Цель публикации подобных сообщений – это реклама какого-либо средства/способа лечения болезни или избавления от проблемы, маскирующаяся под краткое новостное сообщение.

Этому способствует гипертекстовая технология: в стартовую часть сообщения (заголовок, он же лидер-абзац) помещается только часть информации, там не содержится самое главное – название средства, его состав и т.п. Только

во второй, целевой части сообщения, к которой можно перейти по ссылке «подробнее...», читатель получает всю необходимую информацию.

Целевая часть сообщения тоже построена как скрытая реклама, чаще всего замаскированная под интервью (вымышленное). Одним из популярных приемов является тиражирование макета интервью и даже самого текста интервью (подробнее см.: Миронова 2017).

Объектом нашего внимания стала стартовая часть сообщения, лидер-абзац, одновременно выступающий как его заголовок³. Анализ содержания лидер-абзаца осуществлялся на основе универсальной схемы (фрейма) описания ситуации, предложенной нами ранее (Миронова 2011, 112–113).

Было установлено, что фрейм «Исцеление» содержит следующие слоты:

1. Название болезни, проблемы / пораженного органа.
2. Наименование действия средства / способа исцеления.
3. Характеристика действия средства / способа исцеления:
 - 3.1. Сила действия средства / способа;
 - 3.2. Полнота действия средства / способа.
4. Характеристика средства / способа лечения болезни.
5. Место лечения болезни.
6. Время лечения болезни.
7. Эмоции, которые вызывает средство / способ лечения болезни.
8. Источник информации – субъект, предлагающий данное средство / способ лечения болезни.

Ниже приведены примеры заполнения слотов:

1. Название болезни, проблемы / пораженного органа (*алкоголизм; псориаз; гипертония; ожирение; варикоз; артрит; диабет; простатит; грибок ногтей; суставы; поясница; печень; сердце; головная боль; боли в суставах; папилломы; бородавки; веснушки; пигментные пятна; морщины; потливость; лишний вес*).

2. Наименование действия средства / способа исцеления (*лечит; восстанавливает; (болезнь) уходит; (орган) обновляется; (от болезни) можно избавиться; (папилломы) отпадают; способ разгладить (морщины)*).

3. Характеристика действия средства / способа исцеления.

3.1. Сила действия средства / способа (*средство № 1; мощнейшее природное средство от псориаза; злейшие враги псориаза; главный враг простатита; истинное спасение от высокого давления; средство в 37 раз мощнее ботокса; восстанавливает зрение на 200%*).

3.2. Полнота действия средства / способа (*грибок ногтей высохнет до корня; гипертония уйдет навсегда; возрастной жир уйдет навсегда; хронический простатит отступит; печень можно восстановить; алкоголизм можно*

³ Примеры взяты с популярных сайтов news-homes.com и aif4.shokblogs.ru

победить; как спасти печень; избавиться от возрастной полноты; печень обновится; папилломы высохнут без следа; способ навсегда уничтожить псориаз; это убивает диабет навечно).

4. Характеристика средства / способа лечения болезни (*грибок высушивается из ногтей от самого обычного...; аптеки скрывали это копеечное средство от грибка ногтей; жир сжигает обычный...; давление лечится мгновенно, простой рецепт; советское средство; простое рабочее средство, спасающее от диабета; копеечный рецепт; жир сжигает обычный...*).

5. Место лечения болезни (*храп можно вылечить дома; похудеть за неделю в домашних условиях; от папиллом и бородавок просто избавиться даже дома; быстрое похудение без усилий и спортзалов).*

6. Время лечения болезни (*печень можно восстановить за 14 дней; гипертония уйдет за 4 дня; даже возрастной живот уйдет за 10–20 дней; буквально за ночь можно избавиться от храпа; псориаз уйдет вмиг; косточки на ноге пройдут мгновенно; давление лечится мгновенно; всего за 11 дней у вас будут густые и сильные волосы; боль в суставах и позвоночнике пройдет за 4 дня; можно мгновенно избавиться от храпа; сводим грибок за неделю; бросил курить за 2 дня; диабет рассосется за 3 суток и навсегда; даже глубокие морщины уйдут за 17 дней; головная боль, давление, гипертония уйдут за 6 дней).*

7. Эмоции, которые вызывает средство/способ лечения болезни (*Скандал в медицине! Ортопеды ошарашены! Народ онемел! Народ ошалел! Народ шокирован! Кардиологи в ужасе! Москва в панике! У медиков шок! Урологи в потрясении!).*

8. Источник информации – субъект, предлагающий данное средство / способ лечения болезни (*врач № 1, диетолог № 1, главный диетолог страны, китайский профессор, военврач, молодой военврач, главврач РФ; хитрые китайцы, NN (известная всей стране авторитетная личность), 95-летняя долгожительница; матушка⁴; бабушка из Москвы; лучший флеболог; отшельница; сибирская отшельница; ВДВшник⁵; главный ортопед Китая).*

Нетрудно заметить, что здесь недостает одного из важнейших слотов фрейма – наименования средства или описания способа лечения болезни. Поместить его на следующий «уровень» как раз и позволяет использование гипертекстовых технологий. Это обеспечивает дополнительную мотивацию для людей, интересующихся данной темой, перейти при помощи ссылки «подробнее...» на следующий уровень гипертекста, который и содержит необходимый слот.

Интересно, что заполнение основного слота совершенно не соответствует ожиданиям читателя (эффект «обманутого ожидания»). Если фраза, пред-

⁴ матушка – супруга священника

⁵ ВДВшник – представитель Воздушно-десантных войск

ставляющая собой лидер-абзац, не заканчивается (заканчивается многоточием), то на следующем уровне гипертекста читатель ожидает обнаружить ее продолжение, причем связанное с фото, которое сопровождает сообщение. На деле этого не происходит. Приведем примеры с сайта news-homes.com:

А. [На фото – проросший клубень картофеля]; текст: *Папилломы отсохнут с корнем за 9 дней. Без боли. Помажьте их обычной...* (после перехода на сайт aif4.shokblogs.ru по ссылке «подробнее...» мы видим рекламу препарата «Папиловир»).

Б. [На фото – корни хрена]; текст: *Найден продукт, кладущий диабет на лопатки за 3 дня. Нужно только правильно его употреблять! Это...* (после перехода по ссылке «подробнее...» на сайт aif4.shokblogs.ru мы видим рекламу препарата «Голубитокс»).

Заполнители слотов фрейма имеют свои особенности. Это, как и предполагает когнитивная схема, определенные ограничения, связанные с рекламной целью публикации информации: заранее заданная семантика положительной оценки средства / способа лечения болезни или избавления от проблемы.

В перечень болезней слота № 1 включены широко распространенные неизлечимые, хронические или требующие длительного лечения заболевания, а также проблемы, с которыми сталкиваются многие (*веснушки, морщины*). При этом декларируется возможность излечения даже таких заболеваний, от которых можно избавиться только с помощью хирургического вмешательства.

Семантика заполнителей слота № 2 связана с идеей реальной возможности излечения от болезни или избавления от проблемы.

В слоте № 3 характеристики действия всегда стандартны: положительная оценка связана с описанием чрезвычайной силы предлагаемого средства лечения болезни (3.1) и исчерпывающего характера его действия (3.2), позволяющего избавиться от проблемы навсегда.

Слот № 4 всегда содержит одну и ту же характеристику средства / способа лечения болезни: они представляются обычными и простыми.

Заполнители слота № 5, с одной стороны, описывают место лечения болезни, а с другой, имеют целью подтвердить простоту лечения, поскольку его можно проводить дома, не прибегая к помощи специалистов.

В заполнителях слота № 6 всегда содержится указание на мгновенное или очень быстрое избавление от болезни, что также положительно характеризует рекламируемое средство.

Эмоции, названия которых являются заполнителями слота № 7, связаны с оценкой информационного сообщения экспертами – профессионалами или обычными людьми, которые уже имеют опыт применения рекламируемого товара. Они выражают крайнюю степень удивления и восхищения неожиданно положительным действием рекламируемого средства.

В слоте № 8 представлены субъекты, предлагающие использовать данное средство / данный способ лечения болезни, – реальные популярные, авторитетные люди или вымышленные персонажи. Они могут быть упомянуты в тексте сообщения и/или рядом с текстом могут быть помещены их фото. Часто на сайтах, публикующих сообщения со скрытой рекламой, можно видеть фото известных врачей, политиков, телеведущих популярных программ и др., которые не имеют никакого отношения к авторству этих сетевых сообщений.

5. Выводы

Гипертекстовый характер рекламного текста, дающий возможность «замаскировать» его анонс под краткое информационное сообщение, определяет особенности содержательного фрейма текста. Это структура фрейма, отсроченная подача одного из главных слотов и, как того требует фрейм, заданность семантики заполнителей слотов – положительная оценка рекламируемого средства / способа избавления от проблемы или болезни. Положительная оценка проявляется в декларировании реальности полного устранения проблемы или излечения от болезни, в быстроте и легкости лечения, доступности применяемого средства и исчерпывающем характере его действия.

Воздействие подобных публикаций на читателя психологи трактуют как «негативный коммуникативный опыт», оказывающий влияние на представления человека о реальности и способный «причинить серьезный ущерб и ментальным механизмам, и продукту их деятельности – картине мира человека» (Ениколопов 2014, 315). Такой способ подачи информации оценивается как манипуляция сознанием личности читателя, оказание влияния не только на эмоциональную, но и на когнитивную сферу личности. Поэтому подобные тексты рассматриваются как способ проявления ментальной агрессии.

Библиография

- Баранов, А. Н. (2001), Введение в прикладную лингвистику. Москва.
- Ениколопов, С. Н./Кузнецова, Ю. М./Чудова, Н. В. (2014), Агрессия в обыденной жизни. Москва.
- Миронова, Н. И. (2011), Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы. В: Вопросы психолингвистики. II/14, 108–119.
- Миронова, Н. И. (2017), Ментальная агрессия в нативной рекламе. В: Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». II/2, 293–304.
- Нативная реклама (2017), Нативная реклама: Основные понятия, примеры, эффективность. В: <http://fb.ru/article/225739/nativnaya-reklama-osnovnyie-ponyatiya-primeryi-effektivnost> [доступ 3.05.2017].

- Смирнова, Н. В. (2017), Стилистические особенности представления события в Интернет-СМИ. В: *Стилістика: мова, ма́йлення і текст: збірник наукових праць*. Мінск, 408–414.
- EYSENCK, M./KEANE, M. (2003), *Cognitive psychology*. Hove/New York.
- KIKLEWICZ, A. (2017), Фрагментация текста как средство персуазивности в информационных интернет-сервисах. В: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. VIII/1, 185–205.
- NELSON, T. (1965), A File Structure for the Complex, the Changing, and the Indeterminate. В: *ACM 20th National Conference Proceedings*. Cleveland/Ohio, 84–100.

ГУЛЬНАРА СУЮНОВА

Павлодарский государственный педагогический университет

ЕВРОПЕЙСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА КАЗАХСТАНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

The European and Russian experience in the area of linguistic urban studies as a theoretical foundation for studies in Kazakhstan

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: урбанистика, ономастика, урбонимикон, номинация

KEYWORDS: Urban studies, Onomastics, system of urbonyms, nomination

ABSTRACT. The article is an attempt to analyze the status of linguistic urban studies in Kazakhstan. The author compares the achievements of domestic linguists in this area of scientific knowledge with similar studies of foreign scientists and identifies options for using their experience for the development of Kazakhstan linguistic urban study. The strong linguo-communicative potential of modern cities is emphasized, providing scientists with an ever-growing scope of objects of urban study. The author outlines some perspective and modern trends in the study of urban systems. The article was prepared under the grant-based support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, “The Best Teacher of High School – 2017” award.

Еще в году 2007, выступая на первом Международном конгрессе «Русский язык и литература в XXI веке: теоретические проблемы и прикладные аспекты» (Астана), известный казахстанский лингвист Н. Ж. Шаймерденова отмечала:

Основной интерес исследователей-русистов Казахстана сосредоточен на изучении древнейших тюркско-славянских контактов, сопоставительном описании русского и казахского, русского и татарского, русского и английского и проч. языков, исследовании культурно-этнографических и социолингвистических особенностей функционирования русского языка и др. Большим достижением казахстанской русистики следует считать фундаментальные труды в области лингвистической герменевтики, лингвистического источниковедения, истории русского языка, сравнительно-исторического языкознания, русского языка в инонациональной аудитории (Шаймерденова 2007, 49).

В этом солидном перечне нет лингвистической урбанистики, вероятно, по той простой причине, что в названное время в Казахстане она не была представлена сколько-нибудь значительными работами. Правда, следует оговорить, что традиционно лингвистическая урбанистика в Казахстане включается в ономастику. И часть исследований в этом ключе возможно найти в ономастическом разделе. Однако, занимаясь в течение трех последних лет грантовым исследованием урбонимической системы Павлодара и по причине этого изучая состояние лингвистической урбанистики в республике, мы могли констатировать, что эта наука в Казахстане находится, скорее, на стадии становления, чем расцвета, особенно если сопоставить ее достижения с уровнем европейской и российской лингвистической урбанистики. Данная статья – результат осознания нами того факта, что в республике на сегодняшний день отсутствует сформированная теоретическая база лингвоурбанистических исследований, развитый понятийно-терминологический аппарат. В связи с этим обращение к европейскому и российскому опыту в этой области знаний можно считать оправданным. Наша работа, по сути, есть попытка определить имеющуюся теоретическую область, на которую нам можно будет опираться при дальнейших исследованиях урбонимических явлений с точки зрения лингвистики. Также нам весьма полезен с этой точки зрения опыт зарубежных исследований в области лингвистической урбанистики: анализ процессов номинации и реноминации топонимов, проявления культурных традиций и исторических событий в наименованиях и др. (см. Azaryahu 1997; Light 2004; Tucci 2011 и др.).

Если говорить о казахстанской урбанистике, то можно утверждать: более всего на сегодняшний день внимание ученых привлекает становление ономастического пространства новой столицы Казахстана. Доказательством тому служит ряд интересных исследований по истории становления Астаны и ее дальнейшему ономастическому развитию. Здесь можно назвать работы Ж. О. Артыкбаева (2015), Ш. К. Жаркынбековой и М. К. Каировой (2016), Т. Т. Котляровой (2016) и др.

Первым отечественным опытом последовательного научного анализа топонимов можно считать проект «Разработка принципов научно обоснованной номинативной политики г. Астаны в контексте формирования казахстанского ономастического пространства» (2015–2017 гг.) под руководством Ш. К. Жаркынбековой. Также пионерским для Казахстана является проект «Общекультурный ландшафт Павлодара как энциклопедическое явление», выполненный под руководством автора данной статьи (2015–2017 гг.). Результатом работы стала монография «Общекультурный ландшафт Павлодара», а также ряд статей в зарубежных изданиях (Суюнова/Андрющенко и др. 2017; Andryuchshenko/Suyunova/Tokatova 2015; Andryuchshenko/Suyunova/Tkachuk 2015).

Сегодня мы можем уверенно говорить о несомненном усилении интенсивности лингвоурбанистических исследований в республике. Пожалуй, можно поднимать вопрос о статусе лингвистической урбанистики в Казахстане, настаивая на ее выделении если не как самостоятельного направления лингвистики, то хотя бы как отдельной области ономастики. В пользу этого говорят следующие факты. Во-первых, в республике идет интенсивный процесс урбанизации, и на 1 декабря 2017 года доля городского населения достигла 57,4% по сравнению с 57,2% на начало года (см.: <http://abctv.kz>). Коммуникативный потенциал города неисчерпаем, что дает ученым-лингвистам много перспективных научных областей. Сегодня ученые говорят о семиотике урбанистического пространства, представленной такими аспектами: 1) стилевое многообразие города в синхронии и диахронии, 2) диалог города и горожанина, город как пространство общения, 3) социокультурное исследование городской эпиграфики (Подберезкина/Трапезникова 2012, 104).

Во-вторых, язык города активно выступал и выступает как объект специального изучения лингвистики (язык города, городская речь, социология языка города и т.д.). Иначе говоря, для лингвистической урбанистики имеется хорошо разработанная теоретическая база;

В-третьих, ономастикон города постоянно расширяется за счет появления новых объектов городской среды, процесс номинирования которых будет требовать лингвистического исследования. Рост интереса казахстанских лингвистов к ономастикону города мы считаем следствием вышеназванных процессов.

Говоря о состоянии лингвистической урбанистики в Казахстане, следует сделать следующее замечание. Лингвистическая урбанистика как современная междисциплинарная наука соприкасается с одной стороны с урбанистикой, с другой – с ономастикой. Характерными чертами урбанистики являются: 1) многоаспектность проблематики, 2) дискуссионный характер высказываемых точек зрения, субъективность оценок, интерпретаций городской жизни вообще, отдельных её феноменов в частности. На вопрос «Может ли лингвистика найти себе место среди составляющих урбанистику наук?» ученые отвечают: «Нематериальная, абстрактная компонента города нашла свое отражение в языке задолго до того, как об этом задумались урбанисты. Подтверждением этому тезису служат многочисленные концептуальные метафоры, раскрывающие представление о городе как о живом существе: город живет; город растет; умирающие города; город подумал; город, который никогда не спит и т.п.» (Новикова 2015, 47). Выделение лингвистической урбанистики связано с именно с многоаспектностью города как бытийного феномена, в частности, с его коммуникативно-семиотическим аспектом. В этом ракурсе город интересует лингвистов как «текст», как континуум сообществ и городских субкультур, что позволяет анализировать городскую жизнь и городские

отношения через понятия тезаурус, семантическая ситуация, коммуникация, текст как продукт коммуникативно-семиотической деятельности. Одним из предметов лингвистической урбанистики выступает система собственных имен, репрезентирующих внутригородские объекты. Именно в этой точке соприкасаются ономастика и лингвистическая урбанистика.

Есть еще одно явление, логически сопряженное с лингвистической урбанистикой, – лингвистический ландшафт. В российской лингвистике более употребительным является термин *языковой ландшафт*, который понимается как доступная представителям данного сообщества совокупность языковых единиц и текстов (подробнее см.: Федорова 2014). Лингвистический/языковой ландшафт может выступать как объект лингвоурбанистических следований.

В ходе сравнения проблематики и аспектологии лингвистической урбанистики в Казахстане с аналогичными явлениями в российской науке нами выявлено сходство в одном моменте: терминологический разброс, связанный с определением объекта исследования, а ведь четкость и однозначность решения этого вопроса очень важны для любой науки. Итак, в качестве основного объекта лингвистической урбанистики выступает такая разновидность онимов, как урбоним. Он определяется Н. В. Подольской следующим образом: «Урбоним, или урбаноним, – это вид топонима. Собственное имя любого топографического объекта» (Подольская 1988, 182). Мы хотим подчеркнуть: не любого топографического объекта, а функционирующего именно в городе.

Термин *урбоним* используется крайне недифференцированно: под ним понимают то названия городов, как это делают многие ученые «классического» направления ономастики при обозначении номинации города (Г. А. Кривоzubова, В. И. Вохрышева) в другом случае – названия внутригородских объектов. Р. В. Попов вообще считает урбонимами «неофициальные, «народные» названия микрорайонов, улиц, площадей, парков, заводов, домов магазинов, ресторанов, памятников и т.д.» (Попов 2016, 74). Т. С. Субботина (2011, 112), напротив, указывает, что урбанонимы большей частью официально узаконены.

Эта путаница с принадлежащими разным исследователям обозначениями внутригородских объектов привела к тому, что в синонимическом ряду оказываются такие термины, как *топоним*, *микротопоним*, *городской топоним*, *урбоним*, *урбаноним* и др.

В своих исследованиях онимов Павлодара мы используем термин *урбоним* как название всех возможных видов городских онимов, так как для самих номинаций городов в ономастике существует термин *астионим* – собственное имя города (Подольская 1988, 45). В этом случае изучение городских онимов позволяет нам иметь дело с совокупностью урбонимов, называемой *урбонимией*.

Итак, мы убеждены, что для изучения лингвоурбанистических процессов в республике для нас важен опыт системных российских исследований в этой области. В частности, речь идет о настоящем и будущем урбонимических систем.

Для описания настоящего состояния значимо выявление текущих тенденций в урбонимиконе; будущее его развитие связывается с планированием. В казахстанской ономастике исследования первого рода имеют в целом разрозненный характер, тогда как вопросы урбонимического дизайна только поднимаются, но системные теоретические исследования находятся в перспективе.

Анализируя современные тенденции функционирования урбонимических систем, Т. В. Шмелева указывает на следующие явления в ономастике современного города:

1. расширение круга онимически именуемых городских объектов;
2. последовательная онимическая номинация городских объектов, уже охваченных ономастически (прежде всего – в наименовании торговых заведений различного рода);
3. расширение объема и обновление лексемного состава, открытие новых путей вовлечения апеллативов в ономастикон города, активное включение в него обиходной и архаизированной лексики;
4. реставрация, проявившаяся в более или менее массовом возвращении старых досоветских имен, сосуществование которых в речи горожан с еще живыми прежними именами в разных городах складывается по-разному и требует особого внимания лингвистов;
5. возвращение в городскую среду антропонимов, которыми были «заполнены» дореволюционные города;
6. реабилитация (допуск на вывеску) неофициальных имен собственных, бытовавших ранее только в устной речи;
7. включение в ономастикон иноязычных единиц; при этом онимы иноязычного происхождения предпочитают «натуральный» для них письменный облик, что открывает путь в русскоязычную городскую среду для латиницы и иероглифики (Шмелева 1997, 146).

Все вышеназванные явления и процессы мы видим и в ономастических процессах в Казахстане. Ученые пишут о «кардинальных изменениях в жизни современного Казахстана, вызванных социальными процессами», которые «также повлияли на содержание ономастического пространства» (Мадиева /Супрун 2011, 103).

Вопросы будущего урбонимических пространств отражены в интересных исследованиях М. Голомидовой, которая поднимает проблему научной разработки урбонимического дизайна. Речь идет о выходе на иной уровень

«масштабирования», предполагающий «и другой, более широкий оценочный взгляд на урбанонимы» (Голомидова 2015, 190).

Автор пишет о крупноформатном подходе к урбанонимии, при котором урбанистические исследования должны включаться в более масштабный, стратегический процесс, описываемый терминами «стратегическая программа развития», «позиционирование», «имидж города» и «брендинг». Она выделяет и истолковывает наиболее значимые принципы работы с городским топонимиком: сбалансированность и соразмерность, функциональность и ориентирующая способность, образная гармоничность и ясность.

Под сбалансированностью автор понимает «гармоничное сочетание разных моделей означивания и отсутствие значительных перекосов в пользу одной из них» (Голомидова 2015, 188). Как пример нарушения этого принципа, ученый приводит мемориальные номинации, имевшие очень высокую продуктивность в советское время и сохраняющие ее и по сей день. Скажем, 82% павлодарских годонимов созданы именно по этому принципу.

Принцип соразмерности вызван необходимостью «оценки социального и функционального статуса самого объекта именованного» (Голомидова 2015, 189). Это в свою очередь определяет необходимость учитывать его расположение, от чего зависят и определенные коммуникационные перспективы функционирования топонима.

Принципы функциональности и ориентирующей способности связаны с важной функцией городских топонимов, которые

как и другие представители класса топонимов, призваны, прежде всего, выполнять функцию ориентации в пространстве. В этом заключается их главная и специфическая знаковая нагрузка, реализуемая вне зависимости от ясности или затемненности мотивировочного содержания (Голомидова 2015, 191).

Особо автор останавливается на принципах образной гармоничности и ясности, так как «образные коннотированные имена способны передавать неповторимый колорит места» (Голомидова 2015, 192).

Наш особый интерес вызвали мысли Голомидовой о противоречии между растущей потребностью в новых названиях и объективной ограниченностью урбанонимических моделей. В подтверждение ученый приводит ситуацию с эргонимами (собственное имя делового объединения людей. – Г. С.), в функционировании которых представлены различные неоднозначные явления. Это положение подтверждается и нашими практическими разработками некоторых видов павлодарских урбонимов, первый опыт анализа которых представлен в нашей книге (Суюнова 2016).

Следует обратить внимание на инновации в русском городском ономастике, о которых пишет Б. Я. Шарифуллин:

Персонализация и интимизация городских наименований. Многие из них возрождают традиционные для русского предпринимательства и купечества типы наименований, указывающие на имя владельца. Используется также уже «апробированный» в советское время тип называния по личному имени, но в отличие от прежних, ориентирующихся на чисто «вкусовые» мотивации (магазин «Руслан», «Людмила», ателье «Светлана»), новые наименования даются прежде всего по имени владельца или его/ее ближайших родственников (Шарифуллин 2000, 176).

Вышеназванные тенденции характерны и для урбонимической системы Павлодара, в которой реализуется антропонимический принцип номинирования новых объектов. Например, на сегодняшний день в Павлодаре зафиксировано 528 названий торговых заведений разных типов и масштабов, от торговых мегакомплексов до маленьких встроенных магазинчиков. Из них 149 номинаций представляют собой антропонимические названия (35%). Интимизацию названия видим в таких названиях наших магазинов, как *Ботам* (букв. Мой верблюжонок), *Данька* (уменьш.-ласкат. от Данила), *Любаша*, *МирасиК* (от Мирас, плюс языковая игра) и т.п.

«Ретроризация» ономастикона, реставрация и возвращение старых типов и способов наименований, а также и самих названий. Это явление отмечается и в павлодарских урбонимах: *Купецъ*, *Успенская лавка* (содержит лексему-историзм), *Пищепром* (модель советской торговой номинации), (магазины), *Трактир* (кафе). Вместе с тем нужно отметить, что тенденция к ретроризации в целом не присуща павлодарским урбонимам, скорее, нужно говорить о ее незначительности и явном преобладании тенденции к расширению круга иноязычных номинаций, особенно в сфере эмпоронимии.

Наблюдается также явление «пиджинизации» и «варваризации», другими словами, «вестернизации» городских наименований, ср. такие примеры павлодарской эмпоронимии, как *Best Body* – магазин нижнего белья, *Monarch* – магазин одежды из Европы, *Планета Second Hand*, *Happy Mother* и др.

Все вышеназванные явления Шарифуллин связывает с общим принципом стихийности современной ономастической номинации, в отличие от арбитражного характера аналогичных процессов в советский период. Ученый считает, что «стихийность ономастической номинации нежелательна для коммуникативного пространства города, хотя и отражает в целом естественные языковые и речевые процессы» (Шарифуллин 2000, 179). В связи с вышесказанным автор пишет о необходимости продуманной политики в области городской ономастики.

В казахстанской лингвистике подобная точка зрения широко рассматривается, и все лингвисты подчеркивают теснейшую связь ономастических процессов с жизнью общества. Так, в качестве одной из важных проблем современного казахстанского языкознания ученые называют «формирование

ономастического пространства независимого Казахстана и определение его национального выражения» (Абдуали/Жаркынбекова 2015, 4). Для казахстанской лингвистической урбанистики вопросы разработки языковой политики в отношении городского нейминга являются весьма актуальными, научно и социально значимыми. Речь фактически идет о перспективах исследовательской работы, имеющей высокую степень научной и социально-политической значимости.

* * *

В данной статье рассмотрены некоторые теоретические предпосылки лингвистического изучения урбанистики в Казахстане. Провинциальные города, подобные Павлодару, имеют свою культурную историю, которая отражается в системе лексической номинации. Исследовательская работа в этой области открывает большие перспективы, не только в области языкознания, но также в области культурологии, антропологии и социальной психологии. Неоценимую помощь в такой работе оказывает использование опыта европейских и российских исследований в области лингвистической урбанистики.

Библиография

- Абдуали, К./Жаркынбекова, Ш. К. и др. (2015), Нормативно-правовые основы казахской ономастики. В: Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. 5 (157), 4–9.
- Артыкбаев, Ж. О. (2016), Названия улиц Астаны как отражение истории города. В: Материалы республиканского круглого стола «Языковая политика в Республике Казахстан и вопросы ономастики». Астана, 22–37.
- Голомидова, М. В. (2015), Урбанонимический дизайн: к вопросу о названиях внутригородских объектов. В: Вопросы ономастики. 18, 186–196.
- Жаркынбекова, Ш. К./Каирова, М. К. и др. (2016), Принципы номинативной политики урбанонимической системы городского пространства (на примере г. Астаны). В: Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева. 5/114, 65–72.
- Котлярова, Т. Г. (2016), Культурный контекст современного города в топонимике. В: XIX Международная конференция «Русистика и современность. Астана.
- Мадиева, Г. Б./Супрун, В. И. (2011), Теоретические основы ономастики. Алматы/Волгоград.
- Новикова, Т. А. (2015), Лингворегионоведение как направление «внешней» лингвистики и интеграционная модель исследования языка и культуры. В: Yearbook of Eastern European Studies. 5, 44–60.
- Подольская, Н. В. (1988), Словарь русской ономастической терминологии. Москва.
- Попов, Р. В. (2015), Урбонимия как специфический объект городской лексикографии. В: Камалова, А. А. (ред.), Русская лексикография вчера, сегодня завтра. Olsztyn, 73–84.
- Суботина, Т. В. (2011), Локус, топос, урбоним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий. В: Вестник Челябинского государственного университета. 24/239, 111–113.
- Суюнова, Г. С. (2016), Теоретико-прикладные аспекты лингвистической урбанистики. Павлодар.
- Суюнова, Г. С./Андрющенко, О. К. и др. (2017), Общекультурный ландшафт Павлодара. Семей.

- ПОДБЕРЕЗКИНА, Л. З./ТРАПЕЗНИКОВА, А. А. (2012), Лингвистическое градоведение как предмет региональных исследований (на материале Красноярска). В: Полифония большого города. Москва, 100–115.
- ШАЙМЕРДЕНОВА, Н. Ж. (2007), Русистика в Казахстане: тенденции и перспективы. В: 1-й Международный конгресс «Русский язык и литература в XXI веке: теоретические проблемы и прикладные аспекты». Астана.
- ШАРИФУЛЛИН, Б. Я. (2000), Языковая политика в городе: право языка vs. языковые права человека (право на имя). В: Юрислингвистика. 2, 172–181.
- ШМЕЛЕВА, Т. В. (1997), Ономастикон современного города. В: Международный съезд русистов. Красноярск, 146–147.
- ФЕДОРОВА, Л. Л. (2014), Языковой ландшафт: город и толпа. В: Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 13/6, 70–80.
- AZARYANU, M. (1997), German reunification and the politics of street names: the case of East Berlin. В: Political Geography Durham. 16/6, 479–493.
- ANDRYUCHSHENKO, O./SUYNOVA, G./ТОКАТОВА, L. (2015), Methodical Tools of Philological Urbanistics. В: Mediterranean Journal of Social Sciences. 6, 258–264.
- ANDRYUCHSHENKO, O./SUYUNOVA, G./ТКАЧУК, S. (2015), The Cognitive Aspects of the Study of Regional Onomastics. В: Indian Journal of Science and Technology. 8/S10, 1–8.
- LIGHT, D. (2004), Street names in Bucharest, 1990–1997: exploring the modern historical geographies of post-socialist change. In: Journal of Historical Geography. 30/1, 154–172.
- TUCCI, M./RONZA, R.W./GIORDANO, A. (2011), Fragments from many pasts: Layering the toponymic tapestry of Milan. In: Journal of Historical Geography. 37/3, 370–384.

NOMADYZM I NOMADOLOGIA

АКТОЛКЫН КУЛСАРИЕВА, МАДИНА СУЛТАНОВА, ЖАНЕРКЕ ШАЙГОЗОВА
Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ШАМАНСКАЯ ВСЕЛЕННАЯ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВОЛКИ И ВОЛЧИЦЫ

The shamanistic universe of Central Asian nomads: wolves and she-wolves

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: волк, волчица, шаманство, тюрки, Центральная Азия

KEYWORDS: wolf, she-wolf, shamanism, Turks, Central Asia

ABSTRACT. The article deals with the semantic nature of the images of a wolf and a she-wolf in the shamanistic natural philosophy of the nomadic Turkic-speaking population of Central Asia. The focus here is an archetypal image of a wolf and a she-wolf as ancestors, defenders and guardians of the Turks' cultural code – one of the most powerful, large-scale and sustainable Eurasia cultures, united by common linguistic roots and mentality. The majority of studies of the semantics of zoomorphic characters in Central Asian cultures focus on a wolf, while a she-wolf's image at most is in the sidelines, although it appears in almost all Turkic genealogical legends as one of the central characters. The authors are of the opinion that the study of natural philosophical underpinnings of images of a wolf and a she-wolf from the point of view of traditional shamanistic ritualism can expand the long-held beliefs about transformation and specificity of functioning of mental values in the cultural sphere of modern society.

1. Введение

Животные и птицы всегда сопровождали человека, это запечатлено в самых разных культурных контекстах. Зооморфные персонажи персонифицируют те или иные силы, значительно влияющие на жизнь человека. Животные /птицы – прародители и тотемы, проводники и посредники, защитники и мучители, всегда являются героями мифологии, религии и фольклора. Шаманство как архаическое практическое сакральное знание, включающее в себя симпатическую магию, анимизм, фетишизм и тотемизм, теснее всех других религиозных систем связано с анималистическим началом.

Тюркское шаманство, будучи обширной и важной частью глобальной сибирской традиции, отличается рядом специфических черт, обусловленных общим смысловым ядром и региональными культурными дифференциациями. К примеру, у казахов единый натурфилософский корень центрально-

азиатско-сибирского шаманства смог развиваться и сохраниться, став основой баксылыка (шаманской традиции у казахов), а также мифопоэтической картины мира.

На данный момент существует солидный научный задел, посвященный древним шаманским культурам Центральной Азии и Сибири и особенностям их современного проявления, где в той или иной степени авторы обращались к культу животных и птиц, в том числе и волка. Так разные аспекты этой проблемы в пространстве преимущественно сибирского и отчасти тюркского шаманства освещены в трудах М. Элиаде (1998), Г. Ксенофонтова (2006), Н. Алексеева (1984), Л. Потапова (1991), В. Богораза (2006), В. Баилова (1984), А. Сагалаева (1984) и др. Некоторые грани анималистической природы центрально-азиатского и непосредственно казахского шаманства прямо или косвенно затронуты в работах С. Кондыбая (2005), Е.Турсунова (2004), Р. Кукашева (2002), З. Наурзбаевой (2013), О. Наумовой (2006), В. Баилова (1992) и др.

Тем не менее отдельно тема «шаманских» животных и птиц в тюркском шаманстве и природа посредничества священных животных объектом пристального научного внимания практически не становилась. Хотя в Казахстане имеется определенный научный задел по этой теме, лакун еще больше. Одной из них является семантика образов волка и волчицы в тюркской шаманской натурфилософии.

В фокусе настоящей статьи находится типологический анализ образа волка и волчицы как персонажей, имеющих статус «священных» в казахском, шире – тюркском шаманстве, их роль, функции и семантические связи.

2. Волк и волчица в тюркской мифопоэтике

Волк – один из наиболее важных персонажей тюркской мифопоэтической вселенной, его семантика и сейчас занимает центральное место в современной казахской культуре. Волк традиционно считается главным ураном-прародителем тюрков, но на самом деле, это – не волк, а волчица. Именно образ волчицы уходит корнями в архаическую шаманскую натурфилософию, что нашло отражение в генеалогической мифологии.

В данный момент тюркский генеалогический миф известен в нескольких вариантах. В самом известном из них голубые или небесные тюрки (каз. *көктүркілер*) ведут свой род от искалеченного врагами сына вождя племени хуннов и спасшей его от смерти белой волчицы с голубыми глазами (Бисенбаев 2008, 70–71). Плодом этого союза стали десять сыновей, продолживших род отца. Волчица воспитала детей, которые образовали целый народ, жаждавший обрести собственный путь и законного правителя.

После долгих и ожесточенных споров десять сыновей волчицы обратились к шаману. Тот после сложного обряда открыл волю Тенгри: вождем всех десяти колен станет тот, кто взберется на вершину священного Древа. Быстрее и удачливей всех стал Ашина, но братья не захотели примириться с очевидным и оспорили победу Ашины.

Тогда самые мудрые и сильные шаманы сообща постановили, что братья должны дожидаться знака Тенгри под кроной Священного Древа. Спустя время, с самых верхних ветвей Древа, скрытых облаками, слетел священный орел и покружив семь раз, сел на плечо Ашины. Так именно Ашина стал первым верховным каганом голубых небесных тюрков и велел поместить на свой штандарт волчью голову. Само имя «Ашина» с древнемонгольского (сяньбийского) языка переводится как «благородный Волк» (Потапов 1991б, 79–81).

Примечательно, что Ашина возвеличил не род отца – хунну, а матери Волчицы, хотя, казалось бы, для Востока характерна именно агнация. Мать-волчица выступает здесь как жизнеспасительница и жизнедательница целого народа, ставшего затем ядром Великого Тюркского Эля. К тому же само появление волчицы далеко не случайно, как и сама волчица, так как это не обыкновенное животное, а белошерстная синеглазая посланница духов.

Очень интересна и другая версия происхождения тюрков в прозаическом переложении, которую А. Н. Аристов считает не менее древней и значимой (Аристов 1896). Согласно мифу, сын волчицы Ичжини-нишыду был с рождения одарен сверхъестественными возможностями и имел двух жен, также обладавших силой, так как они были дочерьми духа неба и духа зимы.

Старшая жена Ичжини-нишыду – сына Волчицы родила ему четырех сыновей, ставших родоначальниками четырех главных ветвей тюрков. Здесь нам важны сюжетные перипетии мифа, в которых скрыты шаманские и темные корни: старший сын – Волк по праву первородства стал вождем тюрков, другой сын превратился в Лебедя и стал предводителем тюркоязычных этносов, проживавших на территории современного Алтайского края.

Третий сын возглавил племенной союз енисейских кыргызов и потому, скорее всего, ассоциировался с Оленем – главным тотемом кыргызов Прииссыкуля. Согласно легенде, поэтично пересказанной Чингизом Айтматовым¹, некогда чудом уцелевшие после кровавой родовой распри дети были спасены Матерью-Оленихой и унесены ею с Енисея на берега Иссык-Куля. Поэтому современные кыргызы считают себя прямыми потомками енисейских кыргызов.

О судьбе четвертого сына Ичжини-нишыду практически ничего неизвестно, но фрагментарные упоминания об этом можно найти в китайских

¹ Более подробно об этом можно прочитать у Чингиза Айтматова в повести «Белый пароход».

и тюркских мифах о Волке и Вороне (Nami 2006, 165). Хотя это сложно утверждать однозначно, возможно, четвертый сын был именно Вороном.

Все эти животные, как и некоторые другие, являются не просто тотемами, персонификациями духов-предков, а центральными аспектами анимизма, который, согласно З. Фрейду есть «философская система, не только объясняющая отдельный феномен, но и дающая возможность понять весь мир как единую совокупность» (Фрейд 2005, 128). В культурном пространстве древних тюрков волк и волчица являются одними из самых важных элементов картины мира, унаследованной от прототюркских народов, издревле населявших Алтай и Южную Сибирь.

3. Волк и волчица в шаманских традициях Центральной Азии

В традиционных культурах Центральной Азии и Южной Сибири шаманизм был, а кое-где и сейчас остается «живой» традицией. Одна из особенностей шаманства Центральной Азии, уходящего корнями в южносибирскую традицию, состоит в том, что, несмотря на мощное влияние иранского и затем исламского культурного компонента, оно все же сумело сохранить многие архаичные элементы.

Другую и крайне важную отличительную черту тюркского и казахского шаманства В. Басилов видел не только в их самобытности как локальных проявлений некогда мощной и широко распространенной культурной традиции, но в том, что это наиболее позднее относительно целостное проявление архаической магико-религиозной системы в эпоху абсолютного господства монотеистических религий (Басилов 1992, 5).

В каждой культуре есть «главные» эпосы, уходящие корнями в космогонические и генеалогические мифы, которые повествуют о тех временах «когда все только начиналось...». По Элиаде миф есть спрессованная сакральная история, которая рассказывает, каким образом реальность, благодаря деяниям сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления, будь то Космос или только его фрагменты (Элиаде 2010, 15). Мы имеем в виду процесс формирования Модели мира.

Для шаманов Центральной Азии мифы творения и Модель мира являются не абстрактными понятиями, а вполне реальными явлениями, существующими независимо от человека, его веры или неверия. В отличие от простых людей-профанов, шаманы как носители сакрального знания знали, что она представляет собой: Мировое Древо, позволяющее шаману перемещаться между мирами.

Однако любой шаман, несмотря на все свои личные достоинства, не способен самостоятельно попасть в иные миры, ориентироваться там, и главное, - суметь вернуться обратно. Только особое животное или птица, добровольно согласившееся стать проводником или даже своеобразным духовным «двойником» шамана, есть залог успешных шаманских практик.

Среди орла, медведя, лебедя, оленя и т.д. – наиболее часто встречающихся в шаманстве Центральной Азии «животных силы», особое место занимают волк и волчица. Петроглифика Верхнего Енисея скифского периода свидетельствует, что волк и змея олицетворяют нижний уровень мира (Дэвлет 1996, 25). Отметим, что в европейской фольклорной традиции волк и змея также часто взаимосвязаны или же даже способны дополнять и заменять друг друга.

Скандинавский трикстер Локи может превращаться в различных животных: тюленя, лосося и т.д. По Элиаде Локи «рождает Волка и Змею Мира» (Элиаде 1998, 429). Эти образы несут смерть, так как их натура – смерть и разрушение. Эти примеры можно продолжить.

В западной культурной традиции волк и гораздо чаще волчица выступают символами хаоса и зла. Но в Центральной Азии эти же персонажи – прародители и защитники. Несмотря на то, что они олицетворяют опасность и угрозу, и волк, и волчица находятся на стороне добра.

В сибирском и центрально-азиатском шаманстве волки и волчицы имеют особый статус. Это – сила и благородство, но при этом также беспощадность и ненасытность. Исследователи отмечают, что шаман, у которого мать-зверь – волк или волчица, считается неудачником. Здесь имеется в виду не шаманская сила, ибо мать – волк/волчица наделяют «своего» шамана огромной силой, а внутренняя природа – ненасытность, стремление поглотить и добыть больше, чем надо. Этот «дар» становился и проклятием, так как вечно голодный внутренний волк/волчица постоянно требовали от своего хозяина жертвенной пищи.

Невероятная сила и высокий статус шамана-волка/волчицы родом из древнейших культурных пластов, эпохи матриархата с его священным женским началом. Отсюда и этимология понятия «мать-зверь». Скорее всего, под волком имеется в виду именно волчица с ее символикой бездны, необузданности, обостренной интуиции, демонизма, свойственной женщинам.

Шаманы Центральной Азии и Сибири дифференцировались по нескольким уровням/категориям согласно своей силе, дарованной матерью-зверем. Их могло быть три или пять (нечетное число, незамкнутый «женский» цикл). Низший уровень управлялся змеями и птицами типа кукушки или филина, а верхний – тигром и орлом (Сем 2006, 544). Волк/волчица представляли средний или «переходный» уровень, и в определенной степени именно он был самым важным из всех трех (пяти). Можно сказать, что волки/волчицы

уравновешивали все уровни, а шаманы-волки/волчицы объединяли в себе функции целительства, ясновидения/яснослышания и воинов-защитников.

Тюрки всегда почитали Волка/Волчицу как своих боевых тотемов и призывали их во время битв. Воины считали себя волками, старались подражать им в своих повадках, боевых стратегиях и в боевых кличах (волчий вой).

В шаманской мифопоэтике Центральной Азии волк и волчица – главные ураны тюрков. Это засвидетельствовано в генеалогической тюркской поэме «Огуз-наме». Волки – это символы Вечного Синего Неба (*КөкТэнгри*) (Щербак, 1959). «В образе волка выступает сама Природа, оберегающая тюрков», – утверждает Н. Аюпов (2009, 144).

У монголов синие-серые волки *хõх* («синие» у халха-монголов) и *börte* («серые» по средне-монгольски) волки – одни из высших шаманских духов-проводников (Биртолан, 1995, 22). Полагаем, что с понятиями «синий» и «серый» вполне сопоставим термин «сивый», часто фигурирующий в тюркской мифопоэтике.

Важно то, что волки/волчицы связаны с северо-восточным направлением (значимым символом в степной натурфилософии). Север (белый цвет) у кочевников – священная колыбель, мир духов, обитель предков. Восток (голубой цвет) символизировал воздух и ветер, стихии, ответственные за посредничество, соединение несоединимого, всепроникающее начало. Север как вотчина высших сил и восток как символ восходящего солнца (надежды) образовывали северо-восточное направление – путь духовно-нравственного возрождения. Возможно, поэтому мать-Волчица в древнетюркской генеалогии всегда описывается белой и голубоглазой, а ее дети – избранные.

В традиционном казахском фольклоре устойчиво бытуют легенды о волках-сырттан², обладающих наибольшими способностями, кроме того «иногда волк выступает в качестве орудия или исполнителя фатальной судьбы» (Кондыбай 2005, 99). Как бы не сопротивлялся человек, волк все равно исполнит предначертанное, проявив в полной мере все свои звериные повадки: хитрость, ум, умение выждать и беспощадность.

4. Образы Волка и Волчицы: современный контекст

Сегодня в Казахстане волк/волчица – образ, переживающий настоящий ренессанс. Это объясняется стремлением приобщиться к собственной культурной памяти, а также здесь речь идет и об идентичности. Волк и волчица как

² Сырттан – в переводе с казахского «наисильнейший». Хотя в целом этот термин подразумевает качества, свойственные многим, все же чаще всего, употребляется в связи с характеристикой воинов и волков, реже скакунов.

общетюркские тотемы призваны восстановить разомкнутые некогда звенья этнической памяти и объединить прошлое с настоящим.

В 2009 году казахстанский кинорежиссер Ермек Турсунов снял весьма неоднозначную кинокартину «Келін». Этот фильм-притча практически немой, так как актеры совсем не говорят, но зато на передний план выступает все богатство звуков, чувств и эмоций, которыми насыщена картина. Мы не будем подробно пересказывать содержание, просто ограничимся очень краткой характеристикой основного сюжета.

Словно вне времени в заснеженных алтайских горах живет маленькая казахская семья, главой которой является Мать двоих сыновей. Она – шаманка и старается жить в полном согласии с Природой, олицетворяемой в фильме Волчицей. Старший сын приводит в дом Невестку, и жизнь с тех пор уже не будет прежней. Любовь, месть, страсть, ненависть, жизнь и смерть, – всё это и еще многое другое составляет концептуальное ядро фильма.

Через всю кинокартину красной нитью проходят образы Матери-шаманки и Волчицы, которая время о времени мелькает в кадре. Она терпеливо ждет своего часа, а будучи воплощением самой Природы, пока живет своей жизнью. Один за другим погибают из-за невестки сыновья, но у Матери не поднялась рука отомстить беременной снохе. Приняв у нее роды, Мать-шаманка, осознав свое предназначение, отправилась ночью в горы, чтобы призвать Волчицу.

Воя на Луну как настоящие волки, шаманка воззвала к своей небесной покровительнице. Недавно оценившаяся Волчица позволила ей подоить себя, и это молоко стало первым, что вкусил новорожденный младенец. Женское молозиво вперемешку с молоком Матери-Волчицы призвано было наделить человеческое дитя, сына Невестки, особой силой, наполнить его будущую жизнь смыслом, который многие поколения уже утратили.

Выполнив задуманное и оставив позади обиды, простив Невестку, защитив ее и ее дитя, Мать-шаманка передает ей свой шаманский посох и уходит в горы, где давно ждет ее Волчица, чтобы вернуть то, что даровали ей духи в свое время, – жизнь.

Показательным примером у современных тюрков является популярность древней ритуальной игры-инициации *кокпар*. Возрождение *кокпара* на самом деле не что иное, как архаичный сакральный обряд жертвоприношения.

Кокпар – серьезное испытание, где на карту ставился не только престиж аула, но и рода, поэтому мужчины заранее тщательно готовились сами и тренировали своих скакунов. В *кокпаре* проверялась сила, выносливость, ловкость, командный дух, не говоря уже об искусстве держаться в седле.

В день соревнования все аульчане, позабыв про дела, собирались на поле, чтобы с замиранием сердца «болеть» за своих джигитов. Дело для настоящих мужчин, крепких умом, телом и духом, *кокпар* – не игра, а ритуал, живой космогонический и генеалогический миф, священный для тюрков.

Правила *кокпара* следующие: в игре принимали участие две команды джигитов из кочующих по соседству аулов. Всадники располагались друг напротив друга и ждали, пока за пятьдесят метров от них на землю не сбрасывалась обезглавленная козлиная туша. Джигиты должны были голыми руками на всем скаку поднять ее и забросить на свою территорию. Это было чрезвычайно трудно, так как противники старались отобрать тушу, и часто это больше напоминало военные действия, чем игру.

Сейчас известно несколько вариаций *кокпара*. Несмотря на определенные нюансы, казахский *кокпар* преследует одну цель: быть своеобразным посвящением юношей в мужчины, воины, так как участвовать в игре можно было только на пределе своих возможностей. *Кокпар* – игра командная, и если джигит проявил себя эгоистично, то и в настоящем бою он никогда не подставит другу плечо.

Исследуя семантику *кокпара*, следует углубиться в этимологию самого названия «Көкпар» в переводе с древнетюркского означает *көк-бөрі* (серый /синий волк). Космогонический символизм этой игры заключается в туше козла, отданной на ритуальное растерзание «волкам» (джигитам). Козел/коза в мире кочевников всегда олицетворял хаос и тьму, поэтому жертвоприношение козла превращалось в обряд упорядочения вселенной и торжество гармонии. Только самые сильные, быстрые и смелые «волки» получают право уничтожить хаос, поэтому вполне понятен смысл забрасывания туши в ворота противника.

«Небесный» как «синий», – это объясняет семантику казахского *кокпара*. Синие (небесные) волки стоят на страже порядка и равновесия в мире. *Көкпар* – не забава, это священный ритуал, миф, который и сейчас живет в казахской культуре.

Кокпар наглядно демонстрирует архаичную семантику «небесных» волков/волчиц, оберегающих Равновесие и Порядок. Поэтому возрождение этой игры можно рассматривать не только как регенерацию своего культурного наследия, но и ритуальное *воспроизведение* сакрального мифа для обретения стабильности и защиты правильного миропорядка, особенно необходимых нам в современных условиях.

5. Заключение

Уникальность шаманских традиций Центральной Азии в целом и их анималистического кода в частности – вопрос не только исторического прошлого тюркоязычных народов региона, в том числе и казахов, но и его настоящего, так как на волне активной регенерации культурной и этнической памяти

интерес к феномену шаманства в его общекультурном контексте оправданно высок. «Животные силы» в традиционном центрально-азиатском шаманстве параллельно являются общетюркскими культурными символами, объединяющими все тюркоязычные народы Евразии.

Хотя казахский *баксылык* (шаманство) в его прежнем виде сейчас преимущественно достояние истории, отдельные его элементы и в особенности те, что связаны с традиционными для кочевников анималистическими образами и мотивами, способны многое прояснить в особенностях эволюции современной казахстанской культуры.

Даже небольшое исследование места и значения Волка и Волчицы в мифопоэтической и шаманской традиции Центральной Азии позволяет сделать следующие выводы: волк и особенно волчица являются главными прародителями и родовыми тотемами древних и современных тюрков; центрально-азиатская концепция семантики волка и волчицы рассматривает образ волка и волчицы с учетом всех характерных природных качеств (сила, беспощадность, плотоядность и т.д.) уранами и защитниками; волк и волчица (в большей степени) символизируют северо-восток – особое для кочевников (тенгрианцев) направление; волк и волчица являются очень важными составляющими тюркской шаманской вселенной; сейчас в современной тюркской культуре образы волка и волчицы переживают ренессанс (в целом они всегда присутствовали в культурном пространстве), находя выражение в самых разных аспектах.

Библиография

- Алексеев, Н. (1984), Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). Новосибирск.
- Аристов, Н. (1896), Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности. В: <http://kronk.spb.ru/library/aristov-na-1896-01.htm>. [доступ 11.11.2016].
- Аюпов, Н./Абаев, Н. (2009), Тэнгрианская цивилизация в духовно-культурном и геополитическом пространстве Центральной Азии. Ч. I. Тэнгрианство и этноэкологические традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Абакан.
- Басилов, В. (1984), Избранники духов. Шаманство как явление в истории религии. Москва.
- Басилов, Н. (1992), Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. Москва.
- Бисенбаев, А. (2008), Мифы древних тюрков. Алматы.
- Богораз, В. (2006), Феномен шаманизма. В: Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. Санкт-Петербург, 25–49.
- Дэвлет, М. (1996), Генезис шаманства по материалам наскальных изображений Сибири. В: Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Санкт-Петербург, 24–27.
- Ксенофонтов, Г. (2006), Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. В: Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. Санкт-Петербург, 460–474.
- Кондыбай, С. (2005), Казахская мифология. Алматы.
- Кукашев, Р. (2001), К образу лебедя в казахском шаманстве. В: Этнографическое обозрение. 6, 38–44.

- НАУМОВА, О. (2006), Казахский баксы: история одной фотографии (Публикация материалов Ф. А. Фиельструга по казахскому шаманству). В: Этнографическое обозрение. 6, 78–85.
- НАУРЗБАЕВА, З. (2013), Вечное небо казахов. Алматы.
- ПОТАПОВ, Л. (1991а), Алтайский шаманизм. Ленинград.
- ПОТАПОВ, Л. (1991б), Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах. В: Советская этнография. 5, 79–86.
- САГАЛАЕВ, А. (1984), Мифология и верования алтайцев. Центрально-азиатские влияния. Новосибирск.
- СЕМ, Т. (2006), Из истории формирования шаманства тунгусов. Исторические корни сибирского шаманства. В: Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. Санкт-Петербург, 532–567.
- ТУРСУНОВ, Е. (2004), Происхождение носителей казахского фольклора. Алматы.
- ФРЕЙД, З. (2005), Тотем и табу. Санкт-Петербург.
- ЩЕРБАК, А. (1959), Огуз-наме. Мухаббат-наме. Москва.
- ЭЛИАДЕ, М. (1998), Шаманизм. Архаические техники экстаза. Киев.
- ЭЛИАДЕ, М. (2010), Аспекты мифа. Москва.
- BIRTALAN, A. (1995), Some Animal Representations in Mongolian Shaman Invocations and Folklore. В: Shaman. 3/2, 17–33.
- NAMU, J. (2006), Myths and Traditional Beliefs about the Wolf and the Crow in Central Asia Examples from the Turkic Wu-Sun and the Mongols. В: Asian Folklore Studies. 65, 161–171.

IZABELA LIS-WIELGOSZ
Instytut Filologii Słowiańskiej UAM

OD LUDU WYBRANEGO DO NARODU CIERPIĄCEGO, WYGNANEGO, TUŁACZEGO. KOMPLEMENTARNOŚĆ MOTYWÓW W LITERATURZE STAROSERBSKIEJ

From the Chosen People to the Nomadic, Exile, Martyred Nation Complementarity of Motifs in the Old Serbian Literature

WYRAZY KLUCZOWE: motyw emigracji, motyw wędrówki, literatura starosłowiańska, struktura tematu, koncepty wyobrażeniowe, los zbiorowy, Wielki Exodus, naród wybrany, naród-męczennik

KEY WORDS: motif of emigration, motif of wandering, Old Serbian literature, topic structure, imaginative conceptions, collective fate, Great Exodus, chosen nation, nation-martyr

ABSTRACT: The paper regards a problem of realization and function of the motifs of emigration and wandering that occur in a complementary arrangement in Old Serbian literature. They consist of a specific scheme of presentation and exegesis concerning the historical, religious and cultural reality. The motifs are a characteristic strategy of the expression of collective fate – the tragic experience of the Great Exodus in 1690. They find an extraordinary realization in brief literary form – the notations wherein the motifs establish a definite semantic collection, combined with many already consolidated ideas and ideological constructions. That collection is to met with a favourable response of the subsequent cultural phenomena and conceptions, creating a unique image of the Serbian community. Those phenomena constitute a sort of topic structure, based on the already established imaginative conceptions, especially the messianic image of the “chosen nation” and “nation-martyr” that create a new character of the Serbian community, or make the previous one concrete, henceforth described not only in the categories of election and martyrdom, but also of “emigration from the Turkish land”, wandering and homelessness in the land of Hungary.

Kultura staroserbska jawi się jako jeden z bardziej charakterystycznych systemów dawnej Słowiańszczyzny, ukazuje jako model wysoce oryginalny, koherentny, ale też hermetyczny. Współtworząc kulturową strukturę *Slaviae Orthodoxae* jest ona jednocześnie wyjątkowo autonomiczna, posiada bowiem wyraźnie lokalną właściwość, a przez to w pełni definiowalna staje się w konkretnym i względnie wąskim kontekście. Należy podkreślić, że nie oznacza to całkowitego izolacjonizmu, osobliwości czy odmienności wobec całego słowiańskiego obszaru prawosławnego,

mowa tu raczej o swoistości i niepowtarzalności składających się na nią ideowych koncepcji, fenomenów i wzorów. Jako taka jest owa kultura sumą zaadaptowanych, zmodyfikowanych oraz zupełnie nowych elementów, czyli zbiorem rodzimych wariantów uniwersalnych tradycji i wyrosłych już na serbskim gruncie idei, form i struktur. Rzec można, iż niepowtarzalny model kultury staroserbskiej, przez swoją stałość, spójność i głęboki związek z lokalną historią, rozwojem oraz losem państwa i Cerkwi, decyduje o wysokiej rozpoznawalności, co Joanna Rapacka nazwała „jedną z podstawowych opozycji średniowiecza serbskiego”, dodając, że

opozycja ta nie naruszyła w niczym samego systemu literackiego. Bohaterów dziejów świeckich i ich czynów nie sławiono przy pomocy jakiś odrębnych typów tekstów, rządzących się odrębnymi świeckimi zasadami. Przeciwstawne bieguny połączono poprzez podniesienie dziejów świeckich do rangi dziejów świętych i poprzez otoczenie aureolą świętości ich bohaterów – władców serbskich, których czyny sławią żywoty (hagiografie), kanony, służby i homilie pochwalne – najbardziej charakterystyczne gatunki literackie średniowiecza serbskiego (Rapacka 1993, 25).

Literatura staroserbska służyła więc specyficznej sakralizacji, co wpłynęło także na ukształtowanie się szczególnych odmian genologicznych, zwłaszcza w przestrzeni hagiograficznej, na którą wpływ miała rodzima – „narodowa” tradycja w wariacie władczo-mniszym i władczo-martyrologicznym z nadrzędną sygnaturą dynastyczną. Bez wyjątku wszyscy staroserbscy władcy otrzymali swego rodzaju portret hagiograficzny, teksty żywotów konstruowane były jako następujące po sobie jednostki narracyjne składające się na określony cykl, tj. jedną spójną opowieść o świętości dynastii, państwa, Cerkwi i ludu.

Omawiany model kulturowy, uznawany za swoisty fundament, uformował się w odniesieniu i na potrzeby trzech dynastii – Nemanjiciów, Lazareviciów i Brankoviciów; powstał i funkcjonował na przestrzeni zaledwie kilku stuleci, tj. XII–XV wieku. Ten właśnie wzorcowy okres serbskiego średniowiecza jawi się jako hermetyczna i wewnętrznie spójna czasoprzestrzeń, którą Jovan Deretić określił mianem kultury typu zamkniętego i redukcjonistycznego (Деретић 2000, 63). Charakterystyczna jest bowiem dlań kompatybilność, trwałość konstytutywnych elementów, takich jak idea dynastyczna w wymiarze charyzmatycznym sprzęgnięta z tradycją sakralną, ściśle z nią powiązana organizacja państwowa i cerkiewna, tradycja władczo-mnisza i władczo-martyrologiczna, a także *świętosawski* fundament prawosławia oraz specyficzne pojęcie ludu wybranego, potem w kluczu kosowskim i pokosowskim definiowanego jako naród cierpiący, zaś po exodusie na ziemię południowych Węgier – tzw. Wielkiej Wędrówce Serbów określanego dodatkowo i niejednokrotnie mianem wygnanego, tułaczego.

Wyznacznikami staroserbskiego modelu kulturowego są dwa obiegowe i powszechnie rozpoznawalne mity – początku i końca. Pierwszy ma swoje źródło

w narracjach poświęconych założycielom – Simeonowi i Sawie, tj. w składających się na tzw. właściwy początek średniowiecznej literatury tekstach hagiograficznych i hymnograficznych powstałych w serbskiej redakcji języka starosłowiańskiego. Jedną z najważniejszych i spójnych prezentacji tegoż właśnie mitu jest narracja Domentijana nazywanego „twórcą świadomości narodowej w serbskiej literaturze średniowiecznej” (Доментијан 1988, 16), a kontynuowana i znacząco rozbudowana przez kolejnego znaczącego hagiografa i hymnografa, czyli Teodosija. We wszystkich utworach literackich wielki żupan i pierwszy arcybiskup pojawiają się jako fundatorzy porządku cywilizacyjnego w kontekście indywidualnego wybraństwa, które rychło przekształca się w zbiorowe powołanie serbskiej wspólnoty pojmowanej jako naród wybrany – „drugi Izrael” czy „nowy Izrael” (Даничић 1865, 150, 3). Figura świętej pary założycielskiej wyrosła więc na wyraźnie ideologicznym gruncie, którego najsilniejszym paradygmatem jest idea symfonii władz oraz sakralna koncepcja rodu, wspólnoty (narodu) i ziemi. W tekstach obu twórców akcentem nadrzędnym jest podkreślenie czynu założycielskiego wielkiego żupana, jego dobrego pochodzenia i danej mu od Boga władzy. Domentijan wzmiankując o genealogii, nazywa go „pięknym kwiatem z dobrego korzenia”, a fraza ta stała się załącznikiem literacko-ikonograficznej konstrukcji dynastycznej – krzewu winorośli, która sprzęgnięta z ideą władzy prezentowanej jako szczególne przymierze Serbów z Bogiem, w efekcie zdefiniowała specyficznie pojęte wybraństwo, wyeksponowała świętość dynastii i całej wspólnoty; w tekście mowa jest m.in. o tym, że „tego świętego ojca naszego przewidział/postawił Pan, chcąc, aby na niego spłynęła łaska i bogobojni zeń się porodzili, co jak Nowemu Izraelowi zasiewem jego jawili się od niego pochodząc” (Даничић 1865, 3).

Kolejni władcy, których postaci ukazują się jako wierne odwzorowanie lub nawiązanie do postaci ojców fundatorów, tradycyjnie są nazywani następcami świętego korzenia, latoroślą swych prarodzciców, konarami i jednorodnymi pędami, co ma podkreślać ciągłość i legitymizację władzy. Najpełniejszą i najbardziej plastyczną realizację osiąga idea dynastyczna w tekstach arcybiskupa Danila II autora żywotów Stefana Uroša I, Stefana Dragutina, Stefana Milutina i Jeleny. Hagiograf opisując ich święte wizerunki, szczególnie uwypukla rodowód, tym samym wpływając na ostateczne ukształtowanie konstrukcji *świętej loży*. W tekstach narracja bezpośrednio wychodzi od gloryfikacji fundatorów, którzy jawią się jako „wielce płodny korzeń drzewa oliwnego/rajskiego zasadzonego prawicą Pańską”, z którego wyrastają następcy jako „chwalebne i różnorodne pędy, niczym rajske kwiaty” (Даничић 1866, 4). Dynastia jako wiecznie zielone i płodne drzewo (Ps 92,13–15), funkcjonując na wzór pnia Jessego, staje się czytelnym znakiem trwałości i szczególnego przymierza z Bogiem, wyjątkowej roli i wybraństwa zarówno rodu, jak i całej serbskiej wspólnoty (Naumow 2007, 229–236). Taki sens idei genealogicznej realizują i utwory hagiograficzne, hymnograficzne, i przedstawienia ikonograficzne, czego przykładem są

kompozycje zachowane w wielu monasterach m.in. w Gračanicy z ok. 1321, w Peci z ok. 1334, w Dečanach z 1350, Matejču z 1360 roku (zob. Маријановић-Душанић 1994, 60–64).

Tradycja martyrologiczna to, obok władczo-mniszej, podstawowy nośnik uniwersalnych znaczeń i element ideologicznej konstrukcji kultury staroserbskiej. Serbskie *martyrium* sięgające czasów dukljanskich – ofiary Jovana Vladimira (zob. Leśny 1988, 92–103), poszerzone o męczeństwo Stefana Dečanskiego (zob. Данило II 1988, 213–214; Кенанов 2000, 184), a potem Lazara i wojów kosowskich, w wymiarze ogólnochrześcijańskim stanowi powtórzenie i aktualizację Męki Pańskiej, natomiast w aspekcie ideologicznym staje się szeroko sfunkcjonalizowanym znakiem szczególnego powołania dynastii (do której Lazar deklarował przynależność), jej końca, symbolicznego kresu państwowości, oraz wspólnoty serbskiej pojmowanej jako lud cierpiący. Powstające tuż po klęsce na Kosowskim Polu teksty, m.in. pióra Danila III, Jefimiji, Anonima z Ravanicy (zob. Павловић 1965, 116; Даничић 1861; Руварац 1874; Вукомановић 1859; Радојичић 1953; Мирковић 1922), wyraźnie sytuują księcia w centrum serbskiej historii i historiozofii (zob. Gil 1995, 26; Zieliński 1998, 156). Wszystkie najwcześniejsze (a też późniejsze) teksty jednoznacznie promują ideę moralnego tryumfu i wyjątkową drogę dziejową wspólnoty, wprawdzie odtąd już cierpiącej, lecz wciąż tradycyjnie definiowanej w kategoriach wybraństwa – jako „Nowy Izrael”.

Tragiczne wydarzenia – najazd osmański, kolejno przegrane bitwy (nad Maricą w 1371 roku i na Kosowskim Polu w 1389 roku), a potem okrojenie serbskiej państwowości do despotowiny, wreszcie jej upadek (zajęcie przez Turków Smederewa w 1459 roku) – doprowadziły do istotnych zmian i modyfikacji, a w zasadzie redukcji modelu kulturowego do swoiście pojętego miejsca pamięci. W kolejnych stuleciach nastąpiła specyficzna kodyfikacja okresu wzorcowego, stał się on nośnikiem zbioru kanonicznych wartości i idei, punktem odniesienia, nade wszystko zaś wyobrażeniem złotego wieku. Równolegle w jego kontekście i pod wpływem bieżącej dramatycznej historii, w przestrzeni kultury staroserbskiej zrodziły się nowe konstrukcje ideowe lub też pojawiły warianty dawnych idei. Jednym z bardziej podatnych na zmiany i przekonstruowania był obszar wspólnotowy, postrzeganie serbskiego ludu w perspektywie doświadczenia dziejowego i kulturowego. Dramat ludności chrześcijańskiej na terenach okupowanych przez Turków, w tym położenie serbskiej wspólnoty – najpierw uciemnionej, cierpiącej, potem wygnanej i nomadycznej – znacząco wpłynęły na pojmowanie przez tę własnego losu, przeznaczenia. Stał się on więc gruntem dla odmiennej autopercepcji, definiowania samego siebie już nie w kategoriach ludu wybranego, lecz narodu tułaczego – jak to ujął jeden z twórców staroserbskich – odtąd przebywającego „w cudzej ziemi i domu” (Стојановић I 1902).

Oczywiście owa przemiana kategoryzacyjna następowała stopniowo, podyktowana była sekwencją zdarzeń, katastrofalną sytuacją tej i nie tylko tej grupy etnicznej, lecz to właśnie serbska zbiorowość wykazała wyższą niż pozostałe wspólnoty

bałkańskie skłonność do budowania szczególnej pozycji, wynoszenia własnych doświadczeń na poziom historiozoficzny i teleologiczny. Stopniowo zatem zachodziła istotna zmiana w rozumieniu kolektywnej predestynacji, a do opisu dziejów zaprężnięte zostały rozpoznawalne motywy – wygnaństwa, wychodźstwa, tułactwa, które odpowiednio sfunkcjonalizowane występowały w układzie komplementarnym, w określonej, często ideologicznej relacji. Ich wzajemne powiązanie jest zauważalne zwłaszcza w systemach typu zamkniętego, spójnych, hermetycznych czy wręcz redukcjonistycznych, tych, które podług koncepcji J. Assmanna, można określić mianem *mitomotorycznie* wrażliwych (zob. Assmann 2008, 93–94 i n.). Mowa tu o tzw. kulturach pamięci wyrosłych oraz funkcjonujących na gruncie nieustannie rekonstruowanych, aktualizowanych opowieści fundacyjnych, „wydarzeń charyzmatycznych” definiowanych w kategoriach zarówno pozytywnej, jak i negatywnej, pomyślnej lub niepomyślnej – tragicznej w skutkach boskiej/Bożej ingerencji (Assmann 2008, 261–262). Zatem rzecz tu o strukturach, których elementy są zasadniczo sumą historycznych momentów wyniesionych na poziom mityczny/sakralny, tworzących swoistą „historię charyzmatyczną” rozumianą jako konsekwencja przymierza zawartego między jakąś wspólnotą – ludem a bóstwem/Bogiem, pozwalającą odczytywać „strumień zdarzeń” w aspekcie wierności lub niewierności wobec boskiej strony paktu (Assmann 2008, 262). Tak pojmowane dzieje, których upamiętnianie jest swoistym imperatywem grupy, kształtują jej wyobrażenia o sobie samej, projektują działania, wyznaczają ich kierunek, określają orientację, decydują o swoistej podatności, zdolności rekurencyjnej, potencjale *mito- i mnemomotorycznym*. W takich systemach kulturowych toposy nie funkcjonują jako niezależne zbiory znaczeniowe, lecz są ściśle sprzęgnięte z wieloma ideami, konstrukcjami ideologicznymi, z których wedle jakiejś przyjętej reguły logicznie wynikają, stanowią ich części pochodne, a w szerszym ujęciu współtworzą/ustanawiają z nimi trwałe (nierzadko też pożądane) horyzonty sensu, w węższym zaś rozumieniu budują podatny – w określony sposób nacechowany – grunt dla szeregu fenomenów i koncepcji kreujących niepowtarzalny wizerunek zbiorowości.

Tematy wychodźstwa i tułactwa, w postaci komponentów większych całości semantycznych, pojawiają się już w narracjach starożytnych, a także w opowieści biblijnej, gdzie zespolone w ciągi pojęciowe, osadzone w swoiste schematy wyobrażeniowe, utrwalają się jako trwałe i wzorcowa struktura topiczna. W formie komplementarnej występują owe toposy także w literaturze staroserbkiej, zwłaszcza zaś w jej siedemnastowiecznych realizacjach – tzw. krótkich formach, czyli *zapisach*, które w czasie zanikania wielkich, typowych dla średniowiecza gatunków – żywotów, służb, pochwał niejednokrotnie stanowiły jedyne staroserbkie reprezentacje literackie. I to właśnie w ich obrębie często pojawiają się wskazane motywy, stanowiąc niemalże obligatoryjny schemat prezentacji oraz egzegezy rzeczywistości historycznej, eklezjalnej, kulturowej. Oczywiście jako komponenty swoistej struktury topicznej nie mogłyby one zaistnieć bez utrwalonych wcześniej imaginacyjnych

konceptów, takich jak wyobrażenie o serbskim narodzie wybranym – „Nowym Izraelu” pozostającym z Bogiem w wyjątkowej relacji – w zależności przymierza, czego manifestacją jest chociażby idea znakomitego rodowodu, świętości panujących dynastii (Nemanjiciów, Lazareviciów, Brankoviciów); koncepcja serbskiego narodu cierpiącego – ofiarnego, którego przeznaczeniem i zdolnością jest najwyższe oraz nieustanne poświęcanie się, oddanie za serbską wiarę i tożsamość, tym bardziej eksponowane w sytuacji zagrożenia zarówno ze strony wyznawców islamu – Turków, jak i chrześcijan – rzymskich katolików (zob. Гил 1997, 97–102; Gil 2005, 26).

Po Wielkim Exodusie Serbów na tereny węgierskie strukturalnie zespolone motywy wychodźstwa i tułactwa ukształtowały nowy, a może tylko nieco ukonkretniły, wizerunek serbskiej zbiorowości, która odtąd zaczęła jawić się nie tylko jako wybrana, lecz także i przede wszystkim osierocona, ogołocona, pozbawiona ziemi, wygnana i bezdomna. Dzięki krótkim formom literackim, które nieustannie i właśnie za pomocą owych toposów podejmują temat wydarzeń 1690 roku oraz czasu określanego mianem wygnania, nastąpiło ostateczne i trwałe połączenie czy wręcz nałożenie na siebie dwóch fundamentalnych konstrukcji wyobraźniowych, a dodatkowo wykształcenie funkcjonalnych pojęć i kryteriów określających przyszły status Serba jako tułacza, tragarza dramatycznego losu, wiecznego *homo viator*a. Sama emigracja pojmowana jako „wyjście z ziemi tureckiej” prócz historycznego posiada także historiozoficzny, teleologiczny, identyfikacyjny wymiar; wyznacza bowiem rodzaj cezury, stanowi swoiste otwarcie kolejnego etapu „charyzmatycznej historii” jawiącej się jako konsekwencja przymierza Boga i serbskiej wspólnoty, specyficznie, tj. w kontekście swoistej „teologizacji dziejów”, rozbudowując jej wizerunek, a tym samym konstytuując tożsamość poprzez nadanie odpowiednich i trwałych rysów (Assmann 2008, 215 i n.).

Wprawdzie exodus z końca XVII wieku nie jest ani pierwszym, ani ostatnim zjawiskiem przymusowego wychodźstwa i przyczyną tułactwa ludności serbskiej, lecz ze względu na skalę i skutki uważa się go za przełomowy i najbardziej tragiczny moment w historii tej zbiorowości (zob. np. Поповић 1954; Чакић 1982). Przede wszystkim dlatego, że najgłębiej naruszył on dotychczasowy porządek, spowodował dezintegrację terytorialną, polityczną, eklezjalną i kulturową. Dotąd znajdująca się pod panowaniem tureckim, zintegrowana wokół peckiego patriarchatu, serbska zbiorowość dzieliła jednakowy los narodu wybranego i cierpiącego, jej dzieje płynęły – jak to ujmuje Deretić – „jednym strumieniem” (Деретић 2005, 153; zob. też Веселиновић 1969, 217), co nawet w trudnych warunkach zniewolenia sprzyjało integracji, krystalizacji świadomości, budowaniu tożsamości i utrzymaniu ciągłości kulturowej. Po tragicznych wydarzeniach 1690 roku nastąpiło nie tylko swoiste „rozwidlenie” jej historii, lecz także zderzenie z nowym/obcym systemem wartości, światopoglądem, modelem kulturowym, odmienną tradycją państwową i kościelną. Masowa ucieczka nie była zwyczajnym przejściem serbskiej wspólnoty na cudzą (głównie węgierską) ziemię, ale przeniesieniem jej kultury w sensie

metaforycznym i dosłownym; wraz z ludnością i hierarchiami cerkiewnymi trafiły tam rękopisy, starodruki, ikony, utensylia i szaty liturgiczne, a nawet święci – relikwie księcia Lazara czy Stefana Pierwoukoronowanego. Rychło upragniony azyl, swoiście pojęta ziemia obiecana okazała się miejscem wyjątkowo trudnym i mało przyjaznym, zamiast być schronieniem stała się obszarem walki o podstawowe prawa (przywileje), terenem zmagañ Serbów z nasiloną i wspieraną przez władze węgierskie oraz austriackie propagandą rzymskokatolicką (zob. Веселиновић 1949, 32–39, 44–50, 155–156; zob. też Симеоновић-Чокић 1940; Слијепчевић 1978, 395–396; Kudelić 2004, 101–131).

Zrodzone w tej niełatwej sytuacji nastroje silnie odzwierciedlają się w tekstach literackich, szczególnie zaś w krótkich formach – *zapisach*, zwanych kolofonami, marginaliami czy też anagrafami. Stanowią one grupę najstarszych i najliczniejszych kompozycji literackich (Трифуновић 1990, 79), niejednokrotnie pod względem formalno-treściowym autonomicznych mikrotekstów składających się na tzw. literaturę zapisu (Томин 2005, 211). Jako takie są one trwale osadzone w szerszym systemie literackim, co potwierdzają obecne w nich strategie narracyjne, odwołania ideowe, repertuar topiczny itd. (zob. Ђоровић 1910; Ђоровић 1938). Z uwagi na tematykę podejmowaną przez te właśnie formy literackie można w nich upatrywać również specyficznych świadectw czasu i stanu zbiorowej świadomości, rejestrowania bieżących wydarzeń, ale też uaktualniania i kodyfikacji czasu minionego.

Charakterystyczny dla krótkich form, zwłaszcza tych z okresu okupacji tureckiej, jest opis rzeczywistości zarówno przeszłej identyfikowanej z tzw. złotym wiekiem, jak i teraźniejszej kojarzonej niemalże wyłącznie z tragicznym losem prawosławnej (słowiańskiej i niesłowiańskiej) ekumeny. W *zapisach* z końca XVII wieku, wyraźnie przekształcających się w rodzaj historiograficznych (latopisarskich) przekazów, zauważalne są już nie tylko zmiany strukturalne, lecz także przesunięcia i przeformułowania samej recepcji ówczesnej teraźniejszości. Pod wpływem przełomowych wydarzeń, następstw wojen austriacko-tureckich zaczęły się w nich pojawiać wyjątkowe, uwydatniające dramat serbskiej zbiorowości, relacje, które złożyły się na szeroką narrację o wygnaniu, wychodźstwie, tułaczce, utracie ziemi przodków – ojczyzny. Centralna w tej opowieści stała się figura serbskiego narodu cierpiącego, którego ofiara była zwykle eksponowana na tle niedoli całej prawosławnej zbiorowości jako najwyższa, a jej los ukazywany jako najtragiczniejszy. Co ciekawe, w dotychczasowych opisach zniewolonej rzeczywistości zazwyczaj była mowa o uciemżonym rodzie chrześcijańskim, natomiast teraz nastąpiło jego swoiste „unarodowienie”, wzrosła bowiem frekwencja określeń, takich jak serbska nacja, np. „w tych latach były okropne wojny i krwi przelanie i zniewolenie chrześcijańskiego rodu przez przeklętych Turków i Niemców, i rozproszył się po całej ziemi serbski naród”; czy też serbska ziemia – Serbia, np.

podczas tej wojny było wielkie zniewolenie i rozsianie narodu chrześcijańskiego, i spustoszenie całej serbskiej ziemi: monasterom, grodom i wsiom zburzonym, niektórym całkiem spalonym. Tak też naszemu monasterowi Ravanicy w Serbii ostateczne spustoszenie nastąpiło (Стојановић I 1902, 1872; zob. też Стојановић III 1905, 5286; Стојановић IV 1923, 7179).

W tym kontekście wyjątkowo czytelny jest także zbiór *zapisów* z 1696 roku na orahovickim rękopisie autorstwa Stefana Ravanićanina, w których prócz informacji o pustoszonej, palonej przez „hagaryckie potomstwo” monasterach:

I w tych czasach wiele monasterów było spustoszonych i spalonych przez przekłętą i bezbożną potomstwo Hagaryckie, o wojnie sułtana z cesarzem: „i tych czasach wojował bezbożny car turecki Mehmed [...] z zachodnim cesarzem Leopoldem wiedeńskim,

pojawia się także relacja o szczególnie wielkim cierpieniu Serbów, wychodźstwie i tułaczce mnichów, a więc opowieść bezpośrednia już konstruująca swego rodzaju mit o „wyjściu z ziemi tureckiej”, wprost utożsamiająca exodus z utratą serbskiej ziemi, zatraceniem cerkwi i monasterów, zniszczeniem relikwii:

I takie nieszczęście, bieda i gwałt, jakich nie było nigdy, nawet w Piśmie nie znajdzie się takiej wojny. I wszystkich ziem spustoszenie było: węgierskiej, serbskiej, bułgarskiej i hercegowińskiej, i do samego Solunia i Konstantynowego grodu chrześcijanom wielka, zaś Serbom szczególnie wielka bieda, głód i zniewolenie i okolicom opustoszenie, i wielu monasterom ostateczne spustoszenie, i wielu świętym ciałom (relikwiom) z miejsc ich spoczynku przeniesienie, innym zaś spalenie, i świętym i kapłańskim (liturgicznym) naczyniom i szatom w pogańskich i nieczystych rękach rozgrabienie. Biada, ojcowie i bracia, biada takiemu nieszczęściu! Przede wszystkim ubogim mnichom w ten czas tułającym się od miejsca do miejsca po ziemi węgierskiej i niemieckiej, przez Niemców i Węgrów, chrześcijanami się mieniących, wypędzonym i znieważonym, znienawidzonym, traktowanym i nazywanym odstępami (Стојановић I 1902, 2013; zob. też Стојановић I 1902, 2014, 2015).

Z wielu opowieści o tragicznych czasach i niedoli serbskiego narodu wyłania się szczególna ilustracja i zarazem konstrukcja recepcji ówczesnej rzeczywistości, a mianowicie spleciony z motywem wychodźstwa i tułaczki obraz opuszczonej – utraconej Matki-Cerkwi i opustoszonej ziemi. Jednym z bardziej wymownych przykładów jest tu *zapis* z 1697 roku, w którym pojawia się plastyczne wyobrażenie cierpiącej (płaczącej) przyrody oraz wątek rozłąki z Matką-Cerkwią, co jest jednoznacznie identyfikowane ze stratą domu, ojczyzny, tradycji i kultury; jego autor emocjonalnie i wprost zwraca się do czytelnika:

Co mam rzec jeszcze; nieszczęście i smutek i płacz nieuciszony któż wyrazi? Góry i wzgórze płakały trawione ogniem, my cóż począć mamy, rozłączeni z matką

naszą Cerkwią, i na swych domów ostateczne zgorzenie/spalenie patrzący. Bieda, bieda, ku górze wołając zniewoleni i przesiedleni/wygnani na cudzą ziemię (Стојановић IV 1923, 7247).

W pewnym sensie nowy, bo wysoce ukonkretniony, jest tu więc motyw przymusowego wychodźstwa (wygnania), obczyzny oraz związanej z tym tułaczki, który rychło stał się obligatoryjnym sposobem opisu rzeczywistości, schematem rozpoznawalnym przede wszystkim dla tzw. szkoły račarskiej. W wielu zapisach pojawiają się, utrwalające zbiorowe nastroje i nostalgiczną postawę tej grupy, frazy: „w cudzej ziemi i domu”, „wygnani przez bezbożnych i Boga nienawidzących Hagarytów, swych domów i monasterów i wszelkiego dobra pozbawieni”, „tułających się od miejsca do miejsca po ziemi węgierskiej i niemieckiej”, „pozbawiony swej ojczyzny tutaj przebywam”, „pisałem [...] bez miejsca, w cudzych domach z cudzych ksiąg”, „no zwykłego miejsca nie miałem, no w cudzej ziemi znalazłem księgę zwaną Biblią” (Стојановић I 1902, 1976, 1996, 2015, 2070; Стојановић II 1903, 2293, 2328) itd. Co więcej, w czasach tuż po serbskim exodusie na tereny węgierskie, w tekstach zaczęły się pojawiać splecione z motywem tułactwa i bezdomności relacje o cierpieniach zadawanych chrześcijanom już nie tylko przez innowierców, lecz także samych chrześcijan. Mowa o udręce ze strony katolików (Niemców i Węgrów), krzywdach uczynionych prawosławnym mnichom „wypędzonym i znieważonym, traktowanym i nazywanym odstępcami” (Стојановић I 1902, 2013). Mowa też o przykrych doświadczeniach samego patriarchy i przywódcy serbskiej wspólnoty Arsenija Crnojevicia, które ewidentnie służyć mają jako egemplifikacja nie tyle indywidualnego, ile zbiorowego losu; jeden z zapisów, zresztą zawierający gorzką i pełną przygnębienia konstatację w formie przysłowia – „czyj kielich, tego Ojciec nasz”, głosi:

było to w dniach pod władzą świątobliwego arcybiskupa serbskiego kir Arsenija [...] I sam ten święty arcybiskup, powyżej wspomniany z imienia, od strony podstępnych Niemców i Węgrów wiele cierpień doznał, i nieszczęść i prześladowań, lecz cóż miał zrobić [...] ot, taki morał: czyj kielich, tego ojciec nasz (Стојановић II 1903, 2015, 2016; zob. Naumow 1998, 18).

Warto zwrócić uwagę, że w wielu opisach ówczesnej – tragicznej rzeczywistości, wraz z motywami wygnania i tułaczki, pojawia się swoiste uzasadnienie losu serbskiej wspólnoty, a w tym celu często wykorzystywany jest średniowieczny schemat wyobrazeniowy dotyczący grzeszności, winy i kary. Niejednokrotnie źródła nieszczęścia i cierpienia upatruje się w grzechu, przewinieniu, stąd też dosyć wysoka frekwencja formuły: „przez grzechy nasze skrzywdzeni zostaliśmy” (Стојановић I 1902, 1917). Koncepcja winy i kary buduje określony model percepcji dziejów, który jest bardzo charakterystyczny dla dawnej, tradycyjnie i symbolicznie zorganizowanej kultury, a w literaturze przejawia się jako jedno ze stałych miejsc

(*loci communes*) (Трифуновић 1990, 205–207; zob. też Пећеп 2002, 47–56). Stanowi ona sfunkcjonalizowany znak także w staroserbskiej hagiografii, hymnografii, historiografii, krótkich formach, a nawet ikonografii, zwykle służąc wyrażeniu, prezentacji i egzegezie dramatycznych wydarzeń, zbiorowej niedoli, z reguły w kontekście zerwanego przymierza, niewierności – grzechu ojców, co jest definiowane zgodnie z biblijną wykładnią: „Pan cierpliwy, bogaty w życzliwość, przebacza niegodziwość i grzech, lecz nie pozostawia go bez ukarania, tylko karze grzechy ojców na synach do trzeciego, a nawet czwartego pokolenia” (Lb 14,18; Wj 20,5). Należy dodać, że ta starotestamentowa zasada przyczynowo-skutkowa silnie utrzymała się w literaturze wschodniochrześcijańskiej, w tym w cerkiewnosłowiańskiej, szczególnie zaś starobułgarskiej i staroserbskiej, w której od czasu najazdu tureckiego, upadku państwowości (Tyrnowa, Widynia, Smederewa), stała się podstawowym sposobem postrzegania, interpretacji fatalnej historii. W krótkich formach literackich, zwłaszcza w serbskich *zapisach* z końca XVII stulecia, zauważalne są wręcz ideologiczne powiązanie i ekspozycja toposów: grzechu, kary, wychodźstwa i tułactwa, których sens jest logicznym następstwem zdarzeń – skutkiem winy właśnie; według Assmanna „kryterium winy porządkuje sekwencję zdarzeń w historię, która z niechybną konsekwencją prowadzi do katastrofy” (Assmann 2008, 266). Wszystkie one więc budują pewną spójną strukturę topiczną – narracyjną, definiując historyczne wydarzenie emigracji w kategoriach mitycznych, a w ten sposób potęgując jego znaczenie, prowadzą do swoistej „semiotyzacji historii” (Assmann 2008, 257–269) pod znakiem wybraństwa, winy i kary – ofiary, a w ostatecznym rozrachunku zbawienia.

Występujące w układzie komplementarnym, w związku wzajemnym i relacji z innymi toposami, koncepcjami, ideami, motywy wybraństwa, cierpienia, wychodźstwa i tułactwa, składają się na określony schemat prezentacji i egzegezy rzeczywistości historycznej, eklezjalnej, kulturowej; stanowią charakterystyczną strategię wyrażania zbiorowego losu i doświadczenia. Pierwszy z nich został rozwinięty i utrwalony na gruncie wczesnych tekstów staroserbskich, w tzw. wielkich gatunkach literackich, natomiast trzy kolejne znalazły szczególną realizację w krótkich formach literackich – *zapisach*, w których ściśle sprzęgnięte z wieloma utraconymi już ideami, konstrukcjami ideologicznymi (przede wszystkim z motywem wybraństwa, figurą ludu wybranego) tworzą określony zbiór znaczeniowy. Stał się on podatnym gruntem dla późniejszych kulturowych fenomenów i koncepcji, które zbudowały zręby struktury topicznej opartej na ukształtowanych już imaginacyjnych konceptach, kreując nowy czy też tylko ukonkretniając dawny wizerunek serbskiej zbiorowości, odtąd opisywanej już nie tylko w kategoriach wybraństwa i cierpienia, lecz także „wychodźstwa z ziemi tureckiej”, tułactwa i bezdomności na ziemi węgierskiej, a potem również austriackiej.

Bibliografia

- ASSMANN, J. (2008), *Pamięć kulturowa. Pismo, zapamiętywanie i polityczna tożsamość w cywilizacjach starożytnych*. Warszawa.
- ELIADE, M. (1993), *Traktat o historii religii*. Łódź.
- GIL, D. (1995), *Serbska hymnografia narodowa*. Kraków.
- GIL, D. (2005), *Prawosławie. Historia. Naród. Miejsce kultury duchowej w serbskiej tradycji i współczesności*. Kraków.
- KUDELIĆ, Z. (2004), *Katoličko-pravoslavni prijepori o crkvenoj uniji i grkokatoličkoj Marčanskoj biskupiji tijekom 1737. i 1738. godine*. W: *Povijesni Prilozi*. 27/27, 101–131.
- LEŚNY, J. (1988), *Historia Królestwa Słowian, czyli latopis popa Duklanina*. Warszawa.
- NAUMOW, A. (1998), *Berło innowiercy*. W: *Dąbek-Wirgowa, T./Makowiecki, A. Z. (red.), Obraz kapłana, wodza, króla w kulturach słowiańskich*. Warszawa, 15–21.
- RAPACKA, J. (1993), *Dawna literatura serbska i dawna literatura chorwacka. Zarys dziejów*. Warszawa.
- ZIELIŃSKI, B. (1998), *Serbska powieść historyczna. Studia nad źródłami, ideami i kierunkami rozwoju*. Poznań.
- ЧАКИЋ, С. (1982), *Велика Сеоба Срба 1689/90 и патријарх Арсеније III Црнојевић*. Нови Сад.
- ТОРОВИЋ, В. (1910), *Утјецај и одношај између старих грчких и српских записа и натписа*. W: *Глас СКА*. LXXXIV.
- ТОРОВИЋ, В. (1938), *Узајамне везе и утицаји код старих словенских записа*. W: *Глас СКА*. CLXXVI.
- ДАНИЧИЋ, Ђ. (1861), *Похвала кнезу Лазару*. „Гласник Српског Ученог Друштва”, књ. XIII. Београд, 358–368.
- ДАНИЧИЋ, Ђ. (wyd.) (1865), *Живот Светога Симеуна и Светога Саве, написао Доментијан*. Београд.
- ДАНИЧИЋ, Ђ. (wyd.) (1866), *Животи краљева и архиепископа српских написао архиепископ Данило и други*. Загреб.
- ДЕРЕТИЋ, Ј. (2000), *Етиде из старе српске књижевности*. Нови Сад.
- ДЕРЕТИЋ, Ј. (2005), *Културна историја Срба. Предавања*. Београд.
- ДОМЕНТИЈАН (1988), *Живот светог Саве и Живот светог Симеона*. Прев. Л. Мирковић. Књ. 4. Београд.
- ГИЛ, Д. (1997), *Мит „изабраног народа” у старој српској књижевности*. W: *Српска књижевност и Свето Писмо. Научни Састанак Слависта у Вукове Дане*. Београд, 97–102.
- КЕНАНОВ, Д. (2000), *Озареният Григорий Цамблак. По материали от Вилнюските ръкописни и старопечатни сбирки*. Велико Търново.
- МАРИЛАНОВИЋ-ДУШАНИЋ, С. (1994), *Владарске инсигније и државна симболика у Србији од XIII до XV века*. Београд.
- МИРКОВИЋ, Л. (1922), *Монахиња Јефимија*. Сремски Карловци.
- НАУМОВ, А. (2007), *Служба св. Милутину, Краљу Бањском – проблеми теологије и поетике*. W: *Бојовић, Д. (red.), Манастир Бањска и доба краља Милутина, Зборник са научног скупа одржаног од 22. до 24. септембра 2005. године у Косовској Митровици*. Ниш/ Косовска Митровица, 229–236.
- ПАЛАВЕСТРА, П. (1991), *Књижевност – критика идеологије. Књижевне теме IX*. Београд.
- ПАВЛОВИЋ, Л. (1965), *Култови лица код Срба и Македонаца (Историјско-етнографска расправа)*. Смедерево.
- ПОПОВИЋ, Д. (1954), *Велика Сеоба Срба 1690: Срби сељаци и племићи*. Београд.
- РАДОЛИЧИЋ, Ђ. Сп. (1953), *Световна похвала кнезу Лазару и косовским јунацима*. W: *Јужнословенски Филолог*. 20, 127–142.
- РЕЂЕП, Ј. (2002), *О греху и казни божијој као жанровским особеностима*. W: *Зборник Матице Српске за књижевност и језик*. 50/1–2, 47–56.

- РУВАРАЦ, И. (1874), Повесна слова о кнезу Лазару, деспоту Стефану Бранковићу и кнезу Стефану Штиљановићу. W: *Летопис Матице Српске*. 117, 108–121.
- РУВАРАЦ, И. (1887), О кнезу Лазару. Нови Сад.
- СИМЕОНОВИЋ-ЧОКИЋ, С. (1940), Српске привилегије. Нови Сад.
- СЛИЕПЧЕВИЋ, Ђ. (1978), Историја Српске Православне Цркве. Düsseldorf.
- Старе српске биографије XV и XVII века. Цамблак. Константин. Пајсије (1936). Београд.
- СТОЈАНОВИЋ, Љ. I (1902), Стари српски записи и натписи. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, књ. I. Београд.
- СТОЈАНОВИЋ, Љ. II (1903), Стари српски записи и натписи. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, књ. II. Београд.
- СТОЈАНОВИЋ, Љ. III (1905), Стари српски записи и натписи. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, књ. III. Београд.
- СТОЈАНОВИЋ, Љ. IV (1923), Стари српски записи и натписи. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, књ. IV. Сремски Карловци.
- СТОЈАНОВИЋ, Љ. V (1925), Стари српски записи и натписи. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, књ. V. Сремски Карловци.
- СТОЈАНОВИЋ, Љ. VI (1926), Стари српски записи и натписи. Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, књ. VI. Сремски Карловци.
- ТОМИН, С. (2005), Дијак Добре и његов запис о Марку Краљевићу – једна прећутана тема српске средњовековне књижевности. W: *Истраживања*. 16, 211–220.
- ТРИФУНОВИЋ, Ђ. (1990), Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. Београд.
- ВЕСЕЛИНОВИЋ, Р. (1969), Јединство у разједињености. W: *Српска Православна Црква 1219–1969*. Споменица о 750-Годишњици Аутокефалности, Издање Архијерејског Синода Српске Православне Цркве. Београд, 217–219.
- ВЕСЕЛИНОВИЋ, Р. (1949), Арсеније III Црнојевић у историји и књижевности. Посебна издања САНУ. Одељење Друштвених Наука, књ. CLI. Београд.
- ВУКОМАНОВИЋ, А. (1859), О кнезу Лазару. „Гласник Српског Ученог Друштва”, књ. XI. Београд, 108–118.

МАРИЯ ТОМСКАЯ

Московский государственный лингвистический университет

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ НОМАДОВ В ТЕКСТАХ ЯКУТСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Verbalization of Nomadic Culture in Yakut Fairytales

Ключевые слова: якутская волшебная сказка, конно-кочевая культура, дорога, конь

KEYWORDS: Yakut fairytale, nomadic culture, road, horse

ABSTRACT: The paper presents a linguocultural study of some aspects of nomadic culture, which are reflected in the texts of the fairytales of the Yakuts. The analysis of Yakut fairytales reveals that their storylines are often centered around the concept of the road – the core element of nomadic culture. The road is viewed as transition, both physical and metaphorical, from the ordinary world to the world of magic. This is the place where the key events of fairytales usually happen. Furthermore, the rites and customs of nomadic people, including the initiation rite, the wedding rite, the traditional holiday of the Yakut horse herders (ysyakh), the horse worship, etc., are represented in the texts of Yakut fairytales. They correspond to the world view of the nomadic Turkic peoples, based on the worship of nature. Nomadic cattle breeding has determined the lifestyle of the Yakuts for many centuries. It resulted in the formation of the principles of life based on archaic mythological concepts – hero, horse, alaas, serge, ysyakh, etc.

1. Введение: номадизм как объект междисциплинарного исследования

Проблемы номадизма, или кочевничества, неоднократно затрагивались в философии, культурологии, этнографии, психологии, литературоведении и в других отраслях, однако методологические основы описания разнообразных проявлений номадизма в культуре и языковой коммуникации до сих пор не рассматривались досконально.

Как показали исследования, номадизм является многогранным феноменом и может трактоваться как образ жизни и культура традиционных кочевых народов, так и как некий трансфер, например, «бродячих» сюжетов, текстов культуры (Kiklewicz 2017). Кроме того, нельзя не упомянуть недавно возникшие понятия как «новые кочевники», «современный номадизм», «номадическая цивилизация», которые подразумевают прежде всего миграцию различного рода (например, с целью получения работы, образования,

вынужденную миграцию); маргинальный образ жизни; существование вне национально-культурных сообществ и др. (Kiklewicz 2017; Дудченко 2013; Шляков 2012). Номадическим называют подвижный динамический способ жизнедеятельности индивида, а в сознании – некатегориальное определение рамок и границ мыслимого мира (Умирзакова 2005), с другой стороны, номадизм – это «особый вид производящей экономики» (Хазанов 2002, 83). Некоторые исследователи придерживаются весьма категоричной точки зрения, утверждая, что «нельзя рассматривать каждую разновидность мобильной жизни как номадизм, а также бессмысленно понимать всякую миграцию как кочевание» (Энхтувшин 2015, 691).

Мы будем опираться на традиционное определение номадизма, обозначающего кочевой образ жизни, при котором основной формой хозяйственной деятельности является скотоводство, что отразилось не только на социально-экономическом укладе, но и на ритуальной и обрядовой деятельности, на мировосприятии и мировоззрении кочевого народа.

Номадный образ жизни сформировал определенные этнопсихологические особенности кочевников, которые могут рассматриваться как фундаментальные признаки, характеризующие их ментальность. По мнению Н. Д. Нуртазиной (2017, 39), уже древние номады (саки, гунны, тюрки) ценили физическую и нравственную выносливость, свободолюбие, храбрость, воинскую доблесть; будучи мобильными, они были открыты к новшествам, не любили застой и статику, привязанность к определенному месту жительства.

Метафорическое самоназвание якутов «люди солнечных лучей, с поводами за спиной» отражает кочевую культуру и сопряженный с ней богатый духовный мир. Несмотря на то, что якуты уже несколько веков ведут полуоседлый образ жизни, элементы культуры номадов не исчезли до сих пор, поскольку около трех тысячелетий номадизм был ведущим способом производства и доминантным образом жизни народа саха. Номадизм лежал в основе системы жизнеобеспечения и природопользования, материальной и духовной культуры, менталитета и психологии якутов, отношений с соседними народами, социальной организации, социально-экономических отношений и др.

В статье с лингвокультурологической точки зрения рассматриваются некоторые аспекты культуры номадов, которые нашли отражение в текстах волшебных сказок якутов. Оговоримся, что сходные мотивы встречаются также в других тюркоязычных (и не только) сказках, в этом случае можно говорить об определенном культурном трансфере, ведь «многие сказки относятся к текстам, входящим в общую память культуры, для которой не существует границ» (Фадеева 2014, 66).

2. Конь – главный спутник номада-скотовода

В отдельных источниках выдвигается предположение, что именно в евразийских степях произошло приручение человеком лошади, зародился культ этого животного (Кузьмина 1986, 30), сохранившийся в культуре кочевых и полукочевых тюркских народов, как якуты, казахи, кыргызы, туркмены и др. Кроме того, в номадологии выделяют евразийский степной тип кочевого общества, для которого характерно наряду с другими признаками преобладание в видовом составе лошадей (Хазанов 2002, 124). Также популярен в современной научной литературе термин «конно-кочевая цивилизация евразийских номадов» (Нуртазина 2017).

Предки якутов еще в глубокой древности создали скотоводческую культуру, уходящую своими корнями в скифо-сибирский и хунно-сяньбийский пласт культурного наследия. Трудно представить себе, как им удалось проделать столь длительный и сложный путь с юга на север, приведя с собой лошадей, сберечь их, акклиматизировать породу к невозможным, казалось бы, для разведения конного скота природным и климатическим условиям. По современным научным данным якутская лошадь является одной из древнейших пород мира (Алексеев/Романова/Соколова 2013, 141).

Северные скотоводы сумели сохранить свою самобытность, оказавшись вдали от бурных политических и исторических событий, что нашло выражение в устном народном творчестве, одним из основных видов которого наряду с героическим эпосом (олонхо) являются сказки – о животных, волшебные, бытовые.

Как отмечает Нуртазина, искусство красноречия и поэзии было возведено в кочевой тюркской культуре на небывалую высоту. По мнению В. Радлова, кочевники рассматривали ритмическую речь как высшее искусство в устном творчестве. При этом у них также высоко ценилось искусство импровизации. Духовная культура тюрков-кочевников представляла «гармоничный сплав древних мифологических сказаний, фольклора, прежде всего героического эпоса, историко-генеалогических произведений, ораторского искусства и музыкально-песенного творчества» (Нуртазина 2017, 39).

Кочевое скотоводство, существовавшее тысячелетиями, определило главные мифологические концепты, нашедшие отражение помимо прочего и в сказках, – б о г а т ы р ь, к о н ь, а л а а ¹, с э р г э ², ы с ы а х ³ и др. и обусловило систему правил и норм поведения, позволявших объяснять явления окружающего мира и место человека в нем.

¹ алаас – окруженная лесом чистая поляна, обычно с озерком посередине (Слепцов 2004, 391)

² сэргэ – коновязный столб

³ ысыах – летний кумысный праздник якутов-кочеводов

По представлениям народа саха конь – священное животное небесного происхождения. Его огромная роль в хозяйстве, культуре и быте отразилась в традиционных верованиях и фольклоре. В фольклорно-мировоззренческой традиции образы коня и его покровителя Дьөһөгөй Айыы занимают центральное место. По мнению некоторых исследователей, культ коня среди тюркоязычных народов лучше всего представлен у якутов. «В нем наблюдаются многие черты, либо уже полностью исчезнувшие из этого культа у народов Саяно-Алтая, либо оставшиеся у них в ослабленном виде» (Потапов 1977, 165).

В фольклоре, в том числе в сказках, встречаются мотивы, в которых алаас отождествляется с развернутой шкурой белоногой лошади, что связано с мифом о сотворении мира: *«Изначальная мать-земля с самого начала, словно быстрая лошадь, прославленная и возвеличенная, образовалась-сотворилась»* (Романова 2016, 6). Это соотносится с представлениями древних индоевропейцев, у которых конь символизировал зооморфный образ Вселенной. Так, в мифах саха Вселенная и земля ассоциировались с прекрасным жеребцом — *айгыр силик*. Похожие представления существовали у древних ариев, отождествляющих небо с черным конем, украшенным жемчугом (Гоголев 1993, 19).

Почти каждая волшебная сказка начинается с описания благосостояния персонажей, которое часто измерялось наличием или отсутствием скота, например, *«Жила, говорят, вдова с двумя сыновьями и дочерью. Всего у них было вдоволь. Скота имели столько, что паром своего дыхания он заслонял луну и лишал лучей солнца»* (Богатырь Тигянй в беличьей дошке, Сивцев/Ефремов 1990, 92), *«Жили, говорят, старик со старухой. Жили бедно, все их богатство составлял один-единственный Пегий бык»* (От Сагыннах, там же, 118), *«Вольготно жила когда-то в краю, не знающем нынешних зим, старушка Нии-Нии. Было у нее семь плешивых сыновей и семь плешивых дочерей, восемьдесят косяков лошадей да девяносто стад коров»* (Старушка Нии-Нии, там же, 224).

Якутские поселения разбросаны по многочисленным алаасам и речным долинам, и расстояния между соседями доходили иногда до нескольких сот километров. Основная причина такой «разбросанности» кроилась в культурно-исторических традициях хозяйственного уклада жизни якутского народа, который основывался на разведении крупного рогатого скота и лошадей, кроме того, подходящий алаас для места жительства выбирали, следуя мировоззренческим представлениям и установкам.

Вплоть до второй половины XX века якуты вели полуоседлый образ жизни. Зимой жили в зимних домах – балаганах (*кыстык*), которые располагались вблизи сенокосных угодий, а летом переезжали в летнее жилище (*сайылык*). По материалам сказок известно, что в прошлом существовали еще и осенние (*оторы*) и весенние (*сааһыыр*) жилища, которые к концу XIX века

почти полностью исчезли. Сезонное переселение всегда воспринималось как праздничное событие (Алексеев/Романова/Соколова 2013, 186).

По приезду в летник или зимник перед тем, как войти в дом, хозяйка приносила жертву кислой простоквашей в честь Ньяадды Дьанха – духу-хозяйке хлева: *Старушка Нии-Нии жирным кумысом сэргэ сбрызнула, огонь развела* (Старушка Нии-Нии, Сивцев/Ефремов 1990, 224).

Жертву оставляли в основании главного столба. После этого разжигали огонь в очаге, варили саламат, кормили духов-покровителей огня. После кормления духов-покровителей жилища хозяйка дома проводила обряд вешания *саламы* (пестрых веревок) в честь Аан Алахчын Хотун – духа-хозяйки местности и тем самым открывала сезон (Алексеев/Романова/Соколова 2013, 187).

В летниках якуты жили до окончания сенокоса, затем также весело и оживленно, перебирались в зимнее жилище балаган, обычно в сентябре, что отразилось в названии месяца переезда *Балабан ыйа* (сентябрь).

Коневодческие народы юга Евразии – европейских степей, юга западной Сибири, севера Казахстана, Алтая, Тувы, Бурятии и Якутии устанавливали поблизости от своих жилищ специальные столбы для привязывания лошадей. Коновязи у якутов, монголов и бурятов носят общее название с э р г э : *Главная коновязь Тойон сэргэ у дома была похожа на важного, громко разговаривающего господина, медная коновязь имела восемьдесят выемок* (Богатырь Тигянйя в беличьей дошке, Сивцев/Ефремов 1990, 92).

Сэргэ считается у якутов одним из самых почитаемых предметов-символов, поскольку сливается с образом священного мирового дерева, проходящего через три мира: Верхний, Средний и Нижний.

Якуты считали, что нельзя рубить на дрова столбы коновязи, они должны стоять до тех пор, пока не упадут от ветхости. Упавшие столбы коновязи уносили в лес и клали в развилку двух сросшихся лиственниц. Считается, что к коновязи привязываются лошади, которым покровительствует Дьөһөгөй Айыы (Бравина/Алексеева/Степанов 2011, 113).

В эпической традиции якутов кони посылаются из Верхнего мира, с небесной стороны, страны солнца, лучи которого якуты сравнивают с хвостом белой кобылицы. Поэтому конский волос у якутов имеет и ритуальное, и хозяйственное значение. Во время ы с ы а х а пестрые веревки (*салама*), натянутые между коновязями и березами, увешивались цветными лоскутьями и белыми конскими волосами. «Махалка» из конского хвоста (*дэйбиир*) входит в число сакральных атрибутов, отгоняющих злых духов и охраняющих от возможных несчастий.

3. Дорога как основная метафора номадизма

Непременным атрибутом номадизма является *д о р о г а*, при этом она не обязательно линейна. «Дорога как экзистенциал, знаменующий выпадение из времени и вхождение в поток происходящего, отдаленный от повседневности. Дорога, прежде всего, – удаление от дома и приближение к непривычному» (Шляков 2012, 217).

Путь к непривычному начинается с первых страниц сказки, в которой происходит стирание временных границ и размывание пространственных ограничений, что сближает их с иными современными жанрами художественной литературы (см. Гусейнова 2017).

Становление героя происходит в пути. Так, по сюжету герой/героиня сказки должен/должна отправиться в дорогу либо в поисках невесты, либо лучшей доли (для мужчин), либо спасаясь от ненавистного жениха (для женщин). Например, *«Отправился Хотой Бэгэ в путь, узнавая зиму по инею, лето – по дождю, весну – по теплomu снегу, осень – по осыпавшимся листьям»* (Хотой Бэгэ, Сивцев/Ефремов 1990, 73).

Спутником героев становится конь, избираемый из табуна при помощи узды или недоуздки. Как правило, это самый худой, изможденный жеребенок со свалывшейся шерстью, который в пути превращается в волшебного коня – помощника героя.

Дорога как метафора жизни проходит через весь сказочный сюжет. Отметим, что конь сопровождает якута весь его земной путь – с момента рождения и до погребения. Так, в сказках появление на свет героев описывается следующим образом: *«Когда пришли в себя, увидели – сидит на полу и играет осколками камня маленький мальчик. Рядом с мальчиком лежит золотая уздечка и вьется змеей ременная плетъ»* (Славный Богатырь и злая Нэгэй-Тугут, Сивцев/Ефремов 1990, 49).

Конь как сакральное животное коневодческого народа всегда присутствовал в родильной обрядности. Жизнь якута начиналась с совершения обряда поклонения Айыыһыт – покровительнице рожениц, которая прибывала верхом на небесном коне, незримом для простых смертных. Во время родов с первым криком новорожденного одному из детей приказывали: «Иди, придержи поводья Айыыһыт!». Тот выскакивал во двор и трижды против солнца обегал коновязь. Во время послеродильного женского обряда «Проводы Айыыһыт» тот же ребенок аналогично, но уже по ходу солнца обегал коновязь, «отвязывая» поводья приезжавшей богини деторождения (Алексеев/Романова/Соколова 2013, 281).

В волшебных сказках многих народов существенное место занимает тема брака и семьи, не стали исключением и якутские сказки. В сюжетах о чудесной

супруге в иносказательной форме представлен обряд сватовства – один из наиболее значимых в жизни общинно-родового социума.

Например, сюжет сказки «Старушка Бэйбэрикээн с пятью коровами» точно отражает последовательность обрядовых свадебных мероприятий (Томская 2016), которые охватывают четыре этапа, связанных с перемещением в пространстве и во времени: 1) сватовство (сговор, помолвка) – *кэргэн кэпсэтии*; 2) первый свадебный праздник (*кутүөттүүр* зятевать), который совершается после уплаты части калыма в доме невесты, т. е. посещения женихом невесты в ее доме – *туһэ барар*; 3) второй свадебный праздник, включающий переезд невесты в дом жениха и праздничный пир после полной выплаты калыма, – *кыыс суктүүтэ*, или *уруу*; 4) временное возвращение молодой в родной дом – *төркүүттүү*, посещение ею родственников происходит через некоторое время после третьего этапа *уруу* (Слепцов 1989, 31).

Образ коня настолько прочно связан со свадебной обрядностью, что существует даже толкования снов «Если девица видит во сне, что она поехала верхом, значит скоро выйдет замуж, а если юноша видит во сне, что он садится на лошадь – к свадьбе», поскольку каждый этап свадебного обряда сопровождается не только перемещением верхом, но и одариванием приобретенных родственников конным скотом.

Большинство сказочных сюжетов заканчиваются свадебным пиром, которое совпадает с описанием кумысного праздника – *ыс ыаха*. Во время последнего приводится обряд жертвоприношения: якуты приносили в жертву верховному божеству *Үрүн Айыы Тойон* лошадей белой масти, но не убивали их, а в соответствии с солярным культом гнали на восток.

В пути герои сказок нередко волшебным образом превращаются в животных: белку, птицу, оленя, коня и др., как правило, для перемещения по вертикали, то есть из Среднего мира в Нижний или Верхний и наоборот, что считается отголоском погребального обряда зашивания в шкуры тотемного животного, наблюдавшегося у якутов в северных улусах. Проявление этого обряда в сюжетах сказок свидетельствует о его переосмыслении сказкой. Кроме того, существовал обряд «хоолдьюга» – когда человека хоронили вместе с любимой лошастью.

Погребения древних якутов с конем восходят к скифо-сибирским истокам и сопоставимы с аналогичными захоронениями средневековых тюрок Южной Сибири. Обычай погребения с конем якуты называли *кулун хоолдьюганы өлөрүү* (заклание поминального жеребца). Погребенный конь предназначался для переезда хозяина и дальнейшего служения в стране мертвых. Как правило, с хозяином хоронили его любимых лошадей. Хоолдьюга умерщвляли древним универсальным для тюрко-монгольских народов способом: связав конечности, лошадь валили на землю, делали надрез в брюшине и самый умелый из мужчин копьем или рукой разрывал аорту (Бравина/Попов 2008, 177).

Сходные погребальные обряды наблюдаются и у других тюркских народов, в частности, у казахов. Археологи свидетельствуют, что в курганах на территории Казахстана часто вместе с покойным хоронили отрубленные головы лошадей либо шкуры. «На годовые поминки казахи обязательно закалывали лошадь, что было символом того, что умерший достиг своих предков к этому времени» (Карагузова/Хасанов 1993, 31).

Обратимся к сказочным сюжетам. Путь героя может лежать и в мир иной. Например, Баай Хара Хаан отправил Эрэйдээх-Буруйдааха в страну, откуда не возвращаются, чтобы он привел скот, съеденный на поминках его предков еще во времена Эллэя, в наказание за это предки Баай Хара Хаана насылают падеж на скот своего потомка (Сын Баай Хара Хаана и Эрэйдээх-Буруйдаах, Сивцев/Ефремов 1990, 112).

К годовщине смерти устраивались поминки. Родственники ехали верхом к могиле, не сходя с лошадей, они несколько раз, обычно три, объезжали могилу против солнца. Затем слезали с лошадей, закалывали несколько кобыл, которых затем съедали. Головы и кости вешали на деревья. Эти поминки называются *унуобун эргийдэхпит* (окружили, оградили его кости). Езда верхом против солнца в этом случае означала разрыв связи с миром живых (Алексеев/Романова/Соколова 2013, 305). Реликтовые отголоски культа сохранились и сегодня: у некоторых могил до сих пор вешают на ветвях деревьев головы коней усопших.

Таким образом, завершился земной путь якута, который совершал его верхом на коне, перемещаясь в пространстве и во времени, переходя из зимы в лето и обратно.

В сказках сюжет завершается переходом в «вечное» время, в котором герои становятся прародителями рода, в их кони – прародителями будущего скота.

4. Заключение

Сказочный вымысел приобретает новые качества, если мы будем исходить из того, что «сказка сохранила следы очень многих обрядов и обычаев: многие мотивы только через сопоставление с обрядами получают свое генетическое объяснение» (Пропп 1986, 119). Анализ якутских волшебных сказок показал, что их сюжет отражает конно-кочевую культуру, неизменным атрибутом которой является понятие дороги. Она уводит от обыденного и приближает к непривычному, волшебному; в пути происходят основные сказочные события.

В волшебных сказках нашли отражение обряды и обычаи кочевого народа, в том числе родильный, свадебный, погребальный обряды, традиционный праздник якутов-скотоводов – ысыах, связанный с культом поклонения коню,

и др., которые полностью соответствуют мировоззрению кочевых тюркских народов, основанному на почитании природы. С точки зрения тюрка-кочевника человек не является хозяином природы, наоборот, природа для кочевника – абсолютное начало, поэтому он обожествляет ее как источник всего живого.

Кочевое, а затем и полукочевое, скотоводство за многие века определило жизненный уклад якутов, что вылилось в формирование принципов бытия, которые базируются на архаичных мифологических концептах – богатырь, конь, алаас, сэргэ, ысыах и др., так что они усваиваются с детства, потому чаще проявляются на бессознательном уровне, хотя и могут быть расшифрованы.

Библиография

- АЛЕКСЕЕВ, Н. А./РОМАНОВА, Е. Н./СОКОЛОВА, З. П. (ред.) (2013), Якуты (Саха). Сер. Народы и культуры. Москва.
- БРАВИНА, Р. И./АЛЕКСЕЕВА, С. Г./СТЕПАНОВ, Н. П. (сост.) (2011), Күн Дьөһөгөй оҕото = Священная лошадь саха. Якутск.
- БРАВИНА, Р. И./ПОПОВ, В. В. (2008), Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск.
- ГОГОЛЕВ, А. И. (1993), Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск.
- ГУСЕЙНОВА, И. А. (2017), Роль феномена «ретро» в конструировании современного культурно-исторического пространства (на примере российских современных ретродетективов). В: Kiklewicz, A. (red.), Zjawisko nomadyzmu w kulturze, literaturze i komunikacji (aspekty filozoficzne, semiotyczne i antropologiczne): międzynarodowa konferencja naukowa [materiały konferencyjne]. Olsztyn, 41–42.
- ДУДЧЕНКО, В. (2013), Духовность и номадизм в перспективе духовной коэволюции человечества. В: Studia Universitatis Moldaviae. Revistă Științifică a Universității de Stat din Moldova. Seria “Științe umaniste”. 4/64, 106–110.
- КАРАКУЗОВА, Ж. К./ХАСАНОВ, М. Ш. (1993), Космос казахской культуры. Алматы.
- КУЗЬМИНА, Е. Е. (1986), Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе.
- НУРТАЗИНА, Н. Д. (2017), О глобальном значении цивилизации евразийских кочевников. В: Қазақстанның жаңа жаһандық жаңғыруы: «Алаш» және «Мәңгілік ел» идеялары» атты халықаралық ғылыми – теориялық және әдістемелік конференция материалдар жинағы. Алматы, 36–39.
- ПОТАПОВ, Л. П. (1977), Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая. В: Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Ленинград, 164–178.
- ПРОП, В. Я. (1986), Исторические корни волшебной сказки. Ленинград.
- РОМАНОВА, Е. (2016), Стенной мир Арктики: со-творение пространства и времени (созидательный код культуры народа Саха). В: Культура и искусство Арктики, 1 (2). Санкт-Петербург, 4–7.
- СИВЦЕВ, Д. К. (СУОРУН ОМОЛООН)/ЕФРЕМОВ, П. Е. (сост.) (1990), Якутские сказки. Якутск.
- СЛЕПЦОВ, П. А. (1989), Традиционная семья и обрядность у якутов: XIX – начала XX в. Якутск.
- СЛЕПЦОВ, П. А. (ред.) (2004), Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. Т. I. Новосибирск.
- ТОМСКАЯ, М. В. (2016), Якутская волшебная сказка: универсальное и национальное (на примере анализа сказки «Старушка Бэйбэриксэн с пятью коровами»). В: Zaorska, M./Grabowski, A. (red.), Naukowy w poszukiwaniu magicznego pierwiastka, 9. Olsztyn, 215–222.

- УМИРЗАКОВА, Б. Е. (2005), Природа мифологического моделирования мира кочевников. В: <https://articlekz.com/article/4667> [доступ 18.05.2017].
- ФАДЕЕВА, Г. М. (2014), Ироническая референция к сказке в современных СМИ. В: Zaorska, M. /Grabowski, A. (red.), *Bajkowe fascynacje humanistów*, 4. Olsztyn, 60–71.
- ХАЗАНОВ, А. М. (2002), Кочевники и внешний мир. Алматы.
- ШЛЯКОВ, А. В. (2012), Феноменологические аспекты номадизма. В: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 1/15/1, 216–218.]
- ЭНХТУВШИН, Б. (2015), Номады и номадизм: традиции и современность. В: Известия Иркутской государственной экономической академии. 25/4, 691–699.
- KIKLEWICZ, A. (red.) (2017), *Zjawisko nomadyzmu w kulturze, literaturze i komunikacji (aspekty filozoficzne, semiotyczne i antropologiczne): międzynarodowa konferencja naukowa [materiały konferencyjne]*. Olsztyn.

MARIA SIBIŃSKA
Uniwersytet Gdański

СААМСКИЙ ТЕАТР ИЗ КАУТОКЕЙНО: ТРОПАМИ НОМАД

The Sami Theatre from Kauotokeino: On the Trace of Nomads

Ключевые слова: саамский институциональный театр, номадический субъект, детерриториализация, йойк, Нильс-Аслак Валкеапья

KEYWORDS: Sami institutional theatre, nomadic subject, deterritorialization, yoik, Nils-Aslak Valkeapää

ABSTRACT: Beaivváš Sámi Našunálateáhter from Kauotokeino (Norway) is an institutional theatre with Sami (Lappish) as the main stage language. Sami institutional theatres in Scandinavia have a relatively brief history which reflects the tension between the Sami people's sociopolitical aspirations and Sami theatre artists' freedom of expression. The theatre from Kauotokeino is based upon a robust tradition (e.g. such pre-theatrical modes as the yoik, the art of storytelling, the shamanistic séance), and at the same time it is open to impulses from other cultures and theatrical traditions (both European and non-European). The article takes its point of departure in a postmodern concept of nomadism (Deleuze, Guattari, Braidotti, Islam). It focuses on the nomadic as the impetus and the driving force behind the Beaivváš Sámi Našunálateáhter. The nomadic, however, is understood not only as a reference to the Sami cultural heritage, but as an artistic practice based upon the reaction against aesthetically, historically, politically and socially rigid intellectual patterns. The practice is manifested, inter alia, in transgressions of established genres and aesthetic categories, multilingualism and cultural interferences.

Понятие театра как особой формы экспрессии не было закреплено в саамской (лапландской) культуре, а первые саамские театральные группы появились лишь в 70-х годах двадцатого столетия. Политическое напряжение на севере Скандинавии, чувство исключения и маргинализации саамских меньшинств, сопротивление местных сообществ социально-культурной политике центральной власти, сыграли в процессе появления театра немаловажную роль. Целью групп, инициировавших появление саамских театров, явилось создание пространства, дающего возможность актёрам из Сапми произносить слова на родном языке и касаться тематики сущности родного мира. Этот процесс сопровождался подходом, лишенным чрезмерного пиетизма к западной (скандинавской) театральной традиции. Последнее привело к обращению к новым сценическим формам, закреплённым в незападноевропейских культурах.

В период создания первых полупрофессиональных театральных групп в 70-х годах двадцатого века число коренных саамских деятелей культуры, знакомых с основами сценического искусства, было небольшим, поэтому повседневной практикой стало стремление к сотрудничеству, несмотря на государственные, этнические и культурные границы. На территории российской части Саппи также развивалось народное театральное творчество. Например, театр Элманнт (рус. *Вселенная*) существует с 2011 года. Коллектив появился из самостоятельной группы «Танцующие саамы», созданной в 1999 году.

В настоящее время, помимо полупрофессиональных сцен, на территории Скандинавии работают два государственных саамских стационарных театра, признанных на государственном уровне и финансируемых из государственного бюджета: Гиронский саамский театр (Giron Sámi Teather)¹ и Саамский национальный театр «Beaivváš» (Beaivváš Sámi Našunálateáhter).

Гиронский саамский театр в Кируне был создан на основе первой саамской театральной группы «Далвадис» («Dálvadis»), появившейся в 70-х годах в шведском местечке Йоккмокк. Саамский национальный театр «Beaivváš» находится в Каутокейно (Kautokeino), в сердце норвежской части Саппи. Театр был создан из группы «Beaivváš», появившейся в период культурно-политического оживления саамской общественности, проживающей на территории Норвегии. Волна антиправительственных протестов явилась реакцией саамов на решение правительства о строительстве дамбы и гидроэлектростанции на реке Альта. Театральная группа «Beaivváš» дебютировала представлением «Наша тундра» (саам. *Min duoddarat*) в 1981 году, а через 6 лет, в 1987 году, оформила свой статус в качестве саамского театра. Начиная с 1991 года, Beaivváš Sámi Našunálateáhter финансируется государством, а с 1993 года признан национальным норвежским театральным учреждением, наряду с Национальным театром, Норвежским театром и Национальной сценой.

Данная статья является попыткой взглянуть на Саамский национальный театр «Beaivváš» как на номадическое явление. Принимая определение номадности, предложенное исследовательницей феминизма Р. Брайдотти, опишем саамский театр из Каутокейно как номадический субъект артистической деятельности. В этом контексте мы не будем рассматривать номадность только как культурно-историческое и мифологическое наследие саамов. При условии, что каждое театральное представление появляется в результате определенного совместного артистического видения, а также культурной политики, создающей контекст для осуществления артистических проектов в определенном временном отрезке деятельности данного учреждения, принимаем понятие субъекта театральной деятельности как величины, аналогичной субъекту творческой деятельности (понимаемому

¹ Гирон – это саамское название Кируны.

как свод литературных правил, актуализированных на уровне конкретного текста). В последующих частях статьи мы постараемся обратить внимание на те аспекты деятельности театра в Каутокейно, которые конкретизируют представление о номадности в искусстве.

1. Номадизм, или детерриториализация

Нильс-Аслак Валкеапя, художник, писатель, музыкант и икона саамского культурного оживления 80-90х годов XX века, писал:

Саамы не знали понятия искусства, поэтому у нас не было художников. Но скорее всего, следовало бы сказать, что для саамов всё было искусством, вся жизнь. Манера разжигать огонь, застегивать ремень, закреплять края обуви. [...] То, что в саамской культуре можно было назвать искусством, часто выполняло различные функции. Искусство воспоминания, искусство повествования могло быть литературой, а также театром, развлечением и обучением (Valkeapää 1984, 150)².

Его слова наводят на мысль, что в случае деятельности саамского театрального учреждения мы столкнемся со своеобразной детерриториализацией, особенным сдвигом значений, с которыми понятие театра традиционно ассоциируется в западной культуре. Данная детерриториализация возникает не только из-за [отсутствия] театральных традиций, но также из-за культурно-политического и географического контекста деятельности театра из Каутокейно; деятельности, очерченной трансграничностью, мультикультурализмом, а также процессуальностью, или постоянным обсуждением границ.

Сапми³ – страна, пересеченная межгосударственными и межкультурными границами, неоднократно оказывалась пространством, соединяющим все субъекты в единое целое⁴. С самого начала саамский театр действовал как площадка для встреч лиц, имеющих артистический и академический опыт в различных культурных традициях, в том числе театральных. Область приграничья государств, культур и языков становилась пространством создания новых значений, а не местом возведения стен. Участие саамских артистов из всех трех скандинавских государств, а также театральных деятелей с иными,

² Перевод цитат со скандинавских языков – Елена Хауге.

³ Сапми: северносаамский Sápmi, «земля саамов».

⁴ Саамы (лапландцы) живут в Норвегии, Финляндии, Швеции и России. Скандинавские страны не публикуют этническую статистику, поэтому численность саамского населения оценивается приблизительно на основании лингвистических исследований и статистики выборов. Обычно публикуется, что в Норвегии проживает примерно 40 тыс. саамов, в Швеции между 15 и 25 тысячами, а в Финляндии около 10 тыс. В России проживает около 2 тыс.

несаамскими этническими корнями, было чрезвычайно важно с самого начала существования сцены в Каутокейно (Sibińska 2016; 2017).

Номадический взгляд на мир дает возможность низвержения условностей, движения вопреки установленным категориям и выше их, а сопутствующее такому путешествию размывание границ происходит «без сжигания за собой мостов» (Braidotti 2009, 28). Норвежский литературовед Й. Шимански (J. Schimanski), обсуждая понятие границы в литературе, ссылается на Г. Шиммеля (G. Simmel), который в начале двадцатого века считал, что границы не являются пространственным фактом социологического воздействия, но социологическим фактором, проявляющимся пространственно. Это означает, что за каждой топографической границей скрываются символические (например, культурные, социальные) факторы, выраженные пространственно. Именно они, а не физические границы, разделяют между собой государства и регионы. Помимо пространственности, норвежский исследователь указывает еще на две основные точки зрения, связанные с литературным обсуждением проблемы. Первая из них – процессуальность границ, а вторая – амбивалентность, которую Шимански соединяет с двойственностью природы линии границ, являющейся как линией раздела, так и точкой соприкосновения. Первый атрибут визуализирует стену, а образом второго является мост (Schimanski 2006).

Вписываясь в постмодернистские традиции Ж. Делёза и Ж. Деррида, упомянутая выше Брайдотти, называет понятие номадического субъекта как своеобразную теоретическую конфигурацию, относящуюся к современной субъективности. Представления о «номадическом субъекте», созданные Делёзом и Дерридой, основаны на отношении к познанию мира, ощущаемого в номадических культурах. Например, манера использования пастухами ландшафта, в котором «никто никому не отдаёт предпочтение в доле, не принадлежит, только лишь все разбегаются то здесь, то там, чтобы занять как можно больше пространства, остающегося открытым, неограниченным, в любом случае лишенным границ» (Banasik 1988, 262). Однако, речь идет не о точном определении номадизма, но, как подчёркивает Брайдотти, о таком способе рассмотрения реальности, который развивается из сопротивления замыканию в социально закодированных способах мышления или поведения. Кроме этого, номад, понимаемый как образ современной субъективности, не является по определению связанным с бездомностью или зависимостью от переездов

it is rather a figuration for the kind of subject who has relinquished all idea, desire, or nostalgia for fixity. This figuration expresses the desire for an identity made of transitions, successive shifts, and coordinated changes, without and against an essential unity (Braidotti 1994, 22).

Брайдотти, идя вслед за постмодернистами Делёзом и Деррида, акцентирует внимание на мотиве путешествия, передвижения, отрыва. Она добавляет, ссылаясь на дословный опыт номадизма, что в формуле согласованности номада складываются определённые периодические примеры движения по более-менее протоптаным дорожкам. «It is a cohesion engendered by repetitions, cyclical moves, rhythmical displacement» (Braidotti *ibid.*). В качестве пояснения необходимо дополнить еще один аспект, вытекающий из наблюдения за номадическими культурами, а именно – коллективность. Номадическое путешествие было путешествием племени (или рода), рождающим чувство общности, солидарности, племенных связей. Также выживаемость племени зависела от умения взаимодействовать, передавать знания последующим поколениям и от взаимного окружения заботой соплеменников⁵.

Самые главные путешествия можно совершать, не покидая своего окружения, пишет Брайдотти. Эту же мысль мы находим в «The Ethics of Travel», где С. М. Ислам, вступающий в критический диалог с работой Делеза и Гваттари о творчестве Кафки («Kafka – Pour une littérature mineure»), пишет о путешествии номада, который в его понимании создаёт метафору отношения индивида и мира. По его мнению, путешествие определяет путешественника. И насколько маршрут существует, пока существуют путешественники, настолько же можно говорить о принципиально двух способах путешествия: номадическом (*nomadic traveller*) либо сидячем (*sedentary traveler*). Для номада не существует границы между путешествием и пребыванием в доме. Только такое восприятие реальности является, по мнению Ислама, путешествием в этическом значении, так как оно вносит реальное изменение перспективы. Одним из центральных элементов понятия номадического путешествия у Ислама является вечное движение, скорость (*speed*), не позволяющая номадам картографирование пересекаемого ландшафта априори (Sibińska 2015).

По мнению Брайдотти, несмотря на то, что карты кочевников заранее не начерчены, это не значит, что они не существуют. Исследовательница считает, что даже в случае номадического путешествия можно говорить о своеобразных картографических свойствах, считывании невидимых карт, написанных во время путешествия – на ветру, в песке, камнях и деревьях. Идентичность номадических народов создаётся благодаря запоминанию устной поэзии

which is an elaborate and accurate description of the territories that need to be crossed in the nomad's never-ending journey. A totemic geography marks this sort of identity.

⁵ Забота в номадических культурах имела, естественно, ограничения. Норвежский антрополог Й. И. Нергорд подчёркивал, что в культуре саамских номад совершенно очевидным было окружение заботой людей с психическими заболеваниями. Физическая неполноценность являлось чересчур большой нагрузкой для путешествующего сообщества. Подобные индивиды изолировались для блага большинства и тем самым приговаривались к смерти (Nergård 1994).

The desert is a gigantic map of signs for those who know how to read them, for those who can sing their way through the wilderness (Braidotti 1994, 17)

Создание своеобразной ментальной географии и её связь с идентичностью народа саамов заметил Нергор, описавший в 80–90е годы прошлого столетия присутствие саамов в культуре и истории Северной Норвегии. Рассказы о территории и манере использования её данным обществом стали картами, к которым относится также физический опыт, связанный с путешествием (Nergård 1994).

2. Номадизм как йойк

Несмотря на то, что театр – новое явление в саамской культуре, можно назвать существовавшие дотеатральные явления в ней. Три из них имеют особенное значение для формулы, использованной в *Beaivváš Sámi Našunálateáhter*: искусство предания, являющегося манерой организации, сохранения и передачи знаний; шаманский сеанс, а также й о й к (Sibińska 2016). Хотя все эти три элемента воссоздают художественные возможности сцены в Каутокейно, в этой статье нам хотелось бы обратить внимание только на йойк, являющийся особой формой словесно-музыкального выражения с доисторическими корнями, соединяющими различные уровни саамской реальности – общественный, религиозный и артистический. Йойк – это искусство импровизации на основе существующего образца, вдохновляющее современных специалистов в различных областях творчества (Rydving 2017). Несмотря на то, что йойк часто является комментарием ускользающего мгновения, существуют йойки, относящиеся к разряду восстановления древних знаний, опыта или традиций. В текстах этих песен найдем информацию о том, «что так когда-то йойковали» (Kjellström 1988, 141–142).

Йойк не столько описывает мир, сколько манипулирует временно-пространственным измерением между певцом и объектом, создавая впечатление приближения во времени и пространстве того, что внешне кажется отдалённым. Йойкируют не о чем-то, а что-то. Можно йойкировать явления природы, животных, уехавших друзей или умерших родителей. Йойкирование связано со свершением. По мнению У. Онга, подобная сила свершения слова является основой в культурах оральных. Веру в магическую, творческую силу сказанных слов Онг соединяет с динамикой звука, своеобразной телесностью языка. В оральных культурах, а к таким до недавнего времени относилась культура саамов, сказанное слово является событием, действием во времени, не столько соответствием мысли, сколько соответствием способу действия (Ong 2011, 69–71).

Подобное характерное пение является также манерой социального общения. У каждого члена саамского сообщества существует свой йойк, своеобразная «визитка». Норвежский лингвист, знаток саамской культуры, Нильс Йернслеттен, отмечал, что йойк является способом выражения коллективизма. В старой саамской культуре создатель йойка оставался анонимным. Такое чувство общего права на йойки существует до сих пор. При этом

йойк подтверждает идентичность человека, тогда как идентичность в саамской культуре не означает прежде всего подчеркивания собственной индивидуальности. Йойк означает опыт принадлежности к семье и сообществу. Поэтому, важно то, что члены сообщества показали, что данный индивид имеет своё место среди них. Подтверждением этого является обладание человеком *luohti* (Jernsletten 1978, 111).

Музыковед У. Графф утверждает, что в каждом йойке, связанном всегда с реальным объектом и создающим название такого объекта, «живет частичка мира» (Graff 1991, 108). Всё же даже очень натренированному уху нелегко уловить разницу между йойком, изображающим животное, и йойком изображающим человека. А. Сомби предлагает искать причины нечёткости границ в холистическом понимании мира. Когда слушаешь йойк, по мнению Сомби, кажется, что он

has neither a beginning nor an end, and is therefore circular rather than linear. However, even a circle is not an adequate graphical description of the structure of a yoik, because a yoik lacks the Euclidean symmetry of a circle. Simply no answer to the question of where a yoik starts and ends. In view of this, let us consider development: it is commonly supposed that development has some forward linear direction, but what exactly is development if we move within an unsymmetrical circle? (Somby 1995, 15–16).

Нелинейность йойка следует из выраженного в нём пространства, связанного с физическим, телесным опытом путешествия через бескрайние до горизонта пейзажи и ассоциируется с площадью передвижения пастуха или охотника, а также непослушного стада оленей. Йойк описывает напряжение между мгновением и непрерывностью.

Представлением последнего десятилетия, выразительно показавшим театральный потенциал саамской традиции и ставшим своеобразной визитной карточкой театра, был спектакль, соединивший эстетику йойка с драматургией театра н о «Мечтатель и Иневласый» (саам. *Ridn' oaivi ja nieguid oaidni*), созданный по мотивам поэзии Валкеапя. Инсценировку подготовили два раза, в 2007 и 2013 году. Валкеапя часто гостил в Стране Цветущей Вишни. Контакты с японской культурой вдохновили его на создание лирического повествования в виде грёзы. Из поэтически-пантомимно музыкальных картин возникает фрагментарная повесть о молодом пастухе, который, передвигаясь

со стадом оленей, встречает таинственного Иневласого и испытывает соприкосновение с новым и неизвестным. Представление проходило в ритме, который Сомби описал понятием «несимметричного круга» (*unsymmetrical circle*). У. Риум, датская писательница и театровед, визуализировала подобный ритм повествования в виде спиральной модели, представленной ею как метафора – расходящиеся круги на воде от брошенного камня. История, сконструированная подобным образом и развивающаяся по спирали, создаёт гармоническое соединение различных импульсов – того, что человек слышит, испытывает, чувствует и понимает (Ryum 1987).

Название представления, созданного на основе текстов Валкеапя, имело подтекст в «Йойкируя но» (саам. *Juoigan-nō*), раскрывая замысел автора соединить традиционный японский театр и йойк. Театр н о появился из обрядов, связанных с исполнением ролей во время локальных празднеств. Японский театральный деятель Т. Сузуки (T. Suzuki) описывает стиль н о как пребывание с божествами и духами умерших, существование которых находится на границе человеческого восприятия. В одной из его лирических форм, так называемой *m u g e n n ō*, история находится в сверхъестественном измерении и строится вокруг встречи божества (призрака, духа) и путешественника. Часто история представлена в виде сна монаха-путешественника (Suzuki 2012, 29). Время в *m u g e n n ō*, как и в йойке, течёт нелинейно. Различные временные контексты могут накладываться друг на друга и подстраиваться под ритм сновидений. Общее для обеих форм экспрессии – воспоминание о тех, которые ушли, а также мотив путешествия. Пространство в саамском йойке является почти телесным, так как и временно-пространственный элемент, характерный для театра н о (Schuler 2008). Заметно, что мир японских драм имеет множество точек соприкосновения с миром йойков, созданных звуками, поэтому трудно определить границы между саамским искусством и элементами, «японизирующими» его в представлении «Мечтатель и Иневласый».

3. Номадизм как интерференция и полиглотство

С самого начала сцена в Каутокейно была открыта внешним импульсам, представления режиссировали приглашённые артисты, а театром руководили известные личности – художники, приглашённые из разных стран и сообществ, внёсшие в группу традиции и творческие идеи. До 1991 года процесс руководства сценой в Каутокейно был относительно стихийным. Периодически делались попытки ввести коллегиальное управление театром. Сначала доминировали идеи, появившиеся на основе текстов саамских писателей или на основе традиционного фольклора. Изменение репертуара

засигнализировали «Кровавые годы» (1989) Федерико Гарсии Лорки. На сцене появились тексты европейской классической драмы (включая Николая Гоголя и Станислава Мрожа), а также европейская драматизированная проза (например, «Ронья – дочь разбойника» Астрид Линдгрен, «Три мушкетёра» Александра Дюма).

В 1991 конкурс на должность директора театра выиграл Хаукур Гуннарссон (1949 г.р.) исландский знаток японской культуры, выпускник театрального вуза в Великобритании и Японии. Гуннарссон показал себя как режиссёр, великолепно соединяющий признанное саамской публикой искусство повествования легенд и йойка с эстетикой театра *но*. Представленный им в 1991 году спектакль «Наруками» (*Narukami*), японская драма по мотивам индийской легенды, оказался пророческим для пути, который выбрал театр. Гуннарссон руководил театром с 1991 по 1997 год и с 2007 до 2015 года. Среди авторов пьес появился Бертольд Брехт, а его «Добрый человек из Сезуана», поставленный в 1991 году прямо под открытым небом в ледяных декорациях, был удачной попыткой использования арктического пейзажа в создании открытой поверхности сцены. Конечно, как и под руководством Хаукура Гуннарссона, так и в другие периоды существования сцены в Каутокейно, важное место в репертуаре занимали спектакли, созданные на основе текстов саамских авторов, рассказывавших о саамской истории и культуре. С 1997 по 2002 год театром руководил актёр и режиссёр Алекс Шерпф (1955–2015). Шерпф родился в Людвигсхафен-на-Рейне (Ludwigshafen am Rhein), однако был связан с норвежской театральной жизнью. В 2002 году преемницей Шерпфа стала Гарриет Нордлунд (1954 г.р.), родившаяся в Йоккмокк, шведской части Сапми, выпускница стоковой Государственной Театральной Школы (швед. *Statens scenskola*). Под её руководством в 2003 и 2004 были поставлены «Гамлет» и «Макбет» с кристаллическими декорациями Ледяного театра «Глобус» (*Ice Globe Theatre*) из Юккасьярви. Нордлунд руководила театром в Каутокейно до конца 2006 года. В то время эстафету принял во второй раз Гуннарссон. Представлением, которое стало своеобразной визитной карточкой театра стал вышеназванный «Мечтатель и Иневласый».

После ухода на пенсию Хаукура Гуннарссона 1 января 2016 года, руководителем Народного Саамского Театра в Каутокейно стал Рольф Дегерлунд (1952 г.р.), шведский режиссёр, актёр и театральный предприниматель. Дегерлунд оттачивал своё театральное мастерство в 70-ые годы двадцатого столетия у Марселя Марсо и Юзефа Шайны.

Приграничье в географическом и культурном измерении вносит в будни театра необходимость движения к различным языкам, открытость к изменениям, варианты и нюансы – как со стороны театральных деятелей, так и со стороны зрителей. Сценическим языком Народного саамского театра

является северносаамский⁶ (хотя иногда в связи с творческой необходимостью используются тексты на других языках). Это не меняет того факта, что представления в Каутокейно адресованы, с одной стороны публике, которая знает язык, а с другой стороны – зрителям, для которых северносаамский является барьером. Это заставляет театр постоянно совершенствовать невербальные средства выражения: музыку, танец, стилизованные жесты, йойк, необычную сценографию, прекрасные костюмы, ставшие узнаваемым «фирменным знаком» театра. Всё это усиливает эмоциональное переживание зрителей, не понимающих северносаамского языка. Невербальная составляющая представлений, подготовленных труппой из Каутокейно, играет более значимую роль при расширении зрительской аудитории, нежели обычные вспомогательные средства в виде демонстрации синхронного перевода во время представления⁷.

«Words have a way of not standing still, of following their own paths. They come and go, pursuing preset semantic trails, leaving behind acoustic, graphic, or unconscious traces», утверждает Брайдотти, подчёркивая номадическую составляющую полиглотства (Braidotti 1994, 8). Интересной демонстрацией полиглотического аспекта номадичности стало представление 2016 года, под названием «Экстремальная жизнь» (*Vidas extremas*) Представлению предшествовал семинар, организованный театром. В семинаре, помимо саамских артистов, принимали участие норвежский режиссёр Йон Томбре (Jon Tombre) и четвёрка поэтов: Сигбьёрн Скоден – Сапми, Вероника Салинас – Норвегия/Аргентина; Роза Чавес – Гватемала и Анжел Канас «Каме» – Гватемала. Причиной для творческой встречи послужила трагическая смерть Лисандра Гуаркаса, гватемальского учителя, борца за права индейцев майя, а также руководителя местной театральной группы «Sotz'il», сотрудничающей с артистами саамского театра. Гуаркас был похищен и убит экстремистами из правой группировки. Из несогласия с беспощадностью, из творческой встречи вопреки границам, культурным барьерам, через государства и континенты появилось представление «Экстремальная жизнь», получившее в 2016 году

⁶ В настоящее время существует 9 саамских языков: северносаамский, южносаамский, уме-саамский, пите-саамский, луле-саамский, колтта-саамский (скольт), инари-саамский, кильдин-саамский (кольско-саамский), йоканьгско-саамский (терско-саамский). Часть из них (пите-саамский, уме-саамский, терско-саамский) следует считать языками вымирающими. Политика ассимиляции в Скандинавии и бывшем СССР привела к тому, что только около 25 тыс человек используют саамский язык, и 90% из них используют северносаамский. Это означает, что сценический язык театра из Каутокейно может создавать барьеры как для саамов, так и для не-саамов.

⁷ Так называемое суртитлирование (surtitling) – это техника, в которой над сценой или непосредственно на сцене на элементах сценографии во время спектакля отображаются фрагменты перевода, необходимые для полного понимания представления (Griesel 2009). Театр из Каутокейно начал использовать их sporadически с 2005 года. С сезона 2012/2013 театр использует суртитлирование на всех своих спектаклях, за исключением представлений для детей. (Благодарю Бритт Инги Варс из Beaivváš Sámi Našunálateáhter за помощь в получении информации).

премию Хедда, престижную награду, присуждаемую театральным деятелям. Театр из Каутокейно получил её в категории «особые художественные достижения» (Sibińska 2017).

«Экстремальная жизнь» повествует о событиях времён Гражданской войны в Гватемале, длившейся с 1960 по 1996 год, во время которой погибло от 100 до 200 тысяч людей, а смерть, пытки, похищения и преследования по этническому признаку были обыденностью, которая, к сожалению, не исчезла из Южной Америки. Для создания канвы представления помимо поэзии был выбран саамский йойк, мелодекламация, ритуальные жесты, хип-хоп, битбокс, рэп. Стихи декламировали, пели, рэпировали на четырёх языках (саамском, норвежском, испанском и майя). Одновременно на фоне экрана появлялись слова (перевод поэзии), а также снимки из фотоальбома «Гватемала: вечная весна, вечная тирания» (*Guatemala: Eternal Spring, Eternal Tyranny*, 1988), автор Жан-Мари Симон. Альбом показывал жестокость гражданской войны.

Целостность представления создала информативный калейдоскоп, и, как утверждали рецензенты, «Здесь каждый сохранил и развил своё собственное средство выражения – от раскрашенного голубым индейца майя с его мощным горловым пением, йойкирующего саама, с выбеленным лицом и оленьими рогами на голове, до молодых людей из большого города и их продвинутыми движениями хип-хопа» (Erichsen 2016).

4. Заключение

Как заметила Брайдотти, номадизм «is not fluidity without borders but rather an acute awareness of the nonfixity of boundaries» (Braidotti 1994: 36). Beaivváš Sámi Našunálateáhter можно воспринимать как случай экспериментального и процессуального подхода к своей саамской субъектности – к её этническому, историческому и мифологическому измерению; как процессуальный подход к тому, чем является саамское «я» в столкновении с процессами глобализации и урбанизации, а также каким художественным воздействием можно это выразить. Номадизм театра из Каутокейно это также засигнализированный ранее аспект коллективной ответственности за сообщество, понимаемое не только как сообщество саамского населения, но и как сообщество коренных народов и охраняемых ими ценностей.

Перевод с польского: Елена Хауге (Elena Hauge).

Библиография

- BANASIAK, B. (1988), Ogród koczownika. Deleuze – rizomatyka i nomadologia. W: *Colloquia Communia*. 36–38/1–3, 253–270.
- BRAIDOTTI, R. (1994), *Nomadic Subjects. Embodiment and Sexual Difference in Contemporary Feminist Theory*. New York.
- ERICHSEN, C. (2016), Skyhøy gåsehudfaktor. B: <http://www.scenekunst.no/sak/skyhoy-gasehudfaktor/> (dostęp 20.08.2017).
- GRIESEL, Y. (2009), Surtitling: Surtitles and other hybrid on a hybrid stage. B: *Trans*. 13, 119–127.
- Heddapris til Beivváš (2016). B: <https://www.nrk.no/finnmark/heddapris-til-beivva-1.12994528> (dostęp 29.06.2016).
- ISLAM, S. M. (1996), *The Ethics of Travel: From Marco Polo to Kafka*. Manchester/New York.
- JERNSETTEN, N. (1978), Om joik og kommunikasjon. B: Nesheim, A./Hals, S. (Eds.), *Kultur på karrigjord. Festskrift til Asbjørn Nesheim*. Oslo, 109–122.
- NERGÅRD, J. I. (1994), *Det skjulte Nord-Norge*. Oslo.
- SCHIMANSKI, J. (2006), Grensen: litterært faktum med romlig form. B: Zilliacus, C./Grönstrand, H./Gustafsson, U. (Eds.), *Gränser i nordisk literatur*. T. 1. Åbo, 19–37.
- SIBIŃSKA, M. (2015), Kjobraz nomadyczny w *Muittalus samid birra* (1910) Johana Turiego. B: *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Etnograficzne*. 43/2, 141–154.
- SIBIŃSKA, M. (2016), Saamskie teatry: między lokalnością a obcością? B: *Folia Scandinavica Posnaniensia*. 19, 233–249.
- Sibińska, M. (2017), Beivváš Sámi Teáhter: Teatr nomadyczny. B: Sibińska, M./Dymel-Trzebiewska, H. (Eds.), *Historia – społeczeństwo – kultura*. Gdańsk, 140–152.
- RYDVIK, H. (2017), Joiken – musik, lyrik och minnekonst. B: Andersen, R. *Sápmi i ord och bild*. II, 46–62.
- SOMBY, Á. (1995), Joik and the theory of knowledge. B: Haavelsrud, M. (Ed.), *Kunnskap og utvikling*. Tromsø, 14–16.
- SUZUKI, T. (2012), *Czym jest teatr?* Wrocław.
- VALKEAPÄÄ, N.-A. (1984), Klinga vackra lena stämman. B: *Café Existens*. 22/23, 132–150.

ОЛЬГА СОКОЛОВА

Институт языкознания Российской академии наук

«БРОДЯЧИЕ» РЕКЛАМНЫЕ ЛОЗУНГИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1920–1930-Х ГОДОВ¹

“Wandering” Advertising Mottos in the Russian Prose of the 1920–30s

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мобильный поворот, номадическая концепция, взаимодействие дискурсов, реклама, проза 1920–30-х гг.

KEYWORDS: mobility turn, nomadic conception, discourse interaction, advertising, Russian prose of the 20–30s

ABSTRACT: The article considers the study of such a form of discourses interaction as the metalanguage reflection of one set of discourse markers in another. The analysis is based on the material of advertising and aesthetic discourses (prose of the 1920s–1930s), which involves the tense meta-linguistic reflection of the writers of that time by a new linguistic and communicative situation, as laconically expressed in advertising slogans. To consider this form of discourses interaction, we use a combination of discourse analysis, communicative and linguo-poetic approaches. The article reveals that the metalanguage reflection of advertising slogans allows authors to simulate the situation of actual communication between the addresser (the sender of advertising slogans) and the addressee (the layman – reader of slogans), based on the advertising communicative strategy of deautomatization. The micro-situation of the dialogue violation is projected onto a general sociopolitical picture of a global misunderstanding between the individual and the radically changed surrounding reality.

1. Вводные замечания

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. происходит парадигмальный мировоззренческий сдвиг, повлекший за собой антропологический, лингвистический, прагматический, мобильный и др. «повороты» в разных областях искусства и науки. Концепция «мобильного поворота», в основе которой лежит теория номадологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари (Делез/Гваттари 1972), изначально оформилась в рамках школы «мобильной социологии» в работах Дж. Крессуэл, Ф. Кауфмана, Дж. Урри и др. (Cresswell 2001; Kaufmann 2002; Урри 2012). Согласно этой концепции, «мобильность» может быть материальной,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

физической, воображаемой, виртуальной и коммуникативной (Urry 2007, 47); также исследователи выделяют «медиа-мобильность», охватывающую традиционно фиксированные формы медиа, и «разрозненную мобильность», т.е. трансформацию социальных структур (Fortunati/Sakari 2017). «Мобильность» дискурсов реализуется, прежде всего, в явлении дискурсивной гибридизации, включающей такие формы, как интердискурс (Pêcheux 1982; Maingueneau 2002), полидискурс (Saunders 2002), междискурсивная конвергенция (Азарова 2010) и междискурсивное взаимодействие (Соколова 2015) и др.

Актуальность обращения к анализу взаимодействия художественного и рекламного дискурсов подтверждается тем, что близость этих дискурсов отмечалась в работах ряда философов и лингвистов (Ю. Хабермаса, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Дж. Боулта, М. Перлофф, Анны А. Зализняк и др.). Особая значимость использования «номадологической концепции» при анализе отношений между эстетическим и рекламным дискурсами состоит в возможности обозначения гетерогенности, открытости и мобильности в качестве продуктивной формы организации отношений между дискурсами. Под «бродячими рекламными лозунгами», вслед за концепцией «бродячих сюжетов» А. Н. Веселовского, понимаются рекламные тексты, инкрустированные в прозаические тексты и получившие статус прецедентных феноменов, которые выступают в роли маркеров взаимодействия дискурсов и служат для реализации ряда эстетических и прагматических целей. В соответствии с терминологическим аппаратом, выработанным в теории современной рекламы, материалом исследования стали такие виды рекламных текстов, к которым относятся название продукта, товара или услуги, слоган или собственно оригинальный заголовок (подробнее см. Суперанская/Подольская 1986; Крюкова 2004). При этом особое внимание в статье уделяется анализу специфики взаимовлияния художественного и рекламного дискурсов на примере заголовочных комплексов, учитывая общепринятое в гуманитарных науках понимание заголовка как ключевого компонента текста, расположенного в сильной позиции (Cook 2001; Фатеева 2010).

Зарождение вербальной рекламы происходит уже в средневековье, когда глашатаи-застывалы выработали профессиональный арсенал презентации купеческого товара (заклички, поговорки, речитативные многострофные уговоры). Именно тогда формируется ярмарочный фольклор как форма взаимодействия эстетического и рекламного дискурсов, народного искусства и рыночных закличек. Коробейники и офени — торговцы мелким товаром — вслух демонстрировали привлекательность товара: «Вот сбитень! Вот горячий! / Кто сбитню моего! / Все кушают его: / И воин, и подъячий / Лакей и скороход / И весь честной народ» (Некрылова 1984, 14). Другим носителем рекламы стали распространившиеся во II половине XVIII в. народные гра-
вюры, лубки, содержащие как политическую, религиозную, так и рекламную

информацию, что позволяет говорить о генеалогической связи художественного и рекламного дискурсов (подробнее см. Perloff 1986; Bowlt 2012; Соколова 2015). Наружная и печатная реклама получают массовое распространение и научное осмысление в конце XIX – начале XX вв., например, в специализированных рекламных журналах «Торговля», «Торговля и жизнь», «Деловой будильник», «Искусство рекламирования», «Комиссионер». По мнению рекламных аналитиков конца XIX в., «реклама, которая действовала бы в согласии со своеобразными законами этой (русской – прим. автора – О. С.) культуры, оказала бы ей величайшую услугу» (Веригин 1898, 37).

В настоящей статье мы рассмотрим особенности рецепции языка рекламы в прозе 1920-х – начала 1930-х гг. как один из аспектов междискурсивного взаимодействия. Анализ рефлексии языка рекламы средствами художественного дискурса на материале прозы 1920-х – начала 1930-х гг. позволяет выявить некоторые формы их взаимодействия.

Характерной чертой прозы 1920-х – начала 1930-х гг. стало повышение активности метаязыковых процессов (в романах Б. А. Пильняка, И. Ильфа и Е. Петрова, Е. И. Замятина, М. А. Булгакова, А. П. Платонова и др.). Можно проследить изменения метаязыковой активности в литературе XX в.: повышение литературной рефлексии в прозе, как метрополии, так и диаспоры периода 1920–1930-х гг., угасание в 1940–1950-е гг. («при жизни Сталина языковая рефлексия практически не проявлялась» (Пихурова 2005, 142)), возрождение в диссидентской литературе 1950–1960-х гг. и последовавшая за периодом «застоя» 1970–1980-хх гг. высокая степень рефлексии в современном культурном пространстве, связанная с либерализацией общественной жизни.

Формы языковой и литературной рефлексии, получившие наименование «наивной», или «folk-лингвистики» в современном языкознании, реализуются в художественном произведении в ситуации, когда «обсуждение [...] наименования переплетается с описанием денотата» и становится намеренно акцентированным художественным приемом (Булыгина/Шмелев 1999, 158–159). Поиск авторами нового художественного кода в период НЭПа связан с резкими социально-экономическими переменами, порождающими стремление к осмыслению окружающей реальности в аспекте рефлексии языковых особенностей этого периода. При этом осмысление меняющейся языковой ситуации в прозе 1920–1930-х гг. оказалось способом социального и политического анализа, став формой поиска новой системы координат в неустойчивом экстралингвистическом пространстве.

Анализ взаимодействия художественного и рекламного дискурсов предполагает выявление особенностей коммуникативных стратегий, формирующихся в ситуации включения элементов одного дискурса в другой. Учитывая, что для рекламы характерна «коммуникативная стратегия деавтоматизации», которая «реализуется в актуальной, симультанной коммуникативной

ситуации с целью преодоления коммуникативной неудачи («конкурентный» информационный фон, неприятие текстов определённого типа), привлечения внимания адресата, инициации ответной реакции и вовлечения его в интеракцию» (Соколова 2015, 273), важно подчеркнуть, что эта же ориентация на вовлечение адресата-читателя в интеракцию реализуется и в прозаических текстах 1920–30-х гг. В прозе этого периода моделируется актуальная коммуникативная ситуация нарушения стандартного диалога между адресантом (автором рекламных текстов) и адресатом (обывателем, воспринимающим рекламные лозунги), что реализуется с помощью намеренно создаваемых коммуникативных «помех»: выбора неконвенциональных грамматических форм и окказионализмов. При этом коммуникативной целью рекламных инкрустаций в романах 1920–1930-х гг. является проекция нарушений коммуникации между обывателем и отправителем рекламных текстов, создаваемых в актуальной коммуникативной ситуации, на общую социально-политическую ситуацию того времени, передача характерных для нее девиаций и нарушений языковых и коммуникативных норм.

Среди основных языковых приемов, используемых авторами-прозаиками для моделирования коммуникативной стратегии деавтоматизации в романах 1920–1930-х гг., можно выделить актуализацию прецедентных феноменов, окказионализацию, включение элементов народного стиха, использование алогизмов и некоторые дополнительные языковые приемы.

2. Прием актуализации прецедентных феноменов

Ориентируясь на существующую классификацию прецедентных феноменов, среди которых выделяются социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсальные прецедентные феномены (Красных 2002, 50–51), можно отметить, что наиболее развернуто в прозаических текстах представлены социумно-прецедентные феномены, т.е. культурные, литературные, мифологические прецедентные феномены, известные среднему представителю социума и составляющие коллективное когнитивное пространство. Например, мифологические прецедентные феномены: рекламная вывеска «похоронного бюро “Нимфа”» (Ильф/Петров 2003, 15); переплетение литературных и религиозных прецедентных феноменов в тексте объявлений, висевших на дверях в доме адвоката Вантробы, издателя «рукописного еженедельника под лозунгом “Из гроба встает барабанщик!”» и специалиста по делам «угнетенных»:

На двери в отцовский кабинет значилось написанное крупно, красным карандашом, –
“Отец есть глава семьи!” –
и сбоку приписано было не менее крупно чернильным карандашом:
“Папка! Не забудь три рубля в субботу на театр!”
“Каков поп, таков и приход”, – гласила со стены прихожая [...]
На двери в комнату матери значилось, –
«Прошу, сказал Собакевич».
(Пильняк 2004, 66)

Посредством введения «чужого текста» Пильняк совмещает разнородные прецедентные феномены: апелляцию к религиозным ценностям и их профанацию (*Отец есть глава семьи*), обращение к «народной мудрости» (*Каков поп, таков и приход*), интимно-домашнее обращение, оформленное как «лозунг», и иронические ассоциации с классическим текстом (*Прошу, сказал Собакевич*). Также в текстах используются религиозные прецедентные тексты. Например, ироническая апелляция к христианской заповеди звучит в названии «вегетарианской столовой “Не укради”» (Ильф/Петров 2003, 97); переосмысление библейского выражения из Книги пророка Исаи (который предсказывал, что настанет время, когда «народы перекуют мечи свои на орала и копыя свои на серпы») реализуется в названии подпольной политической организации («тайный Союз меча и орала») (Ильф/Петров 2003, 86). Ироническому переосмыслению подвергаются и политические прецедентные тексты: «Коммунистический Манифест, скрижаль коммунизма, которая заканчивалась словами: / “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”» (Пильняк 2004).

3. Прием окказионализации

Осознавая языковые особенности рекламного текста как квинтэссенцию социально-идеологических инноваций эпохи, писатели используют самые разные способы создания окказиональных образований. Обыденное сознание становится предметом непосредственного изображения в романе Пильняка «Голый год»: «В Москве на Мясницкой стоит человек и читает вывеску магазина: “Коммутаторы, аккумуляторы”. / – Ком-му...таторы, а...кко-му...ляторы... – и говорит: – Вишь, и тут омманывают простой народ!» (Пильняк 2003). Пильняк фиксирует акт «гносеологического оптимизма» обывателя, уверенного в возможности рационального познания окружающего стихийно-изменчивого бытия. Познание осуществляется в данном случае посредством «наивной» этимологизации незнакомых слов: адресат производит разложение слова на составные части, которые являются само-

стоятельными словами. Игнорирование в данном контексте законов словообразования – это не только способ выражения иронии над обывателем, но и фиксация историософской концепции автора, связанной с осознанием значимости самостоятельной воли народа в мировой истории. Эсхатологический процесс распада нормативных языковых единиц до морфем, букв, звуков и последующего их переразложения представлен в романе «Собачье сердце» М. Булгакова, где в результате обратного чтения псом Шариком вывески «Главрыба» возникает окказионализм «Абырвалг». Булгаков передает процесс восприятия вывесок магазинов глазами пса Шарика:

Изразцовые квадратики, облицовывавшие угловые места в Москве, всегда и неизбежно означали «сыр». Черный кран от самовара, возглавлявший слово, обозначал бывшего хозяина «чичкина», горы голландского красного, зверей приказчиков, ненавидевших собак, опилки на полу и гнуснейший дурно пахнущий бакштейн... Если в окнах висели несвежие окорока ветчины и лежали мандарины... Гау-гау... Га... Строномия. Если темные бутылки с плохой жидкостью... Ве-и-ви-на-а-вина... Елисеевы братья бывшие (Булгаков 2003).

С другой стороны, в описании плакатов на демонстрациях рабочих применяется обратный прием редукции аффиксов, флексий, компрессия целых синтаксических конструкций: «Если играли на гармошке, что было немногим лучше “милрой аиды”, и пахло сосисками, первые буквы на белых плакатах чрезвычайно удобно складывались в слово “неприли...”». Что означало “неприличными словами не выражаться и на чай не давать”» (Булгаков 2003).

4. Элементы народного стиха

Как известно, ритмическая организация текста и рифмованные созвучия в рекламе привлекают внимание реципиентов к звуковому облику текста, повышая возможность его запоминания. Примером сочетания народного дисметрического стиха, фразовика, с рифмованными («не дают, а скалывают» / «не продавай, а прикалывай») и хореическими вставками («арци-иже-он-кон иже-он-кун»; «твердо-он»), отсылающими одновременно к авангардной зауми и народным заговорам, встречаются в тексте Б. Пильняка: «Иван Емельянович Ратчин [...] гремел замками и поучал мальчиков и приказчиков своему ремеслу: надо было при покупателях говорить:

не дают, а скалывают,
не уступить, а сколоть,
не продавай, а прикалывай,

не торгуйся, а божись,
не 150 руб. 50 коп., а арци-иже-он-кон иже-он-кун,
не 90, а твердо-он.
(Пильняк 2003)

Осмысление особенностей языка пропаганды здорового питания (предтечи современного социального PR) звучит в романе «Роковые яйца» Булгакова: «В Эрмитаже... куплетисты Шрамс и Карманчиков пели куплеты, сочиненные поэтами Ардо и Аргуевым:

Ах, мама, что я буду делать
Без яиц??. –
и грохотали ногами в чечетке.
(Булгаков 2003, 487)

В данном контексте пародия на одесскую песенку, которую исполнял «комический хор» Л. Утесова, отражает отношение писателя к политико-социальной ситуации постреволюционного времени: «Репертуар у нас был разнообразный. Но одним из самых популярных номеров была фантазия на запетую в то время песенку: Ах, мама, мама, что мы будем делать, / Когда настанут зимни холода? – / У тебя нет теплого платочка, / У меня нет зимнего пальта» (Утесов 1976). Можно также упомянуть возрождение популярности этой песни в 1990-е гг. в связи с выходом фильма «Кин-дза-дза!» и отметить ее особую актуальность в переходные для России времена.

5. Прием алогизма

Еще одним характерным приемом метаязыковой рефлексии является использование логических ошибок, которые реализуются посредством нарушения внутренних грамматических и синтаксических связей. Актуальность этого приема в рекламе связана с возможностью искажения фактов, выводов, предпосылок или связей между ними и активным включением адресата в интеракцию. Например, лозунг: «Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу» (Ильф/Петров 2003, 45) (генерализация – логическая ошибка, основанная на подчинении частных явлений общему принципу); «На сырых телеграфных столбах ежились мокрые объявления с расплывшимися буквами: “Обучаю игре на гитаре по цифровой системе”» (Там же, 49) (отсылка к новизне – ошибочное заключение, основанное на принципе «хорошее, потому что новое»); «Были на доме еще два украшения, но уже чисто коммерческого характера. С одной стороны – лазурная вывеска: “Одесская бубличная артель / Московские баранки”» (Там же, 53) (подмена понятий).

6. Дополнительные языковые приемы

Отмечая многообразие способов осмысления языка рекламных текстов, необходимо выделить также билингвизм: «Аптека – *Apoteche Schiller*» (Пильняк 2004); «Далее “Цирульный мастер Пьер и Константин” обещал своим потребителям «холоу ногтей» и “ондулянсион на дому”» (Ильф/Петров 2003, 15); повтор, призванный усилить эмоциональную напряженность, но обретающий ироническое значение: «Мальчишки-газетчики рычали и выли между колес моторов: – Кошмарная находка в подземелье! Польща готовится к кошмарной войне!! Кошмарные опыты профессора Персикова!!» (Булгаков 2003, 488); характерные для рекламы риторические вопросы оборачиваются коммуникативной неудачей в ситуации восприятия текста реципиентом – ошпаренным псом Шариком: «Пес собрал остаток сил и в безумии пополз из подворотни на тротуар. Вьюга захлопала из ружья над головой, взметнула громадные буквы полотняного плаката “возможно ли омоложение?”» (Булгаков 2003, 521). Учитывая такой тип лозунгов и слоганов, выделенный Ю. И. Левиным на материале текстов конца XX – начала XXI в., как «квестивы» (Левин 1998), можно отметить, что в настоящем контексте «квестив» ориентирован не на прямой диалог с получателем, а на создание коммуникативного конфликта, что определяется невозможностью коммуникации с читателем (собакой) и неактуальности рекламируемого предложения (средство для омоложения в пограничной между жизнью и смертью).

Таким образом, инкрустация рекламных текстов в прозу 1920-х–30-х гг. позволяет смоделировать актуальную коммуникативную ситуацию, основанную на нарушении стандартных коммуникативных норм, что соответствовало непониманию реципиентами советского новояза. Более того, микро-ситуация нарушения диалога проецировалась на общую социально-политическую ситуацию глобального непонимания между индивидом и кардинально изменившейся окружающей реальностью. Рекламные тексты романах этого периода способствовали реализации характерной для рекламы коммуникативной стратегии деавтоматизации, что осуществлялось посредством таких языковых приемов, как актуализация прецедентных феноменов, окказионализация, включение элементов народного стиха, использование алогизмов и др.

Литература

- Азарова, Н. М. (2010), Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). Москва.
- Булгаков, М. А. (2003), Белая гвардия; Мастер и Маргарита; Повести; Рассказы. Москва.

- БУЛЫГИНА, Т. В., ШМЕЛЕВ, А. Д. (1999), Человек в языке (Метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах). В: Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. Москва, 146–161.
- ВЕРИГИН, А. (1898), Русская реклама. Санкт-Петербург.
- ДЕЛЁЗ, Ж./ГВАТТАРИ, Ф. (2007), Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург.
- ИЛЬФ И./ПЕТРОВ Е. (2003), Двенадцать стульев. Москва.
- КРАСНЫХ, В. В. (2002), Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. Москва.
- НЕКРЫЛОВА, А. Ф. (1984), Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. Ленинград.
- ОРИЦКИЙ, Ю. Б. (2002), Стих и проза в русской литературе. Москва.
- ПИЛЬНЯК, Б. А. (2003), Собрание сочинений в шести томах. Голый год. Повести. Рассказы. Москва. В: <https://litlife.club/bd/?b=113120> [доступ 22.09.2017].
- ПИЛЬНЯК, Б. А. (2004), Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. Созревание плодов. Соляной амбар. Москва. В: <https://litlife.club/bd/?b=241734> [доступ 22.09.2017].
- ПИХУРОВА, А. А. (2005), Судьба советизмов в русском языке конца XX – начала XXI века (на материале словарей и текстов). Саратов [автореферат диссертации].
- СОКОЛОВА, О. В. (2015), Дискурсы активного воздействия: теория и типология. Москва [диссертация].
- КРЮКОВА, И. В. (2004), Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград.
- ЛЕВИН, Ю. И. (1998) С Избранные труды: Поэтика. Семиотика. Москва, 542–556.
- СУПЕРАНСКАЯ, Т. А./ПОДОЛЬСКАЯ А. В. (1986), Товарные знаки. Москва.
- ФАТЕЕВА, Н. А. (2010), Синтез целого. На пути к новой поэтике. Москва.
- BOWLT, J. E. (2012), Vitrina and afisha. В: Aksenov and the Environs. Huddinge, 123–131.
- COOK, G. (2001), The Discourse of Advertising. London/New York.
- CRESWELL, T. (2001), The production of mobilities. В: New Formations. 43, 11–25.
- FORTUNATI, L./TAIPALE, S., (2017), Mobilities and the Network of Personal Technologies: Refining the Understanding of Mobility Structure. В: Telematics and Informatics. 34/2, 560–568.
- KAUFMANN, V. (2002), Re-thinking Mobility. Contemporary Sociology. Ashgate.
- MAINGUENEAU, D. (2002), Dictionnaire d'analyse du discours. Paris.
- PÊCHEUX, M. (1982), Language, Semantics, and Ideology. New York.
- PERLOFF, M. (1986), The Futurist Moment: Avant-Garde, Avant Guerre, and the Language of Rupture. Chicago.
- SAUNDERS, D. (2002), Literacy and the Common Law. A Polytechnical Approach to the History of Writings of the Law. В: Griffith Law Review: <http://www.austlii.edu.au/au/journals/GriffLawRw/2002/5.pdf> [доступ 5.08.2017].
- URRY, J. (2007), Mobilities. Cambridge.

АЛЕКСЕЙ ШЛЯКОВ

Тюменский индустриальный университет

К ИСТОРИИ РУССКОГО БРОДЯЖНИЧЕСТВА XVII–XIX ВЕКОВ

To the history of the Russian vagrancy XVII–XIX centuries

Ключевые слова: бродяжничество, бродяга, нищенство, нищий, церковь, милосердие, христианские традиции

KEY WORDS: vagabondism, vagabond, mendicity, a beggar, church, mercy, Christian values

ABSTRACT: In the following article analysis of vagabondism in Russia is being made, based on sources from literature, journalism and the Holy Father. The particular qualities of the Church, temporal powers, and common society members' attitudes towards vagabondism are being viewed. The periods of the romanticizing of vagabondism in the history of Russia are being described as well as periods when vagabondism was subjected to social exclusion. A gradual transition of the perception of vagabondism from the field of Christian traditional humility and mercy to a social field which inflicts responsibility for one's behavior on the subject of vagabondism is explored. Methods and manners of charity for vagabonds and the poor are being viewed as well as the imperative measures and sanctions of the struggle against mendicity and vagabondism in various historical periods. The classifications of vagabonds, offered by Russian thinkers, are being researched since they allow us to distinguish between the needy and those who use the image of a vagabond for their own profit and who speculate on Christian feelings. Generally, the authors come to a conclusion that unlike Western Europe, where vagabondism was banned and where vagabonds were punished severely, the attitude towards vagabonds in pre-revolutionary Russia was based on the orthodox values and included humanity and mercifulness.

1. Введение

События последних десятилетий и в России, и в мире: финансовые кризисы, войны на сопредельных территориях, природные и техногенные катаклизмы ведут к массовому обнищанию населения, лишая людей дома, имущества, Родины. Обострение конкурентной борьбы в жестких условиях рыночной экономики приводит к пополнению маргинальных слоев населения за счет новых безработных, разорившихся людей. Явление бродяжничества в России, которое до недавнего времени было представлено нищими, бездомными, странниками сегодня приобретает новые формы проявления, к которым относятся трудовая миграция («гастарбайтеры»), беженцы, фрилансеры.

Так как социальное отклонение возникает не мгновенно, а имеет свое проявление в различные эпохи, для выявления причин явления необходимо обращение к его историко-культурологическому анализу.

Исторический анализ позволяет обнаружить, как менялось восприятие бродяжничества со стороны рядовых граждан, и со стороны официальной власти. Этот экскурс поможет определить место бродяжничества в отечественной культуре, установить критерии, по которым выявлялись бродяги, и производилась классификация бродяг.

2. Материалы и методы

Исследование такого феномена как бродяжничество необходимо осуществлять в системе взаимодействия различных областей гуманитарного знания с привлечением таких наук как история, социология, философия, способных дать представление о феномене как результате взаимодействия социально-экономических причин и духовно-нравственных деформаций. Так как после 1917 г. бродяжничество стало рассматриваться только в системе уголовного права как наказуемый образ жизни, при написании статьи были использованы архивные документы, публицистические материалы, краеведческая литература русских ученых, писателей, журналистов дореволюционного периода.

Методологическую основу исследования составили: историко-антропологические концепции (феноменология, герменевтика), в которых культурное историческое пространство выступает совокупностью социокультурных сред, взаимодействие между которыми определяется человеком, сравнительно-исторический метод, который осуществляет рассмотрение феномена бродяжничества в различных периодах истории отечественной культуры, с учетом объективных закономерностей, определяющих условия социального и экономического развития, диалектический метод, выявляющий каузальные связи между экономическим, социальным, духовным состоянием общества в конкретно-исторический период и местом бродяжничества в культурном пространстве, и позволяющий обнаружить противоречивость феномена бродяжничества в системе отношений «власть-общество», «церковь-государство».

3. Результаты

В России всегда было много бродяг. Этому способствовали, в том числе и объективные причины: религиозные (православные с состраданием относятся к бродягам), географические (масштабность территории), национальные

(склонность к сочувствию и милосердие). Обилие бродяг беспокоило власти, так как они не платят налоги, портят имидж государства, пополняют ряды преступников.

Вопрос о проявлении милосердия и сострадания со стороны князей к нуждающимся, неимущим поднимаются еще Даниилом Заточником. Даниил, опираясь на Священное Писание, провозглашает милосердие не переменным атрибутом власти. В мире Господа существует иное мировосприятие, иные правила социального бытия, которые и нужно увидеть князьям: «Посмотри на птиц небесных – не пашут, не сеют, но уповают на милость Божию; так и мы, господин, ищем милости твоей».

Милосердие, княжеская помощь выступают избавлением от нищеты, обездоленности, бродяжничества. Эти явления Даниил Заточник оценивает негативно, как разрушающие отношения между человеком и миром, но ответственность за это лежит и на князе, в его силах не допустить эти негативные изменения в своих подданных.

Нужда и нищета подавляют в человеке доброе начало и позволяют проявиться низменным качествам. Даниил видит суть бродяжничества, нищеты не только в страданиях, которые приходится претерпевать человеку, но и как возможность появления социальных и нравственных патологий. Даниил Заточник видит в нищенстве, бродяжничестве путь к святости из мирской жизни, а возможные губительные последствия бродячего образа жизни можно избежать, если человек получит княжеское вспоможение (Изборник 1969, 178).

Основная помощь бродягам и нищим была монастырская, к которой в XIV–XVII вв. стали добавляться нерелигиозные проявления благотворительности. Судебник 1550 г. являясь формирующимся законодательством государственного призрения, учитывает не только церковный взгляд на бродяжничество, но и объективные внешние факторы возникновения социальных патологий. Нищенство может быть не только результатом лени человека или неумелого хозяйствования, но и результатом утраты имущества в силу природных катаклизмов (наводнение, пожары). Нищенство и бродяжничество обрели официальный легальный статус института и образа жизни, в то время, когда в Европе нищенство и бродяжничество попадали под запрет законов, то в XV в. в России эти явления попадали под защиту законов (Фирсов 2001, 67).

Официальное признание бродяжничества стало возможным не только благодаря процветающим в обществе христианским идеалам милосердия, согласно которым милостыня и подавание есть главный путь приближения к Богу, Церкви, Истине, но и потому, что в обществе отсутствовал соответствующий институт призрения. Однако в это время власть реализует ряд профилактических мер, по предупреждению или минимизации социальных девиаций таких как разбой, проституция.

В начале XVII в. в России выходит Указ (1603 г.), согласно которому во времена голода позволялось отпускать семьи на волю без соответствующего юридического оформления. Это спровоцировало повальное бродяжничество крестьян в России. В России этого периода отношение к нищим и бродягам формировалась на основе христианского представления о добродетели. Ермолай Еразм в своих сочинениях предлагал творить милостыню нищим смиренно, «возлюбиша и не оскорбиша», а также призывал к вселенскому равенству «на основании истинного покаяния богатого и принятия им нищеты, как честнейшего богатства» (Мельникова 2005, 77).

М. Грек (1911, 123 ссл.) бродяжничество считал основой христианства и грезил о наступлении культуры справедливости, в которой наступит равенство. Тех, кто не примет бродяг ждет возмездие: «Правитель, выгнавший из города скитающихся по миру, тем самым восстал на Бога». Но уже Епифаний Славинецкий видел в бродягах не только «ищущих Христа живого», но и бездельников, спекулирующих на христианском милосердии (Ротар 1900).

В эпоху правления Ивана IV бродяжничество воспринималось не только как путь к святости, но и как не нормальный образ жизни, конфликтующий с устойчивыми социальными представлениями о жизненном пути человека. Иван IV Грозный приказал для нищих людей, для бродяг и калек создавать богадельни, так как их присутствие в обществе оскорбляет чувства людей: «мужики и жинки, бегают из села в село нагие да босые, трясутся и кричат», – пишет он во 2 послании к Собору (Пыляев 1990, 216). Чтобы отличить действительно нуждающихся в помощи от туенядцев и попрошаек Иван IV организывает управление, которое должно выявлять причины бродяжничества и учитывать всех побирающихся в соответствующих списках. Отныне нищий, бродяга рассматривается с точки зрения – может он или не может быть как другие люди, его идентификация осуществляется по отношению к явлениям социального бытия, в котором субъект выступает носителем базовых ценностей. Классифицирование бродяг происходит на основании следующих признаков: возраст, статус в обществе, источник дохода. Нищих и бродяг этого времени делили на прокаженных, колосных, престарелых, «на тележках и санях возящих», «неимущих, главы где преклонити».

Попытка решить проблему бродяжничества путем строительства богаделен была продолжена при царе Алексее Михайловиче, однако бродяги и нищие, попав в богадельню, не прекращали своего занятия, продолжая попрошайничать, используя богадельню как притон, место сбора для обмена информацией, знакомство с иным опытом.

Привлечение православной церкви к решению проблемы бродяжничества осуществил царь Федор Алексеевич. В 1616 г. он повелевает церковному собору собрать всех бродяг и нищих, выявить нуждающихся, обеспечить

им пристанище, а трудоспособным предоставить работу. По его замыслу нуждающиеся должны получить помощь, но тунеядцы должны быть принуждены к труду.

В конце XVII в. бродяжничество достигает угрожающих масштабов, что побуждает Синод к изданию постановления от 14 июля 1732 г., в котором значилось:

Бродяг в безобразных одеяниях в церковь не пускать, а кто в приличной одежде, может входить, но должен стоять в уединенном месте. А из присутствующих выяснить, не притворяются ли они, чьи будут и отколь пищу и одежду получают (Пыляев 1990, 217).

Кардинально изменилось отношение власти к бродягам в период правления Петра I, который в 1712 г. запретил просить милостыню, а позднее – даже подавать нищим. Виновным грозил денежный штраф, но учитывая устойчивость православной традиции творить милостыню «Христа ради» и под давлением Церкви Петр отменил свой запрет на подавание. Отношение к человеку в эпоху правления Петра I, определялось трудовой стоимостью субъекта, поэтому те, кто избегал трудовой повинности, разыскивались властями, отсылались к месту приписки и принуждались к труду. В 1774 г. издается Инструкция к магистратам, где в §34 прописывался запрет на любую помощь странникам, бродягам, прибывшим из различных населенных пунктов (Фирсов 2001, 109). При этом разъяснялось, что бродячий образ жизни непременно ведет к преступлениям: разбою, воровству. В этот исторический период совершается уход от богословских религиозных принципов оценки бродяг и нищих. Бродяга лишился «заступника» и вынужден отныне нести ответственность перед социальным институтом. При оценке бродяжничества возникают новые критерии: уже существующий признак «возможно – невозможно» быть как все дополняется оценкой «пристойно – непристойно», во внимание берется поведение бродяг в храме, а также способ прошения милостыни, не оскорбляет ли он эстетические и религиозные чувства граждан. Дифференциация нищих бродяг производится на основании их возможной готовности стать достойными членами общежития. Плоскость их восприятия располагается на границе социальных норм и отклонений. Религиозный подход окончательно уступает место социальному, а нужда и участь нищего человека рассматривается не в контексте пути к вечности, а исходя из конкретных проблем общества.

Царица Прасковья Федоровна изменила отношение к бродягам и даже допускала их к своему двору, многим юродивым приписывали мистическое значение, у них целовали руки, спрашивали пророчества. Бродяжничество стало делом полиции только при Екатерине II. Александр I инициировал

создание благотворительных фондов помощи неимущим и бродягам, который финансировался частными взносами, сборами и таких фондов, благотворительных обществ до 1917 г. было немало, а богатые и именитые люди считали своим долгом принимать участие в благотворительной деятельности.

В XIX в. русскими мыслителями осуществляются попытки дифференцировать бродяг, создать классификацию неимущих. Русский писатель С. Максимов, для которого основной темой произведений было городское «дно» предложил бродяг определять как:

сословие, состоящее из четырех разрядов:

- кои впали в убожество от стечения несчастных обстоятельств,
- кои не могут по причине сиротства, дряхлости, старости, болезней снискать себе пропитание,
- кои могли бы еще приобретать себе пропитание, но не имеют ни случаев, ни способов к работе и занятиям и впали в нищету,
- кои могли бы по летам и здоровью трудиться, но по лености, праздности и дурному поведению составили для себя из прошения милостыни род ремесла (Максимов 2009).

В начале XX в. ученые пытались объяснить бродяжничество и выявить психотип предрасположенного к бродяжничеству человека. Первый съезд русских деятелей по частному призрению, проходивший в 1910 г. обозначил следующие: поляризация доходов, обнищание крестьянства, отсутствие поддержки для развития кустарного промысла, дороговизна земли, массовое переселения крестьянства в город и возникновение пролетариата, который уже по сути своей есть «бродячий элемент», создающий духовную базу для бродяжничества. Другими причинами ведущими к бродяжничеству были названо пьянство «самый сильный, самый энергичный и самый беспощадный враг русского народа» (Линев 1891, 43), повальная милостыня, которая способствует развращению и росту иждивенческих настроений, мнимое милосердие людей, которые не принуждают детей к труду в семье. Наряду с этими причинами русские мыслители выявили ряд психических особенностей бродяги, среди которых не способность справляться с трудностями и конфликтами, смирение перед неудачами, нечистоплотность, неопрятность, астеничность, лень, потребность в развлечениях и новизне (Дриль 1898, 34). Отечественные исследователи объединяли возможные причины превращения человека в бродягу в три большие группы: объективные, внешние; субъективно-личностные; социальные.

Одним из важных обстоятельств, спровоцировавших появление «бродячей Руси» стало массовое переселение крестьян, вызванное резким снижением уровня жизни в деревне. Первыми бродягами становились крестьяне, которые получив право 26 ноября (по старому стилю) покидать хозяина,

место жительство в поисках лучшей жизни срывались с обжитых мест. Многочисленные потоки кочевали по России, разоряясь, болевая, теряя семьи. С появлением промышленных городов переселение приняло массовый характер, так как отходнический заработок часто становился единственным доходом в крестьянском хозяйстве.

Количество бродяг в городах было значительно больше, чем в селах и деревнях. Л. Н. Толстой (2006, 187) писал, что деревенские нищие бредут с сумой «Христа ради», а у городских нет ни сумы, ни Христа. Сам по себе крестьянин тяготеет к оседлому образу жизни. Он стремится укорениться в месте своего проживания. Крестьянское сознание обладает способностью отождествлять себя с той или иной местностью, что связано с верованием в то, что место проживания населено душами предков и там, где не было диких проявлений крепостничества, люди не опускались до нищенского промысла. Но при этом Толстой пояснял, что неимущих из деревень привлекает к себе богатство города: «Из деревни, где сосредоточены все богатства земли, люди идут в то место, где нет ни земли, ни травы, а только камень да пыль» (Толстой 1983, 202). Возникает парадоксальная ситуация, когда крестьянин, чтобы купить хлеб и скотину, вынужден ехать в город и продавать хлеб и скотину, в которых он нуждается. Однако не только это гонит крестьян в город: «легкая жизнь», роскошь, возможность «работать легче, а есть лучше, чтобы пьянствовать и распутничать».

Утратив связь с деревней и еще не став городским, переселенец превращается в новый феномен, который получил название *набродь* маргинальное звено между традиционной и индустриальной культурой. А. Горчева (1995) отмечает, что появляется новый феномен – «набродь» – наиболее активная миграционная единица, которой не дороги ни местные традиции, ни местная история.

Причины массовых движений, переселений и тяги к неоседлости В. Ключевский видел в истории России – «страны колонизируемой». Он писал:

По условиям своей исторической жизни и географической обстановки население распространялось по равнине не постепенно, путем нарождения, не расселяясь, а переселяясь, переносилась птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и селясь на новые (Ключевский 1987, 49).

Движущийся поток русского народа мог останавливаться под действием новых особенностей неизвестного ландшафта, который оказывал влияние и на формирование особого склада характера и влиял на дальнейший вектор развития народа.

4. Заключение

Это движение повлияло на возникновение особого умонастроения русского народа, на его своеобразном отношении к стране, к окружающей действительности, выработало определенную стратегию адаптации. Парадоксальность русской истории и русской души философ Н. А. Бердяев видел в несоединяемости мужского и женского: в России активное творческое начало приходит всегда извне и превращается в порабощающего деспота, который побуждает русского человека к анархии, к бунту, к побегу. Несмотря на то, что еще с петровских времен бродяжничество рассматривалась как социальное отклонение, бродяга в России всегда вызывал сочувствие и некоторое почтение. В русской культуре прочно закрепилось представление о неблагополучии, как необходимом условии для очищения души и укрепления духа, а образ жизни бродяги ассоциировался с поиском Христа, Истины и Свободы. С приближением XX в., с завершением эпохи аграрной цивилизации, которая привязывала человека к земле и, в принципе, лишала потребности совершать перемещения, индустриальная эпоха породила многочисленную армию «бродячего пролетариата», группы, у которой отсутствует привязанность к дому, собственности, земле, группа, потерявшая Истину и уже не ищущая Христа.

Библиография

- Горчева, А. (1995), Нищие: неуничтожимость материи. В: Утро России 14–20 сентября.
- ГРЕК, М. (1911), Сочинения. Ч. 3. Троицко-Сергиева лавра. Собственная типография.
- Дриль, Д. А. (1898), Бродяжничество и нищенство и меры борьбы с ними. Санкт-Петербург.
- Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) (1969). Москва.
- Ключевский, В. О. (1987), Курс русской истории. Ч. 1. Москва.
- Линев, Д. А. (1891), Причины русского нищенства и необходимые против них меры. Санкт-Петербург.
- Мельникова, В. П./Холостова, Е. И. (2005), История социальной работы в России. Москва.
- Пыляев, М. И. (1990), Старое житие. Репринтное воспроизведение издания 1897 года. Москва.
- Ротар, И. (1900), Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. В: Киевская старина. 12, 390–395.
- СВИРСКИЙ, А. И./МАКСИМОВ, С. В. (2009), История нищенства на Руси. Москва.
- Толстой, Л. Н. (1983), Собрание сочинений. Т. 16. Публицистические произведения. 1855–1886. Москва.
- Толстой, Л. Н. (2006), Собрание сочинений. Т. 8. Публицистика. Москва.
- Фирсов, М. В. (2001), История социальной работы в России. Москва.

МАРИНА ЗАГИДУЛЛИНА
Chelabinsk State University

МЕДИАЭСТЕТИКА ПУСТЫХ ФОРМ: МАТЕРИАЛЬНАЯ ОСНОВА КУЛЬТУРНОГО НОМАДИЗМА В ЭПОХУ ПАНМЕДИАТИЗАЦИИ¹

Mediaesthetics of blank forms: the material basis of cultural nomadism in the era of panmediatization

Ключевые слова: медиаэстетика, новая материальность, виртуальность, пустая форма, форма и содержание, интернет-коммуникация

KEYWORDS: media aesthetics, new materiality, virtuality, empty form, form and content, Internet communication

ABSTRACT: The article is devoted to the concept of the “empty form”. This concept is considered from philosophical, communicative, sociological, artistic and cultural points of view. The author follows Aristotle’s philosophy of hylomorphism and “eidos” and its transformation into the 20th century theory of “new materiality” with the “emptiness of the center” and “assemblage of things” concepts, in the modern linguistic approaches and in art and creative industries (i.e. painting, architecture, literature). The metaphor “frame without painting” (G. Zimmel) helps us understand the social potential of the “empty form” concept (as a functional stimulus and condition of perception). The modern communication situation, characterized by a panmediatization of all sides of societal life and a penetration of media in all forms of sociality, provides a number of conditions leading to an increase of the role of “empty forms” (including creativity based on “ready-to-use” empty forms considered as “vacuums waiting to be filled”). Panmediatization makes possible “the cultural nomadism” as a rambling from one empty form to another one. Panmediatization creates a “cultural nomadism” that consists of rambling from one empty form to another. One can see how the panmediatized communication field organizes this rambling: any “cultural nomad”, or rambler, is provided an opportunity to create new senses and new objects in the virtually endless and timeless space of this field. The technical aspect nature of this field generates the phenomenon of media aesthetics – the process of never-ending creative activity and consumption and evaluation of its results, where the aesthetic judgement is embodied in the technical procedures of the panmediatized communication field (i.e. “likes” or “sharing” of social media).

¹ The publication has been support by Russian Science Foundation (project No. 16-18-02032).

1. Введение

В настоящей статье предлагается обзор исследовательских взглядов на проблему «пустой формы». Актуальность пустых форм в коммуникации возрастает в связи с дальнейшей экспансией цифровой культуры, однако изучение этого явления затруднено излишней фрагментацией научного сообщества и недостаточной плодотворностью междисциплинарных исследований, о чем пишет А. Киклевич, отмечая герметизм и парадигмальную «затерянность» современного польского и российского языкознания (Киклевич 2016). Между тем рассмотрение пустых форм сквозь оптику философии, социологии, искусствоведения, коммуникативистики, культурологии и новой материальности открывает широкие перспективы перед лингвистически ориентированными исследованиями современной коммуникации, которая все более высвобождается из-под власти текста и собственно языка как фонетического письма.

2. Философия «пустой формы»: от Аристотеля до Латура

Пустая форма – оксюморон, поскольку если есть форма, то это форма чего-то. Гилеморфическая модель (форма есть осуществление потенции, заключенной в материи), разработанная Аристотелем в «Физике», напрямую наследуется диалектиками (содержание всегда облечено в форму, которая и есть осуществление содержания). Однако в случае формовки этот оксюморон овеществляется и становится вполне логичной конструкцией – хотя сама форма и материальна, эта материальность носит вспомогательный характер, она не самодостаточна, а осуществляется в функции, позволяя придавать определенный вид какому-то чужеродному материалу, помещаемому в эту пустую форму. Ее для этого и создали – для формовки аморфного.

Ж. Бодрийяр, рассуждая о форме вещей новой технической эры, отмечает такой эффект, как их отчуждение от человека – растущее по мере роста функциональности вещи, утраты ею «артефактичности». При этом сам человек, окруженный функциональными вещами, «оказывается дисфункционален, иррационально-субъективен; отныне он – пустая форма, открытая для любых функциональных мифов и любых фантазматических проекций, связанных с оглушительной эффективностью внешнего мира» (Бодрийяр 2001, 65). Человек сам превращается в «проекцию» окружающих его вещей – он не «властелин мира», а следствие технической среды. Но – продолжая

мысль Ж. Симондона о взаимодействии формы и материи², позволяющем высвободить форму от материи, узреть ее самодостаточность – мы возвращаемся и к значимости бодрийяровского «пустоформного» человека (он, взаимодействуя со средой, обретает значение, «наполняется» смыслами). К подобным заключениям приходит и Квентин Мейясу, рассуждая о «пустом знаке» (или «бессмысловом знаке») как основе математизации природного мира, начатой с эпохи Галилея (Meillassoux 2012). Размышляя об объяснительной силе пустого знака, Мейясу говорит об онтологии таких бессмысловых полей (то есть их неизбежной «натурализации»).

Б. Латур в его трактате «Нового времени не было» подвергает критике «империю знаков» (период расцвета семиотики, семиологии, «лингвистического поворота»):

Здесь первенство принадлежит означающему, а означаемое движется вокруг него, будучи лишено каких бы то ни было привилегий. Текст становится первичным, а то, что он выражает, или то, что он передает, оказывается вторичным. Говорящие субъекты превращаются в многочисленные фикции, порожаемые эффектами смысла; что касается автора, то он не более чем артефакт своего же собственного письма (Латур 2006, 130).

С точки зрения «новой материальности» Латура и его последователей, единственный плодотворный путь к познанию мира – это описание сетей взаимодействия акторов, к которым должны быть отнесены и люди, и «не-человеки» (non-human). При этом Латур сближается с позицией критикуемой им точки зрения именно в вопросе материальности:

Пути продвижения фактов могут быть так же легко прослежены, как пути железных дорог или телефонные линии, благодаря той материализации духа, которую допускают мыслящие машины и компьютеры. Когда информация измеряется в байтах и бодах, когда мы становимся подписчиками банка данных, когда можно подключить или отключить раскинутую в пространстве умную компьютерную сеть, то становится все сложнее по-прежнему представлять универсальное мышление в виде духа, носящегося над водами (Латур 2006, 197).

Анализ Латура нацелен на обнаружение причин, следствий и самой процессуальности медиации – описания делегирования связей и отношений, вербальное «облачение» этого делегирования, за которым вскрывается суть общественного устройства как бесконечного синтеза гибридов (природного, социального, дискурсивного), заполняющего «пустующий центр».

² «Нужно суметь проникнуть в литейную форму с глиной, сделаться одновременно формой и глиной, прожить и прочувствовать общую для них операцию, чтобы смочь помыслить принятие формы само по себе» (Симондон 2011).

Эти размышления важны для всякого исследования медиаэстетики – поскольку позволяют обнаружить ее материальную основу (а для нашей статьи особенно значим симбиоз «пустой формы», «эстетизации» и «материальности» в панмедиатизированном пространстве). Собственно, «новое материальное» для Латура – как он говорит в своем эссе «Извините, вы не могли бы вернуть нам материализм?» (более точный перевод – «наш материализм») – это «материальный материализм» в противовес материализму «идеальному», а именно – вещи в их сборке, в связях, в которых они существуют (осуществляются). Единственный верный путь к постижению действительности и есть внимательное наблюдение за этими связями, их обнаружение и фиксирование. Однако – что и объясняет наш интерес к размышлениям философа о «материализме» – существенным концептом в теории Латура является плазма – несобранная часть социального (в том расширительном акторно-сетевом понимании самого термина «социальное», что предлагает Латур).

Латуровская плазма вполне может рассматриваться как эквивалент «пустого места» (хотя его определение ближе к аристотелевой материи, обладающей потенцией осуществления). Но именно неопределенная материальность «пустого» и есть эквивалент литейной формы, о которой говорит Симондон (вслед за Аристотелем).

3. Эйдос без контекста и рама без картины

Словом «эйдос» Аристотель (переиначивая платоновскую «идею») как раз и обозначает форму. Постигание эйдоса и есть постижение вещи, ее сути. При этом эйдос – это действие над материей, воля к осуществлению ее потенций. В лингвистической теории обнаруживаем интересную интерпретацию этого понятия – «лексический эйдос»:

Если мы освободим семантику слова от специфических характеристик, то можно говорить об абсолютно пустой форме «чего-то в общем», «формы в общем». Именно это мы называем эйдосом слова. Лексический эйдос формируется как результат множества манифестаций контекстуальных значений (Pesina/Kostina 2015, 34).

«Извлечение» из слова лексического эйдоса есть действие, направленное на генерализацию его значения, что представляет собой опустошение – остается пустая форма, оболочка, которая предопределяет содержание в самом общем смысле. Это актуализация слова вне контекста – как сумма всех возможных контекстов. И тем не менее в этой пустой форме есть своя

специфика, уникальность, которая позволяет носителю языка «чувствовать», что можно «сделать» с таким словом. Мы могли бы продолжить мысль Песиной и Костиной и предложить дальнейшие пути генерализации (опустошения): например, в сленге можно обнаружить актуализацию лексических эйдосов – независимо от узувального значения слову в контексте может быть присвоено новое значение, но оно оказывается «упаковано» в эйдос, предусмотрено им. О пустой форме в том же значении говорит У. Блум в исследованиях детской речи (Bloom 1973); эту идею развивает далее Л. Леонард (Leonard 1975). Об эйдосе пустых форм рассуждает М. Рейнгольд применительно к архитектуре (философия «пустой формы» перетекает в социальную политику:

При глобальном капитализме смысл и полезность (не говоря уже об «опыте») являются концептуально пустыми категориями – они остаются скрытыми в сентиментальных попытках чествовать «новизну» как самооценку, постоянно стремясь к новым значениям, новым способам пользования, новым технологиям или новому опыту (Reinhold 2008, 18).

Здесь уместно привести размышления В. Кандинского о пустых формах в живописи – для художника, считающегося во всем мире главным теоретиком абстрактного искусства, абстракционизм и был пустой формой, освобождающей картину от фигуративности, а цвет – от вспомогательных функций имитации реальности: «Для того чтобы свет раскрылся, необходимо освободить его от реальной формы» (Kandinsky 2007, 311). Г. Фридель замечает о поэтическом наследии Кандинского: «В некоторых своих «поэмах» Кандинский не учитывал значения слов, наслаждаясь чувственностью звуков и звучанием слов и слогов» (Фридель 2009, 24). Это выход к цветовому эйдосу – но одновременно и создание новой «рамы» для цвета и звука. Например, Кандинский замечает: «Светло-красный – вызывает ощущение силы, энергии, устремленности, решительности, радости, триумфа (шумного) и т. д. Музыкально он напоминает звучание фанфар с призывом трубы. / Цвет человеческого тела» (Kandinsky 2007, 256). Цвет свободен от фигуративности, он перестает быть посредником (вспомогательным инструментом), он сам обретает значение (в определенном смысле, эйдос цвета – рама, определяющая смысловую тональность изображения). Искусство ищет такие формы, где оно становится самим собой – и старый тезис «искусство для искусства» обретает новое дыхание: если искусство станет посредником-транслятором какой-либо формы мимесиса, то оно утратит свою суть и умрет.

Применительно к искусству словесности интересные наблюдения находим в статье А. Блюмбаума о «Восковой персоне» Ю. Тынянова. Исследователь полемизирует с критическим и скептическим мнением Л. Гинзбург об этом произведении:

Гинзбург вводит довольно жесткое противопоставление «полноты» «содержания», некоего постоянного референта исторической прозы, и «формы», пустого «упаковочного материала» приемов: литература и история ставятся в отношения означаемого / означающего, которые в случае «Восковой персоны» оказываются роковым образом оторванными друг от друга. Приписывая «форме» исключительно инструментальный, вспомогательный характер по отношению к истории / содержанию, Гинзбург как бы перечеркивает специфичность литературной семантики и автономность литературы, легитимность ее обращенности на себя и свои собственные «способы производства», направленность литературной речи на собственные «орудия», если воспользоваться словом Мандельштама (Блюмбаум 2001, 133).

Для Блюмбаума важно вскрыть свободу Тынянова от «обязательности исторического содержания», показать его работу с возможностями слова как самодостаточной стихии искусства словесности – и в этом мастерство Тынянова-прозаика конгруэнтно мастерству Кандинского-художника.

Можно вспомнить и «борьбу» Батюшкова за эстетизацию русского языка (поэт тщательно очищал свои стихи от слов, в которых встречались, по его мнению, вульгарные, грубые, неэстетичные звуко сочетания), и слова О. Э. Мандельштама из письма Н. С. Тихонову от 31 декабря 1936 года о стихотворении «Отчего все неудачи»:

В этой вещи я очень скромными средствами при помощи буквы «ща» и еще кое-чего сделал (материальный) кусок золота. Язык русский на чудеса способен, лишь бы ему стих повиновался, учился у него и смело с ним боролся (цит. по: Успенский 2014, 8).

Успенский говорит об «иконической поэтике» – когда эйдос слова вымещает смысл, точнее, замещает его.

Образ «рамы (без) картины» из статьи Г. Зиммеля помогает рассмотреть другую сторону пустой формы – это способ извлечения из текущей действительности отдельного фрагмента, остановки вечно меняющегося пространства и времени. Вот почему сама рама становится объектом пристального внимания: «Границы в природе – это лишь место непрерывных экзосмосов и эндосмосов со всем, находящимся по ту сторону, а для произведения искусства – это та абсолютная замкнутость, которая в одном акте соединяет направленные вовне безразличие и оборону и направленное вовнутрь унифицирующее объединение. Рама картины в свою очередь символизирует и усиливает эту двойственную функцию его границ. Она отделяет его от всего окружающего и, следовательно, от зрителя, помогая тем самым установить дистанцию, благодаря которой только и возможно эстетическое наслаждение».

Зиммель проводит параллель с социальностью мира – двойственная функция рамы оказывается аналогом сложного взаимодействия индивидуума («бытие-в-себе») и общества. Это сопоставление может быть основой рассуждения о раме как пустой форме – она одновременно самодостаточна (наполнена) и пуста – открыта для наполнения. Именно эта двойственность пустой формы и актуализируется в панмедиатизированном культурном пространстве. Рама есть материальная основа превращения картины в остров – по словам того же Зиммеля. Он прибегает к скрытой отсылке к дарвиновскому концепту естественного отбора – рама есть способ выживания произведения искусства среди множества конкурирующих за внимание взгляда предметов и явлений:

[...] Становится понятной давно оправдавшая себя практика вставлять маленькую картину в широкую [...] более энергично воздействующую раму. Ибо опасность затеряться в непосредственном окружении и недостаточно самостоятельно выступить против него должна быть встречена более сильными средствами изоляции, чем это требуется для очень большой картины, которая сама по себе уже заполняет значительную часть зрительного поля. И поскольку последней нет нужды опасаться конкуренции со стороны окружения для самостоятельной значимости производимого ею впечатления, ее отграниченность рамой может быть минимальной (Зиммель 2006, 51).

Рама картины, по Зиммелю, – это именно функциональная вещь. Однако из подзаголовка его статьи («эстетический опыт») и внимательного рассматривания материала, конфигурации и орнамента рамы вытекает мысль о самодостаточности рамы как эстетического объекта. Мы могли бы говорить об эйдосе рамы – она есть воплощение шаблона, берущего на себя задачу смыслопроизводства.

4. Панмедиатизация: базовая логика действительности становится прозрачной

Смена хорошо разработанного концепта «медиатизации» понятием «панмедиатизации» диктуется не только стремительным развитием самих медиа (их мобильных форм и социальных платформ), но и новым витком развития философии. Хотя Дж. Ло, Э. Руперт и М. Савадж – ближайшие сторонники идей Б. Латура – замечают, что всеобщая дигитализация («оцифровка действительности») должна рассматриваться как следствие (и одновременно фактор) всеобщих связей, где актором может быть природное, человеческое, техническое, цифровое, влияя на методы социальных наук, и не использует

понятие медиатизации совсем (а тем более понятие памедиатизации), тезис о вездесущности медиа оказывается в центре их рассуждений. Они не подвергают этот тезис никаким вопрошаниям, изначально принимая его как данность. Оцифровка действительности, с точки зрения Ло, ведет к следующим серьезным последствиям в исследовании мира: теперь исследователь имеет дело с непрерывно меняющимся ландшафтом действий, который ранее выглядел как сопоставление «данных такого-то года», а теперь может браться в расчет как постоянно отслеживаемый ритм дыхания масс; при этом основной принцип прежней социологии («выборка») подменяется принципом анализа генеральной совокупности; возникает возможность новой фрагментации общества – вплоть до индивида, который с помощью цифровых анализаторов предстает как монада общего цифрового действия; при этом такие методы, как опросы и интервью, уходят в прошлое вместе со своим несовершенством (постоянной угрозой «фальшивых» ответов, не отражающих истинной ситуации); мы больше не нуждаемся в экспертах – специалистах по социологическим опросам, на смену им приходят эксперты-инженеры, специалисты программного обеспечения, другими словами – «сервисеры» медиа, которые в настоящем времени реорганизуют социальное пространство.

Если теория медиатизации (Hjarvard 2008; Strömback 2008; Hepp/Krotz 2014; Livingstone/Lunt 2014) представляла собой переходный конструкт для характеристики общества, движущегося от стадии хабермасовой публичной сферы (формируемой в том числе с помощью СМИ – автономных институциональных площадок, призванных артикулировать и вербализировать общественные проблемы) к обществу свободной разнонаправленной коммуникации, стимулирующему (и заставляющему) все социальные институты принимать логику масс-медиа как базовую (см. подробнее: Ярская-Смирнова /Романов 2013), то теория панмедиатизации переводит нас на принципиально иной уровень осмысления происходящих процессов. Прежде всего, актуализируется принцип, сформулированный М. Дезом, о тотальном распространении медиа как основе исчезновения медиа совсем (превращения их в «атмосферу», окружающее пространство, их вездесущность и неосязаемость, см. Deuze 2014). При этом принцип трансфера «логики масс-медиа» на все формы общественной жизни трансформируется, поскольку из логики СМИ (в институционально-традиционном виде) превращается в логику Web 2.0, характеризующуюся, по словам Х. ван Дика и Т. Поэлла, четырьмя главными особенностями: программируемостью (programmability), популярностью (popularity), связностью (connectivity) и упакованностью данных (datafication) (Van Dijck/Poell 2013). Панмедиатизация, вначале проявившаяся на уровне экстенсивности как проникновение в сферы, ранее закрытые для публичного рассматривания и обсуждения (Загидуллина 2016), в настоящее время переживает период интенсификации, усложняя и разветвляя (медиа)

опосредованные связи между акторами и внедряя логику 2.0 повсеместно: от негласных правил субкультурных групп и отдельных страт, включая поведение дошкольников, до правительственных действий и стратегий.

Именно панмедиатизация и становится средой (субстратом) развития и гегемонии пустых форм. Четыре (технических) принципа, лежащие в ее основе, предполагают парадоксальную комбинацию противонаправленных характеристик: программируемость задает гегемонию протокола и – как следствие – шаблонизацию и «пустоформальные» протоколы, бланки, формы, а популярность требует уникальности, новизны, креативности, нарушения горизонта ожидания; «датафикация» (в узком смысле слова – постоянная опора разделяемой информации на большие данные, а в широком – фиксирование коммуникации, создание бесконечных по глубине архивов данных) открывает возможность как черпания информации в прошлом, так и проверки появляющихся высказываний, мнений, фактов на их истинность/мнимость, уникальность/заимствованность, а связность требует разделения информации с другими (и тем самым создает условия для умножения сущностей, создания информационных «хайпов», постоянного реплицирования уже существующих в сети данных). Но эти противоречия прекрасно уживаются и образуют каркас панмедиатизированной действительности: логика Web 2.0 проникает во все сферы жизни, стимулируя, провоцируя и оформляя творческую потенцию самого разного свойства. Именно так и обеспечивается торжество пустых форм: известное выражение М. Маклюэна (2003) «средство сообщения само есть сообщение» (оксюморон “the medium is the message”) обретает новый смысл, поскольку мы можем усматривать в нем не философию техники, а идеологию пустоты как вакуума, провоцирующего свое заполнение. А. Киклевич, анализируя функционирование стереотипов как «когнитивного фольклора», вводит понятие прецедентного коммуникативного контекста («речь идет о таких коммуникативных ситуациях (обычно с участием СМИ), в которых актуализируются определенные представления о мире и убеждения членов некоторой культурно маркированной социальной группы» – Киклевич 2009, 105). В ситуации панмедиатизации прецедентный коммуникативный контекст (как все та же рама без картины или пустая форма) начинает оформляться не за счет СМИ, а благодаря мгновенной, стройной, фиксируемой передаче оцифрованной информации большими массами людей, неорганизованных никакими другими способами, кроме социальных сетей и Интернета. Если в случае с масс-медиа «старого типа» (имеющих редакцию и редакционную политику) мы могли говорить о грубых манипуляциях, то в случае с социальными медиа возникают новые типы ансамблей мнений, конструктивное управление которыми прежними способами становится все менее возможным: когнитивный фольклор работает как скоморох.

Панмедиатизация как глобальный феномен (Интернет и социальные сети сегодня охватывают значительную часть населения планеты) становится возможной благодаря техническому ландшафту, который складывается повсеместно, преодолевая местные особенности и национальную специфику. Однако первичность технических условий очевидна: вначале развивается коммуникационное поле и способ сообщения акторов между собой, а потом получают возможность осуществляться все остальные аспекты деятельности, в том числе и языковые, и социальные.

5. Культурный номадизм: перетекание в пустые формы

Образ номада, скитающегося по одинаковым, как близнецы-братья, городам в поисках острых ощущений и впечатлений, создан Ж. Аттали в его книге «На пороге нового тысячелетия». Рассуждая о бурном развитии технологий, Аттали говорит о стремлении изобретателей угадать и воплотить скрытые желания потребителей. В конце XX века таким скрытым желанием становится тяга к номадизму – скитальчеству, путешествиям. И технolandшафт начинает жить по законам «номадических предметов» – все становится портативным, компактным, легким, носимым. Аттали прекрасно предвидит технологический виток (например, «носимые гаджеты» и «интернет вещей» – Аттали, 1993). Но его метафора «номадических орд нового тысячелетия» полезна как инструмент, помогающий обнаружить и культурные механизмы.

Здесь вполне уместно понятие «культурного номадизма» применительно к рассматриваемому в этой статье понятию «пустой формы»: пустые формы (или материализованные эйдосы объектов) создают технические условия номадизма, миграции культурных смыслов. Д. Кэмпбелл в «Тысячеликом герое» говорит об этом механизме применительно к искусству слова: он ищет эйдос эпосов, обнаруживая две ключевые пустые формы: сотворение мира и становление героя (личности). Литературные сюжеты «кочуют» от одной формы к другой, обретая тысячи лиц, но оставаясь сюжетами о том же самом (Кэмпбелл 2016). При этом читатели не устают читать все новые истории, наполняющие эти пустые формы. И даже напротив, читатели потому и читают, что обладают пустой формой, заключают ее в себе, как готовую матрицу, структурирующую элементы в определенном порядке. Механизмы культурного номадизма помогают обнаружить в бесчисленном количестве культурных явлений упорядоченность и логику, космос смыслообретения.

Однако сам принцип скитальчества предопределен утратой важного компонента – телеологии, направленности, цели. Путешественник совершает свое движение от одного пункта к другому всегда по кругу, возвращаясь домой.

Путешествие есть осуществление желания, поэтому оно не обязательно. Странник или скиталец движется по той причине, что не может оставаться на прежнем месте, его гонит нужда, потребности, элементарная задача выжить. Скитальчество всегда есть осуществление необходимости, часто против желания самого скитальца. Продолжая эту мысль применительно к культурному номадизму, мы можем сказать о неизбежности, предопределенности перетекания культурных смыслов из одной пустой формы в другую – культура не может существовать в застывшей форме, оставаться в неизменной позиции вечно. Дистанцированные от нас во времени культурные объекты, когда-то созданные как заполнение пустой формы, наполняются новыми смыслами и реинтерпретируются современной культурой, превращаясь в пустые формы и провоцируя эти новые интерпретации. Таким образом, постоянен процесс переозначивания форм и смыслов, их взаимосвязанности, когда один и тот же сюжет реализуется в совершенно разных смысловых координатах, наполнив собой разные пустые формы, и когда в одну и ту же пустую форму перетекают разные сюжеты.

Для современной ситуации, когда панмедиатизация устанавливает свои законы функционирования социума, культуры, природы, техники, культурный номадизм может рассматриваться как основа медиаэстетики пустых форм: это его материализация, овеществление.

6. Медиаэстетика: к вопросу о материальности оцифрованного мира

Вопрос о медиаэстетике возникает в связи с основными вызовами панмедиатизации и постлингвистическим поворотом: если вся коммуникация перемещается в медиа (социальные сети и разные формы коммуитарно-ориентированных мобильных, игровых приложений и тому подобных платформ), представляющие собой бесконечно обновляющиеся системы инструментов, стимулирующих и провоцирующих новые формы креативной коммуникации, то не исчезает ли собственно пространство искусства, отграниченного от обыденности и выгороженного из ежедневности, не станет ли и оно лишь одним из элементов коммуникации на тех же платформах? Например, пользователи постят репродукцию Джоконды и ставят лайки под ее изображением; собственно оригинал, физически находящийся в Лувре, подменяется его виртуальной, цифровой копией. Это явление эстетического, медиаэстетического или коммуникационного порядка? В свою очередь, постлингвистический поворот, философски отмеченный Б. Латуром, предполагает не только кризис фонетического письма (и вместе с ним – текста как такового, в его привычно-«книжном» понимании; об этом подробно также: Маклюэн 2003),

но и собственно кризис интерпретационного (исследовательского, критического, экспертного) дискурсов. Изображение, наступление которого на заре всеобщей сетевизации воспринималось в наивно-реалистических категориях «нового варварства», требует трансформации языка, его анализирующего, все более разворачивая исследователей к союзу с биологией перцепции. И именно этот вызов рациональности со стороны сенсорики и позволяет говорить о материальности медиаэстетики – это движение эстетики в сторону перезагрузки ее базовых категорий применительно к цифровой среде.

Плодотворным кажется нам подход А. Мюнстер в ее книге «Материализуя новые медиа: воплощение в информационной эстетике» (Munster 2011). Исследовательница опирается на анализ барокко через концепт «складки» у Лейбница (вслед за Делезом). В барочном искусстве правильнее видеть не классические эстетические категории, а процессы: становление, разрушение, смешивание, переходы, и при этом суть не в самих процессах (не они объект наблюдения), а в ощущениях, эмоциях, сенсорике, возникающих при встрече этих процессов с воспринимающим сознанием. В свою очередь, эти ощущения и эмоции и есть главный материал барокко, стремящегося их материализовать в разных искусствах. Если В. Живов замечает, что «эстетика барокко становится энигматичной; энигматичность, как и другие черты барочной культуры, подчеркивается и сознательно культивируется. Читатель (или зритель) как бы вовлекается в творческий процесс, его восприятие намеренно активизируется» (Живов 2007, 13), то Мюнстер указывает на эстетизацию и технологичность этой энигматичности:

Эстетика [новых медиа] как барочное событие скорее процессуальна, чем категориальна и артикулируется как различные состояния восприятия и ощущений... эти состояния неотделимы от социального и технического контекста. Более того, эстетика в современной культуре не может возвышаться над техническим [machine] и оставаться неколебимой этим техническим; именно техническое и есть в самом сокровенном смысле организатор наших непосредственных ощущений (Munster 2011, 151).

Этико-эстетическая парадигма информации (Munster 2011, 150 ссл.) или (шире) современной коммуникации – это попытка теоретизировать феномен мгновенной этической оценки эстетического впечатления в категориях *прекрасного / безобразного* как *хорошего / плохого* или в категориях вкуса (так, исследователи говорят о 50 миллисекундах, в течение которых потребитель информации дает вкусовую оценку страницы сайта в Интернете – см. Lindgaard/Fernandes/Dudek et al. 2006). Таким образом, в оценочный комплекс включаются самые разные факторы, среди которых и «первый взгляд» на страницу с оцифрованной информацией (объектом). Это материальная

сторона эстетики – материя, воспринимаемая органами чувств, декодируется на уровне вкуса и переводится на уровень оценки. Если учесть, что оцифровка позволяет дизайнеру, производителю высказывания использовать симультанно несколько видов медиа, совмещая их в рамках одного послания/объекта, то категория «первого взгляда» и эстетической (материальной, вкусовой) оценки становится в виртуальных коммуникациях особенно значимой.

Возвращаясь к теме пустой формы, отметим, что медиаэстетика реализуется как наполнение пустых форм гибридным содержанием – каждый раз новым и одновременно соответствующим предлагаемым техническим шаблонам. Понятие технического, машинного, инструментального включаются не только в производство эстетических объектов, но и в процесс их потребления. Яркий пример культурного номадизма и материальности пустых форм – интернет-мем. Если Л. Шифман в своей монографии выявляет три конституирующих определение интернет-мема позиции («это а) группы оцифрованных единств, обладающие общими формальными, содержательными и (или) позиционными характеристиками, которые б) создавались с расчетом друг на друга и в) были распространены, скопированы и (или) трансформированы в Интернете многими пользователями» – Shifman 2014, 41), то П. Варис и Дж. Блуммаэрт отмечают именно «пустоту» интернет-мема (как и интернет-коммуникации в целом), говоря о фатической функции как доминирующей (сам процесс нажатия кнопок «нравится» и «поделиться» относится к числу фатических действий, несущих эмблематическое значение соучастия, а не смыслового погружения в контент, которым пользователь делится или который отмечает как понравившийся – Varis, Bloomaert 2015). В статье Варис и Блуммаэрта предлагается также смотреть на создание и распространение мемов как на процесс, не касающийся понимания, рассматривания, погружения в их содержание, – это такое же действие, как “лайк”, и оно имеет своим назначением исключительно сообщение о дружелюбии, в конечном итоге, и создающем социальную группу в интернет-пространстве. Медиаэстетический компонент в меме работает как материальная основа этой фатической коммуникации, позволяющая различать своих и чужих, друзей и врагов.

7. Заключение

В настоящей статье предпринята попытка кросс-дисциплинарного анализа такого феномена, как пустая форма, применительно к современной коммуникации и ее виртуальным формам. Ячейка, соты, сети – все эти технико-инженерные понятия в философской перспективе могут быть рассмотрены

именно в логике пустых форм, обеспечивающих свое наполнение самим фактом своего существования. С этой точки зрения культурные паттерны предстают в виде номадических сущностей, перетекающих из одной формы в другую, создавая сети и связи не самих своих субстанций, но этих переходов и перетеканий. Пустая форма есть одновременно материализация коммуникации и ее обещание. Панмедиатизированная коммуникация представляет собой материально-технически обусловленную систему взаимодействий, где сама эта «техническая экипировка» задает формы и границы эстетических качеств информационного обмена. Пустые формы как шаблоны для творческой активности одновременно становятся своеобразными «правилами коммуникации». «Культурный номадизм» при этом может быть рассмотрен и как скитальчество от одной пустой формы до другой самого созидателя новых смыслов и эстетически значимых объектов, так и потребителя таких смыслов, чье внимание организовано знанием и пониманием пустых форм.

Библиография

- Аттали, Ж. (1993), На пороге нового тысячелетия. Москва.
- Блюмбаум, А. (2001), Конструкция мнимости: К поэтике «Восковой персоны» Ю. Тынянова. В: Новое литературное обозрение. 1 (47), 132–171.
- Бодрийяр, Ж. (2001), Система вещей. Москва.
- Живов, В. (2007), К типологии барокко в русской литературе XVII – начала XVIII в. В: Человек в культуре русского барокко. Москва, 11–31.
- Загидуллина, М. В. (2016), Ключевые черты медиаэстетики: ментально-языковые трансформации. В: Челябинский гуманитарий. 2 (35), 46–54.
- Зиммель, Г. (2006), Рама картины. Эстетический опыт. В: Социология вещей. Москва, 48–53.
- Киклевич, А. (2009), Стереотипы в структуре межкультурной коммуникации. В: Шайдулов, В./Киклевич, А. (ред.), Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации. Санкт-Петербург/Ольштын, 100–116.
- Киклевич, А. (2016), Современное польское и русское языкознание в свете социологии науки. В: Przegląd Wschodnioeuropejski. VII/2, 269–279.
- Кэмпбелл, Д. (2016), Тысячеликий герой. Москва.
- Латур, Б. (2006), Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. Санкт-Петербург.
- Латур, Б. (2014), Извините, вы не могли бы вернуть нам материализм? В: Логос. 4 (100), 265–274.
- Маклюэн, М. (2003), Постигание медиа: внешние расширения человека. Москва.
- Ярская-Смирнова, Е. Р./Романов, П. В. (ред.) (2013), Публичная сфера: теория, методология, кейс-стадии. Москва.
- Симондон, Ж. (2011), О способе существования технических объектов. В: Транслит: альманах. 9, 94–105.
- Успенский, Ф. Б. (2014), Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама: «Соподчиненность порыва и текста». Москва.
- Фридель, Г. (2009), Открытие абстракции. В: Фридель, Г./Хоберг, А. (ред.), Василий Кандинский. Москва, 21–27.
- BLOOM, U. (1973), One Word at a Time. New York.
- DEUZE, M. (2014), Media Life and the Mediatization of the Lifeworld. В: Mediatized Worlds: Culture and Society in a Media Age. London, 207–220.

- HEPP, A./KROTZ, F. (Eds.) (2014), *Mediatized Worlds: Culture and Society in a Media Age*. London.
- HJARVARD, S. (2008), The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change. B: *Nordicom Review*. 29 (2), 105–134.
- KANDINSKY, W. (2007), *Die gesammelten Schriften, 1889–1916*. München.
- LEONARD, L. B. (1975), On differentiating syntactic and semantic features in emerging grammars: evidence from empty form usage. B: *Journal of Psycholinguistic Research*. 4 (4), 357–364.
- LINDGAARD, G./FERNANDES G./DUDEK, C. et al. (2006), Attention web designers: You have 50 milliseconds to make a good first impression! B: *Behaviour & Information Technology*. 25 (2), March–April, 115–126.
- LIVINGSTONE, S./LUNT, P. (2014), Mediatization: an emerging paradigm for media and communication studies. B: Lundby, K. (Ed.), *Mediatization of Communication. Handbooks of Communication Science* (21). Berlin, , 703-724.
- MEILLASSOUX, Q. (2012), *Iteration, Reiteration, Repetition: A Speculative Analysis of the Meaningless Sign*. Freie Universität, Berlin, Robin Mackay, translator. URL: <http://www.spekulative-poetik.de/buch-reihe.html> (access 12.07.2017).
- MUNSTER, A. (2011), *Materializing New Media: Embodiment in Information Aesthetics*. New York.
- PESINA, S./KOSTINA, N. (2015), Eidetic analysis in Phenomenology as Try to Solve Polysemy Problem. B: 2nd Global Conference on Linguistics and Foreign Language Teaching, LINELT-2014. Dubai, 33–37.
- REINHOLD, M. (2008), Empty Form (Six Observations). B: *Log*. 11 (Winter), 15–21.
- RUPPERT, E./LAW, J./SAVAGE, M. (2013), Reassembling social science methods: the challenge of digital devices. In: *Theory, Culture & Society*. 30 (4), 22–46.
- SHIFMAN, L. (2014), *Memes in Digital Culture*. Cambridge.
- STRÓMBACK, J. (2008), Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics. B: *Press/Politics*. 13 (3), 228–246.
- VAN DIJCK, J./POELL, T. (2013), Understanding social media logic. B: *Media and Communication*. 1 (1), 2–14.
- VARIS, P./BLOMMAERT, J. (2015), Conviviality and collectives on social media: Virality, memes, and new social structures. B: *Multilingual Margins*. 2 (1), 31–45.

ВЛАДИМИР ФЕЩЕНКО
Институт языкознания РАН

Р. ЯКОБСОН КАК АГЕНТ КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА МЕЖДУ ЛИНГВИСТИКОЙ И ЛИТЕРАТУРНЫМ ЭКСПЕРИМЕНТОМ¹

R. Jakobson as Mediator of Cultural Transfer between Linguistics and Literary Experiments

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: номадизм, культурный трансфер, Р. Якобсон, концепт, эксперимент

KEYWORDS: nomadism, cultural transfer, R. Jakobson, concepts, experiment

ABSTRACT: The article analyzes one of the forms of nomadism in the intellectual world, which is called cultural transfers. One of the directions in the study of cultural transfers is the migration of concepts and notions between scientific knowledge (in this case linguistic) and literary experience (mainly experimental). The article is devoted to one of such migration trajectory from the perspective of interdiscourse methodology. We discuss the works of one of the agents of cultural transfer in the field of linguistics – R. Jakobson. The task of the article is to draw a trajectory according to which the linguistic concepts of Jakobson intertwine with parallel processes in literary (mainly poetic) experiments. The analysis concludes that precisely in connection with close contexts and transfers between poetry and linguistics, the Russian science of language represented by Jakobson develops a view of literature as a special language and a special communicative system. This trend is not typical for the Anglo-American linguistic tradition of the twentieth century, the quintessence of which in the middle of the century was represented in the theories of N. Chomsky and his circle.

В данной статье пойдет речь об одной из форм номадизма в интеллектуальном мире, которая получила название культурных трансферов. Под культурным трансфером понимается процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами. Акцент в теории культурного трансфера делается не просто на одновременном изучении нескольких социокультурных пространств, но на анализе вкраплений, интерференций, гибридизаций, трансформаций, которые при соприкосновении культур проявляются равно в воздействующей и в принимающей культурах. В отличие от межкультурной коммуникации в общем виде, направленной на облегчение общения между представителями разных культур и сравнительное изучение

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130).

двух отдельных национальных традиций, методология культурного трансфера предполагает исследование механизмов «культурного перемещения» смыслов – тех концептуальных трансформаций, которые возникают при их «импортировании» и «экспортировании» из одной культуры в другую. При таком подходе значимыми являются не столько национально-специфические особенности той или иной культуры или того или иного дискурса, сколько выявляемые траектории «миграции концептов» при взаимодействии двух или более языков. Тем самым демонстрируется, в какой мере какое-либо лингвоспецифическое или идионациональное явление оказывается в действительности сплавом разных культур, взаимовлияний и дискурсных смещений.

Данная теория первоначально была разработана в 1980-е гг. в довольно узком контексте истории литературы французскими литературоведами и историками М. Эспанем и М. Вернером. В самое последнее время эта теория находит применение в широкой сфере исследований культуры. Так, в недавних исследованиях Эспаня теория культурного трансфера применена к истории искусства (Espagne 2009) и к истории немецко-российских связей в гуманитарной науке (Espagne 2014). Понятие культурного трансфера отсылает, таким образом, и к эмпирическому плану исследований, и к методологической ориентации самого исследователя, затрагивая широкий спектр гуманитарных и общественных наук. Исследование культурных трансферов предполагает изучение взаимодействий между культурами и сообществами – а также между различными фракциями и группами внутри одной или нескольких культур – в их динамическом развитии.

Важно отметить, что культурные трансферы никогда не билатеральны в чистом виде, а всегда многонаправленны. В этом смысле данная теория в общем виде согласуется с номадологией Ж. Делеза и Ф. Гваттари, с ее отказом от бинарных оппозиций в пользу разветвленных структур и динамических процессов. В последние годы развивается лингвистическая теория культурных трансферов (Фещенко 2016). Одно из направлений в изучении культурных трансферов – миграция понятий и концептов между научным знанием (в интересующем нас случае лингвистическим) и литературным опытом (главным образом, экспериментальным). На одной из таких траекторий миграции мы остановимся в данной статье. Причем остановимся на фигуре одного из агентов культурного трансфера в области лингвистики, а именно на фигуре Романа Осиповича Якобсона. Как известно, Якобсон очень много передвигался в течение своей научной карьеры, и не только географически и культурно, но и, скажем так, научно-парадигматически. Нашей задачей будет прочертить траекторию, по которой лингвистические концепции Якобсона сопрягались с параллельными процессами в литературном (главным образом, поэтическом) эксперименте.

Обратимся к первым опытам молодого Якобсона еще в кругу Московского лингвистического кружка. Уже в 1912 г. он знакомится с манифестом футуристов «Пощечина общественному вкусу» и начинает анализировать стихи русских будетлян. Прежде чем выпустить свою замечательную работу о В. Хлебникове, он состоял в переписке с будетлянином, где «обкатывал» свои идеи и одновременно экспериментировал с материалом. Известны заумные стихи Якобсона под псевдонимом Алягров, написанные им совместно с А. Крученых. Гораздо позже он сам называл их «грехами шестидесятилетней давности», но на момент середины 1910-х они служили лабораторными опытами юного лингвиста в поисках сущности слова как такового и моделью перехода от по-хлебниковски понимаемого «самовитого слова» к концептуальной формуле «поэтический язык как язык с установкой на выражение» (Якобсон 2012, 190):

мзглыбжвуо йихъяньдрю чтлэщк хн фя съп скиполза
а Втаб-длкни тьяпра какайзчди евреец чернильница.

В одном из писем Хлебникову от 1914 г. Якобсоном обсуждается создание новой азбуки совместно с будетлянином и приводится «образчик новой поэзии», составленный из «сплётгов букв», напоминающих музыкальные аккорды (Рис. 1).

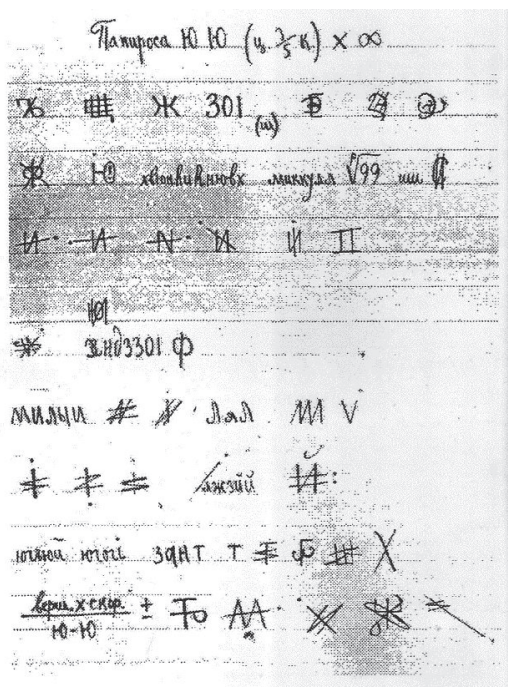

Рис. 1. Фрагмент составленного Р. Якобсоном «образчик новой поэзии»

Якобсон тут же в письме признается в том, что такие эксперименты – трамплин для новых идей в искусстве: «Далее, эти сплётывания не могут быть вполне приемлемы физически, но доля неприемлемости – необходимая предпосылка нового искусства» (там же, 115). Нового искусства – но и новой науки о нем. Якобсон в воспоминаниях отмечает, что занялся наукой, будучи вдохновленным сначала французским символизмом А. Рембо и С. Малларме, а затем радикальной поэзией русского футуризма:

И ясно рисовался единый фронт науки, искусства, литературы, жизни, богатый новыми, еще не изведенными ценностями будущего. Казалось, творится новозаконная наука, наука как таковая, открывающая бездонные перспективы и вводящая в обиход новые понятия – понятия, о которых тогда говорилось, что они не укладываются в привычные рамки здравого смысла (там же, 22).

В частности, Якобсон много размышляет о понятии «относительности» в связи с А. Эйнштейном (понятии, несколько позже вошедшем и в лингвистику в форме «гипотезы лингвистической относительности»). После 1916 года, когда во Франции выходит «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра, с детства владеющий французским языком Якобсон тут же откликается на его теорию, и причем в первоначально в неожиданных контекстах. Например, он признается, что на мысль о разложении фактуры и обнажении приема в живописи кубизма его сподвигло именно соссюровское различие синхронии и диахронии. Характерно название одного из его эссе: «Футуризм как эстетическая и научная система», т.е. Якобсон мыслит сразу и в научных понятиях, и в художественных ощущениях и, соответственно, видит в футуризме не только эстетический опыт, но и научный поиск. Сам он в дальнейшем сосредоточивается на «науке как таковой», не переставая черпать идеи из авангардных опытов. Как точно отмечает Т. Гланц, «триада “формализм – авангард – революция” была органичным сочетанием трех аспектов одного явления» (Гланц 2016, 106; см. об этом также: Pomorska 1968; Pomorska et al. 1987).

Первые случаи употребления терминов «поэтический язык», «поэтическое высказывание» и «поэтическая функция» связаны у Якобсона с анализом текстов Ф. Т. Маринетти и Хлебникова. В противовес общественному и научному мнению своего времени, Якобсон выделяет творчество русского будетлянина как наиболее соответствующее языковой практике революционной эпохи. Аномальные с точки зрения литературной традиции и русской языковой диахронии, стихи Хлебникова открывают исследователю языка новое видение его предмета. Впервые лингвистика обращается не только к фактам живого языка в их синхронных изменениях, но и к языку актуальной литературы, к «поэтическому языку современности», по формулировке

Якобсона. Авангард поэтический обуславливает научную революцию в языкознании. Так, именно в этих опытах анализа рождается теория языковых функций (коммуникативная, эмоциональная, поэтическая и т.д.), которая станет парадигмообразующей в функционализме Пражской лингвистической школы. То, что в предыдущей парадигме (представленной его учителем И. Бодуэном де Куртенэ) считается внеязыковым (словоновшества футуристов) и вредным для языкового развития, признается в рамках парадигмы новой, наоборот, потенциально продуктивным для языкового творчества. Этой новой парадигмой стал формальный метод. Впрочем, для Якобсона он был лишь одним из этапов научного становления.

Следующим этапом был Пражский лингвистический кружок и структурализм. Якобсон едет в Прагу, незадолго до того написав с Ю. Тыняновым тезисы в Новом Лефе «Проблемы изучения литературы и языка» (1928). В них появляются понятия «структурности» и «функциональности»:

История литературы (*resp.* искусства), будучи сопряжена с другими историческими рядами, характеризуется, как и каждый из прочих рядов, сложным комплексом специфически-структурных законов- $\ddot{a}$ Используемый в литературе как литературный, так и внелитературный материал только тогда может быть введен в орбиту научного исследования, когда будет рассмотрен под углом зрения функциональным (Тынянов 2002, 205).

При этом Якобсон уже целиком оперирует соссюрдовскими понятиями, хотя и предлагает их пересмотреть на новых основаниях. В частности, новации в литературе и языке объяснять не чисто диахроническими либо синхроническими причинами, а их взаимным скрещиванием. На смену соссюрдовской дихотомии приходит дихотомия «структура – функция». Оба понятия заимствуются из математики. Но со временем именно лингвистика перенимает права на преимущественное использование этих понятий. Здесь можно было бы говорить о параллельных процессах в искусстве и литературе 1930-х гг., аналогичным образом базирующихся на понятиях структуры, функции и конструкции. Особенно много аналогий здесь было между лингвистикой и архитектурой. Понятием структуры активно пользовался Ле Корбюзье, а функционализм стал доминантным направлением в немецкой и голландской архитектуре 1930-х гг. Но мы обратимся к некоторым аналогиям литературно-авангардного толка из 1950-х годов, когда Якобсон уже работает в Гарвардском университете бок о бок с провозвестником новой парадигмы в языкознании Н. Хомским.

Отдельного внимания заслуживает полемика Якобсона с Хомским по поводу одной известной теперь уже искусственной фразы, сочиненной Хомским. Фраза эта известна в двух вариантах (Хомский 1962, 418):

Colorless green ideas sleep furiously.
Furiously sleep ideas green colorless.

Американский лингвист-генеративист озаботился вопросом, относятся ли к языку грамматически неправильные предложения в той же мере, что и грамматически правильные. Кроме того, был поставлен вопрос о границах правильного и осмысленного (т.е. значимого в семантическом смысле). С его точки зрения, оба приведенных выше предложения равно бессмысленны, но второе еще и является грамматически неправильным, а значит, не относится к множеству предложений, составляющих английский язык. Что же касается первой фразы, то, при всей ее семантической «нелепости», она признается синтаксически корректной и, стало быть, укладывается в структуру существующего языка.

Обсуждение этих искусственных примеров Хомского вызвало немало интерпретаций в мире лингвистики (см. в работах: Yaguello 1998, 113–129; Поцелуев 2006; Успенский 2007, 163–173; Кобозева 2009). Однако нас особо интересует полемика с этими примерами Якобсона, откликнувшегося на данную дискуссию в своей статье о Ф. Боасе (Якобсон 1985). В целом отмечая изобретательность лингвистического эксперимента Хомского в построении «полностью несемантической теории грамматической структуры», русский лингвист указывает на в действительности обратную значимость выводов американского коллеги. По мнению Якобсона, такие фразы, как «Бесцветные зеленые идеи яростно спят», как раз наиболее ярко высвечивают вполне осмысленные категории нашего сознания. Ему сразу приходят на ум поэтические тропы, которые напоминают эту фразу: «Зеленая мысль в зеленой тени» поэта Э. Марвелла и «все тот же ужас, красный, белый, квадратный» из Л. Толстого. Почему же идеи не могут впасть в сон? Стоит ли смешивать онтологическую нереальность с бессмысленностью? Якобсон против тезиса о том, что хомскианские выражения обладают «более низкой степенью грамматичности».

Для Якобсона, вышедшего из кругов русских футуристов, обе фразы Хомского выглядели вполне осмысленными после экспериментов Маяковского, Хлебникова и Крученых. При семантической и синтаксической аномальности они могли бы быть и неаномальными в каком-либо поэтическом контексте. Как показали Якобсон и после него Б.А. Успенский, такая фраза вполне могла бы выглядеть семантической и даже синтаксичной в поэтическом или фольклорном контексте. Что, собственно, не преминуло реализоваться в стихе еще современника Хомского и Якобсона – Делла Хаймса (тоже, кстати, структурального лингвиста). Стихотворение названо фразой Хомского и будто бы раскодирует ее в поэтическом тексте (ср. с названием книги стихов

современного русского поэта П. Арсеньева «Бесцветные зеленые идеи яростно спят» (2011), эксплуатирующего лингвистические постулаты в своей поэтической технике):

„Colorless green ideas sleep furiously”
Hued ideas mock the brain
Notions of color not yet color
Of pure and touchless, branching pallor
Of an invading, essential green.
Ideas, now of inchoate color
Nest as if sleeping in the brain
Dormant, domesticated green,
As if had not come a dreaming pallor
Into the face, as if this green
Had not, seeping, simmered, its pallor
Seethed and washed throughout the brain,
Emptying sense of any color.
“Two for Max Zorn”, 1957

Хомский вряд ли интересовался поэтическим контекстом своего времени, хотя мог бы найти аналоги подобных высказываний в творчестве своих соотечественников – экспериментальных поэтов Г. Стайн и Э. Э. Каммингса. Ему важно было продемонстрировать лишь один из коренных постулатов своей лингвистической теории – неэквивалентности понятий грамматичности и осмысленности. Якобсон выдвигает против этого аргумент «семантической значимости» подобных алогичных высказываний, апеллируя к текстам русских футуристов:

В одном из словарей русского языка прилагательное беременный снабжено пометой *femininum tantum*, поскольку *беременный мужчина* немыслим. Однако в самом этом предложении прилагательное беременный использовано именно в форме мужского рода; кроме того, *беременные мужчины* фигурируют в фольклоре, в газетном юморе и в стихах Давида Бурлюка: «Мне нравится беременный мужчина, прислонившийся к памятнику Пушкина» (Якобсон 1985, 236).

Здесь же Якобсон очень кстати приводит сходный пример из поэзии на английском языке: строчку из стихотворения Каммингса 1935 г.:

Silent not night by silently unday.

Американский поэт намеренно и повсеместно нарушает правила грамматики. Здесь же сделаем акцент на том, что аграмматизмы Каммингса совсем, как

кажется, не случайно понадобились Якобсону в его обосновании неправоты Хомского в отношении якобы «бессмысленности» искусственных фраз про *зеленые идеи*.

Как видно из полемики Хомского и Якобсона, аномальное высказывание оказывается водоразделом между двумя теориями языка – нормативно-грамматической (генеративистской) и лингвопоэтической. Размышления Якобсона по поводу поэтических «неправильностей» годом позже легли в основу его фундаментальной статьи 1960 г. «Лингвистика и поэтика», в которой формулируется постулат об особой «поэтической грамматике», отличной от грамматики нормативной, и кроме того, наглядно демонстрируется действие поэтической функции в знаменитой схеме коммуникативного акта. То, что в обыденном языке признается речевой патологией и аграмматизмом, в поэзии становится конструктивным принципом, заряженным «поэтической функцией языка». Как и в 1920-е гг., в статье о Хлебникове, в 1960-е Якобсон строит свою теорию языка и коммуникации на основе отмечаемых аномалий поэтического текста. Именно в связи с такими тесными контактами и динамичными трансферами между поэзией и лингвистикой русская наука о языке развивает взгляд на литературу как особый язык и особую коммуникативную систему. Эта тенденция не характерна для англо-американской лингвистической традиции XX в., квинтэссенция которой в середине века была представлена в теориях Хомского и его круга.

Вообще, можно сделать вывод о том, что характер взаимоотношений между языком литературы и наукой о языке, по-видимому, определяет особенности национальных литературных и лингвистических воззрений. В англо-американской традиции на острие литературного эксперимента чаще находится грамматика (Стайн, Каммингс), а также установка на многоязычную гибридизацию (Дж. Джойс, Э. Паунд, Ю. Джолас). Это соответствует направленности англо-американской лингвистики XX в. сначала на дескриптивизм и исследования по грамматике, а затем на генеративизм как поиск языковых универсалий в языках мира. Русская же авангардная поэзия, в отличие от англо-американской, с самого начала занимается «словом как таковым», т.е. внутренними превращениям слов, словотворчеством, языкотворчеством (на славянской основе). Чисто грамматические эксперименты мало характерны для русского авангарда, равно как и гибридизация на основе множественных языков. Другой отличительной особенностью русской авангардной поэзии является абсурд, но абсурд не кэрролловского, английского типа (нонсенс, основанный на словах-гибридах), а бессмыслица, базирующаяся на редукции языковых средств. В области собственно лингвистических теорий все эти черты соответствуют русской науке об особом «поэтическом языке», о теории слова как такового (в русском формализме) и феноменологическим теориям языка (Г. Шпет, А. Лосев и др.). Кроме того, русская поэзия, так же,

как и русское языкознание, гораздо больше ориентированы на мотивированность и автономию языкового знака (его внутреннее измерение), нежели на его связность в масштабах всей языковой системы. А как раз арбитранность знака и его способность свободно вступать в различные аномальные связи на уровне грамматики и межъязыковой семантики – прерогатива англо-саксонской традиции языкового экспериментирования в литературе и лингвистике.

Библиография

- Гланц, Т. (2016), (Интеллектуальные) революции Романа Якобсона, 1910–1930-е годы В: Русская интеллектуальная революция 1910–1930-х годов. Материалы международной конференции. Москва, 102–114.
- КОБОЗЕВА, И. М. (2009), Лингвистическая семантика. Москва.
- ПОЦЕЛУЕВ, С. (2006), Бессмыслица в аспекте семантики. Очерк истории идей. В: Логос. 6, 21–67.
- ТЫНЯНОВ, Ю. Н. (2002), Литературная эволюция. Избранные труды. Москва.
- УСПЕНСКИЙ, Б. А. (2007), *Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство*. Москва.
- ФЕЩЕНКО, В. В. (ред.) (2016), Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография. Москва.
- ХОМСКИЙ, Н. (1962), Синтаксические структуры. В: Звегинцев, В. А. (ред.), Новое в лингвистике. Вып. 2. Москва, 412–527.
- ЯКОБСОН, Р. О. (1985), Избранные труды. Москва.
- ЯКОБСОН, Р. (2012), Будетлянин науки. Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза. Москва.
- ESPAGNE, M. (2009), *L'histoire de l'art comme transfert culturel. L'itineraire d'Anton Springer*. Paris.
- ESPAGNE, M. (2014), *L'ambre et le fossil. Transferts germano-russes dans les sciences humaines. XIXe–XXe siècle*. Paris.
- ПОМОРСКА, К. (1968), *Russian Formalist Theory and its Poetic Ambiance*. The Hague.
- ПОМОРСКА, К. et al. (Ed.) (1987), *Language, Poetry and Poetics. The Generation of 1890's: Jakobson, Trubetskoy, Majakovskij*. Berlin.
- YAGUELLO, M. (1998), *Language through the Looking Glass: Exploring Language and Linguistics*. Oxford.

КИРИЛЛ КОРЧАГИН

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
«Новое литературное обозрение»

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ НОМАДИЗМ СЕРГЕЯ ЖАДАНА И УКРАИНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ¹

Serguey Zhadan's Melancholic Nomadism and National Imagination in Ukraine

Ключевые слова: Сергей Жадан, украинская поэзия, номадизм, меланхолия, когнитивное картирование

KEYWORDS: Sergey Zhadan, Ukrainian poetry, nomadism, melancholia, cognitive mapping

ABSTRACT: A recent state crisis in Ukraine launched the process of the re-treatment of national and state borders not only in public politics and media, but also in culture and literature. According to Deleuze and Guattari, contemporary humans live in the epoch when nomadic subjectivity comes on the scene in order to change the regime of national spatial imagination. Nomadic existence regarding individuals as always “on the road” seems to be a tool for the de- and re-territorialization that shapes new cultural and state borders. This paper regards Serhiy Zhadan, one of the most prominent contemporary Ukrainian poets, and his treatment of the Ukrainian nation and its borders. For Zhadan, the need for poetry practice has to participate in the nation-building process intensified after Maidan. The key concept for this process's comprehension is melancholia, which could help to draw an image of contemporary Ukrainian subjectivity.

Сергей Жадан (р. 1974) считается одним из лидеров новейшей украинской поэзии: он принадлежит к первому постсоветскому поколению поэтов и писателей, стремившихся создавать новую украинскую поэзию на украинском языке, разрывая связь с советским контекстом и пребывая в поисках новых оснований для такой поэзии. Для поэзии Жадана это во многом была поэзия американских битников и неофициальная украинская поэзия, поэзия «киевской» и «нью-йоркской» школы, которая так же, как и стихи самого Жадана, часто писалась свободным стихом (Дмитриев 2007). Жадан – автор многочисленных поэтических сборников и нескольких романов; его стихи

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

и проза переводились на многие европейские языки, в частности, на русский. Более того, именно русский читатель, возможно, пристальнее всего следит за творчеством Жадана.

Жадан родился в городе Старобельск Луганской области, исторической части Дикого поля (Куромия 1998), и этот регион как место встречи различных культурных течений всегда оставался в центре его внимания: ему посвящены многие его стихи, а также программный роман «Ворошиловград» (2010; советское название Луганска), где предпринимается попытка вернуть связность раздробленному пространству Украины. Можно сказать, что сама фиксация Жадана на перемещениях (их очень много в его поэзии и прозе) — знак родства с Диким полем как с регионом, живущим в состоянии непрерывной номадической колонизации, где любые устойчивые формы способны задержаться лишь ненадолго.

Центральное понятие, которое будет использоваться в этой статье для анализа поэзии Жадана, — понятие меланхолии, понятой не только как спектр более или менее определенных психических состояний, но как культурная матрица, определяющая восприятие истории и саму структуру субъективности в модерности. Уже для В. Беньямина меланхолия была одной из центральных категорий описания современности: след меланхолического переживания виделся ему и в работах барочных аллегористов, и в поэзии Шарля Бодлера, и в современной ему левой немецкой поэзии. Высшей точкой этого движения стали «Тезисы к понятию истории», где меланхолия и мессианическое чувство, образуя нерасторжимое единство, становятся определяющими для любого разговора о современности.

Как замечает М. Липовецкий, Жадан вполне последовательно выстраивает себя как неоромантического поэта — поэта, который «убежден в способности поэтического текста кроить и перекраивать реальность» (Липовецкий 2017, 228). Это угадывается и в отголосках украинского модернизма (так называемого «Расстрелянного возрождения»), который в целом был параллелен советскому революционному романтизму с более акцентированными национальными и религиозными мотивами. Этот вариант модернизма в эссеистике Миколы Хвиелевого — писателя, которому Жадан посвятил кандидатскую диссертацию, — получил имя *витаизма* (от лат. *vita* 'жизнь'). Несмотря на очевидный след «философии жизни» в этом названии, Хвиеловой восставал против Анри Бергсона и модной в 1920-е годы *Lebensphilosophie*, видя в витаизме непосредственное проявление творческой воли коммунистического пролетариата. В программном эссе «Кома грядеши» (1925) он писал:

І коли тепер ми запитуємо себе, який напрямок мусить характеризувати і характеризує наш період переходової доби, то відповідаємо:
— романтику вітаїзму (*vita* – життя).

Нині наш період кидає всі свої сили на боротьбу з ліквідаторськими настроями щодо мистецтва. Сьогодні наше гасло: – «vita!» Ми прекрасно розуміємо, що пролеткультівський левівський (він же «прафівський») псевдокласицизм незалежно від себе відіграє роль ідеолога нового рантьє. І ми беремося за клинок романтичної шпаги. Як у свій час французькі парнасці, перші реалісти і т. д. Готьє, Леконт де Ліль, Бодлер, Флобер пішли походом проти різних Ожє, що так реально оспівували канареечного буржуа, так ми, «олімпійці», не можемо мовчати, коли бачимо поруч себе бездарних, симптоматичних «енків». [...] Ми, «олімпійці», не тільки відчуваємо запах наших днів, але й аналізуємо всю складність переходового періоду. Наше гасло – бий і себе й інших «свиною» (Лавріненко 2008, 811–812).

Витаизм Хвелевого, предполагающий принципиально романтическое письмо, повествующее о расколатом «я», не способном «собраться» и обрести целостность в условиях революции и гражданской войны, был направлен против авангарда левовского извода и стремился найти свое основание как в призрачной традиции украинского барокко (что особенно проявилось в ранних стихах Павла Тычины, ставших образцовыми для многих витаистов), так и в широко понятой национальной традиции (что во многом послужило последующему очернению Хвелевого как «буржуазного националиста») (Лавріненко 2008, 811, 950).

В другом его программном тексте, повести «Я» (1924), носившей подзаголовок «Романтика», работа протагониста в областном отделении ЧК представляется как своего рода соучастие в большом эсхатологическом процессе, запущенном революцией и переопределяющем привычные повседневные смыслы. Для советской русскоязычной литературы 1920-х годов такое положение дел достаточно привычно, однако Жадан куда более последовательно, чем российские поэты его поколения, обращается к этому пласту литературы, реактуализируя его с помощью зарубежной массовой культуры и поэзии битников, которые дают ему новый язык, позволяющий использовать элементы послереволюционной литературы, не прибегая к буквальному их повторению. Поэзия Жадана создается как *послереволюционная* и во многом строится по законам советской литературы 1920-х годов при очевидных поправках на исторические реалии. Это можно проследить, например, в визионерских сценах из «Ворошиловграда», которые в отличие от остального романа написаны подчеркнуто модернистским языком, заставляющим вспомнить, в частности, о прозе Микола Хвелевого и Валериана Пидмогильного.

При разговоре о поэтике Жадана уместно вслед за Джонатом Флэтли ввести понятие «аффективного картирования» (Flatley 2008). Так американский исследователь обозначает ситуацию, при которой различные пространства (не только городские пространства, но и пространства культуры, текста) особым образом символизируются, вступают в связь с преобразующими их аффектами. Это понятие восходит к социологии Кевина Линча, исследо-

вавшего американские городские пространства на рубеже 1950-1960-х годов, и к философской мысли Ф. Джеймсона, предложившего симметричное понятие «когнитивного картирования», когда всё человеческое общество, его экономическая и социальная жизнь, становятся для субъекта своего рода картой, на которой он помечает зоны прозрачности и, наоборот, смутности, выстраивая собственную субъективность в зависимости от их взаимного расположения (Джеймсон 2014, 335.349).

Яркая черта стихов Жадана – расчерченность пространств силовыми линиями аффектов. Субъект этих стихов всегда описывает себя как имеющего отношения к некоторой территории – вернее, к различным украинским и восточноевропейским территориям. Возможно, именно это обстоятельство заставляет воспринимать стихи Жадана как ориентированные в том числе на *nation building*, на создание новой единой Украины из разрозненных территорий. Он стремится переизобрести ее заново, наложив карту аффектов на географическую карту. Можно сказать, что для Жадана вся Украина и значительная часть Восточной Европы предстает как номадическое Дикое поле, по которому движутся его герои, способные осознавать себя только посредством собственных аффектов, но не посредством лишнего четких ориентиров окружающего пространства. Само пространство предстает у Жадана нейтральным: оно не обладает какими-либо характеристиками, не образует эмоционального «сцепления» с субъектом, который каждый раз словно «проскальзывает» мимо конкретных пространств.

Это хорошо видно на примере романа «Ворошиловград», где пространство постсоветского Луганска стирается до полной неузнаваемости и пустотности, становится «каким угодно пространством», любым другим постсоветским городом. Сам роман при этом пишется как алгоритм оживления этого пространства: нейтральность мира, окружающего протагониста, постепенно расчерчивается всё новыми аффектами – он вспоминает старые привязанности, ушедшие в прошлое, дружбу, любовь, которые имели место много лет назад и которые кажутся ему давно пережитыми и призрачными. Однако он инвестирует всё больше в эти слабые, едва различимые следы аффектов, так что постепенно они вновь становятся значимыми и определяющими. К концу романа мы находим протагониста крепко привязанным к старым аффектам, а пространство его родного города очерченным этими аффективными линиями.

Согласно Д. Флэтли, аффективное картирование имеет основание в присущем модерности восприятию времени и истории: аффект, в его интерпретации, – это то, что никогда не переживается «впервые» – любой аффект содержит в себе архив предыдущих состояний и опытов – утраченных, но обретаемых заново непосредственно внутри аффекта (Flatley 2008, 81).

Это созвучно фрейдовской интерпретации меланхолии как состояния, нацеленного на интернализацию утраченного объекта. Фрейд различал два варианта меланхолии: при первом амбивалентные эмоции относительно утраты, интернализируясь, порождают антагонистический разрыв в субъекте; при втором утрата сливается с эго, непосредственно изменяя его характер, порождая новую, меланхолическую субъективность (там же, 50). В. Беньямин, в общем следовавший этому различию, критиковал «левую меланхолию» пролетарских поэтов, но восхвалял героическую меланхолию Бодлера, нацеленную на непосредственное преобразование мира (там же, 64–65). В зазоре между этими двумя способами переживания утраты и обнаруживается аффективное картирование как практика, направленная на контакт с утраченными объектами.

Меланхолическая стратегия определяет мир Жадана до мельчайших деталей: даже сам украинский язык у него оказывается приобретенным не по «праву рождения» (тем более что поэт родом из русскоязычного региона), а вследствие меланхолического инвестирования желания и аффективной попытки восполнить утрату:

мой язык, я же знаю, мой словарь,
напечатанный на светлой горькой бумаге,
читанный мною в вагонах и барах,
купленный на распродаже в Восточном Берлине,
еще в 90-х, когда я тебя не знал,
я умру патриотом, даже если
ты навсегда покинешь эту страну.
(Жадан 2016, 23–24)

Флэтли пишет об аффективном картировании применительно к ситуации модерна, к специфическому режиму темпоральности и историчности, который становится основным, в частности, для культуры и искусства. Этот режим предполагает особое, «меланхолическое» восприятие временности и особый механизм инвестирования желания, распространяющегося на большие области культуры. Один из примеров, разбираемых Флэтли, – «Чевенгур» Андрея Платонова, чья меланхолическая революционность находит параллели и в стихах Жадана и прозе Хвелевого. В героях Платонова можно видеть меланхолическую готовность к коллективности, понимаемой как способ восполнить утрату: революция и утопическое видение грядущего общества становятся для них способом меланхолической реакции на утраченный объект.

Меланхолия делает аффективное картирование возможным, но она же остается препятствием на пути к обретению целостности, восстановить которую оно призвано: целостность никогда не будет восстановлена в доста-

точной мере, но меланхолик всё время будет стремиться к ней, расчерчивая окружающие его пространства линиями аффектов, преобразующих пустые пространства в своего рода архивы эмоций и воспоминаний. Стихи Жада-на направлены к этой же цели: они стремятся к тому, чтобы аффективно расчерчивать территории, но также и постоянно стирать эти аффективные карты, пересоздавая их заново в каждый новый момент. Аффективное картирование – конструктивный принцип его поэтики.

Такой взгляд на вещи родственен номадологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари, развиваемой ими в книге «Тысяча плато». Одна из частей этой книги, «Трактат о номадологии: машина войны», содержит описание номадической субъективности, которую не стоит считать описанием реального кочевника, но конструктом, обретающим особый смысл в эпоху модерна (вся философия Делёза/Гваттари – это философия современной эпохи, ее историософия и онтология). Философы вводят различие между «гладкими» и «рифлеными» пространствами: упрощая, можно сказать, что первые пространства – это ничем не ограниченные пространства степи, моря, Дикого поля, любой простор, не имеющий внятных природных или антропогенных ограничений; вторые – это пространства городов, поселений, расчерченные линиями улиц и закрепленные в виде карт и планов (Делёз/Гваттари 2010, 605). Эти пространства различаются в смысле того, исчисляет ли их человек: рифленое пространство всегда «исчислено», разбито на предсказуемые, пригодные для жизни сегменты, в то время как гладкое пространство не поддается такой процедуре:

Гладкое пространство – это пространство мелких отклонений: следовательно, оно однородно только между бесконечно близкими точками, а присоединение смежного осуществляется независимо от любого заданного пути. Это, скорее, пространство контакта, пространство мелких тактильных или мануальных действий контакта, нежели визуальное пространство вроде рифленого пространства Эвклида. Гладкое пространство – это поле без труб и каналов. Поле – неоднородное гладкое пространство – сочетается с крайне особым типом множественностей: неметрические а-центрированные, ризоматические множественности, оккупирующие пространство, не «исчисляя» его, и мы можем «исследовать их, лишь шагая по ним» (там же, 622).

Номадическая субъективность, населяющая это пространство, находится в постоянном движении, но этот путь всегда в чем-то произволен, он складывается из многочисленных точек, плавающих по аффективной карте, и всегда пересоздается заново при каждой новой попытке пройти из точки А в точку Б. Важный момент номадизма, по Делёзу и Гваттари, – сопротивление Государству, ведь главная задача последнего – производство рифленых пространств, их «исчисление» и переозначивание, получающее имя территориализации. Посте-

пенное превращение Дикого поля в индустриализированный Донбасс можно рассматривать как частный случай такого переформатирования гладкого пространства. Однако война, предчувствующаяся в поэзии Жадана задолго до начала реального конфликта, – знак того, что такое переформатирование не удалось: именно номадическая субъективность, согласно Делёзу и Гваттари, запускает машину войны как то, что одно способно противостоять деятельности Государства, размечающего территории: «...каждый раз, когда против Государства предпринимаются какие-либо действия – неподчинение, бунт, герилья или революция, – то можно сказать, что воскресает машина войны, что появляется новый номадический потенциал, сопровождаемый восстановлением гладкого пространства или способа бытия в пространстве, как если бы оно было гладким» (там же, 651).

Стихотворение Жадана «Коллаборационисты» можно воспринимать как иллюстрацию этого принципа:

Можно сказать, они воевали за имена. Солдаты
батальонов СС со славянскими названиями,
с довоенными фиксами, перебежчики из штрафбатов,
вчера́шние зэки, наемники
на бескрайних просторах под солнцем;
та равнина, которой ты движешься, та пустая родина,
где тебе пришлось воевать, выговаривая:
«наш Днестр», «наш Буг», «наш Кальмиус», –
для тебя теперешнего, для тебя будущего
это лишь полные звуков имена, вдоль которых
еженощно проходят герои
из действующих армий.
(Жадан 2016, 28)

Номадическая субъективность воскрешает машину войны, направленную против Государства, причем конкретные очертания государства становятся неважны. Так, это стихотворение, где изображаются воевавшие за немецкую армию украинские дивизии, можно было бы воспринимать как героизацию украинского национализма военного времени, характерного для постсоветской украинской культурной политики, однако последние строки текста воспринимаются на этом фоне неожиданно:

патриотизм – он касается
только тебя и меня,
знать, за что ты стоишь – это самое главное:
моя жизнь, что и после смерти никак не кончается,
моя душа, что, как утка, летит по-над берегом
мое имя, на которое оборачиваются спекулянты,

мои друзья, растерзанные слепыми дождями,
моя территория с вызревший к августу рыбой,
моя география с байками боевых офицеров,
мое пропавшее в тумане войско,
моя звездная УССР.
(там же, 29)

Таким образом, конфликт между различными государствами здесь снимается – безразлично, за что воевали «коллорабационисты» – за независимую Украину или за УССР, – важно само сопротивление Государству, действие машины войны, которое оказывается родственно номадической сущности Дикого поля. Номадизм – это способ борьбы с меланхолией: если меланхолик застывает на месте, бесконечно инвестируя желание в утрату, то номад перемещается по пространству, разрушая сам принцип меланхолического инвестирования. Расчерченные меланхоликом аффективные карты становятся картами географическими – планом, определяющим работу машины войны. Именно это происходит в романе «Ворошиловград», где обретение номадической субъективности приводит протагониста в состояние войны: к концу романа он готов к сопротивлению силе криминала, выступающего аналогом Государства с присущим ему непрерывным производством «исчисленных» рифленных пространств.

И в стихах Жадана, и в романе «Ворошиловград» речь идет не только о государственных границах или границах территорий – граница между миром живых и мертвых также оказывается подвижной. Мертвые друзья протагониста «Ворошиловграда» возвращаются, чтобы сыграть с ним в футбол, причем читатель так и не понимает, было ли это сном, наркотическим видением или реальностью: роман, начинающийся как сугубо реалистический, содержит многочисленные вставки в духе магического реализма, которые не только подрывают повседневную логику, но и размечают этапные рубежи в том процессе становления, при котором протагонист открывает в себе номадическую субъективность (характерно, что все эти видения непосредственно отражают жизнь новых кочевников, перемещающихся по бывшему Дикому полю). В этом контексте меланхолическую номадичность поэзии Жадана можно воспринимать не только как социальную утопию, но и как проект нового субъекта, свободно пересекающего границы между территориями, государствами, мирами.

Библиография

- Делёз, Ж./Гваттари, Ф. (2010), Тысяча плато. Екатеринбург/Москва.
Джеймисон, Ф. (2014), Когнитивная картография. В: Парамонов, А. А. (ред.), Марксизм и интерпретация культуры. Москва/Екатеринбург, 335–349.

- ДМИТРИЕВ, А. (2007), Мій Жадан, або Небо над Харьковом. В: Новое литературное обозрение. 85: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/dm21.html> [доступ 31.07.2017].
- ЖАДАН, С. (2016), Всё зависит только от нас. Ozolnieki.
- КУРОМИЯ, Х. (1998), Свобода и террор в Донбассе: украинско-русское пограничье в 1870–1990-х годах. Cambridge.
- ЛИПОВЕЦКИЙ, М. (2017), «Свет состоит из тьмы и зависит только от нас». Сергей Жадан и неоромантизм. В: Воздух. 1.
- ЛАВРИНЕНКО, Ю. (ред.) (2008), Розстріляне відродження: Антологія 1917–1933. Поезія – проза – драма – есей. Київ.
- FLATLEY, J. (2008), Affective Mapping. Melancholia and the Politics of Modernism. Cambridge.

ЕЛЕНА БОРИЦ

Уральский государственный архитектурно-художественный университет

ФРАНЦУЗСКАЯ КНИЖНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ В РУССКОЙ КАВЕР-ВЕРСИИ КОНЦА XVIII ВЕКА

The French book illustration in the Russian cover-version at the end of XVIII century

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: книжная иллюстрация XVIII века; книжная гравюра XVIII века; француско-русские художественные связи; иллюстрированные «Метаморфозы» Овидия

KEYWORDS: Book illustration of XVIII century; a book engraving of XVIII century; the French-Russian art communications; illustrations of *Ovid's Metamorphoses*

ABSTRACT: The focus of this article is the illustrations from the Russian edition of Ovid's *Metamorphoses* of 1794–1795, which have been repeated from the unknown foreign book. The result of this research is a finding of the source of the Russian illustrations, the engravings from the Dutch edition of 1732 intended for the French book market. There is an attempt to prove authorship of these anonymous illustrations in the article, which includes comparisons of illustrations from the Dutch, Flemish, French and Russian editions. Thus the Russian illustrations were neither copies, nor free variations on a theme. They have appeared as mirror versions and replicas with the changed details of the illustrations of 1732.

1. Постановка проблемы

Книга с гравюрами XVIII в. традиционно интересует специалистов как артефакт и экспонат. Ныне книжная гравюра зачастую является предметом междисциплинарных исследований. Опираясь на материалы французской и русской иллюстрированной книги XVIII в., рассмотрим проблему межкультурных контактов Европы и России сквозь призму номадизма. Обратимся к феномену «вторжения» западноевропейской визуальной культуры в сферу русского искусства на примере книжной (литературной) иллюстрации.

Французские книги стали одним из ключевых факторов западного влияния в России во второй половине XVIII в. Книги на французском языке познакомили русских читателей с произведениями современных европейских и античных авторов (Баренбаум 2006, 436). Иллюстрированные книги вызывали еще больший интерес. Очень скоро они стали образцами для русских издателей, выпускавших переводные тексты.

Под натиском западных культурных стандартов русская книга приобрела в XVIII в. европейский облик. Книги, дополненные гравюрами, получили распространение в России особенно после разрешения «вольных» типографий, начиная с 1770-х гг. Так, около сотни изданий с гравюрами было выпущено в 1780-х гг., а в 1790-х – уже вдвое больше (Сидоров 1946, 188).

Иллюстрации переводной книги зависели от иностранных первоисточников, особенно французских, так как издатели заказывали граверам повторение иллюстраций. По замечанию А. А. Сидорова, даже в лучших русских изданиях второй половины XVIII в. иллюстрации были «копиями с иностранных» (Сидоров 1946, 168). Иначе говоря, широко практиковался «ремейк», точнее, выпуск кавер-версий серий иллюстраций.

2. Основные понятия, цель, задачи

Под термином «кавер-версия», означающим новое исполнение оригинальной композиции, в данном случае подразумевается создание серии гравированных иллюстраций на основе «авторского» повторения оригинальной версии. Это не повторный тираж гравюр с готовых гравировальных досок, но создание новых досок по образцам иллюстраций с последующим оттиском вновь созданной серии. Очевидно, не следует обозначать этот процесс как «репродуцирование», так как это понятие означает воспроизведение средствами печати изображения предмета, выполненного в другом материале и другом формате (Власов 1993, 187).

Способами художественного формообразования по образцу являются: точное повторение оригинала (копия), авторская интерпретация оригинала с изменениями деталей (реплика), создание новой композиции из готовых элементов (вариация) (Власов 1993, 41, 85, 186). Можно ли определить способы перехода западноевропейских иллюстраций в русские книги через понятия «копирование» и «подражание»? Происходила ли творческая переработка оригинальных композиций посредством трансформации? Попробуем ответить на эти вопросы.

Напомним, что в XVIII в. не существовало фотографических техник воспроизведения печатной графики, которые позволяли бы добиться максимального сходства с оригиналом (репринт, факсимиле и др.). Процесс создания гравированной иллюстрации имел ремесленный характер. В нем были задействованы рисовальщик эскиза и гравер, переносивший рисунок на медную доску.

Поиск с помощью сравнения гравюр иностранного издания, повторенных в русской кавер-версии, является одной задачей данной статьи. Другая задача – определение путем сравнительного анализа способов и приемов воспроизведения аналогов.

3. Русское издание и его гравюры

Обратимся к изучению феномена «кочевания» западных иллюстраций в русские книги на примере издания «Превращений» Овидия 1794-1795 гг. (Овидий 1794–1795). «Превращения Овидиевы» (далее – «Превращения») были выпущены в трех томах в частной типографии в Москве (Оболянины 1914, 2, 1850; Кондаков 2, 4836). Текст подготовил Карл Рембовский, который воспользовался французским переводом А. Банье (Баренбаум 2006, 209). Издание дополнила новая для русского читателя серия иллюстраций. Предыдущее издание Овидия 1775 г. иллюстрировала серия гравюр, повторенная по увражу «Овидиевы фигуры» 1722 г. (Кондаков 2, 4835).

В общей сложности издание «Превращений» 1794–1795 гг. сопровождали 14 анонимных гравюр, в том числе 13 сюжетно-повествовательных сцен (Верещагин 1898, 731). Они иллюстрируют следующие сюжеты: Семела и Юпитер, превращение Ликаона, Персей и Андромеда, похищение Прозерпины, Цефал и Прокрида, Мелеагр и Аталанта, похищение Деяниры, Венера и Адонис, Мидас и Аполлон, Нептун и Цениса, разоблачение Ахиллеса, превращение спутников Улисса, превращение Эскулапа. С жанровой точки зрения иллюстрации представляют собой галантные, пасторальные, бытовые, охотничьи и пейзажные сцены.

4. Определение оригинальной версии иллюстраций.

Проблема авторства

В процессе определения исходной серии иллюстраций к русскому Овидию выяснилось, что в справочниках отечественной книги нет сведений об их иностранном аналоге. Отмечается лишь, что гравюры «заимствованы из одного из французских изданий той же книги» (Верещагин 1898, 731). Поиск французских изданий оказался эффективным. Оригинальная версия иллюстраций была обнаружена в издании «Метаморфоз» на французском языке в переводе аббата Банье, выпущенном в Амстердаме (и Париже) в 1732 г. (Ovide... en François, 1732). Голландско-французское издание оказалось идентично русскому по числу томов и формату. Его иллюстраций, однако, больше

на две: в общей сложности, их 16. Листы иллюстраций исполнены в технике резцовой гравюры по меди в сочетании с офортом. Сходство серий не вызывает сомнения, несмотря на то, что русские гравюры преимущественно зеркальные.

Как и в русской версии, гравюры оригинального издания анонимны. По сведениям ряда справочников авторство данной серии иллюстраций принадлежит известному французскому граверу и рисовальщику Бернару Пикару (1673–1733) (Cohen 1912, 768).

Пикар, между тем, не представлен в Предисловии, где упоминается еще одно издание Овидия, к которому он имел отношение (*Ovide... en François* 1732, 1, XIX). Роскошное издание Овидия было выпущено на латинском и французском теми же издателями в 1732 г. (*Ovide... en latin* 1732). Увраж включал в себя более сотни иллюстраций разных авторов, в том числе, Ш. Лебрена, С. Леклерка, Б. Пикара (Cohen 1912, 768). При сравнении было установлено, что анонимные иллюстрации и иллюстрации увража имеют мало общего между собой, за исключением двух сцен (похищение Деяниры и похищение Прозерпины), явно принадлежащих Пикару.

При просмотре более ранних французских изданий «Метаморфоз» серия иллюстраций, аналогичная искомой, не была обнаружена. С помощью сравнения выяснилось, что сцена превращения спутников Улисса была повторена по анонимной гравюре из амстердамского увража 1702 г. (*Ovide* 1702; Sander 1926, 1465). Известно, что данный увраж был, в свою очередь, переизданием известного фламандского увража 1677 г. (Bohnert 2009, 8). Кроме того, единичные иллюстрации из интересующей нас серии 1732 г. имеют прямое отношение к увражу «Картины Храма муз» 1655 г., гравированному по рисункам фламандского художника А. ван Дипенбека (1596–1675) (Marolles 1655). По композиции Дипенбека была исполнена иллюстрация к мифу о Персее и Андромеде, повторенная позже в русской версии 1790-х гг.

Попытки подтвердить авторство Пикара привели нас к подписанным гравюрам французского издания «Метаморфоз» 1799 г., где Пикар обозначен как рисовальщик (*Ovide* 1799). Сравнение показывает, что данная серия представляет собой вариацию на тему иллюстраций из увража 1732 г., которые принадлежали не только Пикару, но и другим художникам.

Таким образом, при сравнении анонимной серии иллюстраций 1732 г. с аналогичными сериями иллюстраций XVII – первой трети XVIII в. было установлено, что отдельные иллюстрации издания 1732 г. зависят от нескольких источников – фламандских увражей XVII в. и амстердамского увража 1732 г. с иллюстрациями французских художников. Не исключено, что анонимная серия 1732 г. была подготовлена при участии Пикара второстепенным автором. Возможно, гравером, а не рисовальщиком, так как фигуры персонажей недостаточно хорошо моделированы. В целом, «бюджетное» амстердамское

издание 1732 г. производит достаточно скромное впечатление с точки зрения искусства иллюстрации. Уместно привести мнение А. А. Сидорова, который писал, что с Запада в Россию «часто поступали образцы второго сорта» (Сидоров 1946, 190).

5. Парижские кавер-версии оригинальной серии иллюстраций

В ходе поиска первоисточника русской кавер-версии было установлено, что существовали также французские кавер-версии оригинальной серии. Иными словами, исходная серия иллюстраций неоднократно повторялась, причем в парижских изданиях 1742, 1757, 1787 гг. (Ovide 1742, 1757, 1787). Особенностью парижских кавер-версий является то, что они представляли собой точные копии композиций без «отзеркаливания» исходного изображения. Вместе с тем, качество передачи оригинальной серии оставляло желать лучшего. При сопоставлении с русской серией оказалось, что они не превосходят ее по технике исполнения и даже, напротив, уступают ей.

Следовательно, русский издатель взял за образец амстердамское издание 1732 г., а не его парижские повторения. Не исключено, что в его распоряжении было издание 1764 г., гравюры которого, по-видимому, печатались с оригинальных досок (Ovide 1764). В любом случае, издание-аналог было голландско-французским. Как известно, французские книги были доступны в России во многом благодаря голландцам: «в репертуаре Петербургской... лавки... были тысячи французских книг. Большую часть из них составляли голландские издания» (Копанев 1986, 66).

6. Иллюстрации русской кавер-версии: способы и приемы повторения

Обратившись к сравнению гравюр амстердамского издания Овидия 1732 г. с иллюстрациями русской версии 1790-х гг., рассмотрим их состав, расположение в тексте, приемы повторения композиции. Прежде всего, отметим, что оригинальная серия была воспроизведена в русской версии с купюрами. Издатель отказался от двух сюжетов: Марсий и Аполлон, Фазетон и Аполлон.

Иллюстрации русской версии, аналогично оригинальной, представляют собой полностраничные гравюры, развернутые по вертикали. В амстердамском издании гравюры расположены, как правило, напротив начальной страницы раздела текста. Этот же принцип расположения использован в русской версии.

Особенностью русского издания является то, что его гравюры повторяют оригинальные композиции как тождественным образом, так и в зеркальном варианте. Поэтому всю серию русских иллюстраций не следует считать копийной. Отметим, что микширование приемов при воспроизведении иллюстраций было не характерно для европейской практики. Переиздание книги с иллюстрациями, особенно «пиратское», обычно сопровождалось зеркальными повторениями исходных композиций. Решение повторить иллюстрации-аналоги по-разному, очевидно, было принято самим издателем. Далее, предположим, что над русской серией работали разные граверы: более опытный и менее искусный.

Девять из тринадцати гравюр русской версии «отзеркаливают» оригинальные композиции. Иногда возникает ощущение, что граверы использовали зеркальную трансформацию в качестве художественного приема. Благодаря этому целый ряд иллюстраций приобрел новые смысловые нюансы. Как правило, благодаря перемещению (инверсии) фигур действующих лиц справа налево и наоборот. Приведем ряд примеров.

В сцене смертельного ранения кентавра Несса, страдания героя как будто девальвировались, так как его фигура сместилась влево от центра композиции. Геркулес, чья фигура переместилась вправо, стал более заметным. То же верно по отношению к иллюстрации мифа об освобождении Андромеды, где благодаря приему зеркальности внимание переключается с Андромеды на Персея, чья фигура второстепенной величины заняла «правильное» место и приобрела большую выразительность. Эффект зеркала позволил исправить композиционные недостатки оригиналов. Или это были удачные совпадения? Так, на иллюстрации к мифу о Мелеagre и Аталанте внимание зрителя переключилось от невыразительных фигур героев к поверженному кабану. То же верно по отношению к сценам «разоблачения» Ахилла и превращения Эскулапа.

В некоторых иллюстрациях прием зеркального отражения, напротив, умаляет достоинства композиции. Например, в сценах превращения Ликаона, Мидаса и спутников Улисса, где главные действующие лица переместились на периферию композиции.

Максимального сходства с иллюстрациями-оригиналами скорее всего смог добиться более искусный гравер (или граверы). Точь-в-точь оригинальные композиции повторяют 4 иллюстрации: Венера и Адонис, похищение Прозерпины, Цефал и Прокрида, Нептун и Цениса. Именно тождественные, а не зеркальные иллюстрации демонстрируют владение русскими граверами навыками свободной передачи образца. Примером такого рода является иллюстрация к сцене похищения Прозерпины. Композиция иллюстрации не изменена, однако границы изображения отодвинуты: удлинен круп коня и увеличена фигура путто. Изменились очертание и детали первого плана:

на берегу появился небольшой холм, лежащая ветка увеличилась в размерах. Крона дерева поменяла форму ветвей и листьев, облако приобрело другую конфигурацию. Кроме того, иллюстрация получилась более светлая и воздушная за счет меньшей плотности штриховки. Этот своеобразный «почерк» русских иллюстраторов был результатом несовершенства владения мастерством гравирования.

Итак, русская кавер-версия иллюстраций не является полной и точной копией оригинальной по целому ряду признаков: издатель сократил число иллюстраций; одни граверы создали зеркальные варианты оригинальных композиций, невольно прибегнув к трансформации изображения; другие граверы добились прямого копирования композиций оригиналов при незначительном изменении деталей. Созданием серии иллюстраций граверы, очевидно, занимались без помощи рисовальщиков. Этим можно объяснить то, что серия не состоялась как подражание исходной или вольная вариация на тему оригинала.

7. Итоги

Результатом исследования стало определение первоисточника русских иллюстраций – голландско-французского издания 1732 г. Путем сравнения гравюр из голландских, фламандских и французских изданий была сделана попытка подтвердить авторство данной серии иллюстраций. Удалось установить, что гравюры серии зависят от иллюстраций более ранних изданий Овидия. Было высказано предположение, что французский гравер и иллюстратор Б. Пикар мог иметь косвенное отношение к серии.

Благодаря сравнению были отмечены такие закономерности воспроизведения иллюстраций по образцу, как зависимость от заказчика и влияние мастерства исполнителя. Неизбежной была трансформация изображений-аналогов вследствие индивидуального и ремесленного характера воспроизведения. Процесс перехода, «кочевания» западных иллюстраций в русскую книгу имел свои особенности. Во-первых, исходный материал отбирался, купировался в пользу их сокращения. Во-вторых, имело место смешение способов воспроизведения исходных изображений вследствие использования прямого и зеркального копирования.

Сделан вывод, что иллюстрации русской кавер-версии не являлись ни копиями, ни вольными вариациями на тему; они оказались либо зеркальными версиями оригинала, либо репликами с измененными деталями.

Библиография

- БАРЕНБАУМ, И. Е. (2006), Французская переводная книга в России в XVIII веке. Москва.
- ВЕРЕЩАГИН, В. А. (1898), Русские иллюстрированные издания XVIII и XIX столетий (1720–1870). Библиографический опыт. С.-Петербург.
- ВЛАСОВ, В. Г. (1993), Иллюстрированный художественный словарь. С.-Петербург.
- КОНДАКОВ, И. П. (ред.) (1962), Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800. Москва.
- КОПАНЕВ, Н. А. (1986), Распространение французской книги в Москве в середине XVIII века. В: Луппов, С. П. (ред.), Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Ленинград.
- ОБОЛЯНИНОВ, Н. А. (1915), Каталог русских иллюстрированных изданий 1725–1860 гг.: в 2 т. Москва.
- ОВИДИЙ, Назон П. (1794–1795), Превращения Овидиевы: в 3 т. Пер. с фр. К. Рембовский. Москва.
- СИДОРОВ, А. А. (1946), История оформления русской книги. Москва/Ленинград.
- BOHNERT, C. (2009), L'illustration d'une fable poétique dans les *Métamorphoses* éditées par François Foppens (Bruxelles, 1677) : Adonis entre Ovide et Titien. В: *Poésie et illustration*, sous la direction de Lise Sabourin, Nancy, C.E.M.L.A. (Centre d'Étude des Milieux Littéraires et Artistiques, Nancy II), 8.
- BOHNERT, C. (2015), Un musée ovidien : autour des figures des *Métamorphoses* éditées par Wetstein et Smith (Amsterdam, 1732). В: *Le Conférencier – Textimage*, 1–39.
- COHEN, H. (1912), Guide de l'amateur de livres à gravures du XVIII s. Paris.
- LABARRE DE BEAUMARCHAIS, A. de. (1733), Le Temple des Muses, orné de LX tableaux dessinés et gravés par B. Picart le Romain. Amsterdam.
- MAROLLES, M. de. (1655), Tableaux du temple des muses : tirez du cabinet de feu Mr. Fauereau. Paris.
- OVIDE (1702), Les métamorphoses d'Ovide, en latin et françois de la traduction de M. Pierre Du Ryer. Amsterdam.
- OVIDE (1732), Les Métamorphoses d'Ovide en latin, traduites en françois par M. l'abbé Banier, ... ouvrage enrichi de figures par B. Picart. Amsterdam.
- OVIDE (1732), Les Métamorphoses d'Ovide, traduites en François par M. l'Abbé Banier. Amsterdam.
- OVIDE (1742), Métamorphoses d'Ovide, traduites en François par l'abbé Banier. 3 vol. Paris.
- OVIDE (1757), Les Métamorphoses d'Ovide, traduites en François par M. l'Abbé Banier. Paris.
- OVIDE (1764), Les Métamorphoses d'Ovide, traduites en François par M. l'Abbé Banier. Amsterdam /Leipzig.
- OVIDE (1787), Les Métamorphoses d'Ovide, traduites en François par M. l'Abbé Banier. 2 vols. Paris.
- OVIDE (1799), Les Métamorphoses d'Ovide ornée de 16 figures en taille-douce, d'après B. Picart, tr. l'Abbé Banier. Paris.
- SANDER, M. (1926), Die illustrierten Französische Bücher des 18. Jahrhunderts. Stuttgart.

GABRIELA NOWAK

Uniwersytet Jagielloński w Krakowie

O RIZOMIE I CECACH RIZOMATYCZNYCH NA PRZYKŁADZIE POWIEŚCI MICHAŁA SZYSZKINA „ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА”

Rhizome and rhizomatic principles based on Mikhail Shishkin's novel “The Taking of Izmail”

SŁOWA KLUCZOWE: klącze, cechy rizomatyczne, Michaił Szyszkin, Gilles Deleuze, Felix Guattari

KEYWORDS: rhizome, rhizomatic principles, Mikhail Shishkin, Gilles Deleuze, Felix Guattari

ABSTRACT: The article is dedicated to the philosophical concept of rhizome developed by Gilles Deleuze and Felix Guattari. The author tries to define the capabilities and limitations of rhizome in becoming a methodology for the interpretation of texts. Analysis of the six rhizome principles: connection and heterogeneity, multiplicity, asignifying rupture, cartography and decalcomania, based on Mikhail Shishkin's novel “The Taking of Izmail”, shows that only the rules of connection and heterogeneity and asignifying rupture seem to originate from European philosophical tradition. Therefore, only these three rules of rhizome may become a method of literary interpretation.

Twórczość M. Szyszkina cieszy się popularnością zarówno wśród czytelników nieprofesjonalnych, jak i wśród znawców literatury, o czym świadczą liczne recenzje i komentarze krytyków. Jednym z owoców tego zainteresowania była zorganizowana w 2016 roku na Uniwersytecie Jagiellońskim konferencja naukowa poświęcona pisarstwu Szyszkina, na której autor wystąpił jako gość honorowy. W czasie konferencji w interpretacjach badaczy pojawiały się głównie dwa tytuły: „Włos Wenery” (Венерин волос, 2005) oraz „Nie dochodzą tylko listy nienapisane” (Письмовник, 2010) (por. Skotnicka/Świeży 2017), podczas gdy wcześniejsze pozycje z dorobku pisarza były widocznie marginalizowane. Na ten problem zwrócił uwagę niemiecki tłumacz – A. Tretner (Tretner 2017, 446), który swoje wystąpienie poświęcił pomijanej książce „Взятие Измаила” (Zdobycie twierdzy Izmail, 1995), koncentrując się m.in. na sposobie łączenia cytatów w książce. A. Tretner określił wówczas utwór M. Szyszkina – za historykiem literatury M. Lipowieckim (Lipowiecki 2017, 35) – jako powieść-fresk (Tretner 2017, 446), czyli powieść, w której znaczenia układają się warstwowo w obrębie jednego fragmentu tekstu, poprzez nałożenie na siebie

różnych cytatów, parafraz, aluzji do innych tekstów kultury. Zwrócił tym samym uwagę na wertykalną budowę tekstu, podczas gdy książka-korzeń (Deleuze/Guattari 2015, 23) charakteryzuje się raczej linearną strukturą semantyczną, a więc taką, w której nowe znaczenia pojawiają się w książce wraz z biegiem zdarzeń (a więc wzdłuż linii fabularnych).

Ponadto Tretner wspomniał, że pracując nad przekładem, dzielił tekst Szyszkina na fragmenty (będące dla niego pojedynczymi zadaniami translatorskim), które nazywał centonami (por. Tretner 2017, 447). Ten termin, nieco zapomniany przez współczesne literaturoznawstwo (pojęcie centonu, pisząc o literaturze współczesnej, wykorzystuje również R. Nycz w swojej książce „Sylwy współczesne”, por. Nycz 1996, 16), otworzył nową perspektywę do myślenia o „Zdobyciu twierdzy Izmail”. Tak bowiem widziana powieść zaczyna funkcjonować w obszarze teorii rizomy zaproponowanej przez G. Deleuze’a i F. Guattariego w ich projekcie „Tysiąc Plateau. Kapitalizm i schizofrenia” (Mille plateaux. Capitalisme et schizophrénie, 1980). Dzieje się tak nie tylko dlatego, że forma centonu doskonale realizuje wybrane zasady kłącza (konkretnie zaś zasady łączności, heterogeniczności i „nie-znaczącego” zerwania, o których będzie mowa w dalszej części artykułu), ale również z tej przyczyny, iż metafora powieści-fresku (a więc powieści o strukturze semantycznej horyzontalno-wertykalnej) całkowicie zawiera się w metaforze powieści-kłącza (czyli powieści o strukturze wielowymiarowej (Deleuze/Guattari 2015, 23).

Nie tylko Tretner i Lipowiecki zbliżają się w swych interpretacjach „Zdobycia twierdzy Izmail” do teorii Deleuze’a i Guattariego. Poznański literaturoznawca Szubin pisze o Szyszkinie w artykule „Метафизика мирового человека в прозе Михаила Шишкина. Опыт герменевтического анализа” w następujący sposób:

Язык вбирает в себя мир, прошлое, специальные слова, из которых потом вырастают целые произведения, например, „адиантум венерин волос”, или подзабытый мышинный аттракцион „взятие Измаила”, давший толчок идее бессознательного движения людей к смерти (Szubin 2017, 94).

Jak można zauważyć, badacz zdaje się parafrazować deluzjańską definicję kłącza: kłącze bezustannie łączyłoby łańcuchy semiotyczne, organizacje władzy, przypadki odsyłające do sztuki, do nauk, do walk społecznych. Łańcuch semiotyczny jest niczym bulwa gromadząca różnorodne akty, językowe, lecz również perceptywne, mimiczne, gestyczne lub myślowe: nie istnieje język w sobie ani uniwersalność języka, lecz zbieranina dialektów, gwar, żargonów, języków specjalistycznych (por. Deleuze/Guattari 2015, 26):

Można pójść dalej drogą wskazaną przez Tretnera, Lipowieckiego i Szubina, a więc spojrzeć na „Zdobycie twierdzy Izmail” w kontekście całego projektu rizomy Deleuze’a i Guattariego i odpowiedzieć na pytanie, czy i jak projekt ten odnajduje swoje realizacje we współczesnym tekście literackim. Poniższy artykuł jest pró-

bą odpowiedzi na to pytanie, podzieloną na dwa etapy: 1) teoretyczny – zawiera analizę samej teorii rizomy: jej możliwości i ograniczeń jako metody czytania (i tworzenia) tekstu literackiego; 2) praktyczny – zawiera analizę tekstu literackiego „Взятие Измаила” za pomocą teorii rizomy.

1. Rizoma

Deleuze i Guattari w plateau zatytułowanym „Kłącze” wyróżnili sześć podstawowych cech formalnych rizomy, takich jak: łączność, heterogeniczność, wielość, „nie-znaczące” zerwanie, kartografia i przekalkowanie. Jednakże nie mogą każdej z wymienionych zasad rozpatrywać z osobna, w kolejności zaproponowanej przez filozofów, ponieważ tego typu analiza stwarza moim zdaniem trudne (czy wręcz niemożliwe) do rozwiązania problemy natury metodologicznej. O ile bowiem zasady: łączności, heterogeniczności, „nie-znaczącego” zerwania rzeczywiście można postrzegać jako symptomy powieści-kłacza i szukać ich w tekście w celu rozstrzygnięcia o jego rizomorfizmie, o tyle zasady: wielości, kartografii i przekalkowania są raczej postulowanymi metodami interpretacji tekstu.

Weźmy np. zasadę wielości, która „nie ma podmiotu ani przedmiotu, lecz wyłącznie determinacje, wielkości, wymiary, które mogą wzrosnąć, nie zmieniając swej natury” (Deleuze/Guattari 2015, 26). Na książkę-kłącze w kontekście tej zasady należy patrzeć całościowo, nie zaś wybiórczo, ponieważ nie o mnogość różnego rodzaju jednostek chodzi, ale o wielość jako wartość samą w sobie, pomyślaną w całkowitym oderwaniu od kategorii pojedynczego elementu (i namnożenia elementów). W tym momencie myśl Deleuze’a i Guattariego staje się niespójna, ponieważ trzecia zasada powieści-kłacza została umiejscowiona w zupełnie innej (obcej) płaszczyźnie filozoficznej niż dwie pierwsze zasady. O ile bowiem cechy łączności i heterogeniczności występują w „Kłączy” jako kategorie znane filozofii europejskiej, o tyle zrozumienie zasady wielości postuluje całkowite odstępianie od tradycji myśli europejskiej. Polski badacz B. Banasiak w swoim artykule „Nomadologia Gillesa Deleuze’a” określa europejską myśl filozoficzną jako platońsko-arystotelesko-heglowską (por. Banasiak 2017, 7) i, charakteryzując ją, używa m.in. pojęć „stałych punktów”, „kierunków”, „siatki, organizującej przestrzeń” (por. Banasiak 2017, 7). Pojęcie „wielości” stosowane przez Deleuze’a i Guattariego nie zna kategorii stałych punktów i kierunków, granic i podziałów, jest więc pojęciem zupełnie nowym dla filozofii, podczas gdy łączność i heterogeniczność są w niej zakorzenione. Do analogicznych wniosków można dojść, porównując zasadę kartografii i przekalkowania z zasadą „nie-znaczącego” zerwania.

W rezultacie cechy rizomy można podzielić na dwie grupy, gdzie pierwsza grupa (zasada łączności i heterogeniczności, zasada „nie-znaczącego” zerwania)

zdaje się mocno zakorzeniona w tradycji kultury, druga zaś grupa (zasada wielości, zasada kartografii i przekalkowania) stara się ową tradycję obalić. Analiza tekstu literackiego w kontekście każdej z tych grup posługuje się zgoła innymi środkami i kategoriami opisu: w przypadku grupy pierwszej mamy do czynienia z analizą szczegółową, w przypadku grupy drugiej zmuszeni jesteśmy do analizy całościowej. To również stanowi o przeciwnych typach rozumowania: w pierwszej grupie mamy do czynienia z typem indukcyjnym (tam tezy są wtórne względem analizy), w drugiej zaś z rozumowaniem dedukcyjnym (przy czym analiza ta ma charakter wyrażnie postulatyczny, tezy są pierwotne względem analizy). A zatem w czasie lektury tekstu literackiego można z całą pewnością orzec, czy książka ma cechy rizomatyczne określone przez Deleuze'a i Guattariego jako łączność, heterogeniczność i „nie-znaczące” zerwanie, natomiast obecność zasad wielości, kartografii i przekalkowania zależy raczej od intencji interpretatora, który zechce (lub nie zechce) spojrzeć na tekst całościowo, zakładając w nim realizację projektu-kłacza.

Kwestia interpretatora, która właśnie się pojawiła, stwarza kolejny problem metodologiczny. Zgodnie z teorią Deleuze'a i Guattariego kłacze nigdzie się nie kończy i nigdzie nie zaczyna. Dotyczyć to będzie również powieści-kłacza, na którą składają się nie tylko wybrane dyskursy i odwołania pozaliterackie, lecz także otoczenie tej powieści. Co za tym idzie, czytelnik – jako środowisko, w którym książka się znajduje – zostaje wciągnięty w jej rizomatyczną strukturę, staje się jej częścią. Połączenie to można rozumieć dwojako: 1) dosłownie: zgodnie z myślą Deleuze'a i Guattariego człowiek i książka stanowią części kłacza w znaczeniu dosłownym, a więc stanowią części kłacza-totalnego (kłacza-rzeczywistości); 2) w połączeniu z myślą hermeneutyczną: odbiorca spaja się z powieścią-kłaczem poprzez lekturę tekstu; tym samym kształt powieści-kłacza zależny jest od odbiorców i ich interpretacji (interpretacje zaś tej powieści łączą się z interpretacjami innych tekstów kultury, z którymi odbiorca zapoznaje się uprzednio bądź synchronicznie).

Książka-kłacze nie ma zatem wewnętrznej organizacji, jej organizacja jest jedynie zewnętrzna. Za tę zewnętrzną organizację kłacza – w rozumieniu hermeneutycznym – odpowiadałby konkretny akt interpretacyjny. Jednakże w oryginalnej koncepcji Deleuze'a i Guattariego odbiorca jest niejako częścią kłacza. Czy zatem odbiorca jako część kłacza, a więc część wielości (pozbawiona swej podmiotowości), może w ogóle kłacze przemysleć?

Zdaje się jednak, że tak pojmowana kwestia odbiorcy w powieści-kłaczu stanowi raczej problem o charakterze bardziej filozoficznym niż metodologicznym, dlatego też w artykule została przedstawiona o tyle, o ile wskazuje na pewne luki w całym projekcie Deleuze'a i Guattariego. O odbiorcy w literaturze hipertekstualnej (a więc zjawisku pokrewnym, jeśli nie tożsamym, z powieścią-kłaczem) pisał m.in. J. Z. Lichański (2009, 62).

Wnioski, które wynikają z analizy koncepcji rizomy, przyniosą – w dalszej części artykułu – określone konsekwencje dla analizy tekstu literackiego metodą opartą na tejże koncepcji.

2. Cechy rizomatyczne na przykładzie powieści „Zdobycie twierdzy Izmail”

Przystępując do analizy tekstu literackiego według koncepcji rizomy, należy wstępnie założyć, że mamy do czynienia z tekstem rizomorficznym, co wynika ze wspomnianego już postulatywnego charakteru trzech spośród sześciu zasad powieści-kłacza. Wówczas analiza może oprzeć się tak na całym tekście, jak i na jego wycinku i jeśli w tymże wycinku napotkamy na cechy rizomatyczne, to możemy je odnieść do całego tekstu (Deleuze/Guattari 2015, 26). Analiza, która pozwala na podstawie fragmentu mówić o całości, słusznie przywodzi na myśl pojęcie hipertekstu. Amerykański teoretyk i praktyk literatury hipertekstualnej S. Moulthrop w swoim eseju „Rhizome and Resistance: Hypertext and the Dreams of a New Culture” traktuje dzieło Deleuze’a i Guattariego „Mille plateaux” nie tylko jako prototyp hipertekstu (a więc hipertekst w praktyce), lecz także jako dzieło, które ukształtowało w znaczącym stopniu współczesne myślenie o hipertekście (a więc wykładnia hipertekstu) (por. Moulthrop 1994, 300). A zatem myślenie o rizomie jak o hipertekście daje mi prawo do skupienia całej analizy wokół wybranego fragmentu powieści, będącego egzemplifikacją zjawisk charakterystycznych dla całego tekstu. Poniżej przytaczam zatem fragment „Zdobycia twierdzy Izmail”, który posłuży tu jako wspomniana egzemplifikacja (wybrany fragment składa się wyłącznie z różnorodnych cytatów – ich źródło podaję w przypisach):

Воздушно озеро сседаая бежит¹. Река – твое потомство². Древних сосн в тених. Солнце, скрывшись в Понт³. Ветр на ветвях уснул. Мне слезы были в снеть всю ночь и день⁴. С какой жестокостью меня сыны изгнали! Почто возобновлять прошедшие печали?⁵ Амуров нежный рой морщин не лобызает⁶. Урна времен часы изливает каплям подобно⁷. К себе червь кровоглавый ждет!⁸ И мои следы

¹ С. С. Бобров, „Полночь”.

² Д. Давыдов, „Река и зеркало”.

³ Г. Каменев, „Вечер 14 июня 1801 года”.

⁴ В. Капнист, „Возношение души к Богу. Псалом 41”.

⁵ В. А. Озеров, „Эдип в Афинах” (tutaj dodatkowo aluzja do Edypa i Antygony).

⁶ К. Н. Батюшков, „Мечта” („О, сладостна мечта, дщерь ночи молчаливой...”).

⁷ А. Н. Радищев, „Осьмнадцатое столетие”.

⁸ Н. М. Карамзин, „К добродетели”.

забудутся?⁹ Куда отсель, как я уже престану быть? Престану быть! Ужель?¹⁰ Где вы все? Где Флор? Где Арист? Филон мой где, незабвенный?¹¹ Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку?¹² Лъзя ль Минване пережить тебя? Нет! Иду, бегу, лечу к тебе, и, повергнувшись на грудь твою, я вздохну¹³. Прохожий, помолись над этою могилой. Он в ней нашел приют от всех земных тревог. Здесь все оставил он, что в нем греховно было, с надеждою, что жив его Спаситель Бог¹⁴. Захотелось солдату попадью уеть. Как быть? Нарядился во всю амуницию, взял ружье и пришел к попу на двор. Ну, батька, вышел такой указ – велено всех попов переть, подставляя свою сраку! Ах, служивый, нельзя ли меня ослободить? Вот еще выдумал! Чтоб мне за тебя досталось?¹⁵ Грех – пока ноги вверх, опустил – Господь простил. А смоленские девицы про...ли Бога с божницы¹⁶. Стали ужинать садиться – нету Бога помолиться¹⁷. ...уй по колено, а дров ни полена¹⁸. Купил бы вола, да жопа гола¹⁹. Титьки по пуду, п...да с решето²⁰. Ешь х... слаще, е... девок чаще²¹. Вы...бли немца во три коленца²². *Rusticus expectat dum defluat amnis; at ille labitur et labitur in omne volubilis aevum*²³.

Analizę przedstawionego fragmentu rozpocznę od dwóch pierwszych zasad, tj. łączności i heterogeniczności. Deleuze i Guattari opisują je symultanicznie, ponieważ zasady te występują w tekście zawsze jednocześnie, uzupełniają się wzajemnie i stanowią o tym, że tekst jest niejednorodny, składa się z różnych dyskursów, przy czym każdy z tych dyskursów może się łączyć z dowolnym innym (Deleuze/Guattari 2015, 25). Przytoczony fragment „Zdobycia twierdzy Izmail” składa się wyłącznie z różnorodnych cytatów, więc – za Tretnerem – będę go określać centonem. W każdym centonie realizację znajduje pierwsza zasada kłacza, która zakłada heterogeniczność dyskursu. Jednocześnie pojawia się również i druga – związana trwale z pierwszą – zasada łączności. Kolejność następowania po sobie cytatów w centonie Szyszkina wydaje się nieistotna. Linearność można tu raczej traktować jako pewną konieczność, która wynika z ograniczeń materiału (a więc tekstu drukowanego).

⁹ Н. И. Гнедич, „Последняя песнь Оссиана”.

¹⁰ С. С. Бобров, „Цахариас в чужой могиле”.

¹¹ А. Востоков, „Видение в майскую ночь”.

¹² В. А. Жуковский, „К Филалету. Послание”.

¹³ Ф. Ф. Иванов, „Плач минваны. Из Оссиана”.

¹⁴ В. А. Жуковский, „Сельское кладбище. Элегия”.

¹⁵ А. Н. Афанасьев, „Солдат и поп”.

¹⁶ Rosyjska pieśń ludowa.

¹⁷ Czastuszka.

¹⁸ Ludowe powiedzenie.

¹⁹ Ludowe powiedzenie.

²⁰ Ludowe powiedzenie.

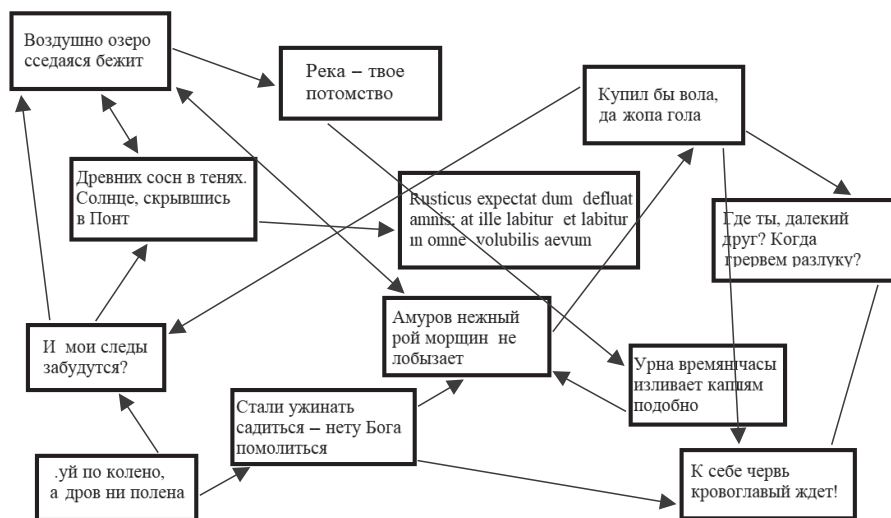
²¹ Ludowe powiedzenie.

²² Ludowe powiedzenie.

²³ Horace, „Epistle 1.2”.

Odbiorca może dowolnie zmieniać kolejność czy też usuwać poszczególne cytaty, ponieważ każdy z nich w równym stopniu łączy się z dowolnym innym.

Łączność jest bodaj najważniejszym dowodem na paralelność teorii rizomy i hipertekstu, ponieważ w obu tych teoriach akt percepcji w równym stopniu decyduje o kierunkach powiązań (w tekście). Rycina 1 przedstawia nałożenie wybranych cytatów z centonu Szyszkina na schemat hipertekstu (T. Nelsona).

Рyc. 1. На́ложение вы́бранных цытатов з центону Шысзкына на схемат хыпертексту (Т. Nelsona)

Źródło: opracowanie własne

Jak nietrudno zauważyć, schemat hipertekstu już w samym swym kształcie przypomina kłącze. Można go dowolnie rozszerzać (choćby o cytaty z analizowanego centonu Szyszkina, które nie zmieściły się na schemacie z powodu jego czytelności), zawężać, rozbudowywać przestrzennie poza dwuwymiarowe granice druku, a więc poza rzeczywistość tekstową. I tak też można postąpić ze „Zdobyciem twierdzy Izmail”, ponieważ już na podstawie niewielkiego centonu widać wyraźnie, jak splatają się i współistnieją ze sobą zupełnie różne dyskursy: literackie, folklorystyczne, epistolarne, różne style: podniosły, ludyczny, filozoficzny (czy też metapoetycki), różne języki: rosyjski, łaciński. Szyszkina cytuję bądź parafrazuje tutaj XIX-wieczną poezję rosyjską (m.in. S. S. Bobrow, D. Dawydow, G. Kamieniew, W. Kapnist), rosyjską pieśń ludową, ludowe powiedzenia, a nawet list Horacego do przyjaciela. Cytaty mogą być czytane jako przypadki odsyłające (por. Deleuze/Guattari 2015, 26) do innych tekstów literackich, wydarzeń historycznych, tradycji filozoficznych, poprzez które rizomatyczna struktura analizowanej powieści sięga jeszcze dalej i głębiej (niż tylko w płaszczyźnie tekstu).

Dowolny odbiorca mógłby odczytać centon Szyszkina – pomijając poszczególne cytaty – po prostu jako strumień świadomości, co uzasadniałoby irracjonalny porządek wypowiedzi i brak związków przyczynowo-skutkowych. I taka lektura również umożliwia odnalezienie w tekście cech rizomorficznych, przy czym strumień świadomości posłuży wówczas nie do uzasadnienia określonej organizacji narracji, ale raczej jako kolejny przypadek odsyłający, tutaj do XX-wiecznych tradycji literackich (np. „Ulissesa” J. Joyce’a).

W tym miejscu z tekstu wyłania się czwarta cecha kłacza, tj. zasada „nie-znaczącego” zerwania, która stanowi o tym, że rizoma może zostać przerwana w każdym miejscu, ale wciąż będzie w ruchu (rosnącym) i nawet gdy jej część będzie zniszczona, to odrodzi się (zrekonstruuje) w taki czy inny sposób (por. Deleuze /Guattari 2015, 28). Cechy kłacza bowiem znajdują się w tekście analizowanej powieści bez względu na to, czy odbiorca odnajdzie wszystkie aluzje literackie, ich część, czy też pójdzie zupełnie inną drogą lektury. Cytaty w powieści znaczą tyle, ile znaczą w akcie percepcji. Nie należy ich traktować jako odautorskich wskazówek interpretacyjnych, dowolny wątek może zostać pominięty (a więc przerwany) i kłacz wciąż będzie się odradzać w każdorazowym akcie lektury. O tym, że cytaty zawarte we współczesnym tekście literackim nie powinny być traktowane jako istotne wskazówki interpretacyjne dla odbiorcy, pisał również Nycz (1994, 29).

W powieści Szyszkina zasada „nie-zaczącego” zerwania występuje już na płaszczyźnie samego tekstu zarówno na poziomie „wątków” skupionych wokół bohaterów (które w przypadku powieści linearnej określane byłyby jako wątki fabularne), na płaszczyźnie pojedynczych zdarzeń, jak i na płaszczyźnie samego dyskursu czy nawet jednej myśli, co widać na przykładzie przytoczonego tutaj fragmentu powieści.

Na przestrzeni tego niewielkiego wycinka tekstu dochodzi do nieustannego burzenia porządku logicznego wypowiedzi i co najmniej trzykrotnego zerwania związku w płaszczyźnie dyskursu, który podlega kolejnym zmianom: od stylu poetyckiego do stylu potocznego (ludowej przyśpiewki), potem do popularnych ludowych powiedzeń, a następnie do dyskursu epistolarnego i oscyluje przy tym między XIX-wiecznym językiem rosyjskim literackim a językiem wulgarnym, by na końcu przejść do języka łacińskiego. Dodatkowo cięcia te nie mają wpływu na trwanie kłacza (por. Deleuze/Guattari 2015, 28): dyskurs pozostaje w ruchu, niezauważalnie przechodzi w inny bądź rekonstruuje się i wraca na poprzedni tor.

Dwie pierwsze oraz czwarta cecha rizomy ujawniają się już w niewielkich urywkach tekstu, podczas analizy wybranych fragmentów. Takie selektywne traktowanie powieści w kontekście zasady wielości byłoby teje zasady zaprzeczeniem, ponieważ zakładałoby możliwość dostrzeżenia rozgraniczeń pomiędzy poszczególnymi fragmentami, a te rozgraniczenia są przecie z założenia obce zasadzie wielości. Na przykładzie analizowanego fragmentu z powieści „Zdobycie twierdzy Izmail” można wyraźnie dostrzec wspomnianą już niespójność projektu Deleuze’a i Guattariego.

Poszukiwanie takich właściwości rizomy jak zasada łączności i heterogeniczności, zasada „nie-znaczącego” zerwania niejako wyklucza możliwość wystąpienia cechy wielości. Wydaje się, że wszystkie wyróżniki rizomy mogą współistnieć w jednym tekście tylko przy założeniu, że zasada wielości jest cechą nadrzędną wobec łączności i heterogeniczności (por. Deleuze/Guattari 2015, 26) i równa zasadzie kartografii i przekalkowania. Innymi słowy – reguły wielości, kartografii i przekalkowania byłyby normami globalnymi w stosunku do powieści-kłącza, normy heterogeniczności, łączności i „nie-znaczącego” zerwania byłyby cechami szczegółowymi (choć jednak nadal należałoby ustalić wspólny plan filozoficzny dla tych pojęć: łączność i heterogeniczność nadal są kategoriami, które znajdują punkty styczne z tradycją myśli europejskiej, natomiast zasady wielości, kartografii i przekalkowania zdają się nie mieścić w tejże tradycji). A zatem analizując utwór Szyszkina w kontekście tylko zasady wielości – jeśli zakładamy, że mamy do czynienia z utworem-kłączem – z całą pewnością możemy dostrzec w tekście charakterystyczne jej rysy. Przede wszystkim, zauważamy brak rozgraniczeń pomiędzy danymi częściami, co sprawia, że poszczególne fragmenty zatracają swoją jednostkowość, a tekst zyskuje tym samym wymiar ciągnącej się w nieskończoność linii (wielości) (por. Deleuze/Guattari 2015, 26), nie zaś pojedynczych elementów połączonych między sobą poprzez zaprzeczenia czy porównania (jak to zdaniem Banasiaka ma miejsce w tradycji myśli europejskiej, por. Banasiak 2017, 7). Podobnie rzecz się będzie miała z zasadami kartografii i przekalkowania – jeśli uprzednio założymy, że znajdują one swoje realizacje w tekście Szyszkina, to owszem, „Zdobycie twierdzy Izmail” stanie się w naszych oczach mapą, a nie odbitką świata (Deleuze/Guattari 2015, 27). W świetle tych refleksji okazuje się, że powieść Szyszkina można poddać analizie, która nie posiada postulatywnego charakteru, tylko pod kątem cech włączonych przeze mnie do grupy pierwszej, a więc: łączności, heterogeniczności i „nie-znaczącego” zerwania.

Reasumując, koncepcja Deleuze’a i Guattariego bez trudu znajduje swoje realizacje we współczesnych tekstach literackich, jednak nie są to realizacje całościowe. Projekt powieści-kłącza w ujęciu całościowym jest projektem utopijnym, który w pewnych swych aspektach zakłada całkowite oderwanie współczesnych tekstów literackich od tradycji europejskiej myśli filozoficznej. Pomimo jednak luk w projekcie Deleuze’a i Guattariego oraz problemów metodologicznych, które ten projekt stwarza, dążenie literatury do myśli nomadycznej jest niczym innym jak symptomem rozwoju tejże literatury. Koncepcja kłącza staje się wyrazem potrzeby zerwania ze współczesną myślą filozoficzną, która kroczy po niezmiennych szlakach, wytyczonych od dawna przez określone archetypy i dogmaty. Jako projekt utopijny kłącze musi napotykać na wewnętrzne ograniczenia, które wynikają chociażby z faktu osadzenia w języku, będącego od wieków narzędziem opisu dla filozofii, od której myśl Deleuzjańska pragnie ucieczki. Jednakże powieść-kłącze już jako samo dążenie i objaw filozoficznej ambicji uwolnienia się od osiadłych

koncepcji jest zjawiskiem, którego nie można pominąć na drodze rozwoju współczesnej kultury (por. Banasiak 2015, 17), a co za tym idzie – i literatury. I podobnie jak sama teoria rizomy Deleuze’a i Guattariego wymyka się z ram filozoficznego opisu – tak i powieść Szyszкина wymyka się z ram literaturoznawczego opisu i być może tę właśnie nieuchwytność należałoby uznać za najważniejszą cechę dyskursu nomadycznego i poetyki Szyszкина.

Bibliografia

- BANASIAK, B. (2017), Nomadologia Gillesa Deleuze’a. W: <http://magazynhybris.com> [dostęp 30.09.2017].
- DELEUZE, G./GUATTARI, F. (2015), Tysiąc Plateau. Warszawa.
- LICHAŃSKI, J. Z. (2009), Retoryka – hiperteksty – cyberprzestrzeń. Wyjaśnienie pewnych nieporozumień. W: Skotnicka, A./Świeży, J. (red.), Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Michaił Szyszkin. Kraków, 59–66.
- LIPOWIECKI, M. (2017), Центон Шишкина: империя, насилие, язык. W: Skotnicka, A./Świeży, J. (red.), Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Michaił Szyszkin. Kraków, 35–48.
- MOULTROP, S. (1994), Rhizome and Resistance: Hypertext and the Dreams of a New Culture. W: Landow, G. P. (Ed.), Hyper – Text – Theory. Baltimore, 299–322.
- NYCZ, R. (1996), Sylwy współczesne. Kraków.
- SKOTNICKA, A./ŚWIEŻY, J. (red.) (2017), Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej. Kraków.
- SZUBIN, R. (2017), Метафизика мирового человека в прозе Михаила Шишкина. Опыт герменевтического анализа. W: Skotnicka, A./Świeży, J. (red.), Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Michaił Szyszkin. Kraków, 89–102.
- TRETNER, A. (2017), О переводе. W: Skotnicka, A./Świeży, J. (red.), Wybitni pisarze współczesnej literatury rosyjskiej: Michaił Szyszkin. Kraków, 445–450.

АННА ФРОЛОВА

Воронежский государственный университет

РЕМЕЙК/РЕМИКС: ШЕКСПИРОВСКИЙ КОД В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БРАТЬЕВ ПРЕСНЯКОВЫХ¹

Remake/remix: Shakespeare's code in the Brothers Presnyakov's works

Ключевые слова: братья Пресняковы, новая драма, ремейк, ремикс, шекспировский код

KEYWORDS: Brothers Presnyakov, new drama, remake, remix, Shakespeare's code

ABSTRACT: Art researchers of modern literature are connected with the classical heritage. The remake becomes one of the forms of the code conversion of classics, which gives context and allows the creation of "an expressive sociocultural portrait of our time". The remix assumes a creation of the secondary work in a more modern option and often presents the "text pieces" rearranged in any order. In the modern literature process it is possible to note the paradoxical phenomenon when the same plot is portrayed by the same author twice. The Brothers Presnyakovs create works at an interval of five years with the identical name, "Playing the Victim", but in different genres (the play and the novel). Texts are connected by special relations: they have a distinct subject similarity, an identical system of images and are united with their correlation to Shakespeare's tragedy "Hamlet". In this article, there is an attempt to understand why the authors readdress the mastered material and how the meanings of the universal language of classics based on absolute values are transformed.

Ремейк вошел в художественную практику новой русской драмы, обозначив ее интерес к «игровому использованию классического наследия» (Черняк 2009, 124). Переписывая известный текст, драматург наполняет классический сюжет актуальным содержанием, ремейк становится способом авторского самовыражения. Классика же «оказывается 'всеобщим коммуникационным кодом' в литературе, универсальным языком, внятным людям разных эпох» (Загидуллина 2004), получает статус посредника для социальной и культурной рефлексии, призмой для анализа современности.

Феномен ремейка Черняк рассматривает через призму вытеснения литературы на «пространственную и культурную периферию» (Черняк 2009). Объяснение этому исследователь видит в изменении вкусов и ожиданий

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00476 А «Эстетическая новизна и литературность как проблемы теории и творческой практики XX века: авангардизм 1920–1930-х гг. и постмодернизм 1970–1980-х гг.».

читателя, ориентированного на получение удовольствия от чтения и, как правило, не обладающего читательской компетенцией, «необходимой для разгадывания интертекстуальных игр писателей» (Черняк 2009). Стремление быть понятным современнику, облегчить его читательскую задачу диктует авторам ремейков необходимость привлекать в качестве претекстов хорошо известные классические произведения, как правило, входящие в школьную программу. Наиболее продуктивными стали произведения В. Шекспира.

Общую ремейк-тенденцию поддерживают и Братья Пресняковы (Владимир и Олег) – самые известные и самые непубличные русские драматурги, авторы пьес «Терроризм», «Изображая жертву», «Половое покрытие», «Пленные духи», «Воскресение. Супер», «Паб», «Конёк-горбунок», «Приход тела» и пр. Они идут на сценах МХТ им. А. П. Чехова, в театре Центр Драматургии и Режиссуры, в театре им. К. С. Станиславского, а также европейских театрах; книги писателей переведены на 22 языка. Пьесы Братьев Пресняковых в конце 1990-х потрясли российский театральный мир и во многом предопределили его переустройство, с их подачи «новая» российская драма начала постепенно становиться мейнстримом.

«Изображая жертву», пожалуй, самый известный текст писателей, что отчасти объясняется его экранизацией и неоднократным обращением авторов к своему творению. В 2003 году была опубликована пьеса, через три года переработанная Пресняковыми в сценарий. По нему Кирилл Серебренников поставил спектакль и снял фильм (2006), ставший событием и собравший ряд кинематографических наград (Ника, Кинотавр, был закрытый показ в Каннах). В 2007 году увидел свет роман «Изображая жертву».

Пьеса – «парафраз главного произведения всей мировой драматургии» (Давыдова 2004), вольный ремейк шекспировского «Гамлета», предполагающий повторение легко узнаваемых сюжетных элементов претекста. Авторы деконструируют идейно-тематический уровень первоисточника, его жанр, конфликт, систему персонажей. Неизменным остается самое узнаваемое – семейная история главного героя. Ему является призрак отца, намекающий на свою странную смерть от отравления. Мать героя собирается замуж за брата умершего мужа, что не встречает одобрения со стороны сына. Есть у него и своя Офелия – Оля, статус отношений с которой не определен. Присутствуют и более частные отсылки к претексту (например, Гамлет притворяется сумасшедшим, а героя пьесы мать грозит сдать в «платный центр», поскольку ей надоел конфликт с сыном и она хочет устроить личную жизнь).

Особенностью своего почерка Братья Пресняковы считают «особую интригующую форму, увлекательное образное воплощение» (Пресняковы 2004), на оригинальность мысли они не претендуют. На первый план в этой связи выходит шекспировский текст как история об убийствах – это легко узнаваемый сюжетный поворот. Братья Пресняковы воплощают его весьма

оригинально: сюжет пьесы, да и романа, строится как цепь следственных экспериментов, в которых главный герой играет жертв преступлений, изображает трупы.

Переосмысление классического претекста проявляется, в первую очередь, в нарочитом снижении характера драматического действия. Оно максимально обытовлено. Убийства совершаются просто и буднично, а герои не дают оценок происходящему. Рутинность жизни, сила привычки не дают им возможность хотя бы усомниться в виновности обвиняемых. Так, в эпизоде падения женщины с высоты нет убедительных доказательств вины мужа, более того, захлопывающееся в финале сцены от сквозняка окно, скорее, подтверждает версию несчастного случая. Герои откровенно скучают во время следственных экспериментов, не гнушаются что-то взять с места преступления, они увлечены не установлением истины, а решением бытовых проблем (служебными романами, размышлениями, где взять денег). Ощущение миражности, даже бредовости существования усиливается от сцены к сцене, и финальные выкрики и призывы «плевать на всех» кажутся вполне обоснованными. Герои забыли все возможные бытийные смыслы, даже самые очевидные из них не работают. Они не стремятся к интересной работе, созданию семьи, любви, гражданскому служению.

Шекспировская история проигрывается и в эпизодах преступлений, но в травестированном ключе. Например, герой убил любовницу, потому что она стала жить с его старшим братом (эпизод в бассейне), на встрече одноклассников один «пульнул» в затылок бывшему соседу по парте и другу, поскольку тот унижал его. Обращает на себя внимание равнодушие преступников к совершенному: подробно рассказывая о произошедшем, они будто не понимают степени трагедии, ее для них просто нет. «Исчерпанность морали мира» очевидна, она проявляется в распаде связей между людьми, самоистреблении, вырождении, деградации общества.

Авторы примеряют на своего героя роль Гамлета. Однако если шекспировский герой страдал и мучился, то герой Пресняковых живет будто понарошку. Шекспировская фраза «Весь мир – театр, и люди в нем – актеры» задает сюжет пьесы. Играть жертву – это образ жизни героя: дома – жертва обмана (матери и дядя Пети, претендующего на роль отчима), на службе – жертва следственного эксперимента. Таким образом, создается эффект вторичной жизни, ее имитации. Герой разыгрывает мизансцены: воспроизводит обстоятельства убийства, имитирует конфликты между жертвами и преступниками, причем инсценировки неталантливые, весьма условные, даже абсурдные.

Гамлет никогда не был у Шекспира примитивным «мстителем», с его образом связаны мотивы мучительной раздвоенности, трагической неразрешимости и безысходности жизненной ситуации (мышеловка, капкан).

Это герой с внутренним надломом, носитель непростых отношений с окружающим миром, тонкой душевной организации, хрупкости той грани, что отделяет нормальность от безумия. Герой Пресняковых аморфен, трудно определим, что выражено уже в имени Валя, имеющем двойственную гендерную природу, подчеркнутую вариантом его произнесения. Ремарки указывают, что герой часто «дурачится», глумится над жертвами и незадачливыми преступниками, провоцирует окружающих, трудно понять, когда он говорит серьезно, а когда шутит.

Гамлет вступает в противоборство с судьбой, а герой братьев Пресняковых вовлечен в игру со смертью. Он так объясняет выбор рода занятий: «Я изображаю потерпевших во время следственных экспериментов... да... изображаю... прививаюсь, в лёгкой форме... чтобы самому избежать...» (Пресняковы 2005). Герой примеривается к самоубийству (душится, имитирует падение с высоты), в финале он травит мать, дядю Петю и невесту. Аморфность героя проявляется даже в этом единственном инициированном им самим поступке:

В принципе, я точно не знал, отравятся они или нет... а раз так всё получилось, я просто наблюдал, запоминал, чтобы потом изобразить... воспроизвести, потому что вам надо будет узнать, как всё было... Я так папу всегда расспрашивал, – как у них всё с мамой было, как они познакомились, как меня решили завести... всё это очень, очень напоминает какой-то один долгий следственный эксперимент... настоящее преступление – заводить, рожать человека, кидать его во всю эту жизнь, объяснять, что скоро ничего не будет... и никто никому не сможет помочь... Теперь у меня определённо нет никаких привязанностей, теперь я точно понял, что меня – нет, значит, и конца не будет, раз меня нет? (Пресняковы 2005).

Этот монолог героя отсылает к самому известному монологу Гамлета, в котором, в частности, говорится и о «неизвестности после смерти», заставляющей «мириться со знакомым злом», «ношей жизненной». Важную корректировку вносит реплика отца Вали, которого тот воспринимает как гуру:

Все что-то изображают, притворяются, – тяжело быть тем, кто ты есть, ответственности много, легче притвориться... изобразить... исчезнуть... но кто-то своё дело чётко знает, потому что ничто и никто не исчезает (Пресняковы 2005).

Для героя Пресняковых жизнь и смерть уравниваются в своей бесцельности и бессмысленности. Валя думает, что боится смерти, а на самом деле он испытывает страх перед фактом осознанного существования. Об этом в одном интервью сказал Владимир Пресняков: «В наших пьесах [...] достаточно жестко прописана мысль о том, что человек не может рассчитывать, будто кто-то другой устроит его жизнь, наполнит ее смыслом» (Пресняковы

2004). Гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» получает буквальную трактовку – жить или умереть. Герой не думает о том, как жить и ради чего умереть. Символом отгороженности героя от жизни становится бейсболка, которую он не снимает даже во сне. На ней изображены персонажи мультсериала «South Park», в котором в жесткой и циничной форме высмеиваются современная культура, религия, политика, кино, телевидение.

Несмотря на отсутствие четкого жанрового определения, критиками пьеса была воспринята как черная комедия о тридцатилетних, которые не могут найти себя в этой жизни и предпочитают не жить, а изображать жизнь. Герой пассивен, ждет кого-то способного прояснить смысл его существования, поэтому фигура отца мифологизируется им. Вале нечего предъявить миру, поэтому речь его прерывиста, бессвязна. Авторы передоверяют центральный монолог пьесы другому герою – капитану, не понимающему и не принимающему взглядов тридцатилетних, потерянных, боящихся не смерти, не конца всего, как утверждал Валя, а жизни настоящей и ответственности перед будущим. «Вы играетесь в жизнь, а те, кто к этому серьезно относится, те с ума сходят, страдают...» (Пресняковы 2005). По замечанию Черняк, ремейк позволяет создать «выразительный социокультурный портрет нашего времени» (Черняк 2009, 139).

Братья Пресняковы неоднократно заявляли о своем намерении создавать ремиксы собственных текстов. Они осмысляют эту ситуацию как «драматургически игровую», свидетельствующую о важной установке на нарушение читательских ожиданий: «А нам нравится, когда герой, о котором мы уже что-то знаем, оказывается в других обстоятельствах, и мы смотрим, как он теперь вывернется» (Пресняковы 2004). Состояние писательства Пресняковы связывают с понятием открытого и закрытого текста. Открытый – живой текст, «способный воспроизводить в себе какие-то новые ощущения, мысли и чувства» (Пресняковы 2004).

«Ремикс» – термин, в большей степени ориентированный на сферу музыкального искусства, оказывается родственным «ремейку». Он предполагает создание вторичного произведения в более современном варианте аранжировки и создается путем «перемешивания» нескольких частей исходной композиции, наложения на нее различных звуков, спецэффектов, изменения темпа, тональности и т.п. В литературе ремикс представляет собой «нарезанные куски» текста, переставленные в произвольном порядке для получения нового художественного произведения.

В случае с романом «Изображая жертву» ситуация осложняется наличием не только пьесы, но и фильма, который сохраняет основной авторский посыл, но содержательно не во всем совпадает с ней. Фабульно роман ближе к фильму, чем к пьесе. Так, в романе появляется еще один следственный

эксперимент (убийство в туалете), который нагнетает ощущение беспросветности и одновременно рутинности жизни. Хотя убийство совершено из ревности, речь не идет ни о каких высоких чувствах (Карасю не понравилось, что Маринка осталась ночевать у другого), метаниях, муках совести (герой озабочен только тем, чтобы замести следы).

В романе усилена мысль о бессмысленности жизни, утрате духовных координат. Так, бытовое и высокое в сознании персонажей не разделены. Люда вспоминает случаи, когда человек в состоянии аффекта делает невозможное: совершает подвиг («горящую машину из пожара вывозить»), и тут же рассказывает про полковника Филиппова, который пьяный на новоселье «весь вечер на гитаре играл... Фламенку такую, испанскую», а, протрезвев, говорит, что «сроду гитару в руки не брал» (Пресняковы 2007, 108). Для героини эти события одного ценностного ряда.

В романе эффект имитации настоящего отчетливее. Надо отметить, что поведение главного героя не уникально, все персонажи изображают, а не живут. Герои даже представлены как актеры, играющие роли: «Капитан милиции – высокий лысый мужчина в форме капитана милиции, сержант – худой кудрявый парень в помятой одежде с погонами сержанта» (Пресняковы 2007, 6). Кинематографические отсылки не случайны: взгляд капитана напомнил «молодого Терминатора из первой части великой голливудской саги» (Пресняковы 2007, 26), «капитан вдруг почувствовал себя молодым Оливером Стоуном» (Пресняковы 2007, 41). Герои ведут себя в соответствии с принятой ролью: «работница в тубетейке решила, что ей надо вести себя, как обычно, – изображать свои повседневные заботы по бару» (Пресняковы 2007, 19). Она смотрела документальные программы о преступлениях, «где актеры изображали следователей и преступников» (Пресняковы 2007, 19), Валя «стал изображать предсмертный хрип жертвы» (Пресняковы 2007, 84). Пространство тоже приобретает игровой характер и диктует героям правила поведения: в кафе «Узбекистан» «два замученных повара-тринадцатилетки из Молдавии», «официант-украинец», работница в тубетейке притворяются узбеками; в ресторане «Японская кухня» работает повар Вася, женщина-администратор в кимоно играет роль «пожилой японки с судьбой». У героев двойная жизнь, они хотят жить по-другому, воспринимают свое нынешнее положение как временное. Так, прапорщица Люда, снимающая следственные эксперименты на камеру, мечтает «попасть в ротацию Каннского фестиваля в разделе «авторское кино» (Пресняковы 2007, 16); сержант Сеня – поступить в университет, мама и Оля – выйти замуж. Вместе с тем мечты героев тоже оказываются фикцией: Сеня, разбогатев, уже не стремится в университет, признаваясь, что это был путь к материальному достатку; мать главного героя хочет выйти замуж, чтобы «не сойти с ума», Оля – потому что время пришло. Ей 33 года, и начинать новые отношения ей не хочется: «Надо ведь

будет изобразить какую-то заинтересованность в человеке, чтобы он на тебе женился...» (Пресняковы 2007, 72).

Роман переводит разговор в поле личной судьбы человека, его внутреннего мира. «Назидательные размышления о собственном герое – результат уже романного его осмысления, когда появляются акценты, в пьесе никак не обозначенные» (Плеханова 2017, 202). В аннотации к книге написано, что она «слепок души Вали». Действительно, авторами предпринята попытка прописать мотивацию поступков героя, выстроить логику его внутренней жизни. Состояние несчастья объясняется желанием героя быть значительным, заметным, он тяжело переживает «ощущение, что он кому-то неинтересен» (Пресняковы 2007, 212). «Валя [...] переживает экзистенциальную потерянность и эпистемологическую неуверенность» (Плеханова 2017, 203). Он дозированно читает книги, так как боится лишиться собственных оригинальных мыслей (у него две книжки: «Зависть» Олеси и распечатка с ксерокса «Чудес античности»). Но эта значимость должна дароваться априори, Валу не смущает, что ему нечего отдавать миру, он даже об этом не задумывается: «И зачем тогда жить, если какой-нибудь другой парень в бейсболке вытеснит меня из памяти всех, кто меня знал... нет, сваливать из этой жизни надо вместе со всеми» (Пресняковы 2007, 213). Авторы усилили мотив нелепости жизни главного героя, начиная с факта рождения (не должен был родиться). Подчеркивается, что уже в детстве он мог виртуозно притворяться, внушать к себе доверие. Авторы дают сведения о герое: учился в университете, правда, никто не знает, на каком факультете, любит смотреть телевизор, но не какие-то конкретные программы, а «мурашки». Его стандартное объяснение своим действиям: «ну так...». Тактика существования – «не задумываться и даже не проговаривать... не проговариваться, – просто делать, делать и не задумываться... если делать и не задумываться, то все получается» (Пресняковы 2007, 135). Герой так и не понимает, что «смерть живая не ужас, ужас – мертвая жизнь». Эта мысль, как и в пьесе и фильме, вводится в монолог отца главного героя: «Вот ты боишься... не того ты боишься, потому что... страшнее всего, страшнее всего, если это все не кончится никогда!» (Пресняковы 2007, 252).

Значимой в романе оказывается фигура автора. Он включен в текст напрямую: дает оценку героям («Дурочка, она не знала, что все это инсценировки», Пресняковы 2007, 19), обращается к читателям («Ну, представьте себе, – днями носить не своего размера бейсболку» (Пресняковы 2007, 33–34), дает пояснения (Дарт Вейден – «это такой персонаж из «Звездных войн» (Пресняковы 2007, 87)), организует повествование. Фигура автора профанируется, включается в поле интертекстуальной игры. В последней главке речь ведется от первого лица: сержант Сеня сообщает, что он, «взяв за эталон» «кое-какие книги», написал «нормальный роман». Мотивация у него вполне приземленная и современная – хороший гонорар. Однако такая фигура

автора не вызывает доверия: Сеня косноязычен и честно признается в том, что описывал забавные случаи на работе и брал кое-какие книги за эталон. Вполне логично предположить, что пьеса и фильм выступали в этой роли. В последней главе формулируется общий закон существования литературы и жизни: «взять что-то за основу и наполнить своим» (Пресняковы 2007, 255). Это предопределяет необязательность любого действия: жизнь «редко кто за себя проживает» и роман «прочитывается автоматически, так, чтобы было ощущение, что книжку прочитал до конца» (Пресняковы 2007, 255). Игра, имитация становятся единственно возможным способом существования в реальности и искусстве.

Таким образом, произведения Братьев Пресняковых – наглядное доказательство жизнеспособности ремейковой тенденции: четыре культурных явления носят одно название – «Изображая жертву». Вместе с тем, соединяя классический и современный код, писатели в пьесе и романе реализуют разные стратегии. В пьесе создан трагикомический эффект и выражена авторская ирония по поводу «поведения человека, имитирующего существование, и состояния цивилизации, подменяющей смыслы видимостью жизнедеятельности» (Плеханова 2017, 200). В романе объектом авторской рефлексии становится процесс текстопорождения. Профанная фигура автора придает ремиксу характер абсолютной вторичности, характеризуя не только деструктивную реальность, но и игровой характер современного литературного процесса.

Библиография

- Братья Пресняковы (2004), Живое – это всегда иное. В: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2004/07/12/21629-bratya-presnyakovy-zhivoe-eto-vsegda-inoe> [доступ 14.06.2017].
- Братья Пресняковы (2005), Изображая жертву. В: http://modernlib.ru/books/presnyakov_vladimir/izobrazhayaya_zhertvu_pesa/read [доступ 14.06.2017].
- Братья Пресняковы (2007), Изображая жертву. Москва.
- Давыдова, М. (2004), Изображая Гамлета. В: Известия, 20.09.
- Загидуллина, М. В. (2004), Ремейки, или экспансия классики. В: magazines.russ.ru/nlo/2004/69/za13.html [доступ 1.06.2017].
- Плеханова, И. И. (2017), Новая драма: имена и тенденции. Иркутск.
- Черняк, М. А. (2009), Классика в кривом зеркале массовой литературы. К вопросу о тенденциях российской словесности XXI века. В: *Studi Slavistici*. VI, 123–140.
- Черняк, М. А. (2009), Отечественная массовая литература как альтернативный учебник. В: [rba.ru content/activities/section...publ/2009/7.pdf](http://rba.ru/content/activities/section...publ/2009/7.pdf) [доступ 7.06.2017].

RECENZJE

ALEKSANDER KIKLEWICZ

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Милосав Ж. Чаркић, *Појмовник риме (са примерима из српске поезије)*.
2. Београд: Стил, 2018; 320 сс.

Рецензируемая монография представляет собой переработанное и дополненное издание глоссария рифмы, изданного в Белграде в 2001 году. Автор, профессор Милосав Чаркич – выдающийся сербский ученый, специалист в области сербского языка и литературы. В научном мире он известен как автор более десятка монографий в области стилистики (особенно стилистики художественной речи) и теории рифмы. Некоторые его монографии, как, например, *On Poetic Language* или *Models of Rhyme* были изданы в авторитетных западных издательствах.

Глоссарий состоит из более 300 статей, описывающих понятия рифмоведения, в первую очередь это касается типологии рифм. Каждая статья делится на две основные части: дефиницию понятия и иллюстративный материал, включая его анализ. В качестве примера я привожу одну из статей (с. 216).

СУФИКСАЛНА РИМА – *Суфиксална рима* представља облик морфолошке риме, који настаје римовањем једног од више творбених елемената (флексивна морфема, суфикс, корен, префикс). Ова рима почесто не почиње на акцентованој фонеми, него иза ње, што доводи у питање класичну дефиницију риме, по којој она обавезно започиње на акцентованом вокалу. Суфиксална рима се у чистом облику (када је гласовни састав суфикса једнак римованом сагласју) веома ретко налази у поетским контекстима српске поезије. Ова рима се среће у строфи, па и песми, у појединачним случајевима, где делује у комбинацији са другим морфолошким облицима риме.

- (1) Жубор вода шљунком тече,
Хуји **шумица**, (-ица)
А на небу звезда трепти,
Звезда **Даница** (-ица)
(БЛП, 46).
- (2) Покидани, растуруни сви листови из **живота**. (-ота)
Бесно их је разбацао по прошлости ветар **мука**;
Још ја стојим, кржљав израз свих болова и **страхота**. (-ота)
Живи сведок живих страсти, неуспеха и **јаука**
(ВПП, 36).

При необходимости автор дает комментарии и отсылки к существующей научной литературе (на сс. 285–312 приведена обширная библиография на нескольких языках).

Во введении автор указывает на то, что в научной литературе существует огромное разнообразие подходов к изучению рифмы. В то же время общепринятым является мнение, что рифма представляет собой структурный, конструктивный, а также композиционный элемент стиха, относящийся к его финальной части, хотя такую трактовку Чаркич считает слишком узкой.

Одна из задач, которую решает автор в своем словаре, заключается в упорядочении терминологии. Отмечая, что в рифмоведении, с одной стороны, существуют альтернативные термины для одного и того понятия, а с другой стороны, отсутствует терминологическая делимитация других важных понятий, автор стремится к упорядочению и унификации терминологической системы. Многие известные дефиниции пересматриваются и редактируются, особенно в тех случаях, когда в широком употреблении они известны в неточных, размытых, фигуративных формулировках. При автор Чаркич опирается на теорию литературы, в частности, собственные теоретические разработки (особенно ценной в этом отношении представляется изданная в 2017 году в Германии книга *Models of Rhyme*).

После опубликования в 2001 году первой версии словаря автор активно проводил исследования, которые получили отражение в публикациях. Тем самым появилась новая информация о фонологических, морфологических и лексико-семантических аспектах рифмоведения и теории стиха в целом, что побудило автора к изданию переработанного варианта книги. Во втором издании книги, по сравнению с первым, появились некоторые новые статьи, тогда как другие статьи получили новую редакцию. Например, это касается пересмотра таких терминов, как *мужская*, *женская*, *дактилическая*, *гипердактилическая рифма*, дефиниция которых была уточнена. Реинтерпретации, по мнению автора, требовала концепция квантитативной рифмы в целом.

По-новому определены также термины, относящиеся к качественному аспекту рифмы (*точные – неточные, богатые – бедные, чистые – грязные, уместные – неуместные, банальные рифмы* и др.). В качестве альтернативы Чаркич предлагает свою, лишенную произвольности систему терминов, например: *изоморфная*, *метатезная*, *эпентетическая*, *метатезно-эпентетическая рифма* и др.

Важным аспектом описания рифмы является ее распределение. В теории литературы доминирует подход, в соответствии с которым рифма рассматривается с точки зрения организации четверостишия. Чаркис, однако, считает, что следует расширить этот формат и учитывать функционирование рифм в структуре стихотворения. В связи с этим он предлагает понятие дистрибутивной модели рифмы, выделяя три типа таких моделей: вертикальные,

горизонтальные и горизонтально-вертикальные. В свою очередь каждая модель реализуется в разных формах, что показано на примерах сербской поэзии.

Общая тенденция, которая просматривается во всем материале, состоит в том, что автор словаря стремится к последовательному применению аналитического способа экспликации значений, избегая фигуративных, особенно метафорических и, по существу, неточных определений. Примером этого может послужить понятие сербск. *римвано гнездо* (ср. англ. *nesting rhymes*), которое подразумевает существование определенной сферы фокусирования рифмы и сферы рассеивания. Исследователи преимущественно обращают внимание на первый аспект. Чаркич предлагает амбивалентное решение проблемы, а именно – понятие сербск. *римвано согласје*, которое охватывает явления обоих разрядов.

У рецензируемой монографии есть несколько достоинств: точность дефиниций, консеквентность и логическая субординация всей системы терминов, репрезентативность и полнота представления концептов, репрезентативная экземплификация. Всё это дает основание характеризовать *Глоссарий рифмы* как выдающееся достижение сербской славистики. Книга будет полезна не только сербистам и не только специалистам в области рифмоведения, и но лингвистам, специалистам по стилистике, прагмалингвистике, лингвистике текста, дискурсологии и др. *Глоссарий* ценен не только тем, что каждый читающий получит конкретную информацию о тех или иных понятиях теории литературы, но и возможностью погружения в новый контекст филологической мысли, синтезирующей структурные, генеративные и функциональные аспекты художественного текста.

SERGIEJ GRINEV-GRINIEWICZ
Uniwersytet w Białymstoku

**Виктория Ляшук, *Теория славянских языков в диахронии и синхронии*.
Banska Bystrica: Belianum, 2017; 130 сс.**

Одним из наиболее популярных и перспективных направлений лингвистических исследований в последнее время стало изучение языков в синхронии с точки зрения типологии и в диахронии, что позволяет выявить тенденции их развития. Это особенно интересно для родственных языков в современных условиях глобализации, когда действуют противоположные тенденции к исчезновению малых языков и попытки их сохранения, а иногда и возрождения. Одной из наиболее интересных в этом отношении групп является группа славянских языков, в которой более половины принадлежит к языкам, которыми говорит менее 10 млн людей. Вместе с тем существует Международный комитет славистов, в задачи которого входит изучение функционирования и опыта нормирования литературных славянских языков. Рассмотрению всех этих вопросов посвящена недавно изданная научная монография словацкого языковеда Виктории Ляшук.

Заявленной целью издания «является комплексный анализ в синхронном и диахронном преломлении проблем и аспектов, касающихся теории славянских литературных языков» (Введение, с. 8). В соответствии с ней композиционно монография поделена на Введение, 8 глав и Заключение. В разделах монографии рассматриваются различные аспекты понятия литературного языка – его основные признаки, объем и содержание, параметры синхронии и диахронии применительно к нему, история и теория литературного языка, место в нем терминологии, его реализация в художественной литературе, проблемы культуры речи и, наконец, вопросы типологии славянских языков.

В первой главе «Литературный язык в параметрах диахронии и синхронии» рассматриваются различные подходы к пониманию диахронии и синхронии и соотносимым с ними смежным понятиям истории и структуры, развития и функционирования, эволюции и организации, существующие в восточно- и западнославянских языках.

Следующая глава «Литературный язык и его основные признаки» содержит анализ существующих определений понятия «литературный язык» в восточно- и западнославянских языках (русском, украинском, белорусском, чешском, словацком и польском). Такой анализ основан на выделении и учете признаков понятия, закрепленных в его определениях. В качестве таких

признаков, по мнению автора, могут быть использованы отличия литературного языка от всех других форм национального языка, включая сферы его использования, особенности его нормирования, возможности стилистической дифференциации, существование как в устной, так и в письменной форме. При этом признаки литературного языка в каждой из национальных лингвистик разрабатываются на основе не только общих теоретических представлений, но и конкретных социокультурных особенностей определенного славянского языка.

В следующей главе «Теория литературного языка: к объему и содержанию понятия» в качестве исходного пункта используется вопрос о функциях языка, разработка которого началась в рамках Пражской лингвистической школы, с переходом к изучению исторических изменений и закономерностей в развитии славянских языков и особенностей их функционирования в настоящее время. Отсюда делается вполне логичный переход к более подробному рассмотрению проблемы исторического развития славянских языков в очередной главе «История и теория литературного языка – соотношение и связь понятий». При этом выявляются особенности формирования славянских литературных языков.

Глава 5 «Терминологическая система теории славянских литературных языков» связана с отражением основных понятий языка в лингвистической терминологии. В центре внимания автора проблема создания и обновления общеславянского лингвистического словаря. В этом разделе рассматривается история составления «Словаря славянской лингвистической терминологии» и его проблемы (соотношение национальных и интернациональных терминов, эквивалентность национальных терминов) с большим числом примеров.

Литературный язык в значительной мере отражает культурный уровень его носителей, что в чешской и словацкой лингвистике выражается в устойчивом словосочетании «литературный язык и языковая культура» и в соответствующим понятии. В восточнославянских языках используется термин «культура речи». Поэтому для следующего раздела посвященного этому аспекту рассмотрения литературного языка выбрано наименование «Культура языка и речи». В рамках такого рассмотрения выделяются и анализируются такие компоненты культуры речи, как литературная норма и речевой этикет, а также тенденции пуризма, с одной стороны, и антинормализаторства – с другой, которые представляют собой крайности в нормировании литературного языка.

Глава 7 монографии «Типология славянских литературных языков» посвящена рассмотрению типологических признаков восточно- и западнославянских языков, к которым автор относит (1) письменную традицию в языковом развитии, (2) особенности орфографической системы, (3) особенности диалектной базы, (4) возраст и степень традиционности, (5) прерванность

литературно-письменной традиции, (6) разговорную сферу, (6) социолингвистические особенности и (7) язык фольклора.

В последней главе «Литературный язык и художественная литература» анализируется влияние ранней художественной литературы на формирование славянских языков.

В целом монография представляет собой обзор сложившихся в лингвистике восточно- и западнославянских языков взглядов на теорию литературного языка и смежных с этим категорий и понятий. Автор собрала и проанализировала более двухсот основополагающих публикаций по избранной теме с тем, чтобы представить взгляды ведущих языковедов разных стран по затронутым проблемам. Поэтому несомненным достоинством монографии Виктории Ляшко является то, что ее можно использовать как справочник существующих положений и точек зрения по различным аспектам теории литературного языка в национальных лингвистиках восточно- и западнославянских языков.

